

ЭДИТА Вып. 5

ЭДИТА

перезагрузка

выпуск 5

СОВМЕСТНО
С МЕЖДУНАРОДНЫМ
ЛИТЕРАТУРНЫМ КЛУБОМ
ASTRA NOVA

ЭДИТА перезагрузка

№5

Литературный альманах
www.editagelsen2023.com

Совместно
с международным литературным клубом
AstraNova

2024

Серия альманахов "ЭДИТА.перезагрузка"
запущена в 2024 году как преемник закрывшихся
журнала "EDITA" и альманаха "Без цензуры" (Unzensiert)

Тексты как правило публикуются в авторской редакции

Литературная редакция:

Сергей Булыга, Евгения Халь, Сергей Катухов, Мария Шурыгина
Редактор по связям с общественностью — Кирилл Берендеев

Графика обложки — pexels-eberhard-grossgasteiger-2224748

Издатель и главный редактор — Александр Барсуков

Copyright © 2024 bei Autoren
Alle Rechte in dieser Ausgabe vorbehalten

ISBN 978-3-910935-50-1

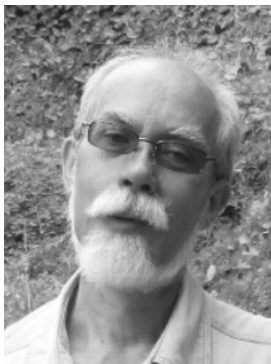
Gesamtherstellung Edita Gelsen e.V.
logobo2023@gmail.com

Printed in Germany

РАССКАЗ

Андрей Мансуров

Ташкент

ПРОБЛЕМА,
ПЕРЕЛОЖЕННАЯ НА ЧУЖУЮ ГОЛОВУ

— Как робот с Первым законом я не могу допустить, чтоб вы пострадали. Потому что риск слишком велик. И не оправдан.

— Ну, здарсьте вам, приехали! На планете нет ни единой живой — тьфу ты, разумной! — души, а она не даёт нам спуститься!

Джо оптимистично-ироничного тона напарника не одобрял. Но Мать — есть Мать. Компьютер, который спасал их непоседливые задницы и вечно ищущие приключений и денег души, сотни, если не тысячи раз. И если Мать говорит, что есть опасность и риск, значит те и правда — есть. И проще просто — спросить конкретно. Что он и сделал:

— Мать. Можешь сказать, в чём конкретно заключается опасность? И можно ли её избежать... Или предотвратить?

— Могу. В настоящий момент я вижу тысячу восемьсот одиннадцать наземных, девятьсот сорок восемь подземных, и сто четыре под— и надводных единиц высокоинтеллектуальной автоматической боевой техники, только и ждущих момента, чтоб начать палить ракетами, лазерами, и из пушек и пулемётов во всё подозрительное, нарушившее бы охраняемое пространство, и не отвечающее на сигналы «свой-чужой».

— Фи! «Боевая техника». Ещё и «высокоинтеллектуальная»! Судя по виду, — на центральном мониторе над главным пультом как раз показалась одна из наземных «оборонительных» пушек, — не круче, чем на уровне двадцать первого века! А на что нам тогда твои сверхсовременные противоракетные ракеты и противометеоритные лазерные пушки? Ты что — не сможешь подавить все эти точки, или сбить и нейтрализовать всё то безобразие, которым нас тут собираются «радушно встретить»?! А сбивать всё это д...рьмо мы можем смело, потому что по твоим же словам здесь не осталось ни единого человека! То есть — мы никаких наших законодательств и Уставов не нарушим!

— наших — не нарушим. Потому что действительно: хоть заросшие зеленью полуразрушенные города и запустевшие заброшенные поля

внизу имеются, на планете «не производится хозяйственная деятельность», как в случае с Эгоистичным гадом* (*См. рассказ «Эгоистичный гад» в книге «Изнанка Ада!..») и нет живых разумных. Однако автоматические оборонительные системы и не нуждаются в присутствии хозяев-людей. И так и запрограммированы, чтоб не позволять не только «своим чужим», но и «чужим чужим», в смысле даже прилетевшим из других солнечных систем, то есть — потенциальным врагам, опускаться на подотчётную поверхность. Так сказать — почти как наши, вот именно, противометеоритные, пушки. Сбивающие всё, что по их личному мнению «плохо летит»!

— Да и ...рен с ними, как они там, внизу, запрограммированы! Ну, постреляют они в наш челнок, ну ответишь ты им с орбиты — так, чтоб уж расплавились в лужицы раскалённого металла... Но до поверхности-то мы должны добраться!

Джо решил охладить хищнические и кровожадные планы Пола:

— А за каким бы, вот именно, ...реном нам нужно — на эту самую поверхность?

— Ну, как!.. — Пол подрастерялся, — Мы же всегда, как находим подходящую для жизни людей кислородную планету с нетронутой... Ну, или даже «тронутой» экологией — всегда садимся! Особенно — если видим остатки цивилизации! Тайн пораскрывать. Артефактов поискать... В плане — чтоб потом продать. В морях-реках поплавать... Да и оно всегда приятно — побродить по чужой природе, выбравшись из тесного и вонючего брюха нашей «Каракатицы»!

— Ты нашу посудину не трогай. Никакая она не тесная и не вонючая. Мать регулярно всё чистит-драит, и воздух озонирует. И если наш главный Босс говорит, что оборонительных систем слишком много даже для её восьмьсот тридцати двух ядерного процессора — значит, так и есть. И незачем лишать нас кучи дорогих противоракет, а планету — оборонительных систем только для того, чтоб ты мог свою тощую, но отсиженную в кресле задницу подставить под новые укусы.

Пол невольно погладил ягодицу, за которую его недавно действительно цапнули на «невинной» с виду планете, во вполне тёплой крохотной речке. Потом вздохнул:

— Нет, я, конечно, не против того, чтоб там, внизу, всё оставалось, так сказать, в «статус кво». Но как мы наберём артефактов? Которые в городах наверняка ещё не все рассыпались в труху. Где порезвимся «на природе»? И — главное! — какие загадки и тайны местной истории разгадаем? В частности — какого фига тут полным-полно крокодилов-лягушек-ящериц-комариков-стрекозок и тэ пэ зверушек и букашек, и

совершенно нет «венца творенья»? Чего такого «оригинального», и для себя смертельного, упороло местное человечество на этот раз?

— Ну, на это и я могу ответить. — Джо хмыкнул, — Причём с достаточно высокой долей вероятности. Вывели они тут некое «генное» оружие. Вирус, или ещё что-то, избирательно действующее только на Гомо сапиенс. Ну, заодно, как оказалось, и на всё «млекопитающее». Если вспомнишь — мы уже встречались. И неоднократно.

— Ну, было дело... Однако те балбесы обычно не успевали установить по всей поверхности своей планеты роботизированных автоматических систем ПВО, пушек и ракет. Поскольку в последний момент не об этом думали! А тут — вон оно как. Поэтому.

Не без оснований я думаю, что неспроста они это сделали. Есть, стало быть, тут некий... Секрет! Который нужно защитить от носов любопытных посторонних во что бы то ни стало!

Джо пошкрёб затылок под коротким ёршиком стриженных по-армейски волос.

Хм-м... А ведь есть некая сермяжная правда в выводах такого обычного поверхностного и романтически настроенного компаньона! Потому что человечество, когда знает, что вымирает, уж в последнюю очередь думает о том, что его планету могут... Захватить! Или — «изучить».

Но...

Есть и другая мысль:

— Мать. Я высказал своё предположение о вирусе. Подтверждает ли это зонд?

— Нет. В пробах, отобранных зондом, я не нашла никаких патогенных — ну, специализированных и предназначенных для тех целей, о которых ты сказал! — микроорганизмов. Словом — никакого «генного» оружия тут не применялось.

И местные люди если и погибли, то не от этого. Да я и вообще не уверена, что они погибли.

— Что?!

— Как?!

— Пооригинальней вопросы можете придумать? Нет? Ну тогда отвечаю. Вот тут, — Мать вывела на экран крупно картинку со второго зонда, висевшего на геостационарной орбите в двухстах милях от поверхности, в результате чего возникло изображение могучего горного массива с зияющим чернотой зевом огромной пещеры в одном из склонов, — в здоровенном подземном комплексе, имеется, судя по данным гамма-сканирования, некий... Объект, назовём его так. Исполняющий роль Звёздных Врат.

Похоже, через него всё местное человечество и отчалило. В неизвестном направлении.

— Что?! Массовая глобальная миграция?! Чушь какая-то!

— Мать. Мы с тобой путешествуем почти сорок лет. Видели две тысячи девятьсот... Сколько?

— Семьдесят восемь.

— Вот-вот, две тысячи девятьсот семьдесят восемь планет, населённых, или когда-то населённых. Со средствами нуль-транспортировки пару раз встречались. Но! Ни разу — заметь! — не встречались с тем, что ты озвучила сейчас. «Звёздные врата», будь они неладны! Для «массового» исхода! Библейский сюжет!

— Нет-нет, погоди-ка! — Пола явно «осенило», — В каком-то старинном фантастическом романе каких-то русских, про как раз такое событие было рассказано!* («Жук в муравейнике», А. и Б. Стругацкие)

— Ты мне художественный вымысел с суровой и прагматичной реальностью не путай! Не найдётся таких — вернее, до сих пор не находилось! — самых тупых-раступых и наивных рас, которые позволили бы себя просто так увести с родной, вполне комфортной и незагаженной, и не обобранной в плане природных ресурсов, планеты! А местный технологический уровень по данным Матери был не настолько «продвинут», чтоб сделать такие Врата самим! Он едва достигал земного в двадцать первом веке. Да и нереально это — «подстричь» всех под одну гребёнку. Всё равно какие-то недовольные, или несогласные лезть туда — остались бы! Спрятавшись. И их непогребённые трупы Мать обнаружила бы!

— А, может, их силой вынудили? Какие-то злобные пришельцы, точившие зубы на эту планету? И они сопротивлялись, но были побеждены? Мать?

— Нет. Никаких массовых захоронений, «непогребённых» трупов, и следов глобально-масштабных наземных военных действий нет.

— Тогда, может, их... выкурили? Какими-нибудь смертоносными газами?

— Никаких следов боевых отравляющих веществ я не нашла.

— За каким же чёртом тут тогда понаставлено всего этого оружия?!

— У меня есть мысль. Новая. — Джо прочистил горло, — Что, если некие «сверх-гуманные» и «добрые» инопланетяне предложили местному человечеству эмигрировать куда-то, в «лучшее» место, — временно? Типа — как пересадочная станция? Или... Санаторий? Словом, их бы там централизованно и массово обхаживали, лечили, может, какими-нибудь опциями, типа, к примеру, повышенного долголетия, и же-

лезного здоровья, оснастили? «Улучшили» бы, проще говоря? Ну, разумеется, не «бесплатно». А за какие-либо услуги. Или товары.

А чтоб их планетку никто за это время не захватил, они и озаботились понаставить всех этих оборонительных систем!

— Хм-м... — Пол закинул, как обычно, ноги в сомнительной свежести носках на штурманский пульт, — А что-то есть в твоей версии... правдоподобное. И оно, действительно, могло бы объяснить те странности и нестыковки, которые мы здесь наблюдаем! Поскольку никаких, вот именно, пришельцев, не имеется! То есть — планета ненаселена, и готова к ре-заселению... Теми, кто тут и обитал.

Мать! Возможен тот вариант, что предложил Джо?

— Вполне. За него двадцать семь с половиной процента вероятности.

— За что же тогда остальные семьдесят три?

— Шестьдесят восемь — за то, что всё же имелось тут нечто такое... Смертоносное. Чего я сейчас обнаружить не могу — поскольку оно уже нейтрализовано. Или удалено. Или дезинфицировано. Теми, кто предоставил местным людям Врата и место для эвакуации и временного проживания. И что оказалось смертельно опасно для этого самого местного человечества. И с чем оно не знало, как справиться.

Вот оно и вызвало на подмогу «высших» существ, а те решили эвакуировать всех выживших, и лечить их там, где-то далеко. А на планете провести... Глобальную санацию. Очистку. Дезинфекцию. Ну, люди же так делают, когда травят, скажем, тараканов или термитов? Все покидают дом, или квартиру, а в дело вступают службы, борющиеся с насекомыми! С кучей эффективных, но вредных для людей инсектицидов.

Ну а ещё пять с половиной процентов — за разные непредвиденные, и пока не окончательно вычисленные мной варианты.

— Интересно. Идея насчёт очистки планеты от того, что здесь наверняка «сами не ведая, что творят», понаразработали разные яйцеголовые вредители на службе ВПК мне кажется... разумной. Биологическое?

— Вероятней всего. Но! Не генное и не вирусно-бактериальное. И не из отравляющих боевых газов и веществ. От средств борьбы с такой напастью обязательно остались бы следы. Которые я нашла бы в пробах, отобранных зондами.

Нет, тут штука похитрей. Потому что пробы от земных обычных отличаются лишь повышенным содержанием соединений висмута и ниобия. То есть — что-то чисто химическое. И действует оно на живых существ вполне конкретного, специфического, типа.

— Ну-ка, ну-ка, с этого момента поподробней!

— Исследование всеми тремя нашими зондами показали кое-что странное. Тут имеется почти стандартный набор диких животных. (За небольшим исключением — скажу позже — каким!)

И совершенно нет привычных нам — домашних.

То есть — кошек и собак.

— Ха! Позволю тогда себе предположить, что исключение, о котором ты говорила, включает разных там тигров, леопардов, львов, волков, медведей, и прочих «родственников» кошачьих и собачьих! — Джо уже начал догадываться, в чём дело, — Да, похоже, нет и привычных нам овец-коров-кур, и прочих теплокровных.

— Совершенно верно. Теплокровных вообще, и так называемых млекопитающих в частности, тут нет. Похоже, ты догадался, что случилось.

— Эй, эй, ну-ка тормозите! Вы не даёте мне тряхнуть своими дедуктивными и аналитическими способностями! Я тоже хочу сам понять, в чём тут дело! — Пол хмурился, и сжатые кулаки сказали Джо, что парник расстроен собственной недогадливостью, — То есть, для местного человечества стали смертельно опасны в первую очередь — домашние животные. (Раз их нет!). Следовательно, это вызвано не их каким-то поведением или агрессивностью по отношению к хозяевам. А явно какой-то гадостью, разносчиками которой они (Да и их дикие сородичи заодно!) стали. Сейчас вспомню, как эта дрянь называется... О! Есть! Токсоплазма!

— Токсоплазма, переносчиками которой на Земле являлись кошачьи, действительно опасна для человека. И может при определённых условиях приводить к смерти. Однако — не всех носителей, и не всегда. Мирились же с ней до двадцать второго века и на Земле! Нет. Тут штука ещё похитрее. — Мать выдержала «драматическую» паузу.

— Договаривай давай, Мать. — Джо губ не кусал — отучился от этой вредной привычки! — но затылок приглаживал. Понял он всё.

Висмут и ниобий! В виде специфических соединений...

— Джо правильно понял ситуацию. Да и ты, Пол. В основных предпосылках. Собаки и кошки в первую очередь стали смертельно опасны для человека. Как потенциально опасны позже стали и все млекопитающие и теплокровные.

Гельминты! (А выражаясь простым языком — глисты!)

И вот эти-то, какие-то совершенно уникальные и смертоносные паразиты теплокровных в целом, и млекопитающих в частности, имея промежуточным хозяином кошачьих и собачьих, а затем — и других со-

братьев по «млекопитанию» и теплокровности, и представляли смертельную опасность! От которой, похоже, у людей средств борьбы не нашлось. Ну, точнее, таких, чтоб убивая паразитов, не убивали и самого носителя.

Вот и пришлось вызывать «высших» собратьев по разуму, чтоб те где-то в отдалённом подготовленном месте установили свои карантинные камеры, где обработали бы всех местных людей своими, супер-продвинутыми, средствами, и действительно — где-то там и временно их разместили, во избежание повторного заражения.

А на планете провели глобальную санацию-дезинфекцию, применив смертельные для гельминтов и их носителей (реальных и потенциальных!) вещества. Кошачьи и собачьи вымерли. Как, впрочем, и практически все млекопитающие и теплокровные.

А теперь нужно выждать некоторое время, пока не помрут в почве и воде цисты, личинки, и яйца этих самых гельминтов, оставшиеся без носителей.

— Жуть! Какое страшное оружие. И — главное! — как подло оно спроектировано! Ведь кошечки и собачки человеку всегда...

— Нравились. — докончил Джо фразу замолкшего напарника, — Всё верно. Без домашних «любимцев» многие, особенно дети, буквально жить не могут. Да и мышей они ловили. И на охоту ходить помогали. И к добру, и к «любви к братьям меньшим» приучали. И так далее.

И — что? Эта... Болезнь, вызываемая этими гельминтами — неизлечима? И смертельна?

— Да. Я тут на досуге произвела расчёты. И вижу, что никакими человеческими (Ну, из двадцать первого века!) медикаментами и средствами вывести этих генно-модифицированных и специфически специализированных (Простите уж за тавтологию!) гельминтов было невозможно, а они, плодясь и занимая своей массой весь кишечник, выделяли такое количество токсичных отходов, что носитель гарантированно умирал. Правда — только через несколько лет. Зато — крайне мучительно.

— Могу себе представить... — Пол кусал губы и выглядело его лицо бледным — словно брюхо глубоководной рыбы! — Ведь маленьких детишек практически невозможно отучить чмокать и «облизывать» всех этих умилительных котят и щеночков! Как подло!

— Подло-то оно подло... — Джо тоже чувствовал, что в нём закипает холодная ярость, — Но ты нам вот что скажи, Мать.

Вряд ли до такого изуверства додумались местные учёные. (Да они уж и озаботились бы средствами борьбы! Хотя бы — для «своих»!) Так что — кто это выдумал и создал... Такой вид оружия?

— По моим предположениям, шестьдесят три процента за то, что какие-то крайне негуманные и агрессивные инопланетяне. Типа рептилоидов. (Им-то такие паразиты были бы совершенно не страшны — у них совершенно другая пищеварительная система!) И вот, когда местному человечеству пришлось столкнуться с угрозой, которая им оказалась не по зубам, они каким-то чудом смогли связаться с братьями по разуму, уже в облике — как раз гуманоидов!

А те, похоже, уже сталкивались с подобными диверсиями от рептилоидов и прочих чуждых гуманоидам, братьев по разуму: сразу поспешили на помощь, и постарались планету зачистить от заразы! Чтоб позже оставить в распоряжении братьев-гуманоидов. И я теперь почти уверена: защищают и охраняют планету от вторжения не только «пукалки» местного человечества — они были бы просто смешны тем же рептилоидам! А и сигнальные и охранные системы от их вышних братьев-спасителей. Которые спрятаны, разумеется, хорошо!

Так что хорошо, что мы не сунулись. И на орбитах — только зонды.

— Понятно. Звучит правдоподобно. А за что тогда — остальные тридцать семь процентов?

— Тридцать — за то, что такую гадость всё же вывел, прямо тут, какой-то лютый ненавистник рода человеческого из озлобленных гениев от науки. Как раз — чтоб всех просто поубивать! Вероятно, мстя за что-то.

А ещё семь — за пока непредвиденные мной, и крайне маловероятные угрозы, версии, и возможности. Коих насчитывается двести семьдесят три. Озвучивать?

— Н-нет, спасибо. Не надо. Лучше скажи, сколько ещё планета будет... На карантине.

— Ну, по моим прикидкам, лет сорок — минимум. Потому что гельминтов, конечно, не осталось. Как и живых личинок. А вот цисты и яйца могут сохранять живучесть лет сто. А безлюдной эта планета стоит уже лет семьдесят — судя по состоянию полуразвалившихся и заросших зданий и заброшенным полям.

— Чёрт. А жутковатая картина получается. Но... Она же основана — только на догадках, предположениях, и косвенных уликах?

— Разумеется.

— А вот как бы нам получить... Непосредственное подтверждение?

Джо посмотрел на напарника. Нет, не шутит: ему и правда — интересно. И хотя версии, озвучиваемые Матерью практически всегда оказываются верны, или верны хотя бы в основных моментах, «побродить» по поверхности Полу, конечно, хочется.

Джо и сам бы не отказался от «разведки» на местности, но Мать права в данном случае: незачем рисковать. И челноком и собой. Да и лишать местные охранные устройства боевых зарядов! Но...

— Мать! Есть ли возможность как-то... Обойти, обмануть местные пушки и прочие средства ПВО? Проще говоря — если челнок для них велик и легко обнаружим, можно ли спустить хотя бы один из зондов?

— Нет. Попытка спустить на поверхность зонд гарантированно окончится и попытками его уничтожить. Потому что масса объектов, на которую ориентировочно настроены местные датчики и радары — что-то около килограмма. Чтоб уж не пропустить ни-че-го. Кроме, вот именно — случайных метеоритов. А такие, мелкие, падают всё время.

— Ха-ха! Эврика! — Пол просиял, — А что если попробовать спустить на поверхность нашего микропа?! Он же — сколько?! — грамм семьсот?

— Шестьсот пятьдесят. Однако микроп не оснащён средствами для мягкой посадки. И просто разобьётся. А если спускать его в океан — просто утонет. И его замкнёт: он — не батискаф!

— Хе-хе! Я и этот момент уже продумал! Самое время для простейших и прошедших проверку временем решений! А шей-ка ты ему парашют из нашей парашютной ткани!

— А ну-ка погоди! — Джо сердито фыркнул, — Микроп стоит тридцать пять кредитов. И они нам улыбнутся, поскольку вернуть его будет невозможно, и он явно будет потерян навсегда!

— Да и плевать! Возьмём эти несчастные тридцать пять кредитов на покупку нового, как ты выражаешься, «из моей доли»!

— Ага. Хм. Приемлемо. Против этого не возражаю. Но вот есть и другая проблема. Что, если нашего микропа, пусть и с севшими аккумуляторами, обнаружат местные люди? Или те самые их спасители, которые тогда будут знать, что кто-то шарил в их вотчине?!

— Тоже решаемо. Пусть у микропа на борту будет грамм десять гептрила. Насколько помню, этого достаточно, чтоб разнести в манную крупу и любое устройство помассивней!

— Верно, конечно... — Джо пожал плечами. Десяти граммов армейской супервзрывчатки действительно хватало бы и на превращение в частички не крупнее конфетти агрегата массой и в полцентнера — вро-

де того же зонда, — Ладно. Возражения снимаются. Мать! Приступай к шитью.

— Вот знала я, что придётся мне рано или поздно работать и портнихой, и швей-мотористкой... Ладно. Жаропрочного батиста у нас предостаточно. Думаю, площади купола в два квадратных метра хватить должно.

Через стратосферу микроп пронёсся в коконе из алюмофольги. Титановой. Поэтому не сгорел. Общая масса вместе с парашютом и кокном не превысила восьмиста грамм. Поэтому выход из кокона на высоте километра, и спуск на парашюте над самым большим бывшим городом прошли штатно. Никто в малыша не стрелял.

— А неплохо видно. — Джо и Пол отслеживали процесс посадки по картинке с камеры первого зонда, зависшего на геостационарной орбите над бывшей столицей самого большого материка, — Спасибо, Мать, за компьютерную обработку. А когда он полезет в руины — его видно будет?

— Нет. Видно будет не его самого, а только ту картинку, что будет передавать его камера.

— А когда он улезет вниз? Под землю? Сигнал же пропадёт?

— Предусмотрено. Он будет, как и вы, оставлять промежуточные усилители. Но особо глубоко, думаю, ему лезть не придётся. Люди предполагали вернуться, стало быть, то, что мы ищем — компьютеры! — не должны были прятать особенно глубоко. Типа сырых и кишачих насекомыми подземелий в капитальных противоядерных бункерах. Максимум — подвалы. Местного министерства обороны. А там — этажей десять, не больше: я всё проверила гамма-сканнером.

— Ага. Звучит многообещающе. Но вот он и сел!

Действительно, надутый купол парашюта сложился складками и буграми, и из-под него выбралась крохотная, поблёскивающая в свете местного солнца металлом, чёрточка: микроп!

— Переключаю на его камеру.

На экране над пультом штурмана возникла новая картинка.

Ну, руины Пол и Джо видали и раньше, так что ничего нового для них в грудах щебня, кирпичной пыли и кусочках бетона не было. Но микроп не стоял на месте, и, ведомый указаниями Матери, скрылся в тёмном проёме, за полуоторванной стальной решёткой. Мать пояснила:

— Если уж и лезть в подвалы, так проще всего микропу это делать через вентиляцию. Он же — не вы. То есть — миниатюрный.

Джо хмыкнул. Пол фыркнул.

Картина быстро сменялась: квадратные в плане проходы, явно внутри коробов из нержавеющей стали, разветвления, переходы на другие уровни, а затем — и круглые трубы, уводящие всё ниже. В одном месте малышу пришлось задержаться: чтоб преодолеть частую сетку, явно от мышей и крыс, благо, на борту аппарата тоже имелся плазменный резак.

Но вот микроп и в каком-то большом помещении. Со шкафчиками и длинной укладкой-пирамидой из до боли знакомых автоматов — почти как у Калашникова.

— Похоже на пост охраны!

— Точно. А где же их столовая, душевая, и прочее?

— Вы действительно хотите всё это увидеть?

— Нет, Мать. — Джо вздохнул. Посмотрел в очередной раз на нарника, — Давай, двигай малыша дальше. В КП.

«Малыш» весьма споро просеменил по запылённому полу к двери. За ней — коридор. Его микроп преодолел за минуту, картинка чуть дёргалась, но оставалась вполне различимой: Мать её, разумеется, обрабатывала.

В двери, закрытой на кодовый замок, и оказавшейся трёхслойной, тоже пришлось вырезать отверстие резакон. Микроп протиснулся сквозь оплавленную дыру с толщиной стенки в ладонь.

И вот он и Командный Пульт.

Квадратная в плане комната с высоченным потолком. (Или это она из-за поля зрения от пола так выглядела?) Различные распределительные коробки, планы и схемы на стенах. Пульты, пульты... Десятки компьютеров на столах по периметру. К тому, что располагался в центре, микроп и подобрался. Благо, системный блок стоял под ним.

Вскрыть заднюю панель удалось за секунды. Но вот и она — центральная плата. Практически «классическая» — с микросхемами, и центральной большой — квадратной, с панелями-радиаторами. Её было хорошо видно в свете мини-прожектора микропа.

— Подключаюсь.

Микрозонды-щупы аппарата аккуратно воткнулись в разъёмы, и непосредственно к проводникам на синей плате, и... Тишина.

— Тьфу ты. Всё никак не привыкну, что на микропах нет микрофонов.

— Да и ладно. Что ты собрался услышать? Проклятья от разработчиков и ругань от высокопоставленных офицеров?

— Нет. Но хотя бы... Треск от контактов. Искрящих. Стук от переби-
рания ножками-лапками. Жужжание сервомоторчиков. Комментарии от
Матери.

— Микроп подключился. — комментарии не заставили себя ждать,
— Плата сохранилась хорошо. И флэш-носители тоже. Информация по-
шла. На ретранслятор зонда, и сюда. Записываю.

— А что-нибудь... Воспроизвести можешь?

— Вам — видео, или — тексты?

— Тексты.

— Видео!

Джо посмотрел на напарника с досадой. Балбес! Будто не понима-
ет, какого плана может быть это самое видео. Но буркнул:

— Ладно, Мать. Включи ему видео. Пусть-ка полюбуется! Туалет у
нас, вроде, функционирует нормально.

— Включаю.

На центральном экране возникла явно операционная госпиталя: бе-
лые кафельные стены, слепяще-режущий свет от софитов над операци-
онным столом, вокруг него силуэты в халатах и масках, и...

Оружий и бьющийся в конвульсиях человек на этом столе!

Но вот один из обступивших прикованного за руки и за ноги к ложу
мученика, медиков в голубых халатах вонзил иглу в шею орущего.

Анестезиолог, стало быть.

Через минуту извивающийся обмяк, и откинулся на застланный бе-
лой простынёй стол. Стоящий по центру врач сверкнул сталью скальпеля,
поднеся его к брюшине, с прочерченной на ней маркером линии...

Вскрытие брюшной полости на Джо особого впечатления не произ-
вело: видал и раньше. Но зрелище того, как под приподнятые специ-
альными инструментами кишки и внутренние органы оперируемого
подкладывают явно полиэтиленовую плёнку, почти вынув те из брюш-
ной полости, оказалось чем-то новым. Впрочем, догадаться, что после-
дует за такой «подготовкой», проблемы не представляло. Джо кинул
взгляд на напарника: тот позеленел. Открыл рот, и часто дышал. Но
пока держался.

В туалет Пол, прикрыв рот ладонью, ринулся только когда хирург
вскрыл тонкий кишечник, и оттуда буквально ручьём на подложенную
полиэтиленовую плёнку полились извивающиеся тонкие белые, похо-
жие на вермишелинки, ниточки-гельминты... Звуки, донесшиеся вскоре
из галюна «Каракатицы», произвели бы впечатление на более чуткую
натуру.

Джо же, дёрнув щекой, и дыша тоже часто, буркнул:

— Достаточно. Вырубай.

Изображение пропало.

— И — что? Спасти поражённых уже до этой степени — невозможно?

— Абсолютно. Впрочем, их невозможно спасти и на стадии начального поражения цистами, личинками и яйцами — даже пока те не развились во взрослые организмы. Препараты на основе органических соединений висмута и ниобия убивают, конечно, данных гельминтов и их яйца, но гарантировано убивают и носителей.

А физически, или механически вычистить всех паразитов из поражённого организма нереально — в каком-нибудь уголке его кишечника, печени, или селезёнки, они и яйца всё равно сохранятся. И через три-четыре недели вновь восстановят численность. Отравляя тело своими выделениями и отходами жизнедеятельности. В данном случае медики отлично понимают бессмысленность такой операции в смысле лечения. А только в плане именно — продления жизни пациента. Поскольку он — очень важный чиновник, и от его решений и подписей зависит функционирование целого министерства.

— А сам этот... Чиновник. Понимает, что всё это временно?

— Безусловно. Но понимает и степень своей ответственности. Перед людьми. Подчинёнными. И родными и близкими. И судя по данным из его карты больного, это — уже вторая его операция.

А всего человек, в зависимости от возраста и состояния здоровья, больше трёх таких «очисток» вряд ли выдерживал.

— Представляю. — Джо и правда представлял весь трагизм и безысходность ситуации. И для поражённого гельминтами, и для всего его окружения. Родственников... Друзей. Смерть неминуема.

Смерть мучительная.

Кошмар!

Но кто же придумал, и воплотил этот поистине изуверский план?! По геноциду местного человечества. А заодно и «кошечек и собачек». И коровок и овец.

Продышавшись, и пройдясь по рубке, Джо снова сел в кресло капитана. Потому что туалет всё ещё занимал Пол. Сказал:

— Давай документы. Те, где указано, кто всё это придумал и разработал.

На экране появилась бумага казённого типа. С шапкой какого-то ведомства вверху, и казённого вида печатями и резолюциями.

Вся суть уместилась в несколько строк: «выбор в качестве носителей домашних животных говорит о крайней степени цинизма и презре-

ния к людям. И равнодушия к их страданиям. (...) Организмы паразитов имеют совершенно отличающуюся от генотипа местных млекопитающих геновую информацию. Гипотеза о том, что они могли произойти от какого-то местного прототипа естественным путём, абсолютно исключена. Из чего возможен только один логичный вывод.

Все они — не местного происхождения. Созданы и завезены на нашу планету какой-то явно враждебной инопланетной расой. Вероятней всего имеющей окончательной целью глобальную и абсолютную зачистку Геи от ныне живущего человечества. И всех млекопитающих. А поскольку вылечить больных, или очистить, как заражённые тела, так и поверхность планеты от цист, личинок и яиц паразитов мы не имеем возможности, приходится признать наше явное и полное поражение в борьбе с до сих пор невидимым и неизвестным противником, подбросившим нам эту напасть.

И остаётся лишь одно: действительно обратиться к Ёруманам, как к высшему, и имеющему возможности справиться с такими паразитами, разуму.

Пусть для этого и придётся заплатить цену, затребованную ими.

Подписи, дата.»

— Мать! Погоди-ка! Получается, эти самые... Ёруманы... Уже прилетали, контактировали, и даже что-то предлагали?! Некие... Услуги?! За... Какую-то «цену». Есть об этом документы?!

— Есть. Вот аналитическая справка. Еле нашла, кстати. Почти все документы о «контакте» почему-то уничтожены — стёрты. (Но — не для меня!) Написана она аналитиками из местного Пентагона. — на экране действительно возник новый документ — тоже с шапкой, подписями и печатями. Перевод тоже наличествовал. «Преамбулу» и прочие ничего не значащие вступления Джо просто проглядел по диагонали. А вот и суть!

«...предоставить концессию на разработку месторождений урана и ураносодержащих пород в неограниченное пользование в течении двухсот лет. Разрешение на беспрошленный вывоз. И отказ от требований рекультивации земель». И много чего ещё.

За — «возможные медицинские, научные и т.п. услуги, превышающие нынешний технологический, научный, и промышленный уровень людей».

Дата — за тридцать восемь лет до пандемии.

— Получается, никакие это не «рептилоиды» подбросили сюда этих... Гельминтов! А свои же, собратья-гуманоиды! Просто ну очень желавшие разжиться местным ураном!

— С сожалением вынуждена констатировать, что была неправа в отношении рептилоидов. Теперь, после изучения документов, за то, что это — как раз «Ёруманы» — девяносто шесть процентов вероятности. А срок в тридцать восемь лет — чтоб не заподозрили. И успело смениться два поколения. Помнящих о предложенной грабительской и позорной сделке!

— Логично. Раз даже все «официальные» документы засекречены или уничтожены. (Уж не по указанию ли этих самых «ёруманов»!) А уж простые люди, обыватели — точно забыли. Ну, частности. Помнили только сам факт контакта...

Но почему же тогда эти самые «собратья-гуманоиды» не разрабатывают то, что им явно отдали на откуп?!

— А зачем им торопиться? Теперь они просто дождутся, пока почва и воздух полностью и с гарантией не очистятся, и запустят сюда вновь местное человечество.

Которое теперь уже само будет разрабатывать и добывать всё то, что пришельцам нужно. Поскольку после прибытия на родную планету обедневшим и технологически отставшим людям нужны будут средства к существованию: пища, энергия, жильё, и всё такое прочее. И за всё это придётся — «отрабатывать»! А восстановить собственную инфраструктуру, сельское хозяйство и промышленность возможно будет ну очень нескоро!

— Так, получается, раз не отдали по-хорошему — мы возьмём по-плохому?! Вашими же руками всё добудем, и получим — за так!

Разве не подло?! Точнее — суперподло!

— Да. Но!

Предполагаемые прецеденты такого «облагодетельствования» есть. Если вспомнишь нашу, земную, историю — есть конспирологическая версия, что и земное человечество создано на базе организмов земного генотипа, инопланетянами. И — исключительно для добычи земного золота! Которое эти пришельцы вывозили и использовали. А когда легкодоступные запасы закончились — просто улетели. Бросив созданных рабов на произвол судьбы.

— Но это же — только предположения? Хотя звучит... Очень унизи-тельно!

— Да. Это — предположения. И есть вероятность — около полупроцента! — что эти же самые «Хозяева» теперь сунулись сюда. Чтоб добыть чужими руками весь местный уран, обрекая этих рудокопов и обогатителей на мучительную смерть. И спокойно отчалить.

— Но они же ещё не вернулись в эту систему!

— Ну и что? С тех пор, как придумали и освоили гиперпрыжки, это — не проблема! Система-то и планета никуда «сбежать» не могут!

Джо замолчал. Переваривал. Вернулся Пол:

— Мать! Вкати мне чего-нибудь успокаивающего. Я сегодня... Не в состоянии переносить дополнительные гадости! Пойду спать.

Из люка на подволке действительно вынырнул манипулятор со шприцом, и в руку Пола вонзилась игла. Напарник, переглянувшись с Джо, но так и не сказав ни слова, отчалил в свою каюту. Джо подумал, что выглядит Пол... Плохо. Сон без кошмаров ему явно не повредит — нужно бы и самому попросить снотворного. Но — позже.

Он встал с кресла. Постоял, всё ещё глядя на последний документ на экране. Вздохнул:

— А я — пойду в тренажёрный. Если что-то экстраординарное...

Ты сама знаешь, что делать!

За завтраком на камбузе царила атмосфера не сказать, чтоб совсем уж — уныния, но энтузиазма у партнёров явно поубавилось.

Пол, которому Джо вкратце пересказал содержание добытых документов, повозмутился:

— Значит, они сами и подбросили эту гадость на поверхность! Но ведь люди не могли не понимать, что это — работа тех самых... Ёрмунгадов!

— Понимали, конечно. А что им оставалось ещё делать, чтоб не вымереть? Но тут им — хотя бы предложили выбор. И лечение. И эвакуацию. И место для проживания. А вот те «белые» колонизаторы, что подбрасывали североамериканским индейцам заражённые оспой одеяла, никакого лечения и спасения не предлагали! А просто творили геноцид! Чтоб захватить освободившиеся земли!

— Ты мне этот пример приводишь уже в пятый раз.

— Ага. Ну и что? Стереть его из истории всё равно невозможно! Это так называемое «освоение дикого Запада»! Да и потом — разве было по-другому? Австралия? Тасмания? Гавайские острова. Да и позже — когда в двадцать первом веке те же США несли «свет демократии» и «истинные ценности культуры и просвещения» в Сирию, Ливан, Афганистан, Ирак, Югославию, и прочие разбомблённые в хлам страны? Которые не могли им адекватно ответить. Поскольку не обладали ядерным оружием.

— Но здесь-то! Ситуация куда циничней и подлей! Они, получается, обрекли на мучительнейшую и неизбежную смерть миллионы и миллиарды детей, стариков, и взрослых! И то, что эти люди понимали, откуда

ноги растут, нисколько им не помогало! И их так и так «колонизировали»! И использовали! Тьфу ты — то есть — используют!

— И — что? Что ты предлагаешь? Рассказать об этой истории нашим Федеральным властям? Или военным? Чтоб те снарядили сюда спасательную экспедицию? А если эти гады-инопланетяне засекут такое дело — появление в этой системе и у планеты целого флота чужих кораблей! — они могут и вовсе не возвращать на планету местное человечество. И оставят его... Где-то там! На выселках.

Пол и Джо свирепо глядели друг на друга через крохотный стол. Пол первым опустил глаза:

— Если честно, не знаю я, что делать. С такой ситуацией мы ещё не сталкивались. С одной стороны — явно враждебные действия одной расы по отношению к технологически более отсталой другой.

А с другой стороны — если человечество вмешается! — межрасовый конфликт нам практически гарантирован! Вероятней всего — с межзвёздной войной! Со всеми вытекающими последствиями! Миллионы смертей, миллиарды убытков. Возможно, потерянные навсегда земные колонии... Эти подонки ведь в средствах не стесняются! Ты и сам видел. И понял.

Но ведь и не сообщить о таком нашем — тоже подло!

— Согласен. Сообщить, конечно, придётся. И материалы передать. Но делать это придётся снова так, чтобы избежать допросов и проблем.

То есть — опять, в который уже раз, запускаем зонд со всеми добытыми сведениями и координатами системы — в сторону нашей Международной космической станции. (Минус ещё сто пятьдесят кредитов!) А сами быстро сваливаем оттуда, так, чтоб следов не нашли.

И тогда эта проблема окажется на совести наших чиновников, бюрократов, и вояк. А мы... выполним свой долг.

И перед местным, и перед нашим человечеством.

Потому что и правда: нельзя оставить неизвестным — такой прецедент. Уж больно всё сделано подло и гнусно! И это — называются «собратья по разуму»! Если наши надумают объявить им войну и расколоть их в мелкие дребезги — я даже возражать не буду! Правда, в армию добровольцем вряд ли запишусь — староваты мы для этого...

Да и вообще: пора принять Федеральный Закон. О недопустимости захвата и эксплуатации недоразвитых цивилизаций более развитыми. А то, что произошло здесь, вообще нужно классифицировать как особо утончённый и циничный геноцид!

И, если честно, я бы за такое — уничтожал сразу всю такую расу! Без всяких там бюрократических проволочек, типа «такие действия должен утвердить Конгресс»!

— Экий ты кровожадный... — Пол дёрнул плечом, — Однако в данном случае — я полностью согласен. Проблема — выше нашей «компетенции». Стало быть — пусть лошади думают. У них головы большие!

А нам такие «собратья по разуму» не нужны! Да и никому не нужны...

Пошли в рубку. Подумаем, какие материалы передавать, и как сделать, чтоб не узнали, что это — наша работа.

— А чего тут думать. Мать у нас обо всём и подумает. И — спору на бутерброд с красной икрой против зубочистки! — что она уже всё сделала. И приготовила. Мать?

— Да. И я даже, как в прошлый раз, рассчитала, откуда можно запустить это послание, чтоб оно долетело благополучно, и его не сбили противометеоритные пушки МКС.

— Ну отлично. Стало быть — пакуй всё, и полетели домой!

Чем быстрее «запустим», тем быстрее сможем вернуться к нашим привычным приключениям! Простым!

А то от всех этих сложных социально-этических и моральных проблем у меня голова болит! Скорее бы спихнуть на «компетентных» и высоконачальственных бюрократов!

Джо хотел было сказать, что напарник решает проблему «головной боли» традиционно — переключиванием её на чужую голову! Собственно, примерно так же у Джо действовала и бывшая. Жена. Когда хотела отделаться от неприятных обязанностей по присмотру за их девочкой, или когда та болела, или нужно было сделать уборку...

Один хороший скандал — и Джо сам всё делает!..

Потому что любит и малышку, и жену...

Но Пол — не его жена. Хотя кое в чём... Хм.

Так что Джо промолчал.

Сергей Калабухин

Коломна

МАГИЯ ЛЮБВИ

1. Мечь Пирата

Алла Михайловна захрипела и обмякла. Славка тут же перестал себя сдерживать и отдался во власть собственных чувств и ощущений. Вскоре он громко застонал, судорожно сделал несколько последних толчков, выпуская скопившийся «заряд» и бессильно рухнул рядом с любовницей. Оба лоснились от пота и были полностью удовлетворены любовной «схваткой».

— Ты был, как всегда, великолепен, — промурлыкала Алла Михайловна и, собрав в горсть ладони их общие выделения, обильно струящиеся по её полным ляжкам, начала неторопливо размазывать эту остро пахнущую смесь по своему плоскому животу и большим, не по возрасту крепким грудям.

Славка благодарно чмокнул Аллу Михайловну в румяную щёчку. Он закурил и с интересом стал наблюдать за действиями любовницы. Когда все наружные выделения были тщательно размазаны по великолепному телу женщины, та начала деловито погружать пальцы внутрь себя, как в огромную баночку с кремом, и вытирать их о своё лицо. Пару месяцев назад, когда Славка впервые увидел эту процедуру, он испытал чувство гадливости и хотел немедленно бежать из этого дома, от этой ужасной женщины. Его даже затошнило при мысли, что придётся вновь прикасаться к её телу, целовать его. Заметив тогда его состояние, Алла Михайловна рассмеялась.

— Дорогой, что это ты так побледнел?

— Зачем ты это делаешь?

— Какой же ты ещё, оказывается, мальчик! — вздохнула Алла Михайловна. — Все женщины пользуются косметикой...

— Так, то — косметика! Кремы, мази...

— Лучшая косметика для женщин делается на основе мужской спермы, — тоном учительницы, наставляющей нерадивого ученика, произнесла Алла Михайловна, невозмутимо продолжая привычный ритуал. — Так что тут у нас с тобой все необходимые компоненты есть. Без всякой химии и ненужных добавок. Зачем же добру пропадать?

Славка не нашёлся, что ответить. «Что это я, в самом деле? — подумал он. — Ведь несколько минут назад я целовал и лизал роскошное тело Аллы Михайловны, не пропуская самые интимные его места, пил в упоении страсти её соки. А она делала то же самое со мной. И мы смешивали вкус друг друга в страстных глубоких поцелуях. Тогда я не был столь брезглив».

Уже третий месяц они регулярно встречаются с Аллой Михайловной по пятницам, после работы. Аньке Славка говорит, что задерживается в офисе, чтобы не оставлять на понедельник то, что не успел сделать за текущую неделю.

— Хотя и капитализм у нас теперь, но планы и сроки по выполняемой работе шеф всем устанавливает вполне конкретные. А понедельник, как известно, день тяжёлый, голова плохо «варит» после выходных.

Жена то ли поверила, то ли делает вид. У них раньше со Славкой были жуткие ссоры по поводу его реальных и гипотетических измен. Особенно, когда он решил приударить за Катькой из соседней квартиры. А что такого? Одинокая красивая женщина, разведённая, детей нет. Сама строит глазки при каждой встрече. Зачем искать где-то далеко, когда всё, то же самое, или, по крайней мере, не хуже, есть тут, рядом?

Но в доме есть и другие соседки. Аньке быстро «настучали». Из «благих побуждений», конечно! Был жуткий скандал, Славка с большим трудом избежал развода. Спасло то, что у них с Катькой тогда не успело дойти дело до койки: в разгаре была стадия комплиментов, цветов и забивания гвоздей. С тех пор Славка тоже признал и, как говорится, взял на вооружение общеизвестный принцип, призывающий не заводить любовные связи там, где живёшь или работаешь, над которым ранее посмеивался в кругу «трусливых» друзей. Разумеется, этот принцип совершенно не мешал Славке закрутить роман с Люськой, официанткой кафе, в котором он каждый день обедал. Когда Люська начала наглеть и претендовать на нечто большее, чем секс, Славка сменил кафе, благо их понатыкано сейчас чуть ли не на каждом углу. Потом он вновь поменял кафе. Из-за Светки. Потом вновь. Где бы он обедал сейчас, если б шеф неожиданно для всех не сменил главного бухгалтера?

Алла Михайловна взяла власть над Славкой мгновенно, с первой же встречи. Она была старше, опытнее, знала, чего хочет, и умела брать то, что ей нужно. Шеф в её присутствии «сдувался» и смотрел на Аллу

Михайловну, как мышь на кошку. Она и была огромной красивой кошкой. Мягкой, обворожительной, не имеющей возраста, с фигурой языческой мадонны: широкие бёдра, узкая талия, высокая полная грудь. Роскошная грива естественных рыжих волос резко контрастировала с белой, удивительно гладкой, без явных возрастных признаков кожей лица и огромными зелёными глазами. Никаких веснушек или конопушек, столь часто присущих рыжим от природы людям, у Аллы Михайловны не было. Двигалась Алла Михайловна плавно, с какой-то кошачьей грацией. Её мурлыкающий голос заставлял что-то внутри Славки сладко вибрировать. Не верилось, что под этой великолепной внешностью и мягкостью скрываются острые когти, которые в любой момент могут схватить зазевавшуюся добычу или изуродовать неосторожного врага.

В первый же день появления в их фирме Алла Михайловна через секретаршу Людочку неожиданно вызвала Славку в свой кабинет и, мило улыбнувшись, властно сказала:

— В пятницу, после работы, мы едем ко мне. Покупать ничего не надо: я сама всё приготовлю. Для своей жены придумай отговорку сам. Всё, можешь идти.

Славка не нашёлся, что ответить. Как сомнамбула, он вернулся за свой стол. Его трясло то ли от возбуждения, то ли от ярости. Что о себе вообразила эта наглая баба? С чего она взяла, что может вот так просто, без лишних разговоров «снять» его, как какого-то дешёвого жиголо? Надо вернуться и прямо высказать всё, что он о ней думает. Она даже не в его вкусе! Во-первых, наверняка старше него. Во-вторых, пышные формы Аллы Михайловны совсем не похожи на привычные Славке мальчишески стройные фигурки молоденьких официанток. В-третьих... Нет, не в-третьих, а во-первых: у Славки есть принцип! Как это он о нём забыл?

«Пойду и скажу этой самоуверенной стерве, что я не завожу романов на работе, — решил Славка. — Незачем обижать женщину, указывая на её возраст и недостатки фигуры».

Но тут его вызвал к себе шеф. «Этому-то что от меня надо?» — встревожился Славка и поспешил в кабинет начальника.

— Вызывали, Игорь Петрович? — спросил он, приоткрыв тяжёлую, обитую звукоизолирующим материалом дверь.

Шеф хмуро кивнул и махнул рукой — дескать, входи и садись. Славка утонул в низком кресле. Он почему-то всегда чувствовал себя неуверенно в присутствии начальства. Даже когда вся работа была полностью выполнена, и за Славкой не было абсолютно никакой вины,

вызов шефа заставлял его сердце переходить на тревожный ритм. Вот и сейчас Славка украдкой вытер потные от волнения ладони о холодную кожу подлокотников кресла.

Шеф вёл себя странно. Обычно он ни с кем долго не рассусоливал, вечно куда-то спешил или был занят каким-нибудь срочным делом. Сейчас же он, молча, курил, задумчиво глядя на цветущую сирень за окном, как будто забыл о присутствии в своём кабинете срочно вызванного сотрудника.

Славка обеспокоено заёрзал в неудобном кресле и робко покашлял, напоминая шефу о себе. Тот, наконец, загасил в пепельнице докуренную до фильтра сигарету, нажал кнопку селектора и сказал в микрофон:

— Людочка, меня ни для кого нет.

— Поняла, Игорь Петрович, — услышал Славка ответ секретарши.

— И ни с кем меня не соединяй, — добавил шеф и отключил селектор. — Бери стул и подсаживайся поближе, — приказал он Славке и вынул из ящика стола бутылку дорогого коньяка, две рюмки и коробку шоколадных конфет. — Лимоны, извини, кончились, — криво улыбнулся Игорь Петрович.

Заинтригованный Славка, с трудом выбравшись из мягкого кресла, подсел к столу начальника. Он работал в этой фирме уже пять лет, участвовал во всех корпоративных вечеринках, несколько раз присутствовал на совещаниях, но до сих пор был уверен, что шеф вряд ли узнает его при случайной встрече на улице.

Игорь Петрович разлил ароматную жидкость по рюмкам и спросил:

— За что выпьем?

Славка пожал плечами и робко улыбнулся:

— За что хотите...

Шеф залпом, как водку, проглотил коньяк и зашуршал обёрткой конфеты. Славка послушно последовал его примеру.

— Зачем тебя вызывала Алла Михайловна? — вдруг жёстко поинтересовался шеф.

Славка растерялся, не зная, что ответить.

— Она назначила тебе свидание, — уверенно произнёс Игорь Петрович, вновь наполняя рюмки.

Славка не знал, как быть. Опровергать? Подтвердить? Чёрт его знает, какие у шефа отношения с этой Аллой Михайловной. То, что Игорь Петрович регулярно пользуется прямо в кабинете секретаршу Людочку, знали все. Но почему он уволил прежнего главбуха, работавшего в

фирме с момента её основания, и взял на его место Аллу Михайловну, не знал никто.

— Молчишь? — вдруг улыбнулся шеф. — И правильно! Одобряю. А то я боялся, что ты — трепач. После всех этих сплетен о твоих шашнях с официантками кафе. — Пояснил он в ответ на возмущённый взгляд Славки. — Ты пей, не стесняйся. Коньяк хороший, армянский. Мы теперь с тобой вроде как родственниками будем.

— В каком смысле? — поперхнулся от неожиданности жгучей жидкостью Славка.

— А через постель Аллы Михайловны! — засмеялся Игорь Петрович.

Кашляя, Славка невнятно промычал что-то протестующее.

— И не вздумай сопротивляться! — вдруг становясь серьёзным, властно прорычал шеф. — Только себя погубишь.

— О чём это Вы?

— Ведьма она! — перегнувшись через стол к ошалевшему от всего происходящего Славке, прошептал Игорь Петрович. — Самая настоящая ведьма. Питается нашими эмоциями и соками. Энергетический вампир! Отказать ей — всё равно, что у голодного кусок хлеба отобрать. Не простит.

— Ведьма?

Выпитый коньяк начал действовать, и Славка расплылся в дурацкой улыбке.

— Не веришь? — Игорь Петрович достал из пачки сигарету и закурил, жестом предлагая Славке сделать то же самое. — Я тоже не поверил, когда мне год назад на своём юбилее сказал об этом сам Иван Иванович. Он и познакомил нас тогда с Аллой Михайловной.

— Тот самый? — поразился Славка.

— Других не знаю, — развёл руками шеф. — Бывший мэр, бывший Первый секретарь горкома КПСС и тэпэ, и тэдэ. Мы с ним — дальние родственники. Настолько дальние, что мало кто об этом знает.

«Странные вкусы у этой Аллы Михайловны, — подумал Славка. — Ну, ладно, я — высокий, спортивный, секс-машина. Но этот обрюзгший и наполовину лысый Игорь Петрович? Мы с ним рядом смотримся, как молодой Бельмондо и разжиревший к старости Депардьё. А про престарелого Ивана Ивановича и говорить нечего!»

— Так вы, значит, с Аллой Михайловной уже год... это самое? — изобразил неприличный жест Славка.

— Иван Ивановичу тогда семьдесят стукнуло, и справляться с запросами Аллы Михайловны старику стало не под силу — проигнорировал Славкин вопрос Игорь Петрович.

— Да уж, — развеселился Славка. — В его-то возрасте!

— Зря смеёшься, Славик, — погрозил ему дымящейся сигаретой Игорь Петрович. — А сколько ты дашь Алле Михайловне?

— Ну, лет тридцать пять, — неуверенно промычал Славка. — Нет? А сколько же?

— Никто не знает! — торжествующе выпалил Игорь Петрович. — Когда Иван Иванович основательно набрался на той пирушке, он по секрету сказал мне, что влюбился в Аллу Михайловну, когда ему было всего пятнадцать лет! И она тогда выглядела точно так же, как и сейчас.

— Соврал, небось, по пьяни, — недоверчиво отмахнулся Славка. — Вы её паспорт видели, когда принимали к нам на работу?

— Давай на «ты», — вновь наполняя рюмки, предложил шеф. — Ну, когда мы один на один, конечно, — уточнил он. — А насчёт паспорта, я тебе так скажу: любые документы для Аллы Михайловны — не проблема. Даже если не брать во внимание её связи в наших верхах, то какой начальник паспортного стола устоит перед её чарами? Она ж — ведьма!

— Да с чего ты взял? — возмутился Славка. — Мало ли что там сболтнул пьяный, выживший из ума старикан!

— Эх, Славик, молод ты ещё! — покровительственно похлопал его по плечу Игорь Петрович. — Сколько тебе? Тридцатник уже стукнул?

— Тридцать два! — вспыхнул Славка.

— А мне — сорок пять, — грустно сказал шеф. — И до знакомства с Аллой Михайловной я успел стать полной развалиной. Все эти производственные проблемы, наезды налоговой и прочих проверяющих органов... Всем дай, от всех отбейся! Государственный рэкет, что б ты знал, похлеще бандитского. К концу дня я еле таскал ноги. Приползал домой и падал в койку с единственным желанием — выспаться. Жену только по большим праздникам ублажал. Да и ублажал ли? Не уверен...

— А как же Людочка? — подмигнул шефу Славка.

— Людочка? Это так — по-быстрому дурь спустить, — отмахнулся шеф. — Бывает, возбудишься среди дня после встречи с каким-нибудь важным клиентом или озлишься на очередного жадного инспектора, нагрянувшего с проверкой... Тут либо убить кого-нибудь хочется, либо грубо трахнуть. Выбор, как видишь, невелик. И Людочка всегда тут. Поверь, никакого удовольствия при этом ни я, ни она не испытываем.

Людочка, хоть и блондинка, далеко не дура. Всё отлично понимает, не жалуется и ни на что не претендует. Кроме денег, конечно!

— А причём тут Алла Михайловна? Теперь ты её вместо Людочки вызывать в кабинет будешь?

— Не пори чушь! С Аллой Михайловной всё иначе. С ней у меня для встреч назначен определённый день. И как бы я в этот день ни вымотался на работе, лишь только с ней в койку лягу, сразу чувствую себя неутомимым жеребцом. Не знаю, что так на меня действует: колдовские чары этой ведьмы или её настойки. И что самое поразительное: приду от неё домой, а у меня ещё сил хватает и собственную жену ублажить!

— Ну вот, — встрепенулся Славка. — А ты говорил, что Алла Михайловна из мужиков соки тянет! За счёт них, типа, эта ведьма и живёт.

— Думаешь, поймал меня? — усмехнулся Игорь Петрович. — Я тоже в своё время этим вопросом задался. Взял бутылку коньяка и поехал к Ивану Ивановичу. И тот мне всё популярно объяснил!

Шеф, держа театральную паузу, неторопливо разлил по рюмкам остатки коньяка. И Славка не выдержал, подыграл ему, нетерпеливо спросив:

— И что же ответил старик?

— А то, — понизил голос Игорь Петрович. — Есть разные виды энергии. Во время секса люди не только свои соки смешивают, но и энергетические поля. Чем нас подпитывает Алла Михайловна, я не знаю. Но вот мы её обеспечиваем тем, что позволяет этой ведьме долго жить и оставаться практически молодой. Видимо, способ этот Алла Михайловна узнала, когда ей слегка за тридцать перевалило. С тех пор она и не меняется! Ну что, выпьем за вечную молодость?

— Ну, а мне-то какая радость с ней связываться? — хмуро поинтересовался Славка. — У меня с бабами всё в порядке, не жалуется. А вечную молодость нам с тобой не видать, если судить по Ивану Ивановичу.

— Каждому — своё, — зачмокал конфетой Игорь Петрович. — Алле Михайловне — молодость, нам мужскую силу и бодрость. Одно я знаю точно: отказ ведьма не простит.

— А что она сделает? — упрямо взбрыкнул Славка. — Обмениваться соками и смешивать поля я с ней не буду. Настойки её пить тоже. А станет на работе доставать, уволюсь к чёртовой матери! Хорошие программисты везде нужны.

— Дело твоё, — задумчиво пробормотал Игорь Петрович. — Решай сам. Я свой долг исполнил: тебя предупредил, как когда-то то же самое сделал для меня Иван Иванович. А насчёт нужности хороших программистов — не забывай о связях Аллы Михайловны. Чёрные списки пока никто не отменял. Хочешь в них попасть?

— Что же это она при таких связях в нашу фирму работать пошла, а не устроилась где-нибудь при власти? — сдаваясь, пробурчал Славка.

— Дурак ты, Славик! — с сожалением взглянул на него Игорь Петрович. — Алла Михайловна всегда в какой-нибудь маленькой фирме числится. И всегда при власти! А то, что она к нам пришла... Видимо, ей так удобнее. Или прежнее место пришла пора покидать. При вечной-то молодости долго оставаться на одном месте нельзя. Окружающие не поймут.

Шеф взглянул на часы.

— Ого! Заболтались мы с тобой! Я уже опаздываю на встречу.

Игорь Петрович встал, надел пиджак. Славка предупредительно распахнул перед ним дверь.

— Людочка, меня сегодня больше не будет. Прибери там всё, — на ходу буркнул шеф и ушёл, не сказав больше Славке ни слова...

— О чём задумался, милый? — Алла Михайловна закончила, наконец, косметические процедуры. — Какая-то проблема?

— Да так, ерунда, — встрепенулся Славка и придвинул поближе сервировочный столик, уставленный графинчиками и закуской. — Что тебе налить?

— Вон той, розовой, — пристально взглянула на него Алла Михайловна. — А себе плесни зелёной. Она тебя взбодрит и прогонит посторонние мысли.

Славка разлил по рюмкам настойки.

— За что выпьем?

— А за что ты хочешь? — беспечно рассмеялась Алла Михайловна.

— Ты — хозяйка, тебе и тост говорить, — улыбнулся в ответ Славка.

— Что ж, раз уж ты сам это предложил, — озорно блеснула ставшими вдруг чёрными от неизмеримо расширившихся зрачков глазами Алла Михайловна. — За Пирата!

— За твоего кота? — неприятно поразился Славка.

— А что тебя так удивляет? — ехидно улыбнулась Алла Михайловна. — Пират со мной много лет. Искренне меня любит и беззаветно мне

предан. Тебя, вот только, за что-то невзлюбил. Может, ты какие-то злые мысли на наш счёт таишь?

— Только не на тебя, — поспешил оправдаться Славка.

— Значит, на Пирата?

— Просто я с детства терпеть не могу всяких кошек, собак, хомячков и прочую домашнюю живность, — признался Славка.

— Ну, это — твоя проблема! — небрежно отмахнулась Алла Михайловна. — Тост произнесён, пора и выпить.

Славка с кислой миной хлебнул из рюмки. Настойки у Аллы Михайловны были сладкие, густые, пахли травами и цветами, алкоголь в них совершенно не чувствовался. Голова оставалась ясной, но вот ноги отказывали сразу. Танцевать после пары рюмок таких настоек Славка бы не решился. Однако через несколько минут слабость сменялась необыкновенной бодростью и эйфорией. После того, как Славка впервые отведал настоек Аллы Михайловны, всяческие вина и коньяки казались ему прокисшей брагой. А водку он теперь вообще на дух не переносил.

— Так за что же ты так не любишь животных? — спросила Алла Михайловна, с видимым удовольствием кладя в рот дольку мандарина.

— А за что их любить? — огрызнулся Славка. — Вон твой рыжий Пират каждый раз шипит на меня, как змея и выгибает спину колесом. Того и гляди, бросится!

— Ну и что? Он просто чувствует твою враждебность, вот и всё. Кошки вообще очень чувствительные существа. Не зря их обожествляли в Древнем Египте.

— Ну да, — завёлся Славка. — У меня дома тоже есть такой божок — кошка Муська. Мой сын, Колька, души в ней не чаёт. Даже спит в обнимку. Однажды, под Новый Год, я пришёл домой с корпоратива. Подвыпивший, конечно. Праздник же! Эта чёртова кошка попала мне тогда под ноги в прихожей. В раздражении, я выкинул её за дверь, на лестничную клетку. И забыл об этом. Дел-то до полуночи надо было сделать полно: ёлку наряжать, стол праздничный накрыть и так далее. Сама знаешь.

Славка нервно закурил.

— За полчаса до курантов, сын хватился своей любимицы. Обыскали всю квартиру, Колька поднял рёв. И тут я вспомнил о том, что произошло ранее, и посоветовал проверить лестничную клетку. Что тут началось! Как только меня жена не обзывала.

Дрожащей от возмущения рукой Славка налил себе ещё рюмку настойки и залпом выпил. Алла Михайловна не сводила с него странного взгляда, молчаливо побуждая продолжить рассказ.

— Одним словом, когда все нормальные люди праздновали, мы троём обыскивали все подъезды и дворы близлежащих домов. Под все кусты заглянули, все подвалы и чердаки облазили. Люди кругом веселятся, поют и пляшут, петарды в небо пускают, а мы, как идиоты, ищем паршивую кошку!

— Нашли?

— Нашли. На следующий день. В нашем же подъезде! На седьмом этаже молодёжь гуляла. Вытащили из квартиры диван, чтобы не мешал. Ну и на этом диване, конечно, курили и всячески оттягивались ночью. А наша поганая кошка забила под этот диван и сидела там почти сутки, хотя мы все этажи обошли и звали её по имени. Ну, не сволочь?!

Славка от возмущения подавился сигаретным дымом и закашлялся.

— И причём же здесь кошка? — удивилась Алла Михайловна. — Ты сам испортил праздник и себе, и своей семье. А бедная кошечка просто впала в ступор от страха и окружающего шума. Неудивительно, что мой Пират тебя не любит.

— Ладно, — Славка затушил сигарету и встал. — Вы все умные, один я — дурак. Мне уже пора.

Он вышел из спальни и пошёл в ванную комнату, чтобы под душем смыть с себя посторонние выделения и запахи. Славка не хотел давать жене лишних поводов для ревности и скандала. И тут ему на пути попался кот Аллы Михайловны. Всё ещё находясь под впечатлением новогодних воспоминаний, Славка, недолго думая, с наслаждением пнул Пирата, и тот шипящим шариком улетел в прихожую.

Когда чисто вымытый и успокоенный Славка вышел из ванной комнаты, он опять увидел Пирата. Кот терпеливо ожидал его на пороге прихожей. Нагло усмехнувшись Славке в лицо, Пират лениво проследовал в кухню.

«Что это он? — удивился Славка. — Не шипит, не угрожает напасть».

Славка включил в прихожей свет и задохнулся от ярости. Из его новеньких туфель на линолеум сочилась вонючая жёлтая жидкость.

— Ах, ты, гадёныш! — прорычал Славка. Обезумев от ненависти, он бросился на кухню, схватил за шкуру не ожидавшего нападения кота и выкинул того в раскрытое окно...

Пытаясь отмыть в роскошной раковине умывальника воняющие кошачьей мочой туфли, Славка громко матерился. Услышав звонок во

входную дверь, он закрылся в ванной, чтобы неожиданный гость не увидел его из прихожей. Сквозь шум воды Славка слышал какие-то невнятные возгласы и жалобный кошачий мяв. «Услужливые соседи притащили рыжей ведьме её поганую тварь», — понял Славка. Вдруг дверь в ванную резко распахнулась. На пороге стояла разгневанная Алла Михайловна со взъерошенным котом на руках. Её вид был страшен. Под наспех накинутым коротким халатиком штормовыми волнами колыхались груди. Длинные пряди рыжих волос извивались, как змеи Медузы Горгоны. Засохшая на лице «маска» блестела в лучах лампочки. Глаза Аллы Михайловны вновь изменили цвет и красными угольками яростно буравили Славку.

— Как ты посмел? — прошипела Алла Михайловна.

— Ты посмотри, что этот гад сделал! — возмущённо закричал Славка, доставая из раковины испоганенные туфли. Он держал их между собою и Аллой Михайловной, то ли предъясняя улику, то ли отгораживаясь ими, как щитом, от грозной парочки.

— Если Пират что-то и сделал, то это ты спровоцировал его, — решительно отмела Славкины оправдания Алла Михайловна. — Любишь выбрасывать всех на улицу? Что ж, испытаешь это на себе. А для начала — убирайся из моего дома, живодёр!

Позднее Славка так и не смог вспомнить, как он оказался на лестничной клетке. Рядом валялись его вещи и раскисшая от воды обувь. Торопливо одеваясь, Славка оглянулся и увидел в дверях знакомой квартиры страшную рыжую ведьму со столь же рыжим, злобно взъерошенным котом на руках. Две пары одинаково горящих ненавистью глаз пригвоздили Славку к месту. Алла Михайловна выдернула у Пирата несколько шерстинок и, пробормотав что-то невнятное, сдула их со своей ладони в сторону Славки.

— Ты ещё поплатишься! — услышал он злобное шипение. Кто произнёс эти слова: ведьма или её кот, Славка так и не понял...

С той проклятой пятницы налаженная жизнь Славки рухнула под откос. В понедельник, как только он пришёл на работу, к нему подошла Людочка и, молча, положила на стол приказ о его увольнении по собственному желанию.

— Что это? — возмутился Славка. — Я не подавал заявление!

— Тебе виднее, — с любопытством взглянула на него секретарша шефа. — Мне приказали, я напечатала. Давай: или подписывай, что ознакомился, или иди сам разбирайся с Игорем Петровичем.

Схватив лист приказа, Славка ринулся в кабинет шефа.

— Что это значит? — хрипел он, потрясая бумагой.

— А чего ты ждал? — хмуро взглянул на Славку Игорь Петрович. — Я же тебя, дурака, предупреждал: не зли Аллу Михайловну.

— Так это она?.. — всё ещё не веря в происходящее, рухнул в кресло Славка.

— Нет, это генсек ООН настоял на твоём увольнении! — заорал Игорь Петрович. — Ты что, действительно, такой тупой или притворяешься? Скажи спасибо, что я тебя «по собственному желанию» увольняю, а не по статье, как она хотела. Чем это ты так её разозлил? Еле уговорил смягчить формулировку. Впрочем, подозреваю, она согласилась только потому, что тебе эта поблажка вряд ли поможет.

— Это мы ещё посмотрим! — расписался на приказе Славка. — Меня давно в две таких фирмы зовут — не чета вашей.

— Ну — ну, — холодно ответил шеф.

Он сразу как-то посуровел, эмоционально отстранился и официальным тоном сказал:

— Расчёт и трудовую книжку получите в бухгалтерии. Я уже распорядился. А теперь покиньте мой кабинет.

Игорь Петрович оказался прав. Перед Славкой закрылись все двери. Его не брали даже дворником. В отчаянии, Славка устроился в бригаду гастарбайтеров-узбеков. Их бригадир, Фархад, пять лет назад женился на местной женщине, много старше него. Жили они в том же доме, что и Славка, только в соседнем подъезде. Фархад получил российское гражданство, открыл пару овощных палаток. В начале дачного сезона к нему с родины приезжала толпа молодых «родственников», из которых он сколачивал несколько бригад, и те до самой поздней осени ставили дачникам заборы, ремонтировали сараи и крыши, мостили дорожки, рыли колодцы. Словом, не брезговали никакой работой.

Фархад явно обрадовался, когда Славка попросился в одну из его бригад. Тем более что тот готов был работать наравне с узбеками и за такую же, как у них, мизерную зарплату. Бригадир нахватал так много заказов, что ему не хватало рабочих рук, хотя узбеки работали практически от зари до зари. К тому же, большинство из них почти не понимали русский язык, и Фархад целыми днями разрывался между разбросанными по всему району бригадами, объясняя своим работникам пожелания и замечания заказчиков. Одним словом, Фархад был рад русскому рабу, а Славка хоть какой-то работе и пусть маленьким, но деньгам.

Работа, конечно, была временной, до конца дачного сезона оставалось не больше двух месяцев. Но не прошло и недели, как бригадир неожиданно появился на даче, где Славка с парой узбеков меняли крышу сарая, и, отозвав его в сторону, мрачно сказал:

— Кончай работу, Слава. Не знаю, кому и где ты перешёл дорогу, но подставил ты меня сильно!

— Что случилось, Фархад? — похолодел Славка, уже догадываясь, что проклятая ведьма достала его и здесь.

Бригадир долго мялся, оглядываясь по сторонам. Потом всё же тихо ответил:

— Меня сегодня вызвали в одно важное учреждение. Там мне прямо сказали, что, если я немедленно не избавлюсь от тебя, моим людям отменят регистрацию здесь и выгонят из России. И больше никогда не пустят. А меня привлекут за нелегальную предпринимательскую деятельность, неуплату налогов и... Ну, ты понимаешь?

— Понятно... — протянул Славка, снимая рабочие рукавицы.

— Вот держи, — вынул из пухлой сумочки-визитки несколько купюр Фархад. — Это тебе за работу.

— Спасибо, — Славка, не считая, сунул деньги в карман джинсов, махнул на прощанье рукой усердно стучащим молотками под критическим взглядом бригадира узбекам и пошёл прочь...

И в личной жизни у Славки тоже был полный абзац. Ещё тогда, в ту злополучную пятницу, когда он злой, в вонючих мокрых туфлях пришёл домой, прозвенел первый колокольчик тревоги.

С тех пор, как Славка начал проходить науку любви под руководством Аллы Михайловны, он стал потихоньку применять полученные знания и навыки к собственной жене. Вскоре он совершил невероятное открытие. Оказалось, что все восемь лет совместной жизни Анька всегда притворялась, что получает от секса с ним удовольствие, часто просто имитируя оргазм. Нет, жена вовсе не призналась ему в этом, не сказала открытым текстом и даже не намекнула. Просто теперь он сам, как говорится, опытным путём убедился, что Аньке вовсе не нравится, когда Славка с силой сжимает и мнёт её небольшие, полужидкие после родов грудки или засасывает их в рот чуть ли не целиком. До него ясно дошло, что, сколько бы он ни трудился над женой в рабоче-крестьянской «позе миссионера», та при этом не ощущает ничего, кроме тяжести его тела и скуки. Когда же ей окончательно надоедает вся эта бессмысленная возня, Анька по примеру всяческих кинодив начинает тяжело дышать, стонать, имитировать судороги оргазма, приближая же-

ланный конец неприятной процедуры. А он-то, дурак, гордо считал себя секс-машиной, был на седьмом небе от того, что полностью удовлетворяет жену.

Теперь же Славка точно знал, что стоит ему долго и нежно поцеловать жену в ямку между шеей и ключицей, и кожа Аньки покроется мурашками. А если он ласково проведёт кончиком языка по внутренней поверхности Анькиного бедра, та задрожит от возбуждения, маленькие плоские соски её груди вдруг вырастут, набухнут и превратятся в высокие розовые столбики, а из нижних губ начнёт сочиться терпкая влажная смазка.

Когда Славка впервые подложил под плоский зад жены подушку и забросил её длинные ноги себе на плечи, изменив тем самым угол проникновения, глаза Аньки широко распахнулись, а с губ, наконец, сорвался настоящий стон. Главная эрогенная зона жены вдруг стала доступна, и вскоре Славка узнал, как выглядит и ведёт себя Анька во время настоящего оргазма. С тех пор Славкина жена перестала избегать секса.

Раньше, когда Славка задерживался на работе или проводил приятный часок с очередной официанткой, его встречали дома либо скандал, либо темнота и спина отвернувшейся к стене якобы спящей жены. Теперь, как бы поздно Славка ни пришёл, Анька его ждала. И он всегда делом доказывал ей, что ожидание было не напрасным.

Вот и в ту злополучную пятницу всё начиналось вроде, как всегда. Анька ждала его, лёжа в постели в красивом новом пеньюаре. Славка бросил испорченные туфли в мусорное ведро, быстро принял душ, вымыл душистым мылом ноги и пошёл в спальню. Вскоре Анька вся горела и трепетала, а вот Славка никак не мог возбудиться. Что бы он ни делал, как бы ни ласкала его жена, перед глазами у Славки стояла окалившаяся в злобной гримасе рыжая морда Пирата, а в ушах звучало это шипящее «поплатишься».

В конце концов, отчаявшийся Славка, чтобы хоть как-то утихомирить начинавшую злиться жену, вынужден был использовать язык и пальцы. А когда всё, наконец, закончилось, пробурчал, что сильно вымотался на работе. А вот завтра, в выходной, они с Анькой всё наверстают.

Но, ни завтра, ни в последующие дни и ночи ничего не изменилось. Главный Славкин секс-орган не желал работать. Он мог проснуться и даже налиться силой во время прелюдии. Но, как только Славка решался перейти к активной фазе, перед глазами у него возникала оспа-

лившаяся в злобной гримасе рыжая морда Пирата, и его «дружок» тут же сдувался и повисал вялым, бессильным куском плоти.

Сначала Анька Славке сочувствовала. Она даже водила его по врачам, но те ничего патологического не находили.

— Наверно, на тебя так подействовал стресс увольнения, — сказала Анька. — Ничего, вот устроишься на работу, успокоишься, и всё опять наладится.

Ещё зимой они планировали взять в августе отпуск и махнуть вдвоём к морю: съездить по путёвке в Египет, Турцию или Болгарию. Сын Колька в начале июня был отправлен на всё лето в деревню к бабушке. Но неожиданное увольнение Славки свело все их планы на нет.

Шли дни, недели, вот уже и август наступил. Ни работы, ни секса. Понимание и терпение у жены закончились. Отношения между супругами достигли критической «точки невозврата».

— Я уезжаю к маме, в деревню, — объявила в первый день своего отпуска сквозь злые слёзы Анька, собирая чемодан. — Вернусь с Колькой недели через три. А ты постарайся к нашему приезду решить все свои проблемы.

Сашка молча проводил Аньку на вокзал. Когда, перед входом на перрон, он отдал жене чемодан и потянулся поцеловать её на прощанье, та резко отстранилась и сквозь зубы процедила:

— Не забывай поливать цветы и кормить кошку. Если с Муськой что-нибудь случится... Мне не нужен бездельник-импотент, не способный позаботиться даже о кошке.

2. Личный враг

Оставшись совсем один после отъезда жены, Славка бросил бесполезные попытки найти хоть какую-нибудь работу. Он целыми днями валялся на диване и слушал старые записи советских бардов: Анчарова, Визбора, Высоцкого. Из дома выходил только в магазин, чтобы купить еду себе и кошачий корм Муське. Кошку Славка почти не видел: та тщательно избегала любых встреч с хозяином. Славкины дни слились в однообразный хоровод: спальня, кухня, магазин, диван. Течение времени Славка отмечал по уменьшению оставленных женой денег. Он перестал бриться и следить за собой. Соседи при встрече с ним брезгливо сторонились, некоторые даже перестали здороваться.

Однажды, в зоомагазине вместо долговязой невзрачной девицы за прилавком оказалась маленькая сухонькая старушка. Подавая Славке пакет кошачьего корма, она вдруг тихо сказала:

— Большая беда у тебя, сынок. Кто-то наложил на тебя порчу.

— Знаю, — безразлично ответил Славка и отвернулся, собираясь уйти.

— Подожди, — попросила старушка.

Она быстро вышла из-за прилавка, подвела Славку поближе к окну и стала внимательно рассматривать.

— Нет, — наконец с сожалением покачала она седой головой. — Такое заклятие я не могу снять.

— А вы что, тоже ведьма? — равнодушно спросил Славка.

— Знахарка я, — ничуть не сердясь, ответила старушка. — Травками всякими лечу, заговорами.

— А ведьму какую-нибудь знаете? — загораясь надеждой, спросил Славка. — Ну такую, которая смогла бы мне помочь.

— В вашем городе только одна ведьма живёт, — задумчиво ответила знахарка. — Она, видать, и наложила на тебя заклятие, больше некому. Но заклятие это какое-то странное...

— Странное? — теряя надежду, спросил Славка.

— Тут, видать, не только ведьма постаралась. Ещё чьё-то злое влияние проглядывает. Но вот чьё?

— Что же мне делать?

— Приходи завтра, сынок, — сказала старушка. — Я тебе одну травку дам. Заваришь её вместо чая и выпьешь на ночь.

— И что это даст?

— Может, ничего не даст, — спокойно ответила знахарка. — Но, если повезёт, ты увидишь во сне своего врага...

— Я и так знаю своего врага! — махнул рукой Славка.

— Ты о ведьме? — усмехнулась старушка.

— О ком же ещё?

— Ведьма — только инструмент, — разделяя слова паузами, чтобы до Славки лучше дошло, произнесла знахарка. — Узнай своего истинного врага, тогда и средство борьбы с ним поискать можно будет.

Всю дорогу до дома Славка твердил, как молитву:

— Только инструмент, только инструмент...

Бросив нераспечатанный пакет с кошачьим кормом рядом с пустой кормушкой, Славка бросился в ванную и впервые за дни одиночества взглянул на себя в зеркало. С удивлением он увидел в отражении гряз-

ного бомжа, в неровной пегой щетине бороды и нечёсанных ломах которого серебрились в свете лампы седые прядки волос.

Когда чисто вымытый, гладко выбритый и аккуратно причёсанный Славка вывалился из ванной, благоухая дезодорантом и дорогим шампунем, в нос ему ударил застарелый запах кошачьей мочи. Он заглянул в туалет. Рядом с переполненным кошачьим поддоном растекалась воющая лужица.

— Вот ведь тварь! — выругался Славка. — И когда только успеваешь? Я ж вот только недавно за ней убирал. Или это было вчера?

Пришлось в срочном порядке мыть Муськин поддон и пол туалета, потом заново принимать душ и к знакомому зданию некогда родной фирмы Славка подошёл уже к концу рабочего дня.

— Игоря Петровича нет! — вскинула на Славку удивлённые глаза Людочка.

— Я не к нему, — пробурчал тот в ответ и решительно распахнул дверь в кабинет главного бухгалтера. — Разрешите, Алла Михайловна?

Не ожидая ответа, Славка вошёл и плотно закрыл за собой дверь. Им двигала надежда узнать имя своего настоящего врага. Терять было уже больше нечего, а приобрести можно многое.

— А, это ты, — ничуть не удивилась Алла Михайловна, с любопытством осматривая Славку. — Проходи, садись.

— Ты прекрасно выглядишь, — искренне сказал Славка. — Впрочем, как всегда.

— Ну и ну, — рассмеялась Алла Михайловна. — Так хорошо начал! Зачем же сводить комплимент на нет?

— Это не комплимент, а констатация факта, — Славку начала бить мелкая дрожь. Он быстро терял уверенность в себе, а разговор всё более уходил не в то русло.

— Ладно, не будем блуждать в определениях, — взмахнула холёной рукой Алла Михайловна. — Зачем пожаловал?

— Ты победила, — с горечью выдавил из себя Славка, бессильно сгорбившись на неудобном стуле. — Я дошёл до точки: работы нет, денег нет, моя семья на пороге распада.

— И кто в этом виноват? — холодно спросила Алла Михайловна.

— Я! — в отчаянии выкрикнул Славка. — Только я. Признаю. Но причём здесь мои близкие? Они-то за что страдают? Аля, я не прошу у тебя снисхождения для себя, но пожалей моих жену и сына. Они же ни в чём перед тобой не виноваты!

Алла Михайловна с удивлением взглянула на Славку.

— С каких это пор ты стал заботиться о других?

Славка сполз со стула и бухнулся перед рыжей ведьмой на колени.

— Умоляю тебя!

Неожиданно горячие слёзы хлынули у Славки из глаз. Алла Михайловна вскочила, бросилась к нему, легко подняла и усадила на стул.

— Ты что, совсем ополоумел? — сказала она. — Что это за бабские истерики?

— Прости меня, — всхлипывал Славка. — Я больше не могу так жить...

— Дурак! — Алла Михайловна достала из холодильника графинчик с розовой жидкостью, плеснула немного в стакан и сунула Славке в руку. — На, выпей и успокойся.

— Аля, Алая моя! — застучал зубами о край стакана Славка. — Прости...

— Тьфу! — брезгливо отодвинулась от него Алла Михайловна. — Терпеть не могу таких мужиков.

Она вернулась за свой стол и холодно сказала:

— Ладно, успокойся, наконец. Твои близкие, действительно, не должны страдать. Возвращайся завтра на своё прежнее место. Я распряжусь. Сможешь здесь работать или предпочитаешь поискать себе место в другой фирме?

— Смогу! — благодарно кинулся к ней Славка.

— Не надо! — жестом руки остановила его порыв Алла Михайловна. — Оклад будет тот же. А вот про пятницы забудь, — внушительно добавила она. — Слово кому скажешь и... Второй раз прощения не жди.

— Я всё понял, Алла Михайловна, не сомневайтесь, — униженно закивал Славка. — Спасибо вам!

Домой Славка летел, как на крыльях. Жизнь опять налаживалась. По пути он зашёл в парикмахерскую и почти час развлекал девушек анекдотами, пока те приводили в порядок его голову и ногти. Дома Славка полил, наконец, на подоконниках почти засохшие цветы, щедро насыпал Муське корма и сменил воду в её блюдец. Потом плюхнулся на диван и включил телевизор.

На экране шла какая-то эротическая сцена, и Славка неожиданно почувствовал возбуждение.

— Неужели, и эта напасть прошла? — с радостной надеждой подумал он. — Чёрт! Я ж на радостях забыл узнать у рыжей ведьмы, кто мой враг. Плевать! Кажется, теперь это не важно.

Любовная сцена сменилась перестрелкой, и Славка, зарывав от нерпения, стал рыться в тумбочке под телевизором, отыскивая диск с порнухой. Найдя искомое, он застыл в раздумьях.

— Может, лучше к Катке толкнуться?

Нет, он уже один раз нарушил принцип, заведя роман на работе. И чем это кончилось? И кончилось ли? Славка решительно сунул диск в плейер и плюхнулся на диван.

— Что ж, за неимением реальной бабы, придётся довольствоваться «Дунькой Кулаковой», — засмеялся он. — Как говорится: здоровый онанизм укрепляет организм!

Через час бесплодных усилий, злой и разочарованный Славка выключил видик. Проклятая ведьма вернула ему работу, но не сняла заклятие!

Утром следующего дня сослуживцы встретили Славку двусмысленными улыбками, шуточками и настойчивыми расспросами о произошедшем с ним. Славка на вопросы отмалчивался, а на подколки отшучивался. Игорь Петрович при случайных встречах его не замечал, смотрел куда-то «сквозь» Славку, на приветствие не ответил. Одна только Людочка ни о чём Славку не спрашивала, не подшучивала над ним и держалась, как и прежде.

Пару дней Славка полностью отдавался работе, разгребая накопившиеся за время его отсутствия завалы. Наконец, всё срочное было сделано, и мысли Славки вновь стала занимать его проблема. Он набрался смелости и, дождавшись конца рабочего дня, пошёл в кабинет Аллы Михайловны. Увидев его, та сначала удивлённо вскинула брови, потом нахмурилась.

— Я, кажется, тебе уже всё сказала насчёт пятниц, — сказала она.

— Сегодня пятница? — удивился Славка. — Нет, я к вам по другому вопросу.

— По какому же?

Славка замялся, не зная, как приступить к делу. Алла Михайловна выразительно посмотрела на часы.

— Как ваш Пират? — наконец, выдал из себя Славка.

— Пират? — с интересом взглянула на него Алла Михайловна. — Прекрасно! Ему, а значит и тебе, повезло: второй этаж, мягкая земля цветочной клумбы. Так что Пират пострадал больше морально, чем физически. Будь всё иначе, ты бы так легко моё прощение не получил.

— Алла Михайловна, — решился, наконец, перейти к главному Славка. — Раз уж ваш кот жив и здоров, может, вы окончательно меня простите?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, это...

Славка оглянулся на дверь, убедился, что та плотно закрыта и прошептал:

— Снимите заклятие.

— Ах, это! — засмеялась Алла Михайловна. — Нет, дружок, тут я тебе помочь не могу.

— Почему? — похолодел Славка.

— Ты сказку про Аленький цветочек знаешь? — насмешливо спросила Алла Михайловна.

— Причём здесь эта сказка?

— А там описано именно это заклятие, — откинувшись в кресле, начала объяснять Алла Михайловна. — Прекрасного принца превратили в отвратительное чудовище, и снять заклятие могла только девушка, которая бы искренне полюбила принца в этом страшном обличье. Так что, Славик, всё в твоих руках. Вернее, в сердцах твоих многочисленных баб. Обратись за помощью к своим официанточкам, к жене, наконец. Неужто, никто из них тебя не полюбит и таким?

— Стерва! Ведьма!

В ослеплении ярости Славка чуть не шагнул с тротуара под проезжающую мимо машину, но его вовремя удержал какой-то старичок.

— Куда ж ты на красный свет прёшься? — сердито выговорил он Славке. — На тот свет торопишься?

— Бабка! — вспомнил Славка, глядя в морщинистое лицо спасителя. — Знахарка!

Запахавшись, он влетел в знакомый зоомагазин за пять минут до его закрытия. За прилавком уныло прихорашивалась долговязая девица.

— А где старушка, что здесь работала недавно? — тяжело дыша, спросил её Славка.

— Баба Вера? — удивлённо взглянула на него девица. — Назад, в деревню уехала.

— Как уехала? — пал духом Славка.

— Она меня всего пару дней подменяла, — равнодушно пожалала узкими плечами девица. — А вам она зачем?

Славка безнадежно махнул рукой.

— А как называется её деревня?

— Мне-то откуда знать? — щёлкнула косметичкой девица. — У хозяина спрашивайте. Покупать что-нибудь будете, а то мне пора закрывать?

Славка побрёл к выходу.

— Эй, мужчина, — окликнула его девица. — Баба Вера тут для кое-то кое-что оставила. Не для вас, случайно? Хотя, тот, она говорила, на бомжа должен быть похож...

— Для меня! — ожил Славка. — Не сомневайтесь, это я был тем бомжом ещё недавно.

Девица вынула из-под прилавка небольшой газетный свёрточек и отдала его Славке.

— Спасибо! — горячо поблагодарил тот. — Сколько с меня?

— Нисколько, — нетерпеливо подтолкнула его к выходу девица. — Баба Вера за помощь денег не берёт.

Дома, сидя на любимом диване, Славка бережно развернул свёрток. В нём оказалась маленькая баночка из-под детского питания. В нетерпении, Славка открыл крышечку и заглянул внутрь. Он увидел смесь каких-то мелко порубленных растений. Пахло из баночки так, что Муська, забыв страх, вылезла из-под кресла и даже попыталась залезть к Славке на колени. Отмахнувшись от обнаглевшей кошки, Славка поспешил на кухню и поставил на огонь чайник. Никакой записки в свёртке не было, и Славка, вспомнив, что говорила ему знахарка, достал из серванта заварной чайничек праздничного сервиза и высыпал в него всё содержимое баночки...

Барсик уморительно шипел, пушистым чёрным шариком катался по ковру, гоняясь за «мышкой». Мальчик громко смеялся, дёргая нитку, к концу которой был привязан яркий фантик от конфеты. Котёнок жмурил янтарные глазки, вставал на задние лапки, пытаясь передними схватить пляшущий над головой фантик. Его короткий, пушистый как у белки хвостик нервно дрожал.

— Светик, пойдй вынеси мусор! — послышался из кухни голос мамы.

Мальчик сделал вид, что не слышит. Пусть папа выносит это противное ведро и вываливает его содержимое в вонючий мусоропровод. Всё равно он ничего не делает, только сидит рядом с мамой и курит в раскрытую форточку.

— Светик, я кому сказала? — голос мамы из ласкового стал строгим. — Немедленно вынеси мусор! Я сейчас буду картошку чистить, а ведро полное.

Мальчик нехотя встал с ковра и поплёлся на кухню. Барсик пантерой набросился на неподвижную «мышку», впился в неё зубами и когтями всех четырёх лап и начал упоённо рвать на куски, отплёвываясь и фыркая.

— Перестань называть его Светиком, — недовольно пробурчал папа. — Сколько раз тебе говорить: он — мальчик, а не девочка!

— А как мне его называть? — привычно огрызнулась мама. — Святослав Сергеевич, что ли?

— Святослав — это «святая слава», — выбрасывая окурок в форточку, тоже повысил голос папа. — Святая, а не светлая!

— Ну, что встал? — повернулась к сыну мама. — Забыл, где у нас мусорное ведро?

Мальчик вытащил из-под раковины тяжёлое ведро и поплёлся к выходу.

— Святая, светлая — какая разница? — услышал он раздражённый мамин голос. — У всех святых на иконах над головой нимб светится...

«Как же надоели эти постоянные споры! — грустно подумал мальчик. — Ну почему меня не назвали Петькой или Сашкой?»

— Святослав — знаменитый русский герой! — гремел сзади папин голос. — Он до Царьграда дошёл...

Мальчик перешагнул порог квартиры и с силой захлопнул за собой дверь. Болезненный писк заставил его выронить ведро. Дверь не закрылась! Глупый верный Барсик, всегда ходивший за хозяином по пятам, бился в судорогах между косяком и дверью.

На крик сына из кухни прибежала мама. Она подхватила трепещущий пушистый комок в руки, что-то успокоительно лепетала, дула Барсику в мордочку. Всё было напрасно. Через минуту котёнок умер. Удар двери сломал ему шею. Мама заплакала, сжав в объятиях бьющегося в истерических рыданиях Светика. Папа, молча, достал с антресоли в прихожей старую коробку из-под обуви и бережно уложил в неё безжизненное тельце котёнка.

— Мы похороним Барсика во дворе, под нашими окнами, — сказал он. — Ты сможешь его навещать...

— Нет! — закричал Светик. — Никогда! Ни за что! Как он мог? Зачем?..

Когда Славка вынырнул из ужасного сна-воспоминания, на груди у него лежала Муська и слизывала слёзы, обильно струящиеся из его глаз. Увидав, что Славка открыл глаза, кошка продолжила спокойно «умывать» хозяина и даже как-то успокоительно заурчала. К собственному удивлению, Славка и сам почему-то не испытывал ни малейшего желания шугануть кошку. Наоборот, было несказанно приятно ощущать на себе тёплый вибрирующий комок. Он осторожно поднял руку и впервые погладил Муську. Та довольно выгнулась и громко замурлыкала.

Давно забытая, насильно заглушённая волна любви к ласковому домашнему существу накрыла Славку. В его руках сейчас млели от удовольствия и бедный глупый Барсик, и выкинутая на мороз и ужас маленькая Муська, и даже злобный Пират.

«Каким же бесчувственным чудовищем я был всё это время! — поразился Славка. — Это же я убил тогда Барсика. Пусть нечаянно, случайно, но убил. И переложил собственную вину на несчастного котёнка. Обвинил в предательстве и осудил как самого Барсика, так и всех, кто мог бы его заменить, а потом так же «предать», оставив меня в одиночестве, наедине с горечью утраты. Муська и Пират хотели и ждали от меня внимания и любви. А что получили? Знахарка права: ведьма — только инструмент, а враг мой всегда был со мною рядом — это я сам!»

Славка зарыдал громко, в голос, как в детстве. Муська встревожилась и напряглась.

— Не бойся, маленькая, — сквозь слёзы и сопли выдавил Славка, ласково удерживая кошку у себя на прыгающей от плача груди. — Это скоро закончится. Просто из меня выходит то зло, что копилось все эти годы.

Они мирно лежали, глаза в глаза, нос к носу. Славка постепенно успокаивался. Наконец, слёзы закончились, и он впервые ясно рассмотрел свою новую четырёхлапую подружку. Странно, и почему это Муська раньше казалась ему какой-то серой, бесцветной? Славка с удивлением увидел, что короткая кошачья шёрстка переливается тремя, а то и четырьмя цветами. Тут были и чёрные пятна на спинке, и чистый белый животик, и рыжие разводы по всему телу и голове, и серые «нопочки».

— Какая же ты у меня, оказывается, красавица! — восхитился Славка.

Муська довольно шурила янтарные глазки и чувствительно покалывала голую Славкину грудь, ритмично выпуская и пряча острые белые коготки.

— Бедная, как же ты отощала со мной, — виновато сказал Славка, ощущая под мягкой шкуркой кошки выступающие рёбра. — Ничего, теперь у нас всё будет иначе. Вот увидишь!

Муська что-то мяукнула в ответ и встала, довольно потягиваясь и зевая. Потом слезла со Славкиной груди, села с ним рядом и начала старательно «умываться», не прекращая довольно мурлыкать.

— Намёк понял, — засмеялся Славка. — Хватит страдать и рыдать! Не баба, ведь, и не ребёнок давно. Пора начинать жить по-взрослому.

Он бодро вскочил с постели и пошёл в ванную.

Довольный и расслабленный, Славка пил на кухне кофе. Муська рядом со своей кормушкой, жмурясь от наслаждения, грызла придерживая лапой размороженную тушку минтая. Вдруг раздался дверной звонок.

— Кто бы это мог быть? — спросил Муську Славка. Та в ответ даже ухом не повела.

— Привет, сосед! — ароматным пёстрым вихрем ворвалась к ним в квартиру Катька. — У тебя соль есть?

— Соль? Какая соль? — опешил Славка.

— Ну, соль! — нетерпеливо потрясла перед его носом пустой солонкой соседка. — Белая такая, на сахар похожа, только не сладкая.

— Есть, наверно, а что? — не желал выходить из нирваны покоя Славка. Им так хорошо было с Муськой вдвоём, пока не ворвалась эта чокнутая.

— Ты что, совсем отупел? — разозлилась Катька. — Неужто, импотенция и мозги отшибает?

— Ты о чём это? — возвращаясь в грубую реальность, спросил Славка.

— Всё о том же! — насмешливо сверкнула синими глазами Катька. — Анька мне всю грудь прорыдала перед отъездом, жалуюсь на свою беду.

— Её беду? — поразился Славка.

— А то чью же? — заржала Катька. — Все наши бабы её жалеют.

— Какие бабы? — приходя в ярость, прохрипел Славка. — Ты что, всему дому уже растрепала?

— А я обет молчания никому не давала, — подбоченилась Катька.

Её короткий халатик распахнулся. Тяжёлые, молочно-белые груди и полоска гладко выбритого лобка чётко выделялись на загорелом Катькином теле.

— Ну, что уставился? Давно голой бабы не видел? — вошла в раж соседка. — Может, потрогать хочешь? Тебе, импотенту, ничего другого и не остаётся: только смотреть и трогать.

— Ах, ты!..

Не помня себя от ярости и унижения, Славка схватил наглую бабу, развернул и бросил грудью на стол, чудом не попав её лицом в чашку с горячим кофе. Он задрал Катькин халатик ей на спину и...

Очнулся Славка, когда всё уже было кончено. Он отпустил сладко стонущую Катьку и, тяжело дыша, прислонился к прохладной стене кухни. Катька сползла на табуретку и изумлённо взглянула на Славку.

— Вот так импотент! — наконец, усмехнулась она. — Ну, Анька! Ну, артистка! Как разыграла-то меня, а? Это она что, специально что ль придумала, что б я, типа, тебя не соблазнила, пока её нет?

— Извини, — счастливо улыбаясь, сказал Славка. — Я не хотел...

— Не хотел он! — перебила его Катька. — Все б мужики меня так «не хотели». Раз уж ты так по бабе истосковался, взял бы бутылку, букет цветов да...

Славка достал с кухонной полки пакет и подал Катьке.

— Вот, ты спрашивала соль, — поспешил он закончить разговор.

— Батюшки! — подхватила Катька, поспешно наполняя свою солонку. — У меня ж там суп на плите кипит, и дверь нараспашку...

Проводив соседку, Славка вернулся на кухню. Муська сидела рядом с полу съеденной рыбой и, улыбаясь, смотрела на него.

— Вот так вот! — подмигнул ей Славка. — Жаль только, что опять принцип пришлось нарушить. А я и не знал, что кошки умеют улыбаться. Хочешь молочка?

В дверь снова позвонили. Муська бросилась в прихожую. Удивлённый Славка пошёл за ней.

— Славик, живой! — кинулась ему на шею с порога Анька. — А я там, в деревне, чего только ни передумала. Сегодня всю ночь не спала, боялась, как бы ты здесь над собой чего не сделал. Ты прости меня, эгоистку глупую. Чёрт с ней, с работой! Проживём как-нибудь, с голоду не умрём.

Славка обнимал жену, целовал мокрое от слёз лицо и млеял от радости и счастья.

— Собирайся, Славик, — лепетала Анька. — Поедем со мной в деревню. Ну что тебе тут одному маяться?

— А как же Муська? — улыбаясь, спросил Славка. — А твои цветы?
— Попрошу Катьку присмотреть, — ответила Анька, улыбаясь в ответ сквозь слёзы. — Собирайся. Там в соседней деревне знахарка одна живёт, баба Вера. Правда, к ней запись — на полгода вперёд...

— Я не могу сейчас ехать, — усаживая Аньку на диван, сказал Славка.

— Как, не можешь? — встревожилась та. — Почему?

— Потому что мой «отпуск» уже закончился, — развёл руками Славка. — В понедельник мне с утра надо быть на работе.

— На работе? — всё ещё не веря, спросила Анька. — На какой?

— Меня взяли назад, в ту же фирму, на то же место. А бабу Веру мы как-нибудь потом навестим, — улыбнулся жене Славка. — Обязательно навестим. Меня она примет без очереди, — заверил жену Славка. — Ты скоро узнаешь, почему.

Под изумлённым взглядом Аньки он взял на руки трущуюся об их ноги радостную Муську.

— Ну, что, девочки, идёте на кухню? Позавтракаем, наконец, все вместе...

Никита Николаенко

Москва

ПРОКАЗНИЦА МАЙЛА

Папулечка, мы решили завести собаку! — бодро объявила мне дочь-студентка, с некоторых пор живущая отдельно со своим мужем. Легкая дрожь охватила меня от этих слов. Может быть обойдетесь попугаем? — с робкой надеждой поинтересовался я тихим голосом. Нет, собаку! — решительно ответила дочурка. Собаку так собаку! — вздохнул я тяжело. Сразу стало понятно, что тихо отсидеться в стороне у меня не получится. Может быть, еще передумает? — мелькнула спасительная мысль. Но нет не передумала.

Щенка они выбирали долго, ездили по приютам присматривались. Наконец выбор был сделан. Двухмесячный щенок оказался довольно крупной девочкой с глазами разного цвета. Уже тогда она смотрелась

интересно. Начались самые трудные времена воспитания и привыкания друг к другу.

Первое время дочь носила щенка в рюкзачке на груди, не выпуская на землю. Изредка я сопровождал их на прогулках. Смотри это ворона! — показывала дочь щенку птицу, останавливаясь поодаль. А это фонтан, из него течет вода. Щенок норовил вылезти из рюкзачка, но ее не выпускали. Рано! Может быть, пора дать ей побегать немного? — спрашивал я для порядка. Нет, она должна привыкнуть к этому миру, — резонно возражала дочурка.

Привыкание шло трудно. Для щенка соорудили отдельный вольер с прогулочной галереей, но приручить к порядку ее долго не удавалось. Несколько ночей дочь даже спала вместе с щенком в вольере для установления контакта. Потом щенка долго возили по ветеринарным клиникам, делая необходимые прививки и чипируя. Не было у бабы забот, так купила порся, — приходила на ум русская поговорка. Наконец ей дали имя. Это Майла! — в один из дней объявила дочурка. Теперь ее зовут Майла! — Неплохо звучит. А муж одобрил? — Да, мы подбирали имя вместе. Ну и ладненько. Майла так Майла.

Вскоре мне стали доверять щенка на день-другой. Она осваивалась у меня дома, осваивался с щенком и я. Забот хватало. Оставленная без присмотра собака тут же изгрызла подушку от мягкой мебели да так, что, войдя в дом я увидел лишь клочья от подушки, разбросанные по всему полу. При виде этой картины я нахмурился, а Майла лишь радостно виляла хвостом, словно говоря — вот какая я молодец! Могу погрызть еще чего-нибудь. Не дашь? Ну, зубки чешутся у девочки, что тут поделаешь! Нельзя так делать, нельзя! — учил я ее, ласково тыкая мордой в клочья на полу. В ответ Майла рычала и норовила ухватиться зубами за руку. Нашлепать бы тебя! — вздыхал я тяжело, но бить ее мне категорически запретили. В дальнейшем Майла сажалась под замок в просторной кухне, а там грызть было особо нечего. Впрочем, для ее зубов я стал приносить увесистые ореховые палки, которые она старательно перемалывала в щепки.

Конечно я выгуливал питомца, как и положено. Уместно заметить, что своим внешним видом Майла выгодно отличалась от таких же беспородных собак как она. Длинные лапы придавали ей статный вид, уши торчком, блестящая гладкая черная шерсть, белое пятно на груди и на кончиках лап дополняли картину. А завершал ее большой пушистый хвост. Разного цвета глаза подтверждали слухи о том, что это была смесь немецкой овчарки и хаски. На поводке она шла гордо, подняв голову, высунув язык и рыская из стороны в сторону. Встречные прохо-

жие улыбались. Красавица! — часто слышались комплименты в ее адрес. Нападки больших собак она опасалась только первое время. В дальнейшем она злобно рычала, лаяла в ответ и рвалась с поводка даже на собак бойцовской породы. Смелая выросла девочка Майла.

Моя жена Лена в ней души не чаяла. Покупала ей награды — лакомства для собак в магазине “Четыре лапы”, всячески баловала ее и защищала от справедливых замечаний с моей стороны. Ну и та всегда была рада ее видеть, прыгала вокруг нее, виляла хвостом и норовила лизнуть по-настоящему, в лицо значит. Общий язык они нашли быстро. А вот я первое время держался с ней настороженно. Далеко не сразу у нас установились теплые отношения. Щенок-то щенок, но собака подросла уже мне до колен и нет-нет да проявляла характер. Рычала и скалилась она вполне по-взрослому, а уж как рвала зубами поводок, едва удавалось его удерживать. Так-так! — размышлял я в такие минуты с опаской поглядывая на питомца. Цапнет ведь не задумываясь! Говорят, что детеныши у змей с рождения ядовитые. Как пел в свое время Володя Высоцкий — “и не то чтоб эти детки были вовсе малолетки”. Словом, расслабиться с ней я себе не позволял, был начеку. И она отвечала мне тем же. Такой любви как к Лене ко мне собака не проявляла.

Но все изменилось в один прекрасный день после рядового, казалось бы, случая. Мы с Леной прогуливались, вели собаку на поводке я как раз рассуждал о том, что скалится она на меня больно грозно, а Лена на ходу играла с ней. От избытка чувств Майла высоко подпрыгнула, но приземлилась неудачно, больно стукнулась об землю боком, жалобно заскулила и отползла в сторону. Жена тут же бросилась ее спасать, принялась гладить, утешать и конечно же подкармливать припасенными для такого случая лакомствами. Это подействовало. Собака ожила, съела все угощение и радостно завиляла хвостом. Да это же просто глупый щенок! — воскликнул я. Ее не опасаться следует, а приручать к порядку, воспитывать! Конечно! — подтвердила жена. Будь с ней поласковой, она еще такая маленькая! Ничего себе маленькая! Играй с ней почаще, воспитывай! У меня и так дел хватает! — буркнул я в ответ, но замечание жены принял к сведению. Вскоре отношения у нас стали налаживаться, и мы все чаще находили общий язык. Это я стал действовать ласково. Помогло.

Собаку у нас то забирали, то доверяли нам снова. От большой любви к Майле хозяева поменяли ошейник на шлейку и когда я по забывчивости вновь взялся за ошейник, намереваясь надеть его, Майла подняла такой громкий лай, что я вынужден был оправдываться. — Ну

виноват, перепутал маленько! Бывает! Хоть мы и подружились немного и управляться с ней стало легче, но от своих проделок собака и не думала отказываться. Оставленные без присмотра платки, носки и перчатки пропадали молниеносно и потом находились в разных местах разорванные в клочья. Игрушек ей не хватает! — оправдывала собаку Лена. Ремня хорошего ей не хватает! — говорил я в ответ, понимая, что шлепнуть питомца мне не дадут ни разочка хотя бы и символически.

Но по части проделок Майла превзошла себя зимой, когда мы после Нового года мы отправились на дачу. Лечебная настойка на калине ждала нас там, а сало на закуску было куплено по дороге. Благополучно приехали, протопили дом. Пока я чистил дорожки от снега, Лена накрыла стол, а Майла подозрительно все это время сидела под креслом, один хвост торчал наружу. Что она там так долго делает? — спросил я, стряхивая снег и подходя к столу. Не знаю! — пожалала плечами жена. Сама удивляюсь. — Ну да ладно. У тебя все готово? Все готово, — подтвердила она. Разливай настойку и доставай свое сало. — Это мигом. Сало лежало в сумке, которая стояла на диване. Сумка то стояла, как и прежде на том же месте только сала в ней не оказалось. Где мое сало? — произнес я удивленно, убедившись, что там его нет. Внезапная догадка заставила пристально посмотреть на хвост Майлы, по-прежнему торчащий из-под кресла. Так оно и оказалось. Осталась лишь скомканная промасленная бумага, а полкило сала как корова языком слизала. Зато у Майлы была сытая и довольная морда и ни тени раскаяния на ней не отражалось. Ну не проказница разве! Зато как она носилась потом по заснеженным полям! Одни уши из сугроба торчали. Еще бы, на моем-то сале!

Время шло своим чередом. Наступило лето. Минул год с тех пор как у нас появился питомец. Собака выросла, заматерела, от хорошего питания наела себе бычью шею и вообще приобрела еще более грозный вид. Теперь при виде одинокого пешехода, идущего навстречу, приходилось натягивать повод, но я с трудом удерживал ее, если ей вздумывалось резко рвануть куда-то, за кошкой к примеру.

Мы с Леной зачастили на дачу, но и там проделки Майлы не прекратились. Гулять с ней было интересно. За дачными участками мы спускали ее с поводка и наблюдали за тем, как она носилась по полям, гоняя стайки мелких птичек. Набегавшись она возвращалась и плюхалась в ручей около поля и плескалась там в свое удовольствие, держась правда ближе к берегу. Вылезай Майла! — звала ее Лена. По зову жены та вылезала.

Поскольку Майлу мы забаловали основательно, то она стала позволять себе некоторые вольности, а именно устраивалась на покрывале на лужайке около дома, где загорал обычно я. А Лена грелась на солнышке рядом в кресле. Так вот стоило мне отлучиться как покрывало оказывалось занято бессовестной Майлой, и отодвинуть ее стоило большого труда. Собака рычала, скалилась, слегка покусывала руки и уходить никак не хотела. Занято место и все тут! Это не для тебя приготовлено, проваливай! — пытался я образумить собаку, но она не слушалась. Согнать ее удавалось лишь хитростью. Для этого бралась с поленицы заранее приготовленная дубина толщиной с руку и произносила следующая речь. — Ах, какая хорошая палочка, мягкая, гладкая и такая вкусная! Майла смотрела с интересом. После этого дубина летела в дальний угол сада, собака по инерции бросалась за ней, а когда возвращалась, держа трофей в зубах, место оказывалось уже занято. Так вот и развлекали друг друга. Дни тянулись привольно и долго.

Время от времени несмотря на протесты жены я таки наказывал собаку, больше для порядка. Наказание заключалось в том, что Майла привязывалась к фонарному столбу на короткий поводок и оставлялась там без внимания. А мы с Леной сидели в дачных креслах и загорали вроде как сами по себе. Собака демонстративно поворачивалась к нам спиной и усаживалась на задние лапы. Но продолжалось это недолго, минут пять не больше. Вскоре она начина жалобно скулить и Лена тут же бросалась спасать ее из заточения. Ну пусть посидит под замком хотя бы пол часика! — пытался я образумить жену, да куда там! Нет, она же скулит! — возражала Лена, отвязывала собаку, да еще и гладила ее жалеючи. Меня бы так пожалела!

Казалось, что все идет хорошо, что так будет и дальше, но нет. Жизнь вносит свои коррективы, постоянно испытывая нас на прочность. Беда подкралась незаметно. В один из теплых дней в конце августа мы приехали на дачу с Майлой разумеется. Дорога выдалась тяжелая, машина была загружена до верху, но прибыли мы по расписанию аккурат к ужину. Накрывай на стол дорогая, а я загоню машину на участок и приступлю к разгрузке! — предложил я жене. Нет, я пойду прогуляюсь с Майлой! — возразила она. Я огорчился. Мы устали с дороги, хотелось скорее опрокинуть рюмочку— другую с устатку. Давай выпьем, закусим и прогуляемся вместе! — попробовал я уговорить ее, но она оказалась непреклонна. — Нет, пойду прогуляюсь! Накрывай и разгружай сам! Взяв Майлу на поводок, женщина ушла, оставив меня одного на хозяйстве. Досадую я стал накрывать на стол, потом принялся разгружать машину. Устал. Бросил. А ее все не было. Ну сколько

можно ждать! — воскликнул я в сердцах и опрокинул полную стопку водки. Поморщился. Закусил. Потом выпил еще стопку. Все одно за руль не садиться. А жены все не было, и на звонок она не ответила. Странно. За окном послышался шум подъехавшей машины, которая почти сразу же уехала. Что-то здесь не так. Я вышел на улицу.

На скамейке перед домом, поддерживая одной рукой другую, опустив голову сидела Лена. Одежда ее была испачкана землей. Рядом с ней стояла наша соседка, ее подруга и держала на поводке Майлу. Что случилось? — спросил я с тревогой, подходя ближе. Выгоняй машину! — с трудом произнесла жена. У меня сломана рука, сейчас повезешь меня в Дмитров. Это был ближайший город к дачному поселку с большой больницей. Да что случилось? — повторил я вопрос, обращаясь к соседке. \» Собака рванулась с поводка и Лена упала\», — произнесла та. Из дальнейших объяснений выяснилось, что жена повернулась посмотреть на подошедший автобус, на котором и приехала соседка, в это время из кустов вспорхнула стайка птиц, Майла рванулась за ними, опрокинула хозяйку, да еще и протащила ее по земле, поскольку повод так некстати оказался намотан на руку. А проходящая мимо машина подвезла их к дому и уехала. Вот и весь сказ.

Может быть это не перелом вовсе, а сильный ушиб? — спросил я, все еще надеясь на лучшее. Нет, это перелом, — ответила жена тихо, но твердо. Она была врач и знала, что говорила. — Все понятно. Надо ехать! Но как?

Садиться за руль после двух стопок водки? В памяти услужливо всплыла картина, виденная недавно в наших краях как солидного вида гаишник командовал погрузкой машины на эвакуатор. А рядом понуриив головы стояли двое мужчин с румяными лицами то ли от стыда, то ли от выпивки. Попались голубчики! У меня тридцать пять лет водительского стажа за спиной. Остановят — не поздоровится! А может быть вызвать скорую? Я бросил взгляд на небо. Вечерело. Скорая до этой деревни два часа добираться будет. А то и откажут. Спросят — угроза жизни есть? — Пока нет. — Вот и привозите ее сами. А у нас машин не хватает, все на вызове. Знакомая песня, не правда ли. Как быть?

Тут я впервые после всего случившегося пристально посмотрел на собаку. Та смиренно стояла с виноватым видом, поджав хвост и опустив голову. Чувствовала, что набедокурила. Пристрелить бы ее! Садись за руль повезешь подругу в Дмитров! — обратился я к соседке, но та сразу отказалась. Я давно не водила машину, разучилась уже, на автобусе вот приехала, — объяснила она. Вези ты, а я присмотрю за собакой. — Присмотришь за собакой? — Да! Я посмотрел на жену. Она сидела на

лавочке опустив голову держась за плечо и тихо стонала. — Ладно. Делать нечего. Едем!

Я выгнал машину с участка и кивнул Лене, — садись! Я не могу без посторонней помощи, — тихо прошептала она. Вдвоем с соседкой с трудом мы усадили Лену на заднее сиденье. Бросив в рот горсть зерен кофе для самоуспокоения и кивнув соседке, — спасибо за помощь, мы скоро вернемся, — я выехал на дорогу.

До Дмитрова было где-то минут тридцать пять езды. Дастер достаточно комфортная машина шел мягко, но при каждом толчке Лена громко стонала. — Потерпи дорогая! — Долго еще? — Да скоро! Тревога все больше и больше охватывала меня. Да что же это за перелом такой! Наконец мы добрались до больницы.

Это ваша коллега врач заведует большим отделением в городской больнице! — объявил я дежурным врачам первым делом. Понятно, сделаем все возможное, — ответили они. С тревогой я прохаживался по коридору слыша стоны жены из перевязочной. Я зал свою жену. Боль терпеть она умела и, если кричит значит боль невыносимая. Сделали рентген, наложили гипс, ввели обезболивающее. — Что там? — спросил я нетерпеливо у врача. — Перелом со смещением, потребуется сложная операция, — последовал ответ. Стали оформлять бумаги для госпитализации, а Лена тем временем позвонила в Москву своим коллегам. Вскоре ей перезвонили и сообщили что для нее подготовлено место в одной из московских больниц. Едем в Москву! — объявила она. В Москву так в Москву. Усталость давала себя знать, но куда тут денешься! А вещи все наши на даче остались! А алкоголь еще не выветрился! А впереди ждала долгая ночная дорога. Едем. Стонать Лена почти перестала, сказалось действие лекарств. Добрались глубокой ночью. Хорошо, что нас уже ждали и я передал жену врачам с рук на руки. Гипс с нее сразу сняли, все одно впереди операция.

Через день ей сделали операцию, установили пластину. Я стал навещать ее каждый день вечерами. Мы гуляли по большому саду где росли яблоки разных сортов, много яблок. Рука ее покоилась на перевязи локтем вперед, зафиксированная для правильного сращения костей. По просьбе жены я срывал созревшие яблоки и давал ей на пробу. А на даче у нас сейчас такие же растут! — вздыхала она частенько. Ничего, вот поправишься и полакомишься нашими яблоками, — утешал я женщину.

А что же Майла? А ничего. Сидела на даче с соседкой. С нее все как с гуся вода. Сердиться на собаку или тем более наказывать ее ни у кого не возникло желания. Какой со зверя спрос! Хорошо ей она прыга-

ет от радости, плохо — скулит потихоньку. К беде привело неблагоприятное стечение обстоятельств. И не вовремя повернулась жена к автобусу, поводок зачем-то намотала на руку, птички вспорхнули так некстати. Но больше всего я досадовал на себя из-за того, что отпустил Лену одну на прогулку. Ну подождала бы она маленько, выпили бы, закусили и отправились бы на прогулку вместе. Нет, не терпелось ей одной прогуляться с собакой!

Дни летели один за другим. Лена хоть и медленно шла на поправку. Мы даже съездили на юг к морю и поплескались там в свое удовольствие. Но как известно, беда не приходит одна. Неспроста русская народная пословица гласит — пришла беда отворяй ворота. Находясь в реабилитационном центре Лена оступилась, упала и сломала вторую руку. Вот уж воистину! Знать бы где упадешь так соломки бы постелили!

Началось повторение пройденного. И хотя перелом оказался не такой тяжелый как первый, но все равно потребовалось установить пластину и на эту руку. Натерпелась же она бедненькая! В аэропорту теперь звенеть буду! — слабо улыбалась жена во время моих визитов. Ты главное выздоравливай, а аэропорт это не самое главное! — успокаивал ее я. Но вновь насмотревшись на больничные порядки я лишь перекрестился. Не дай бог там оказаться без особой необходимости!

Время стирает остроту восприятия. Лена потихоньку восстанавливается, хотя понятно, что до полного выздоровления ей еще далеко. Мы снова берем Майлу на прогулку только теперь, когда собака прыгает на жену от радости, та поворачивается к ней спиной для защиты, руками ей еще трудно отбиваться, а я резко натягиваю повод. Хватит! Майла по-прежнему всеобщая любимица и все гуляют с ней с удовольствием. Стоит мне устроиться за столом как Майла подсовывает голову под руку и норовит взобраться дальше на колени с тем, чтобы лизнуть в лицо. Приходится отбиваться. — Отстань! Тебе разве не хочется со мной целоваться? — спрашивает ее настойчивый взгляд. Нет ни малейшего желания! — киваю я ей. Но она все равно не успокаивается и даже кладет лапы на плечо для верности. Тут уже чувствуются ее острые когти и из-за стола приходится ретироваться. Ничего. Посижу в другой раз. Зато у меня появилось много знакомых во дворе, и при встрече мы раскланиваемся. Забрали собаку? — интересуется встречный мужчина, ведущий на поводке своего питомца. Забрали! — киваю я в ответ. Но обязательно доверят ее снова. Еще увидимся!

Александр Филичкин

Самара

ВСТРЕЧА С УМЕРШИМ СУПРУГОМ

У моей милой жены имеется старая тётя довольно преклонного возраста. Зовут её Людмила Ивановна. В юности была Королёва. Потом несколько раз меняла супругов и какую, на данный момент, она носит фамилию, я точно не знаю.

В девичестве она замечательно пела, окончила консерваторию по классу вокала и долго работала в театре оперы и балета города Куйбышева. Она выступала в очень многих музыкальных спектаклях, а в положенный срок её проводили на заслуженный отдых. После чего, она упорно трудилась в разных местах

Благодаря генетике, Людмила Ивановна и в настоящее время, чрезвычайно активная женщина. Она не утратила трезвое соображение и память и обитает одна в маломерной «хрущёвке». Её взрослые дети давно проживают отдельно.

Пенсионерка, сама ходит в аптеку и по всем магазинам, а потом, с полной авоськой, пешком поднимается на четвёртый этаж. Лифта в их старом доме, к сожалению, нет. Готовит, стирает бельё и прибирает в квартире она тоже без чьей либо помощи. Как говорится, «сталинская закалка» продолжает работать.

В прежние годы, Людмилу Ивановну иногда посещали вещие сны. Пару из них стоит здесь рассказать. Однажды, женщина с удивлением увидела, как два самолёта врезаются в огромные стеклянные башни. Она много раз видела их в телевизионных программах. Поэтому, сразу узнала те здания, что находились в Нью-Йорке.

Когда она рассказала о странном видении, ей никто не поверил. Мол, это всё бред. Такие сооружения не могут упасть, если их протаранит аэроплан типа «Боинг» с полной загрузкой. Их специально рассчитывают на подобный удар. Лет через пять, произошло всё именно так, как это было во сне.

Потом, случилась история с телеведущим по фамилии Листьев. В начале 1995 года, Людмиле Ивановне привиделся банкетный зал ресторана с огромным богато накрытым столом. Рядом с ней находился потрясающе грустный Владислав Николаевич.

Молодой человек открыл чемоданчик и показал, что кожаный кейс до самого верха наполнен деньгами. Журналист сообщил, что ему угрожают и скоро убьют. И опять, старой женщине никто не поверил.

Мол, у подобных людей есть большая охрана. Бойцы никого к нему не подпустят и прочее в этом же роде. Уже через месяц Влада застрелили в подъезде его шикарного дома. Он там оказался почему-то один. Кроме убийц, рядом не было ни единой души.

Когда Людмиле Ивановне перевалило за семьдесят, она заболела и ей удалили какую-то часть внутренних органов. В ходе той операции, женщина неожиданно впала в состояние клинической смерти.

В тот ужасный момент, всё было так же, как пишут в мистических книгах. Она видела своё бездыханное тело, лежащее на операционном столе. Потом, оказалась в длинном тоннеле и полетела на ярко сияющий свет. Там её ожидали очень приятные люди. Они манили руками и без всяких слов звали к себе.

В этот миг она испытала невероятное счастье и внезапно очнулась от сладостных грёз. Сожаленье от огромной потери затопило всё её существо. От этого чувства ей стало удивительно горько.

После выздоровления, с ней стали случаться странные вещи. Однажды, она проснулась среди тёмной ночи и ощутила чьё-то присутствие в комнате. Женщина отчётливо помнила, уже поздно вечером она задвинула прочный засов на наружной двери, а все окна и форточки были закрыты.

Кровать, на которой она преспокойно спала, вдруг громко скрипнула. У женщины создалось впечатление, что кто-то уселся на край широкой постели, а потом, и улёгся на ней. С места, где находился таинственный гость, повеяло холодом.

Людмилу Ивановну охватил сильный страх. Она взяла себя в руки и тихо, но твёрдо спросила: — Ты кто такой?

— Твой первый муж Николай.

Женщина вспомнила, что неделю назад, ей позвонил родной брат Николая и сообщил, что скончался её бывший супруг. Ещё Олег рассказал, что Николай доподлинно знал, когда он умрёт и назвал всем родным день своей смерти.

Расстались они очень давно, так что на похороны она не пошла. И вот, он сам к ней сейчас заявился.

— Зачем ты пришёл? — сдерживая дрожание голоса, поинтересовалась Людмила Ивановна.

— Я по тебе очень соскучился, — откликнулся гость.

— Возвращайся к себе, — отрезала женщина.

— Я пришёл за тобой, — бросил жуткий пришелец.

— Ишь чего захотел, — вскинулась Людмила Ивановна: — У меня здесь ещё много дел. Нужно вырастить внучек, выдать их замуж, и только потом, будет видно, что делать мне дальше.

— Без тебя я не уйду, — сообщил Николай.

На предплечье Людмилы Ивановны опустилась большая ладонь. Она оказалась на удивленье холодной и твёрдой, как дерево.

Женщина тут же отдернула оголённую руку, укрылась поплотней одеялом и отвернулась к стене. Она прекратила общаться с умершим мужем и начала тихо молиться.

Людмила Ивановна раз пятьдесят прочла «Отче наш», но Николай не ушёл и продолжал ей что-то шептать. Иногда, он слегка прикасался к плечу своей бывшей жены.

Время тянулось удивительно медленно. Как показалось трясущейся от ужаса женщине, прошёл час или больше. Приближался рассвет. Наконец, мрак за окном потихоньку рассеялся.

Кровать опять заскрипела. Краем глаза, женщина видела еле заметную в сумраке фигуру мужчины. Призрак поднялся с постели, направился в угол её маленькой комнаты и ушёл сквозь капитальную стену.

У Людмилы Ивановны была младшая, родная сестра по имени Лидия. Её взрослая дочь однажды поехала по каким-то делам. Машина попала в большую аварию и милая девушка погибла вместе другими людьми. Они все оказались жутко изранены при столкновении транспорта.

После этой трагедии, Лидия переживала удивительно сильно. Во время поминок, она неожиданно впала в состояние ступора. Все её члены окаменели. Она сидела с застывшим лицом и, словно по телефону вела с кем-то беседу.

Родственники, что находились с ней в комнате, смотрели на женщину с откровенным испугом. Вдруг она от великого горя лишилась ума? Такое часто случается в жизни.

Очнувшись, Лидия всем рассказала, что видела погибшую дочку. Девушка выглядела совершенно здоровой и чрезвычайно довольной. Она сообщила, что ненужно за неё волноваться, у неё всё хорошо. Она обитает в огромном саду, где пышно цветут невероятно красивые розы.

Людмила Ивановна позвонила сестре и поведала ей о визите необычного призрака. Нужно сказать, что в годы супружества, Николай много лет изменял своей красивой жене. Ей это так надоело, что она подала на развод и ушла от него. С тех пор они не общались и вдруг, он явился к ней ночью.

Лидия тут же ответила, что три дня назад, она снова впадала в состояние ступора, очутилась в каком-то странном тумане и встретила там её бывшего мужа. Николай попросил, чтобы она поговорила со старшей сестрой и упростила её простить ему все измены. Иначе, его перешлют в очень страшное место.

Людмила Ивановна крикнула: — Нет! Ни за что! — и в сердцах бросила трубку.

Больше недели Людмила Ивановна не хотела даже думать о просьбе «дорогого супруга». Потом, она всё же смирила гордыню, узнала у родственников, где погребён Николай и поехала на старое кладбище. Она быстро нашла маленький холмик с новым деревянным крестом. На нём висела табличка с нужным её именем и с двумя датами жизни.

— Прощаю тебе все измены и всё остальное, что я от тебя претерпела. И ты меня Коля прости, если что. — грустно сказала Людмила Ивановна. Она перекрестилась, поклонилась свежей могиле и вернулась домой.

Минули сороковины после смерти её бывшего мужа. Ещё через день, Людмиле Ивановне позвонила сестра. Лидия поздоровалась и рассказала о своём новом видении:

— Я снова летала неизвестно куда и встретила там Николая. Он просил тебе передать — Большое спасибо. Благодаря твоему прощению, его не оправили в какое-то страшное место, а перевели в замечательный сад. Там очень красиво и много огромных кустов цветущей сирени.

После этого к Людмиле Ивановне стали наведываться и другие покойники. То явится погибший племянник, который погиб в возрасте семнадцати лет. То заглянет родная сестра, что скончалась довольно давно. То придут прочие родичи.

Все расспрашивали о её сегодняшней жизни и других близких людях. Изредка «заходил» Николай. Он начинал говорить, что по ней очень скучает и настойчиво звал за собой.

Такие визиты тянулись иногда до утра и оказывали плохое воздействие на самочувствие Людмилы Ивановны. Она ощущала, что теряет много энергии от такого общения.

Здоровье женщины начало быстро сдавать. Однажды, Людмиле Ивановне стало удивительно плохо. Ночью она внезапно проснулась, открыла глаза и увидела призрачный свет в своей тесной комнате. Это ей показалось весьма подозрительным. Ведь она потушила настольную лампу, когда ложилась в кровать. Что если, замкнула проводка, и начался пожар?

Вдруг перед запертой дверью, что вела в коридор, неизвестно откуда, появилась Пресвятая Дева Мария. Она выглядела невероятно красивой и женственной, и источала волны тепла и спокойствия.

Дева Мария оказалась довольно высокого роста. На ней было строгое белое платье до самого пола, из слабо мерцающей ткани. На голове находился прекрасный убор наподобие кокошника. Он ярко сиял в полной тьме.

Словно передвигаясь по воздуху, Божья мать приблизилась к Людмиле Ивановне. Правой рукой она взяла ладонь замершей женщины, а указательным пальцем левой коснулась её горячего лба. Чудесная гостья сказала: — Ты скоро поправишься, и всё будет теперь хорошо.

Дева Мария тут же исчезла тем же таинственным образом, как и возникла в маленькой комнате. В воздухе остался висеть слабый запах воскуренного душистого ладана.

Широко улыбаясь, Людмила Ивановна облёгчённо вздохнула и мгновенно уснула.

С этого дня здоровье у женщины пошло на поправку. Она быстро поднялась на ноги, а через неделю отправилась в ближайшую церковь. Там она помолилась, исповедовалась пожилому священнику и рассказала о своём прекрасном видении и чудесном выздоровлении.

Седеющий пастырь отпустил ей грехи и предложил: — Иногда приходи в наш маленький храм и помогай, чем только сможешь. Это зачтётся тебе в лучшем мире.

Людмила Ивановна так и стала с тех пор поступать.

ГЛАФИРА

Семья Соболевых обитала в отдалённом селении, расположенном на юго-западе Азербайджанской республики. Оно было основано в 1844 году и называлось тогда Новоголовкой. В двадцати километрах на запад проходила граница с Ираном. Места были там довольно глухие и

достаточно дикие и хранили множество тайн минувших веков. Колдовство в тех краях процветало всюду

В середине двадцатого века, у Евдокии и Фёдора Соболева по двору бегало шесть маленьких дочек. Седьмая ещё была в колыбели. Жили они очень бедно и с огромным трудом перебивались с хлеба на воду. Была у них тогда буйволица по имени Зорька.

Молоко этих животных совершенно не пахнет и обладает замечательным вкусом. Консистенция у него немного плотней, чем у коровьего, и походит на нежные сливки желтоватого цвета.

Имеется только один недостаток, буйволицы уступают коровам ростом и весом и вырабатывают очень мало нужной людям продукции. Например, та незабвенная Зорька давала её всего пару литров. В то время, как простая бурёнка «приносила домой после пастбища» вчетверо больше.

По окончании дня, личное стадо колхозников пригоняли в село. Женщины заводили скотину в сарай и начинали её тут же доить. Ну, а потом, питательной жидкостью поили голодных детей. Ожидая такого момента, они постоянно крутились поблизости.

Однажды, в семье бедных Соболевых всё пошло не по плану. Евдокия закончила вечернюю дойку, взяла почти пустое ведро и вышла из хлева во двор. В этот момент, возле неё появилась красивая разбитная молодка, которую звали Глафира.

Не очень давно, она вместе с маленьким сыном перебралась в село из соседней деревни, купила земельный участок и поселилась в том маленьком домике, что там находился. Сейчас она принесла пол-литровую банку и довольно настойчиво, попросила налить ей молока.

Евдокия уже многое слышала, про данную женщину. Мол, она ворожея и может наслать порчу на тех, кто ей неугоден. Бабы болтали, что благодаря её колдовству, несколько человек в её прежнем местечке скоростижно скончались. Причём в ужасных мучениях. Поэтому она и удрала оттуда. Иначе её бы убили колхозники.

Не желая ссориться с ведьмой, Евдокия налила молока в её стеклянную тару. Та лишь кивнула и, молча, ушла. Тут прибежали шестеро голодных детей. Мать разделила меж ними всё то, что находилось в поддоинке. Каждому ребёнку доставалось чуть больше стакана питательной жидкости. Остальное пошло той малышке, что хныкала в люльке

К сожалению Соболевых, дело на этом не кончилось. С тех пор, колдунья являлась к ним каждый вечер и брала со двора полновесную дань. К соседям, у которых имелась корова она никогда не ходила. Мо-

локо у них было не очень-то вкусное. Не настолько приятное и не такое полезное, как у буйволицы.

Через какое-то время, Евдокия не выдержала и наотрез отказала ведунье. Она объяснила, что Зорька ещё молодая, молока приносит домой очень мало, и его даже детям сейчас не хватает.

Колдунья ничего не сказала. Она сверкнула глазами, развернулась на месте и тут же ушла. Евдокия облегчённо вдохнула и разлила дочуркам всё то, что находилось в подойнике. Они получили по полтора гранёных стакана питательной жидкости, и более сытыми отправились спать.

Вечером нового дня, Зорька пришла вместе со стадом и, как всегда, направилась прямо в сарай. Евдокия подхватила ведро и двинулась следом. Вот тут и случилось нечто весьма не обычное.

Ни с того, ни с сего, буйволица не подпустила к себе молодую хозяйку. Она злобно редела, брыкалась и норовила поднять её на рога. Молоко распирало вымя животного, и его требовалось немедленно сдоить. Иначе оно быстро «сгорит».

То есть, период лактации у Зорьки закончится и не начнётся до рождения очередного телёнка. Чего приходится ждать почти десять месяцев. Столь долгое время, дети останутся без молока.

Хозяйка тотчас поняла, что это проделки зловредной колдуньи. Она наложила порчу на Зорьку и буйволицу, словно взбесилась. Евдокия забыла про гордость и помчалась к соседке, чтобы просить у колдуньи прощенья.

Виновница шума поджидала её во дворе. Она выслушала объяснения женщины, широко ухмыльнулась и спокойно сказала: — Бери пустое ведро и иди со мною на речку.

Хорошо, что скромный поток находился не так далеко от места беседы. Он протекал вдоль главной улицы всего поселения. К нему выходили зады огородов колхозников.

Две женщины быстро добрались до низкого берега и колдунья сказала: — Набери немного воды, но черпай её против течения. Евдокия наполнила половину ведра так, как ей указали.

Они повернули, направились в обратную сторону и минут через пять, вернулись во двор дома Соболевых. Буйволица редела в сарае так же громко и грозно, как прежде.

Без всякой опаски, Глафира приблизилась к Зорьке, положила ей руку на голову и легонко погладила между большими рогами. Животное тотчас прекратило беситься.

— Обмой вымя водой, что принесла из реки, и принимайся доить. — сказала соседка.

Евдокия всё так и сделала. Наконец, она закончила дойку и слегка успокоилась. Молока в ведре было не меньше, чем раньше и оно оказалось совершенно нормального цвета и плотности. Значит, оно не «сгорело» и дочкам будет, чем себя подкрепить.

Женщина вышла из хлева и с огорчением увидела молодую колдунью. Та уже сходила домой и принесла чистую пол-литровую банку. Подавив вздох огорчения, Евдокия налила молока в стеклянную ёмкость. Глафира повернулась и молча, ушла.

Вечером нового дня, соседка снова явилась за данью, и так продолжалось долгое время.

Как судачили бабы, муж у Глафиры неожиданно умер, и она переехала в село вместе с сыном. Колдунья купила маленький дом, где до неё обитал одинокий пожилой человек. Потом старика забрали взрослые дети, что жили в Джалилабаде и участок остался совсем без надзора. Огород давно не сажали, и земля там слежалась до каменной твёрдости. Лопату невозможно воткнуть.

Колдунья попросила соседей помочь с перекопкой, но все ей отказали по разным причинам. Мол, у самих хлопот полный рот. Не успеваем управиться с личным хозяйством. Даже за деньги никто не хотел поработать.

Глафира села на велосипед, поехала в другую деревню, до которой было больше десяти километров, и наняла там трёх дюжих азербайджанцев. Они трудились несколько дней с утра и до позднего вечера. Причём, в село и домой ходили пешком. То есть, по два часа в каждую сторону.

Азербайджанцы всё сделали, и Глафира, на виду у людей, расплатилась со всеми бумажными советскими деньгами. Это отчётливо видели несколько ближайших соседей. Работники взяли свой гонорар, пересчитали его и, спрятав в карманы, ушли восвояси. Все были очень довольны.

Утром нового дня поднялся огромный скандал. Азербайджанцы пришли на рассвете и стали громко вопить на все голоса. С их слов выходило, что вернувшись домой, они вместо купюр обнаружили только куски старой газеты.

На разговаривший шум прибежали соседи и стали с интересом следить за большой перепалкой. Глафира послушала гортанные крики и спокойно сказала: — Если деньги при вас, дайте их мне.

Азербайджанцы полезли в карманы и извлекли на свет божий то, что они получили вчера. В руках у них оказались, до боли привычные, билеты казначейского банка СССР.

Колдунья взяла в руки купюры и одну за другой, показала их всем окружающими. Мало того, дала их пощупать и глянуть на свет на водяные, тайные знаки. Всё было в полном порядке: номера, цвет и фактура.

Это признали даже азербайджанцы. Они взяли деньги и тут же ушли. Потом бабы болтали, мол, добравшись до дома, «чушкарки» разглядели, что держат в руках те же куски старой газеты. В очередной раз в Новоголовку, они уже не пошли. Поняли, что всё бесполезно.

Фёдор Соболев усердно трудился в колхозе, сильно там уставала, а вернувшись домой, попадал в детский сад. Там сильно шумели семь маленьких дочек. Как любому мужчине, ему захотелось чего-нибудь нового, и он скоро завёл молодую любовницу.

Евдокия узнала об этом, и начались шумные семейные ссоры. Женщина громко ругалась на неверного мужа, но ничего не добившись скандалом, потом горько плакала.

Однажды, супруг не явился домой после работы. Бабы сказали, что он ночует у своей новой пассии. Женщина взяла ночью штыковую лопату, пошла к дому разлучницы, и перебила там в окна, всё стёкла.

К её удивленью на сельскую улицу никто почему-то не вышел и не затеял с ней драку. Внутри было тихо, словно могиле. Видать, побоялись, что она сгоряча, зарубит лопатой любого, кто ей подвёрнётся под руку.

Однако и этот демарш не принёс никаких результатов. Фёдор так же, как раньше продолжил регулярно «гулять».

Евдокия хорошо понимала, что если муж её бросит, то она не сможет кормить семерых малых дочек. На одних алиментах далеко не уедешь. Нужны ещё крепкие и ловкие руки супруга. Отчаявшись, женщина помчалась к колдунье.

Глафира взяла пустую бутылку из-под государственной водки и пошла к ведру с чистой водой, что находилось на кухне. С помощью кружки, стоявшей поблизости, она почти до верху налила поллитровку.

Без всяких заклятий и мистических пассов колдунья взяла обрывок газеты и, заткнув узкое горлышко, объяснила измученной женщине: —

Перед едой плеснёшь чайную ложку мужу в тарелку. Пусть он её похлебаёт.

Евдокия всё сделала, как сказала соседка. Фёдор доел жидкий суп, что ему предложила жена, отодвинул пустую посуду в сторонку и, испугав всех детей, бревном повалился на пол.

Фёдора стало ломать, словно в сильном припадке падучей болезни. Из рта неожиданно хлынула белая пена. Он катался по полу и кричал дурным голосом нечто совсем непонятное.

Евдокия метнулась к тем образам, что висели в углу. Она упала ничком перед иконами и стала молиться. Между священными текстами она говорила себе: — Пусть Фёдор поступает, как хочет или даже уйдёт. Только пусть его перестанет корёжить, и он будет здоровым, как прежде. Иначе, он вовсе не сможет работать.

Едва она это сказала, как шум за стеной прекратился. Евдокия помчалась к столу и увидела, что её любимый супруг спокойно лежит на полу. Он уже крепко спал, как невинный младенец.

Утром Фёдор поднялся, как ни в чём не бывало, быстро позавтракал и ушёл на работу. Он продолжил гулять так же, как раньше, но Евдокия смирилась и молча терпела его похождения.

Через какое-то время, произошло сразу два необычных события. Во-первых, колдунья вдруг продала свой старенький дом и купила другой, значительно лучше. И откуда только деньги взяла? Глафира уехала на другой конец улицы, и уже не ходила в их двор за молоком буйволицы. Скорее всего, нашла кого-то поближе.

Во-вторых, Фёдор вдруг охладел к своей новой пассии и перестал регулярно у неё ночевать. Ещё через месяц, он прекратил с ней общаться и окончательно вернулся в семью.

— Наверное, и том и другом случае, мне помогло обращение к Богу, — подумала тогда Евдокия

Годы стремительно летели вперёд. Дочери Евдокии и Фёдора выросли и разъехались в разные стороны, кто-то отправился в Али-Байрамлы, кто-то в Баку, а кто-то и вовсе в Россию. Старшие Соболевы сильно состарились и жили вдвоём в большом пустом доме.

Так же, как все её сверстники, Глафира не становилась моложе. Она пару раз находила себе хорошего мужа, но всё неудачно. Через несколько лет, первый исчез неизвестно куда, а другой утонул во время рыбалки. Остались колдунье от них ещё один сын и красивая дочка.

Отпущенный женщине срок приближался к концу. Она перестала подниматься с постели и поняла, что со дня на день, уйдёт из этого ми-

ра. Перед смертью она позвала старшего сына и приказала ему: — Приведи ко мне мою младшую внучку. Я хочу ей сказать пару слов.

Сыну уже было за сорок. Он доподлинно знал, что его мать колдунья и понимал, чего она хочет сейчас? Всё очень просто. Ведьма решила, передать свой таинственный дар кому-то другому. Причём, эту ношу не мог взять на себя любой человек. Её удалось бы принять, только члену семьи женского рода.

Мужчина совсем не желал такой тяжкой доли своей милой дочери и наотрез отказал в этой просьбе. Глафира забилась, словно в падучей и стала страшно кричать.

Чтоб облегчить страдания матери, сын поднялся на подложку дома, и прорубил топором крышу и потолок той жилой комнаты, где находилась Глафира. После чего, он спустился на первый этаж и позвал трёх крепких друзей.

Они вчетвером взяли кровать умирающей женщины, перенесли её в сторону и разместили под недавно пробитой дырой. По народным поверьям сквозь это отверстие душа намного быстрее, покинет бренное тело колдуньи. Так она будет страдать значительно меньше.

Глафира кричала много часов. Наконец, жуткие стоны и вопли затихли. Мужчины вошли в её комнату и увидели такую картину. Застывшее, иссохшее тело лежало в постели.

Глаза напряжённо смотрели на небо, что было видно сквозь большую дыру. Колдунья сжимала руками свой сильно распухший язык. Он был багрового цвета и сантиметров на десять выходил изо рта.

Местный священник хорошо знал Глафиру. Он не пришёл принять покаяние и отказался её отпевать. Времена были советские и умершую женщину не стали закапывать в землю за оградой сельского кладбища, как поступили бы в царские годы.

Её погребли на территории, отведённой для захоронений, но могилу устроили чуть вдалеке от других. Она оказалась на границе двух больших секторов. В одном покоились православные русские, в другом мусульмане азербайджанцы.

Как это ни странно, но после смерти Глафиры, спрос на услуги inferнального свойства остался довольно высоким. Он был несколько не ниже, чем раньше. Кто-то хотел, приворожить кого-то к себе. Кто-то наоборот, пытался отвадить навязчивых граждан противоположного пола. Кто-то желал досадить неприятелю, а то и вовсе, убрать конкурента без всяких следов.

Словно в ответ на запросы людей, в отдалённом селе вдруг появилась другая колдунья. Такая же сильная, как и Глафира. Многие стали ездить туда и всё пошло своим чередом.

ТЁЩА ВИТАЛИЯ

В двадцать пять, лет мой двоюродный брат Виталий встретил девушку милую сердцу и женился на ней. В приданное к юной жене парню досталась старая тёща. Женщина с виду была очень крепкой и никогда не болела. Однако, после свадьбы дочурки, она не трудилась ни единого дня. Считала, что зять её должен кормить.

Жили они все втроём в двухкомнатной малометражной квартире новоиспечённого мужа, что находилась в пролетарском районе Самары. Хорошо, что две тесные комнаты там были отдельными.

Прошло четверть века, и тёща внезапно почувствовала, что ей очень плохо. В правой части её головы появились сильные боли. Женщина начала иногда заговариваться.

Однажды, она не смогла открыть дверь изнутри и впустить «молодых», вернувшихся после работы. Долгое время Виталий находился снаружи и давал тёще советы. Мол, сделай так, после вот так, а потом, сдвинь в сторону рычаг у замка.

Каким-то таинственным образом, всё получилось, и он оказался в квартире. Виталий глянул на тёщу, понял, что она очень плоха и вызвал скорую помощь. Часа через два, примчалась машина с красным крестом на боку.

Два санитара положили старушку на ручные носилки, погрузили в автомобиль и, с громкой сиреной, отвезли в ближайшую клинику. Как выяснилось немного позднее, у несчастной случился обширный инсульт. Если выражаться попроще, то кровоизлияние в мозг.

Через пять дней она умерла. Женщину похоронили на кладбище, расположенном в очень далёком предместье Самары. Ехать туда пришлось больше часа по разбитым дорогам. Потом ещё столько же возвращаться обратно.

Тёща давно нигде не работала, с соседками она не дружила и возле подъезда на лавочке никогда не сидела. Так что, её пришли упомянуть очень мало людей. Был только я, Виталий с женой, подруга жены, да две наши тётушки.

В ходе небольшого застолья супруга Виталия поведала нам такую историю. После смерти любимой мамы, она позвонила в Мурманск своим близким родичам. Сестра тётки услышала печальную весть и туживо вздохнула. Она сказала о том, что неделю назад видела удивительный сон.

В комнате, молча, сидели, давно уж покойные, члены её девичьей семьи. Когда-то семья была весьма многодетной и дружной. Не то что, сейчас. Старая бабушка расположилась возле стола с острым ножом. Она брала с пола картошку и ловко чистила те корнеплоды в большую кастрюлю.

Сестра тётки спросила: — Зачем же бабушка так много картошки?

— Сейчас будут гости. — сказала старушка.

В этот момент, дверь распахнулась и на пороге возникла тётка Виталия. Все, кто находился вокруг, радостно встретили женщину. Они обнимали её, целовали и задавали уйму вопросов о жизни.

Услышав эти слова, тётка Виталия по имени Тоня, рассказала историю из своей биографии. Лет двадцать назад, её муж Володя внезапно почувствовал боль в голове. Она была дома, вызвала скорую помощь и позвонила сестре.

Светлана работала фельдшером в той поликлинике, что находилась поблизости. Она схватила шприцы и лекарства, прибежала домой к Антонине и сделала свояку пару нужных уколов. Минут через тридцать, приехали медики. Володю погрузили в машину и отвезли в неврологическое отделение больницы.

Через неделю Володе стало значительно лучше, и он стал самостоятельно садиться в постели. Все с облегчением подумали, что мужчина пошёл на поправку. Ещё через день, он неожиданно для всех окружающих, умер во сне.

Антонина позвонила своей старой матери и рассказала о смерти её любимого зятя. Мама сообщила о том, что не очень давно видела потрясающий сон. Она вместе с Володей стояла возле крыльца их старого дома в деревне.

Вдруг к ним во двор лихо влетело два белых коня под седлом. На одном находился Николай Чаушеску. Это был генсекретарь румынской коммунистической партии, которого убили повстанцы в 1989-м году. Его скорый расстрел без суда и без следствия показали по всем телевизионным каналам России.

Неожиданный гость наклонился к Володе и сказал ему несколько слов. Зять вскочил на другого коня и сразу уехал вместе с женщиной.

По всему выходило, что в этот же день, его и настиг обширный инсульт.

Как часто случается на поминках людей, зашёл разговор и о клинической смерти. Мол, душа отлетает от брэнного тела, попадает в какой-то тоннель и устремляется в горнии выси. Туда, куда её манит удивительно тёплый, блистающий свет.

Среди немногих гостей, что пришли на поминки, оказалась подруга супруги Виталия. Она вдруг сказала, что пять лет назад, ехала по какому-то делам и попала в большую автоаварию.

В разбившемся транспорте её весьма покалечило и врач скорой помощи, констатировал смерть. К счастью, приехали медики в реанимационном автомобиле. Они «откачали» пострадавшую женщину, погрузили в машину и отправили в клинику. Трое суток она была без сознания. Потом, всё же очнулась и очень медленно начала выздоравливать.

С тех пор, все, кто хоть как-то узнал, о той страшной трагедии, задавал ей, один и тот же вопрос: — Что же находится по ту сторону жизни?

Она всем отвечала: — Лично я ничего там не видела. Одна чернота.

ТОНЮШКА СОБОЛЕВА

Антонина была дочерью Евдокии и Фёдора Соболевых и оказалась пятым по счёту ребёнком в семье. Всего их, народилось и выросло семь очень милых и умных сестёр.

В середине двадцатого века, жили они в селе Новоголовка, что расположено на юго-западе Азербайджана. Места были там довольно глухие и достаточно дикие, и хранили множество тайн минувших веков.

Ходили легенды, что в семнадцатом веке, атаман Войска Донского Степан Тимофеевич Разин знатно пограбил владения персидского шаха. Захватив большую добычу, он не мог всё с собой увезти на ладьях и зарыл в Ленкараньских горах большое количество золота и драгоценных камней. Тот внушительный клад до сих пор не могут найти.

В четырнадцать лет Антонина окончила школу, поехала в городок Сумгаит и поступила в училище при химкомбинате. В семнадцать, она получила диплом лаборанта, вернулась в родное село и стала работать в местной больничке. Как-то так получилось, что всё называли её только Тонюшкой.

Народ в Новоголовке жил большей частью здоровый, так что дел у врачей оказалось не так чтобы много. Да и медиков было тогда всего три человека: терапевт и хирург с акушеркой. В экстренных случаях они все работали единой командой.

В дни государственных праздников, клуб открывали целых два раза, в четыре и в семь часов вечера. Перед фильмами крутили на радиоле пластинки, и молодёжь веселилась под приятную современную музыку.

Нравы в их учреждении устоялись довольно свободные. Если в больничке не было сложных больных, то Антонина вместе с дежурным врачом уходила на танцы, а заодно и в кино. Если с кем-то вдруг станет плохо, все в Новоголовке знали, где в данный момент их искать?

В полдень, медики оставляли одного человека на вахте, а сами все уходили обедать. Возвращались они часа через два. Ведь в селе полно разных дел в каждом доме, в хлеву, в огороде.

Тонюшка быстро освоилась в трудовом коллективе. Работы по полученной в Сумгаите специальности оказалось немного. Поэтому, она во всём помогала прочим сотрудникам. То есть, была у всех на посылках: сходи, принеси, поддержи и так далее. Скоро она стала во всём разбираться не хуже любой медсестры.

Однажды, у них появилась немолодая азербайджанка. Она объяснила, что начались короткие схватки, и ей пора разрешиться от бремени. Акушерка осмотрела худощавую женщину, сказала, что всё в полном порядке, и рожать она будет не раньше, чем вечером. Скорее всего, всё пройдёт, как всегда, среди ночи.

Пациентку переодели в халат из застиранной байки, и положили в пустую палату. Других больных тогда у них не было. Тонюшку посадили дежурной на сестринский пост. Мол, если что-то случится, позовёшь кого-то из нас. Мы все тут рядом живём. После чего, врачи пошли на обед.

Минут через тридцать, азербайджанка позвала лаборантку к себе и глухо сказала: — Уже началось. Кликни сюда акушерку.

— Они все ушли. — пролепетала дежурная.

Почти всю свою жизнь Тонюшка провела в Новоголовке. У них во дворе было много разной скотины и птицы. Девушка видела, как на свет появлялись котята, ягнята и даже телята. Она иногда их сама принимала.

Вот только, тогда рядом с ней находился кто-то из взрослых. В случае какой-то нужды, они помогали животным. В тот же день она оказа-

лась совершенно одна в опустевшей больнице. Бежать за врачом уже было поздно.

Азербайджанка увидела, как побледнела «медичка» и поспешила её успокоить: — Ты не волнуйся, я довольно легко родила шесть детей и скажу тебе, что и когда нужно сделать.

Всё остальное для девушки прошло, как при ускоренной съёмке. Она металась по всем помещениям, хватала то, что ей велела больная и бегом возвращалась в палату. Там она делала то, что приказала азербайджанка.

Наконец, всё закончилось. Следуя указаниям женщины, она обмыла ребёнка кипячёной водой, завернула его в небольшую пелёнку и отдала в руки матери. Та приложила сыночка груди, из которой уже пошло молоко.

Тонюшка устало вздохнула, убрала всё в больничной палате и вернулась на сестринский пост. Минут через десять пришла акушерка и задала с порога вопрос: — Как там роженица?

— Уже родила и кормит ребёнка. Худенький мальчик, такого вот роста. — Как бывалый рыбак, Тонюшка, показала руками размер появившегося на свет человечка.

— Кто принимал? — строго спросила медичка.

— Я. — беспечно ответила Тонюшка

— Как же ты это сумела? — удивлённо воскликнула женщина.

— Азербайджанка мне говорила, что нужно сделать. Всё прошло очень быстро, — смущённо потупилась девушка. Только тогда она поняла, чем могла завершиться эта история.

Забыв обо всём, акушерка помчалась в палату. Она осмотрела ребёнка с роженицей и с облёгчёньем увидела, с ними всё в полном порядке.

В те давние годы, в селе проживала красивая женщина, которую звали Глафира. Все люди про неё говорили, что она очень сильная и злая колдунья. Может приворожить, быстро отвадить, наказать или даже убить неприятного ей человека. А если захочет, то легко излечит от тяжёлой хворобы.

Приводись примеры её ворожбы. В этом дворе скотина взбесилась, здесь молоко у коровы пропало. Какой-то мужик, что с ней поругался, упал с воза сена и сломал себе ногу. Другой вообще утонул на рыбалке. И всё в том же духе. Значительно реже говорилось о том, что кто-то сильно болел, а потом очень быстро поправился.

Самое странное, что селяне к ней часто ходили и постоянно о чём-то просили. Даже давали ей деньги за кое-какие услуги. К ней приезжали и люди, которые жили в Джалилабаде и в соседних районах.

Тонюшке было лет десять-двенадцать, когда она вместе с подружками, подкралась к дому Глафиры и заглянула в окно её горницы. Там находилось человек десять крестьян. Они внимательно слушали то, что им говорила хозяйка.

«Наверное, учит их колдовать», — подумала девочка. Лишь через четверть столетия подобных людей стали все называть экстрасенсами и показывать их в телевизионных программах. Например, Кашпировского, Чумака и других.

Однажды, все врачи ушли на обед, а Тонюшка находилась в больнице одна. Внезапно открылась наружная дверь и на пороге появилась Глафира. На лице у колдуньи было написано, что ей очень больно.

Девушка вздрогнула от неожиданности, потом взяла себя в руки и сказала себе: — Я с ней никогда не ругалась, из её огорода ничего никогда не таскала, как другие ребята. Так что, бояться мне нечего.

Она улыбнулась, поздоровалась с неожиданной гостьей и спокойно спросила: — Чем мог вам помочь?

— Да что-то стала себя плохо чувствовать. Внутри, в подреберье болит. В моче появился песок.

Тонюшка быстро оформила медицинскую карточку и другие бумаги. Она записала симптомы, передела Глафиру в больничный халат и проводила в совершенно пустую палату.

— Полежите пока. Отдохните с дороги. Скоро вернётся наш врач. Он вас осмотрит и назначит лечение, — сказала она страдающей женщине и вернулась на сестринский пост.

Через час пришёл терапевт. Тонюшка доложила начальству о том, что его ждёт пациентка с острой болью в животе и в паху. Врач вымыл руки, взял чемоданчик со своим инструментом и помчался в палату, где лежала несчастная.

Минут через пять он вернулся после осмотра. Мужчина был белым, как мел и вытирал крупный пот, что струился у него по лицу. Врач встал возле дежурной и, едва не срываясь на крик, зашипел на неё: — Она же колдунья. Зачем ты её приняла в нашу больницу?

— А что я должна была сделать? Выгнать больную за дверь? — вскинулась Тонюшка.

— Пусть бы ехала в Джалилабад, там её мало, кто знает. — настаивал врач.

— До него семь километров. Среди белого дня все лошади в поле. Найти какой-нибудь транспорт сейчас невозможно, а пешком бы она не дошла, — твёрдо ответила девушка.

— Крутись здесь, как хочешь, а я и на шаг не приближусь к колдунье, — отрезал сумрачный врач и, почти что бегом, направился в свой кабинет.

Тóнюшка бросилась вслед. Она догнала мужчину и быстро сказала: — Объясните, что нужно делать? Я сама буду ей заниматься.

Врач уселся за стол и достал из кармана халата ручку с пером. Он подвинул к себе лист бумаги, перечислил, какие нужны колдунье лекарства, и по часам расписал, что когда принимать.

Девушка взяла препараты в аптеке больницы и, согласно полученной схеме, начала курс лечения. Она давала Глафире таблетки и делала ей компрессы с уколами.

Уже через сутки женщине стало значительно лучше, и она быстро пошла на поправку. У колдуньи было трое детей, два сына и малолетняя дочка. В те времена, холодильников в сёлах ни у кого не имелось. Летом стояла большая жара, и любая еда портилась за пару часов.

Ребятня дважды в день навещала заболевшую маму и приносила ей свежую пищу. Суп, кашу и прочее, женщина съедала сама. Почти все фрукты и овощи она отдавала «медичке», которая за ней постоянно ухаживала.

Тóнюшка говорила Глафире — спасибо, забирала продукты и шла в ординаторскую сельской больницы. Не испытывая никаких сожалений, она всё выставляла на стол и угощала людей, что находились поблизости. Кто-то ел с большим удовольствием, кто-то боялся, даже притронуться к подаркам колдуньи.

Неделю спустя, Главира совершенно поправилась, поблагодарила весь персонал и вернулась домой.

Бабы в деревне ехидно болтали: — Вот тебе и колдунья, не сумела себя излечить от болезни и побежала к врачам.

Как это ни странно, но из-за того, что Глафира лежала в больнице, авторитет у неё ничуть не упал. Люди так же ходили к колдунье за советами или лекарствами из трав и цветов. Как говорится, одно не мешало другому. Официальная медицина дополняла народную.

ДРЕВНИЕ КАМНИ

В восемь тридцать утра, дверь, ведущая в архитектурный отдел, широко распахнулась. На пороге возник грузный хозяин проектной конторы. Он широко улыбнулся сотрудникам, поздоровался и громко сказал: — Глеб сейчас едем к заказчику. Жду тебя возле крыльца.

Молодой человек выключил стационарный компьютер и стал собираться в дорогу. Он взял свою спортивную сумку, с которой ходил на работу, и бросил в неё всё, что могло пригодиться в подобной поездке: рулетку, резинку, карандаши и тонкую пачку листов чистой пищевой бумаги.

Глеб проверил смартфон, убедился, что батарея заряжена на сто процентов и решил, что не стоит с собою тащить фотографический цифровой аппарат. Массивная камера делала снимки нисколько не лучше, чем новый гаджет, что умещался в кармане его лёгкой куртки.

Через пару минут, Глеб и владелец конструкторской фирмы уже находились в машине, стоящей возле подъезда скромного здания. Водитель кивнул архитектору, завёл мощный двигатель и тронул с места блестящую иномарку начальника.

Городские кварталы скоро закончились. Потянулась бескрайняя ковыльная степь, что с юга вплотную подходила к Трёхреченску. Она была ровной и гладкой, как великанский обеденный стол. Лишь кое-где виднелись небольшие возвышенности и широкие, пологие балки. Иногда попадались узкие, мелкие речки. Они сильно петляли по обширной равнине и, лишь при таянии снега, их русла доверху заполнялись водой.

Спустя два часа машина свернула с шоссе и въехала в тихий одноэтажный райцентр. Она прокатила по пыльной дороге с разбитым асфальтом и замерла у массивного дома из белого силикатного камня. Как понял Глеб, там жил очень богатый заказчик.

Дальше всё шло обычным порядком. Хозяин проектной конторы встретился с важным клиентом, уединился с ним в кабинете и стал обсуждать все детали дальнейшей работы. Они включали в себя: объёмы нового здания, сроки выдачи всех чертежей, сумму аванса и конечной оплаты.

Тем временем, и молодой архитектор не остался без дела. Его посадили в старенький джип местного барина, и отослали на большую площадку. Туда, где собирались построить огромный свинарник. Он должен был находиться в соседнем селе.

Местный водитель не поехал к шоссейной дороге, что насквозь проходила через отдалённый район Трёхреченской области. Он почему-то решил, что лучше всего, махнуть напрямки. Так, по его объяснениям, получалось намного короче.

Степь вдоль просёлка оказалась такой же пустынной, как раньше. Та же равнина, заросшая дикими травами, и достаточно редкие, небольшие холмы. Вдруг Глеб заметил, что на всех этих возвышенностях стояли торчком невысокие одиночные камни.

— Надо же, у вас тут вокруг расположены десятки менгиров.— удивлённо сказал архитектор.

Водитель широко ухмыльнулся и начал рассказывать: — Их тут полно, да только никто толком не знает, кто и когда и для чего их поставил? Одни утверждают, что это нечто похожее на верстовые столбы. Они все разместились вдоль тех дорог, которые тянутся к соседним селеньям. С любого холма видны две другие вершины, что расположены по разные стороны, сзади и спереди.

Учёные пишут, что раньше на них проводили обряды какие-то люди, жившие здесь в древнее время. А камни обозначают места поклонения каким-то, давно позабытым богам.

Кто-то сказал, что когда-то давно там, на поверхность выходила вода в виде небольших родников. А может быть, она собиралась на поверхности камня и вся стекала в мелкую чашу, что находилась под ними.

Другие болтают, что это курганы, где хоронили погибших скифских вождей. Мол, под землёй много золота и дорогого оружия. Но сколько кто не копал, там, в глубине ничего не нашли.

Не очень давно, я тоже поддался такому соблазну, купил себе сдур металлоискатель и облазил все эти горушки. Кое-где зазвенело, и я взял в руки лопату. Только, всё это без толку. Не обнаружил даже дешёвой монетки. Если вам интересно, я покажу.

Глеб подумал о том, что вряд ли такая задержка займёт много времени и беспечно ответил: — А почему бы и нет?

Водитель свернул к небольшому холму, на котором виднелись следы от колёс. За сотни веков ветра и дожди здесь потрудились изрядно. Склон оказался удивительно ровным и довольно пологим. Так что, кто-то туда заезжал много раз.

Мужчина вдавил педаль газа до самого пола. Мотор зарычал, словно раненный зверь. Иномарка стрелой взлетела на макушку возвышен-

ности. Джип очутился на плоской вершине и затормозил у одинокого камня высотой в рост человека.

Менгир оказался необработанным обломком гранита без каких-либо знаков, или рисунков. Вокруг находилось четыре не очень глубоких, свежих раскопа. Судя по внешнему виду, над ними трудились не очень давно. Может быть, месяц назад.

Мужчина и парень вышли из застывшей машины, и направились к одному углублению. На дне мелкой выемки лежала плита с достаточно ровной светлой поверхностью. На ней обнаружили четыре тёмных пятна размером с кулак. Они размесились по углам небольшого квадрата со стороной в локоть подростка или чуть больше.

— В других местах та же картина. Камень и весьма незначительные вкрапления металла. — сказал печальный водитель. Оно и понятно, ведь он, отвалил приличные деньги за металлоискатель, потратил много труда на копание ям, а результат нулевой.

Глеб тихо хмыкнул и вдруг заявил: — Очень похоже на четыре фундамента для установки специальных сооружений. Например, вышки соевой связи или устройства для беспроводной передачи энергии. Поэтому они и стоят значительно реже, чем опоры у ЛЭП.

После какой-то трагедии, что случилась на нашей планете, технически развитая цивилизация быстро погибла. Постепенно всё железо отсюда забрали и перековали в ножи, топоры или копья. В теле бетона остались только обрезки болтов, на которых крепилась конструкция. Анкера проржавели и превратились в труху. Такие следы часто встречаются в разных местах нашей планеты.

— Точно, а я-то всё думал, что же это такое? — воскликнул водитель.

— Потом, одичавшие люди притащили откуда-то огромные камни, поставили их на холмы и стали молиться богам. Наверное, думали, что верховные сущности снова пришлют им нужный металл? А заодно, обозначили столбами дороги, что когда-то вели к другим поселениям. Так им было значительно легче, ориентироваться в бескрайней степи. — подвёл итог архитектор.

Мужчина и Глеб уселись в старенький джип, спустились с холма с другой стороны и поехали к обширной площадке. Туда, где намечалось строительство большого свинарника.

САМОУБИЙСТВО БАНКИРА

Пётр Петрович Семёнов вошёл в небольшой кабинет и с огорчением огляделся вокруг. Он вспомнил о том, что все сотрудники утром разъехались по важным делам. На месте сидел только парень, который был у них у них в штате несколько дней. Шеф повернулся к нему и со вздохом сказал: — Роман, собирайся, поедем с тобой на вызов.

Стажёр, посмотрел на начальника группы следственного комитета Москвы, быстро кивнул и снова взялся за мышку. Молодой человек переводил в электронную форму все те бумаги, что скопились в столах его старших товарищей. Сейчас, он сохранял те несколько файлов, которые были открыты.

Выключив старый компьютер с «пузатым» дисплеем, парень вскочил из потёртого кресла. Он схватил спортивную сумку, с которой ходил на работу, и бросился к выходу.

Пётр Петрович уже шагнул за порог. Он дождался сотрудника, закрыл дверь на замок и направился в конец коридора. Там была лестница, ведущая на первый этаж. Роман шёл рядом с ним.

— Около часа назад, нам позвонила служанка большого банкира и сообщила о том, что её сиятельный шеф свёл счёты с жизнью. Причём, самоубился в своей дорожной квартире. Почти у неё на глазах.

За ту неделю, что парень работал в следственной группе, он подружился со всеми сотрудниками, и теперь они обращались друг к другу только на ты. Начальник слыл большим демократом и не стал исключением в трудовом коллективе. Кроме него там было семь человек. По мнению мужчины, не стоило разводить церемонии.

— Как это почти? — удивился Роман.

Пётр Петрович тотчас объяснил: — Зохар Кешетович Трайнин, вошёл в свой большой кабинет. Через какое-то время, домработница принесла господину свежесваренный кофе. Она подошла к самой двери, собралась постучать, и вдруг услышала подозрительный шум.

Женщина ворвалась в помещение и с изумлением увидела, что её наниматель бьётся в предсмертной агонии. Он зажимал себе горло руками, страшно хрипел и пытался, что-то сказать. Кровь обильно текла между стиснутых пальцев. Мужчина быстро слабел и угасал у неё на глазах.

Служанка вызвала скорую помощь, а заодно и полицию. Когда приехали медики Зохар Кешетович Трайнин был уже мёртвым. Не помогли ни вливания крови, ни дефибриллятор, ни искусственная вентиляция лёгких.

Пётр Петрович с Романом вышли из здания межрайонной прокуратуры Москвы. Машина начальника находилась в ремонте, и они сели в светло-серую «Ладу» молодого сотрудника.

В этот момент, от крыльца тихо отъехал старый «УАЗик-буханка» с надписью «Следственный комитет» на борту. Как знал практикант, в нём находилась выездная группа экспертов.

— Двигай за ними. — сказал Пётр Петрович

Роман тронул «ласточку» с места и направился вслед за «автобусом». Скромный кортеж выскочил на центральный проспект и оказался меж сталинских пятиэтажек, построенных в пятидесятых годах двадцатого века. Их украшали символы пролетариата и тихо почившей советской науки.

В центре старых кварталов района находился внушительный сквер, засаженный липами и вечнозелёными елями. Там любили гулять местные жители с малыми детками.

Не очень давно, часть деревьев срубили, а на их месте, воздвигли помпезное здание из стекла и металла в стиле «хай-тек». Фасады у него оказались изломаны и представляли собой мешанину из плоскостей и гнутых поверхностей разных размеров и форм.

Над массивным крыльцом висел большой козырёк, похожий на крыло самолёта. На нём находилась огромная надпись из «чистого золота». Она сообщала о том, что здесь расположен «Sterling Bank Ltd».

Насколько Роман знал английский язык, название банка переводилось, как безукоризненный, полноценный, надёжный. Мол, это тебе, не какая-то мелкая лавочка, по отмывке «бабла», которых много вокруг.

Автобус с выездной группой экспертов, съехал с проспекта, свернул на площадку, ограждённую гранитными столбиками, и застыл перед входом в кредитно-финансовую организацию. Роман остановил свою «ласточку» рядом и с недоумением посмотрел на начальника.

Заметив удивление сотрудника, шеф объяснил: — На первых двух этажах этого здания, находится банк. На трёх остальных, расположены жилые квартиры. В них обитают хозяева денег.

А что, очень удобно. Во-первых, близко ходить на работу, спустился на лифте, ты уже оказался в вестибюле конторы. Во-вторых, там постоянно находится пост вооружённой охраны. Мимо неё и мышь не проскочит, не то что, какой-нибудь бомж.

Кроме того, они все имеют и другое жильё в Подмоскowie и на «Золотой миле» Москвы. Так, что ты за них не волнуйся. — с усмешкой за-

кончил начальник. Он вылез из «Лады» и направился вслед за экспертами.

Работники следственного отдела Москвы короткой цепочкой входили в открытые стеклянные двери. Роман закрыл замки своей скромной «ласточки» и рванулся за ними.

Как и думал Роман, банкир жил в пентхаусе. Он обитал на самом верху помпезного здания и имел собственный выход на плоскую крышу. Там легко разместился маленький садик с цветами и небольшими растениями, и осталось местечко для барбекю и навеса для спокойного отдыха. Всё это, парень увидел сквозь широкие окна, когда проходил на место трагедии.

Роман вошёл в кабинет хозяина дома и замер у двери. На толстом ковре перед ним лежал человек лет сорока. Лицо у него было удивительно бледным. Шею руки и грудь, покрыла густая коричневатая жидкость. Такие же тёмные кляксы запятнали весь пол.

Криминалисты разошлись по всему помещению, раскрыли свои чемоданчики и занялись ответственным делом. Вся обстановка и все детали вокруг сразу фиксировались фотоаппаратами и видеокамерами. Люди давали свои пояснения и их впечатления записывались на диктофоны величиной с сигаретную пачку.

Осмотрев труп банкира, медицинский эксперт сообщил: — Смерть наступила от глубокого ранения в шею. Острый предмет пробил яремную вену, а возможно ещё и артерию. Бедняга скончался за три-четыре минуты. Всё это случилось часа два назад. Точнее скажу после вскрытия.

Пришли санитары с носилками. Они забрали холодное тело, унесли из жилища и погрузили его в труповозку. Она приехала позже Романа с начальником. Погибшего сразу отправили в морг.

Изучив обстановку вокруг, один из экспертов нашёл на полу шариковую авторучку а довольно острым задним концом. Она находилась в стороне от хозяина дома и оказалась вся залита кровью. Этот писчий предмет занесли в протокол, как предполагаемое орудие самоубийства.

Немного позднее, криминальная лаборатория СК нашла на нём отпечатки банкира. Тем самым, подтвердился тот вывод, что сделан следственной группой в ходе осмотра квартиры.

Пётр Петрович нашёл служанку богатого дома, которая сидела на кухне. Он показал ей удостоверение, представился по полной програм-

ме и опросил под запись смартфона. Стоящий рядом Роман снимал их беседу.

Женщина уже много раз доложила о том, что случилось с хозяином более часа назад. Она сильно устала от пережитых волнений и говорила сейчас без всяких эмоций.

Мол, Зохар Кешетович ушёл в свой кабинет. Она приготовила кофе и поспешила к нему. Оказавшись у двери, служанка услышала подозрительный шум. Она почему-то подумала, что с хозяином плохо и ворвалась в помещенье. Он умер у неё на глазах. Позже подъехала скорая помощь, а потом и полиция. Вот, пожалуй, и всё.

Всё это Роман уже слышал, а ничего нового женщина сообщить не смогла.

Пётр Петрович выслушал показания свидетельницы, поблагодарил её за содействие следствию и пошёл комнату, где случилась трагедия. Роман отключил свой смартфон и поспешил за начальником.

К этому времени, специалисты уже просмотрели записи с камер, что висели, в большом коридоре, на кухне и перед дверью кабинета хозяина. Следящая система жилища, оказалась устроена весьма хитроумно. Так что, в рабочем помещении банкира наблюдение никогда не велось.

Что там случилось, никому не известно. Видеосъёмка в прочих местах, во всём подтвердила повествование несчастной служанки. Всё случилось именно так, как она рассказала.

Начальник выслушал сообщение компьютерщика и облегчённо вздохнул: — В момент смерти банкира, здесь находилось всего два человека, и они были в разных концах огромной квартиры. По всему получается, что Зохар Кешетович Трайнин убил себя сам.

Банкир взял авторучку и с размаху воткнул себе в ярёмную вену. Когда хлынула кровь, он испугался и руками зажал глубокую рану. Так часто бывает в такой ситуации. Перед наступлением смерти, всем неожиданно сильно хочется жить.

Как бы то ни было, но попытка спастись не увенчалась успехом, и бедняга скончался на глазах у свидетельницы. Следует естественный вывод: — Произошло самоубийство. — он повернулся к Роману и с весёлой улыбкой добавил: — Нужно по-быстрому заполнить бумаги и сдать это дело в архив.

Рассуждая об этом, Пётр Петрович вошёл в кабинет владельца пентхаса. Роман двигался следом, как его секретарь. В кармане началь-

ника прозвучала мелодичная трель. Он достал свой смартфон, взглянул на экран и, внезапно нахмурившись, принял входящий звонок.

— Здравствуйте, Евгений Филиппович. — сказал капитан. Дальше он только молчал, а говорил его собеседник.

— Слушаюсь господин генерал. — через какое-то время, закончил Пётр Петрович. Он отключил аппарат, сунул его в карман своей куртки и недовольно сказал: — Поступила команда с самого верха. Расследовать дело банкира очень серьёзно. Вдруг его, кто-то довёл да сведения счётов с собственной жизнью? Какие стажёр имеются мысли по данному поводу?

— Во-первых, нужно провести аудит в его банке. Скорее всего, кто-то украл огромные деньги, и он от расстройства покончил с собой. Во-вторых, мы должны изучить его персональный компьютер. Вдруг, там найдутся какие-то ниточки, что приведут нас к ворам?

— Я тоже подумал об этом. — сказал Пётр Петрович и направился в большому столу хозяина дома. Роман двигался следом, как референт за министром.

Как и все помещенья квартиры, кабинет был оформлен в стиле хай-тек. Вдоль стен находилась современная мебель из чёрного дерева. В конце светлой комнаты, виднелся внушительной стол на малозаметных ногах. Никаких тумб у него не имелось. Сбоку эта конструкция представлял собой огромную литеру «П» с сильно сдвинутой вниз перекладиной.

На рабочем месте банкира было девственно чисто. На нём находились только большой монитор на жидких кристаллах, сенсорная клавиатура и золочёная «мышка». Никаких проводов не имелось. Вся эта система работала в режиме «Bluetooth», на основе ультракоротких радиоволн.

— Куда же системный блок подевался? — удивился Пётр Петрович.

— Он или спрятан в дисплей, или в столешницу. Видите, она очень толстая больше пяти сантиметров. — ответил технически подкованный парень.

Криминалисты уже завершили осмотр кабинета, собрали свои чемоданчики и, о чём-то болтая, направились к выходу. Остальные помещенья квартиры изучали другие эксперты. Они приехали позже, после приказа большого начальства.

Заметив это движение, Пётр Петрович сказал: — Я возвращаюсь к себе на «буханке». Ты последи, как наши компьютерщики изымают компьютер, и спроси у свидетельницы, кто в него и когда, ставил про-

граммы в последнее время? Затем, приедешь в отдел и составишь отчёт.

— Хорошо, — ответил Роман и направился в кухню. Начальник со всеми спецами устремился в прихожую.

Стажёр поговорил со служанкой и узнал много чего интересного. Выяснилось, что у погибшего хозяина дома был заместитель, его старый друг Азарий Ионович Гирш. Они когда-то, учились в одном институте Москвы.

Зохар Кешетович Трайнин являлся наследником большого чиновника советских, а после российских, управляющих органов. Отец, в свою очередь, имел доступ к огромным деньгам, что постоянно крутились в бюджете страны. Часть этих сумм двигалась в маленький банк дорогого сыночка. Потом средства шли за рубеж и бесследно терялись в оффшорах.

Азарий Ионович Гирш был заместителем Зохара Кешетовича и доморощенным компьютерным гением. Он и создал ту цепочку, по которой миллиарды рублей бурной рекой текли за границу.

Будучи продвинутым хакером, он всегда сам устанавливал любые программы на компьютер погибшего. Последний раз это было неделю назад. Тогда мужчина пришёл и сказал, что нужно добавить пару небольших обновлений. Причём, явился в квартиру, когда господина не было дома.

— Вы, случайно не знаете, где проживает Азарий Ионович. — поинтересовался Роман.

— Да прямо под этой квартирой. Он, как заместитель директора банка там занимает целый этаж.

Записав показанья свидетельницы, Роман сказал домработнице: — Большое спасибо. — и направился из кухни в прихожую. Он вышел из квартиры на лестницу, спустился на два пролёта и оказался на широкой площадке. Там находилась только одна очень прочная дверь. Стажёр вдавил кнопку звонка.

Секунд через тридцать, в переговорном устройстве, что-то вдруг щелкнуло. Парень услышал приятный девичий голос: — Что вы хотели молодой человек? — спросили его.

Роман достал из кармана удостоверение стажёра, развернул его и поднёс к глазку видеокамеры. После чего, чётко назвал своё имя с фамилией, и строго сказал: — Я сотрудник следственного комитета Москвы. Мне нужен Азарий Ионович Гирш.

Бронированная толстая створка тут же открылась. На пороге возникла молодая служанка. Она улыбнулась и прошептала: — Извините, но хозяин сейчас находится в Лондоне, а когда он вернётся, мне не известно.

— Спасибо, — хмуро ответил Роман.

Он поднялся на верхний этаж, вошёл в квартиру погибшего и направился в его кабинет. Там уже находились компьютерщики из технического следственного комитета столицы. Среди них оказался и хороший знакомый стажёра.

Иван Степанович Ручников сидел в большом светлом офисе и «пахал» там руководителем группы. Кстати сказать, он заслужил это тёплое место. Потому что, имел не только «золотые мозги», но и очень умелые руки. За это, его все называли не иначе, как — наш «Самоделькин».

Специалисты были почти такого же возраста, что и Роман, может быть, старше на год или два. Он поздоровался с ребятами за руку, и посмотрел на внушительный стол хозяина дома. С него сняли все отпечатки, но внутрь монитора и под столешницу, никто заглядывал. Мол, это дело компьютерщиков.

Рядом с клавиатурой виднелась какая-то золочёная штучка размером с детский кулак. Она представляла собой небольшой пьедестал. Над ровной площадкой, на коротких штырьках, находилось кольцо толщиной с мизинец и внешним диаметром с крупную сливу. Оно крепилось под углом к горизонту, и смотрело отверстием на рабочее кресло банкира.

— Что это такое? — спросил Роман у приятеля.

— «Hoverpen». Он у нас появился не очень давно и стоит две сотни баксов. Ну, а с позолотой значительно больше. — сказал Самоделькин и объяснил чуть подробнее: — Это подставка. В центре есть углубление диаметром два миллиметра. В него вставляется специальная ручка с шариковым пишущим стрелом.

Она висит перпендикулярно кольцу, но не касается кромки каким-либо боком. Если её крутануть вдоль центральной оси, она сохранит своё положение в пространстве, но будет вращаться, словно волчок. Так сказать, начнёт левитировать.

Сейчас ты видишь только подставку. Она валялась у стенки. Эксперты её осмотрели, не нашли следов крови и положили на стол. К сожалению, ручка куда-то пропала. Наверное, кто-то привычно сунул в карман.

В ответ Роман сообщил: — Ручку взял перед смертью хозяин квартиры. Он воткнул себя в шею её острый конец, пробил ярёмную вену и скончался от кровопотери. Поэтому, писчий предмет приобщили к уголовному делу. Кстати сказать, а почему «Hoverpen» ведёт себя таким удивительным образом?

— Всё дело в том, что в постаменте и ручке находятся несколько очень мощных магнитов. Магниты в подставке, формируют круглое магнитное поле с гравитационным провалом в середине. Именно в нём и балансирует ручка. Она так хорошо отцентрирована, что при вращении вокруг центральной оси, совсем не мотается в разные стороны. Так и висит под углом к горизонту.

Роман внимательно выслушал все объяснения приятеля. Парень вспомнил о том, что недавно читал про электромагнитную пушку, которую зовут рельсотрон. Он тут же спросил: — Раз в этой штучке есть небольшие магниты повышенной мощности, значит, на них можно воздействовать электрическим полем?

— Ты думаешь, что этой игрушкой стрельнули в шею банкира? — ухватил суть идеи Иван.

— Поищите в столешнице, вдруг в ней, что-то найдёте? — неопределённо ответил Роман.

— Договорились. — сказал Самоделкин, опустился на корточки и заглянул под стол хозяина дома. Он тихо присвистнул и тут же добавил: — Да тут полно всяких устройств. Проверяем их на взрывчатку, снимаем столешницу и тащим к себе. В лаборатории всё хорошенько осмотрим.

Роман сразу понял, что здесь он уже ничем не поможет. Парень простился с ребятами, вышел из здания и поехал к себе на работу. Нужно было составить подробный отчёт о ходе осмотра квартиры и мёртвого тела.

Три полных дня, Роман занимался сплошной писаниной. Потом, позвонил Самоделкин и попросил молодого стажёра зайти в техотдел. Пётр Петрович и другие сотрудники куда-то уехали. В кабинете он находился один. Так что, отпрашиваться ему не пришлось.

Парень отложил все бумаги, что переводил в электронную форму и обесточил компьютер и прочую технику. Он закрыл дверь на ключ и побежал на встречу с приятелем.

Иван работал в том корпусе, что находился поблизости. Через десять минут молодой человек вошёл в нужную комнату. Она была вся

заставлена уймой разных приборов и установками непонятого назначения и свойства.

Возле какой-то конструкции находилось трое компьютерщиков. Ониковырялись в каких-то электрических схемах. В углу за столом сидел Самоделкин. Он подозвал к себе парня, предложил ему стул рядом с собой, и начал подробный рассказ. С его слов выходило, что приятель с товарищами разобрали столешницу и нашли там именно то, что предвидел Роман.

Из всего этого, сложилась такая картина. Неделю назад, Азарий Йонович Кирш пришёл в квартиру банкира с кейсом в руках. Домработница хорошо его знала и впустила без всяких.

Мужчина зашёл в кабинет старого друга, а заодно и начальника, и заперся в нём. Потом, он залез под внушительный стол и начал усердно работать. На другой стороне толстой столешницы имелись специальные планки, для крепления компьютерных блоков и системы «Bluetooth».

Азарий Йонович установил несколько плоских коробок с электронной начинкой и подключил их к сети. Он покинул квартиру и, позвонив Зохару Кешетовичу, под каким-то предлогом, отпросился на парочку дней. Бывший сокурсник не мог ему отказать. Ведь они выводили в оффшоры огромные деньги.

Заместитель сел в свой самолёт и прямым рейсом, отправился в Лондон. Прибыв на Темзу, он взялся за очень важное дело. Включив программу удалённого доступа, которую сам написал, мужчина вошёл в компьютер начальника. Он украл огромную сумму у банка и перевёл её за границу России. Причём, на собственный счёт.

Закончив возиться с деньгами, Азарий Йонович проверил, сидит ли его старый друг возле компьютера? Узнав, что тот торчит в интернете, мужчина дал пару команд. Включились коробки, которые он закрепил под столешницей.

Используя инфракрасные датчики, устройство определило положение банкира, сидящего за рабочим столом. Наконец, его шея попала в перекрёсте прицела. Генератор сразу послал мощный сигнал.

Возникшее магнитное поле швырнуло вперёд подставку и ручку. Ручка вонзилась в горло Зохары Кешетовича и перебила ему яремную вену с артерией. Повинуясь инстинкту, он выдернул острое жало из шеи и отшвырнул его от себя. Поставка сама упала на пол и укатилась в сторону.

Кровь мощной струёй рванулась в пробитую дырку. Банкир закрыл рану руками, вскочил с рабочего кресла и бросился к двери. Алая жидкость удивительно быстро покидала его организм. Мозг оказался на голдном пайке и в глазах человека вдруг потемнело.

Лишившись сознания, Зохар Кешетович рухнул на пол. Грохот падения услышала женщина, что несла хозяину кофе. Она ворвалась в кабинет владельца квартиры, но помочь ничем не смогла.

Азарий Йонович Гирш не вернулся на родину и остался на жительство в городе Лондоне. Ну, а оттуда, как всем известно, в Россию выдачи нет. Преступники с большими деньгами там обитают совершенно спокойно. В законно послушной и чопорной Англии их почему-то никто даже пальцем не трогает. Вот и не верь после этого, в великую силу «бабла».

Заместитель начальника банка был совершенно уверен, что импульс магнитного поля сотрёт всю информацию с компа. К его сожалению, всё вышло немного не так, как он хотел.

В аппарате что-то сгорело, он отключился от сети, но жёсткий диск остался в сохранности. Из него технари и узнали технологию кражи государственных денег. Жаль, что все интересные данные позже исчезли неизвестно куда.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ КУЛИГИН. ТАБЛЕТКА

Пока сотрудники лаборатории клонировали генно-модифицированных водных полёвок, Олег трудился вместе со всеми. Он усердно работал по ранее обкатанной схеме. То есть, большей частью, руками. Голова молодого учёного была совершенно незанята.

И тут, произошло именно то, что с ним случалось достаточно часто. У него появилась очередная интересная мысль. Помня то обещание, что он дал руководству, научный сотрудник вошёл в кабинетик завлаба и поделился с мужчиной возникшей идеей.

Олег предложил, создать такое лекарство, которое будет блокировать определённую часть мозга людей. Препарат отключит ту область, что отвечает за самоанализ. Человек прекратит размышлять о последствиях и моральной основе тех действий, что он решил предпринять.

— Такие таблетки весьма пригодятся солдатам, которых во время войны, отправляют в атаку на ряды неприятеля. Они начнут убивать всех противников без душевных страданий. — закончил объясненья Олег.

— То есть, ты хочешь создать таблетку от совести? — сделал вывод Генрих Антипович и тут же спросил: — А что если, бойцы, которые приняли такую пилюлю, наплюют на приказ командира, шлепнут его и разбегутся в разные стороны? Ну, а после, всем будут врать, что они честно сражались с врагом. Мало в наших войсках дезертиров, воров и лгунов с мародёрами. Так ты очень хочешь, чтобы их стало значительно больше?

— Да, о такой стороне препарата я не подумал. — согласился Олег и вернулся к монотонной и скучной работе. Он был очень честным и трудолюбивым молодым человеком и, почему-то считал, что все люди такие.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ КУЛИГИН. СКАТЕРТЬ-САМОБРАНКА

С раннего детства Олежка Кулигин проявлял большие способности к самым разным наукам. Кроме обычных предметов, преподаваемых в школе, он весьма углублённо изучал физику, химию, биологию и математику. Подросток участвовал в олимпиадах и всегда занимал призовые места. За это он получал разноцветные вымпелы и красивые грамоты.

Мало того, мальчик очень любил всё мастерить своими руками. За что бы ни брался парнишка, всё у него получалось довольно неплохо. Благодаря всем этим качествам и редкой фамилии, все люди вокруг его именовали Кулибиным. Иногда, под горячую руку, обзывали новатором.

Окончив десятилетку с медалью жёлтого цвета, Олег поступил в универ и стал постигать электронику. Одновременно с этим, он, в вечернее время, занимался генетикой. Каким-то таинственным образом парень получил по диплому по каждой из данных специальностей.

Специалисты широкого профиля всегда шли нарасхват. Так что, после защиты, Олега позвали в большой институт огромной государственной фирмы, типа Газпром. В лаборатории, куда он попал, уже разработали пищевой 3D-принтер.

Это был металлический ящик величиной в один кубометр и подключённый к электросети. Он всасывал окружающий воздух, перестраивал в нём все молекулы и выдавал на-гора, всё, что хотел оператор: мясо, рыбу, любую молочку или фрукты и овощи.

Причём, все эти продукты были в любом виде и качестве. Хочешь — сырое, хочешь — варёное, или, напимёр запечённое. Задавалась

ещё форма подачи: кусками, соломкой или пюре. То бишь, паштетом. Человеку лишь оставалось, набрать на панели нужный приказ.

К сожаленью учёных, процесс этот шёл достаточно долго. Ведь атмосфере не так уж и много всяческих газов: азот, кислород и аргон, вот, пожалуй, и всё. Намного быстрее аппарат перерабатывал в пищу те вещества, которые у него находились внутри. Устройству могло подойти всё, что угодно. К примеру, опилки, бумага и даже обычный песок. Их нужно было, просто засыпать в приёмный лоток.

Олег пришёл на работу в жарком июле. К этому времени, всё руководство дружно отправилось в отпуск. Сотрудники лаборатории занимались своими делами: кто ездил на дачу, кто на свиданье, а кто на рыбалку. Так что, парень остался совсем без присмотра. Мол, делай дружок всё, что угодно, только никому не мешай. Начальство потом с тобой разберётся.

Молодой человек осмотрел разработанный лабораторией пищевой синтезатор и подивился его габаритам и очень высокой потребляемой мощности. Он сожаленьем вспомнил старую русскую сказку. В ней говорилось о том, что у героя истории была тонкая скатерть, которая звалась самобранкой.

Стоило ткань расстелить на земле, как на ней появлялось питьё и различные яства в драгоценной посуде. После еды, скатерть сама собою сворачивалась, и всё, что находилось на ней, исчезало неизвестно куда.

— «Хорошо бы, уменьшить этот прибор до толщины в один сантиметр и сделать его достаточно гибким. Тогда, его можно будет, скрутить в плотный рулон и сунуть куда-нибудь в шкаф. Подобная вещь весьма пригодилась бы каждой хозяйке. Ведь с ней ненужно стоять у плиты и готовить жратву. Да и продукты не придётся уже покупать». — сказал себе парень. Он стал думать о том, как воплотить эту идею в реальную жизнь.

— «В первую очередь, нужно перевернуть с ног на голову процесс производства новых веществ и предметов. Они должны синтезироваться, вовсе не так, как в существующих принтерах. То есть не укладывать один пласт на другой с нижнего яруса до самого верхнего.

Придётся всё делать в обратном порядке. Сначала создать слой из атомов на поверхности скатерти. Под ним возникнет второй, третий, четвёртый и так далее до окончания процесса. При этом, все вещи будут расти из «самобранки», словно грибы из земли. Так что, начнём с переделки программы».

Дальше, всё пошло, как всегда, кувырком. Одно изменение тянуло за собою другое. За ней появлялась очередная проблема. Так Олег и решал все эти задачи по мере их появления.

Через месяц, с утра в понедельник, вернулся из отпуска начальник лаборатории Гугель Елизар Аввакумович. К этому времени, парень создал прототип «самобранки», который работал очень устойчиво. «Скатерть» была размером метр на метр и мало чем походила на обычную ткань. Она оказалась толщиной с мизинец и удивительно смахивала на туристический коврик из «пенки», изготовленный из пенопластика.

Энергию для перестройки веществ в нормальную пищу, устройство брало из самой обычной институтской розетки. В переносном варианте, к нему прилагался аккумулятор от автомобиля «Камаз».

Проверив всё несколько раз, Олег подумал о том, что пора своей разработкой порадовать мир. Он взял прибор и всё, что было нужно к нему, и поспешил к руководству.

Не очень давно, в небольшом кабинете начальника сделали капитальный ремонт. Потолок и все стены покрасили светлой эмалью. С пола сняли истёртое ногами покрытие и настелили новый красивый линолеум. Он чудно блестел в лучах яркого солнца, что светили в окно.

Олег вошёл в помещение завлаба и всё ему рассказал. Совершенно естественно, что Елизар Аввакумович весьма удивился. Мужчине захотелось увидеть, что же создал этот парень? Он поднялся из кресла и встал рядом с бывшим студентом. Так ему было удобней смотреть за процессом.

Стол у начальника оказался завален бумагами. Младший научный сотрудник развернул толстую «скатерть» и осмотрелся вокруг. Олег не нашёл подходящего места и положил её прямо на пол. Парень воткнул штепсель в розетку и подключил к аппарату клавиатуру с небольшим монитором. Они тоже улеглись на линолеум.

Завершив эти действия, Олег опустился на корточки, застучал по сенсорным кнопкам и набрал на дисплее команду: — Создать стаканчик из пластика и наполнить его прохладной водой.

Как убедился молодой человек, это было проще всего и всегда получалось, приблизительно, за тридцать секунд. Нельзя заставлять руководство ожидать результата долгое время. Это может наскучить ему, или, хуже того, разозлить.

Наконец, всё было готово. Олег поднял правую руку над клавиатурой, выдержал короткую паузу и с торжествующим видом вдавил кнопку: — Ввод.

«Скатерть» вдруг загудела и слегка завибрировала. Напряжение в сети резко упало. Потолочный светильник внезапно мигнул. В кабинете стало намного темнее, чем раньше.

В центре устройства возникла верхняя кромка стакана из пластика. Его тонкие стенки начали быстро расти. Одновременно с этим, внутри набиралась прозрачная жидкость. Её уровень увеличивался вместе с высотой посуды. Наконец, появилось и донышко белого цвета. Исполнив приказ человека, аппарат тотчас отключился.

Олег наклонился, взял в руки ёмкость и предложил её пожилому завлабу. Елизар Аввакумович отрицательно покачал головой. Он много лет проработал в науке и, всё эти годы, вёл себя весьма осторожно. Иначе, он вряд ли бы дожил до почтенного возраста.

Взгляд мужчины сказал молодому сотруднику: — Он не коснётся созданной синтезатором пищи, пока не сделают подробный анализ и пока не проверят её безопасность на лабораторных мышах.

Ведь кто его знает, как перестроились молекулы с атомами? Что если там получился какой-нибудь экзотический яд? Да и в стаканчике может вдруг оказаться, какой-то опасный металл. Например, тот же таллий.

Олег многократно тестировал ту чистую воду, что выдавала ему «самобранка» и убедился в её не токсичности. Парень пожал крутыми плечами и быстро выпил прохладную жидкость. Как ему показалось, сегодня она слегка отдавала пластмассой.

— Состав совершенно нормальный, но нужно ещё поработать над вкусом. — сказал, улыбнувшись, завлабу Олег.

Убедившись, что с сотрудником ничего не случилось, начальник весьма оживился и заявил: — Молодец, забирай агрегат и оформляй все бумаги для получения патента. И не забудь меня и директора тоже включить. Глядишь, все получим приличную премию.

Иди в лабораторию и продолжай дальше работать. Как всё доведёшь до ума, начнём изготавливать твою «самобранку» и сразу пустим в продажу. Совершенно уверен, она пойдёт на ура.

Олег просиял, словно солнце между пасмурных туч. В этот момент, сработал «эффект презентации для руководства». Это когда при появлении начальства, новая техника прекращает нормально работать и

начинает дурить. Иногда, его зовут закон подлости, или закон Эдварда Мерфи.

Потолочный светильник внезапно мигнул, а свет в кабинете снова притух. «Самобранка» опять загудела. На её ровной поверхности появилось великое множество верхних ободочков стаканов из пластика. Они стали очень быстро расти. В них заплескалась вода. Одновременно с этим, «скатерть» начала погружаться в пол кабинета. Причём, удивительно быстро.

Заметив всё это, Елизар Аввакумович задохнулся от злости и начал кричать, что-то совсем нецензурное. Нечто похожее, парень как-то услышал на железной дороге, во время разгрузки товарных вагонов. Тогда, кому-то на ногу упал ящик с гвоздями.

Олег сразу же понял, что здесь случилось? Для изготовления пищи, синтезатор использовал тот материал, который оказался поблизости. В ходе предварительных опытов, «скатерть» лежала на металлическом лабораторном столе. С него она и «брала» кое-какие молекулы.

Столешница там была очень массивной. Исчезновение тонкого слоя химически устойчивой стали совсем не бросалось в глаза. Новый линолеум и плита перекрытия оказались намного податливей, и с ними всё шло совершенно иначе.

Молодой человек встал на колени, застучал по сенсорным клавишам и попытался остановить «самобранку». Программа почему-то завила и не ответила на запросы Олега.

Умудрённый жизнью, завлаб сразу метнулся к розетке и хотел обесточить прибор. «Скатерть» брала так много энергии, что штепсель у неё разогрелся до невероятного уровня. В помещенье запахло горелой пластмассой.

Елизар Аввакумович схватился за «вилку», сильно обжёгся и, матерясь на весь свет, бросился к двери. Он добежал до рубильника, что находился у входа в лабораторию и отключил электричество во всех помещениях.

Свет мгновенно погас. Все установки прекратили работу. Опыты, что проводили сотрудники, тотчас прекратились. Результаты научных исследований были бесследно утеряны.

— «Хорошо что проводка не вспыхнула и не начался пожар», — облегчённо подумал Елизар Аввакумович и направился в свой кабинет.

К этому времени, создание множества стаканов с водой уже завершилось. «Скатерть» погрузилась в плиту перекрытия сантиметров на двадцать. Она находилась во внушительной нише, которая образова-

лась в полу. Под ней оставался слой из бетона толщиной в пять миллиметров.

Когда начальник вошёл в помещение, равновесие немедленно нарушилось. Тонкая, как карандаш, преграда оглушительно треснула. Она не сдержала приличного веса и обрушилась вниз, прямо в подвал. Оттуда дохнуло застоявшейся вонью мокрой земли и крутыми миазмами канализационных протечек.

Шнур «самобранки» тотчас натянулся, словно струна. Штепсель припаялся к розетке и увлёк её за собой. Розетка вылетела из небольшого гнезда и рванула электрический кабель, ведущий к сети. Он в свою очередь, выскочил из длинной штрабы. Штукатурка на стенке посыпалась в разные стороны. Воздух наполнился удушливой пылью. Недавний ремонт в кабинете, был совершенно испорчен.

Увидев всё это, Елизар Аввакумович разразился новым потоком ужасных ругательств. К ним мужчина добавил такие обороты и связки, которые парень в жизни не слышал. Им мог позавидовать старый боцман военного флота. Вот что значит, долго заниматься наукой.

Олег печально вздохнул, ухватился за провод, уходящий в подвал и, словно рыбак, потащил его, как невод из моря. Скоро на свет появилась розетка со штепселем. За шнуром показалась сама «самобранка» и клавиатура с дисплеем, что крепились к разъёмам устройства.

Парень прижал к широкой груди всё, что извлёк из вонючих глубин и, печально понурившись, двинулся к рабочему месту. С разных сторон неслись сотни проклятий возбуждённых сотрудников.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ КУЛИГИН. КОНЦЕНТРАТОР ЭНЕРГИИ

Минут через десять, начальник слегка успокоился, набрал номер отдела электриков и приказал: — Немедля прислать человека, чтобы отремонтировал проводку в стене. Ведь, кто его знает, вдруг там произошло замыкание? Включишь рубильник, и начнётся пожар. А без энергии лаборатория не может работать.

Затем Елизар Аввакумович вызвал завхоза. Не вдаваясь в подробности испытания «скатерти», завлаб показал на квадратную дырку в полу и велел побыстрее заделать её.

Иначе, какой-то сотрудник в него упадёт, и сломаете себе что-нибудь. Например, руку, ногу, а может быть, даже и шею. А это уже несчастный случай на производстве в рабочее время. Тогда все получат по шапке. Вплоть да зама директора.

— Придёт плотник из отпуска, нарежет толстые доски, и заколотит отверстие. Сверху положит линолеум. — спокойно ответил Злодеев Макар Алексеевич.

— У нас секретное оборудование и документация. Никаких деревяшек, заливайте бетоном. — отрезал Елизар Аввакумович.

— Да здесь ведь нужна бригада строителей. Они все на даче директора, как же я их оттуда сниму? Может быть, завтра к обеду придут. — воскликнул возмущённый завхоз.

— Пришлите сейчас вашего сварщика. Я его видел с утра во дворе. Он возьмёт дырку в обойму из уголков, и в трёх сантиметрах от низа плиты, приварит стальную решётку. Сегодня она сыграет роль загородки, а завтра, при заливке бетоном, будет уже арматурой.

Макар Алексеевич печально вздохнул и пошёл выполнять указание завлаба. С секретной документацией в России не шутят.

Минут через пять появился электрик. Он проверил проводку, закрепил кабель розетки в штрабе и, включив электричество, тут же исчез. Сотрудники лаборатории облёгчённо вздохнули и вернулись к работе.

Потом появились два сварщика в брезентовых робах. Они сделали так, как приказал им завлаб. Затем подхватили свой аппарат и ушли. В лаборатории долго висел удушающий запах окалины. Все сотрудники тихо бранились и косо смотрели на Олега Кулигина.

Во вторник, появились строители. Лаборатория тотчас огласилась шумом и грохотом. Двое рабочих вручную месили бетон в железном поддоне. Скрежет лопат по ржавому дну выводил людей из себя. Воздух наполнился облаком мельчайших частиц от песка и щебня с цементом.

Два человека в спецовках спустились в подвал и, напилев толстые доски, соорудили опалубку под квадратной дырой. При этом, они так громко стучали двумя молотками, что хоть святых выноси.

Ближе к обеду, тяжёлая растворная смесь заполнила дырку в полу. Одновременно с этим, весёлый отделочник затёр все поврежденья в кабинете начальника. Наконец, бригада собрала свои инструменты и, громко болтая, направились к выходу.

В помещении стало удивительно сыро от мокрой штукатурки с бетоном. Да и запах специальных добавок был весьма неприятным. Чертыхаясь, сотрудники лаборатории вытерли пыль со шкафов, столов и приборов и занялись делом.

К полудню пятницы быстро твердевший бетон на синтетическом вяжущем и штукатурка всё-таки высохли. Появился шумный маляр и быстро покрасил возрождённый участок стены.

Потом, пришёл местный плотник. Он притащил квадрат из того же линолеума, что лежал на полу и постелил его поверху дыры. Как человек ни старался, а стыки заплатки были прекрасно видны. Пары нитроэмали и суперклея вновь всколыхнули в сотрудниках все неприятные чувства.

Всё это время, завлаб регулярно входил в свой кабинет по каким-то делам. Елизар Аввакумович брал с полок книги, бумаги и диски с документацией по своим разработкам. Он наткался на раскуроченный пол и матерился, как последний биндюжник.

Нужно сказать, что начальник весьма разозлился за погибший ремонт в его помещении, и особенно за дырку в полу. Ведь теперь, постоянно приходилось её обходить. Не то сверзишься вниз и станешь калеккой, а то и убьёшься совсем.

Да и воняло из подземелий очень отвратно. Так что, сидеть в кабинете было уже невозможно. Ты, словно находишься рядом с надворной уборной типа сортир. Елизар Аввакумович собрал нужные ему материалы и переехал в общую комнату.

С одной стороны хорошо, все у тебя на глазах, меньше волынят и реже болтают о пустяках. С другой стороны ты тоже у них на виду. А если, звонил необходимый тебе абонент, то приходилось выходить в коридор.

Начальник тут же придумал наказание для молодого сотрудника. Он отдал разработку Олега его старшим товарищам. Они взялись доводить «самобранку» до нужных кондиций, а несчастный новатор оказался у них, так сказать, на посылках.

То есть, он стал обычным подсобником: поддержи, принеси тот прибор, сбегай в архив за таким-то проектом. Ну и так далее, всё в том же роде. Ноги и руки у парня всё время работали, а голова осталась совершенно свободной. Думай, о чём только угодно.

Через неделю ремонт всё же закончился. Елизар Аввакумович с нескрываемой радостью переехал в небольшой кабинет, и всё вернулось в свою колею.

На счастье Олега с него не взяли ту сумму, что ушла в институте на восстановление комнаты. Мол, что можно сделать с младшим научным сотрудником? По старым понятиям, он молодой специалист. Целых три

года его нужно упорно учить и только потом, строго карать за любые ошибки.

И тут, пришла неприятная новость от руководства их института. Экономисты проверили данные синтезатора пищи и подсчитали расходы, на создание килограмма продукции. Выяснилось, что аппарат потребляет уйму энергии и производство продуктов в полях и на фермах обходится много дешевле.

После чего, пришёл строгий приказ от большого начальства: — Научную тему немедленно закрыть. Все документы и действующие образцы аппарата отправить в архив. Пусть, там пока всё полегит.

Ведь, кто его знает, как жизнь повернётся? Вдруг, кто-то построит необычного вида устройство, что начнёт давать электричество почти что, задаром. Тогда все наработки снова будут востребованы.

В этот момент, Олега вдруг посетила очередная идея: — Если пищевой синтезатор сейчас не рентабелен, значит, нужно создать установку, что будет сама добывать из природы энергию.

Её очень много в окружающей нас в атмосфере и почве с водой. Лучше всего, получать её прямо из воздуха и с помощью моего синтезатора превращать во что-нибудь ценное.

Например, в уран-235. В настоящее время, он очень востребован на атомных станциях нашей страны и в Европе с Америкой. К тому же, этот металл очень тяжёлый. Он раз в двенадцать массивней, чем золото. Значит, всё остальное тоже удастся легко синтезировать

Данная мысль овладела Олегом и он начал трудиться с утроенной силой. В течение дня, его постоянно чем-то грузило начальство. Поэтому, парень пахал в нерабочее время, по вечерам, выходным или праздникам.

Скоро охрана запомнила парня в лицо и без всяких проблем пропускала его сквозь вертушку. Он стал в институте вроде городского юродивого. Ходит на службу, когда все отдыхают, что-то тихо бормочет и, в личное время, делает, нечто никому непонятное.

Уже через месяц, Олег создал свою установку и с облегчением подумал, что пора бы её испытать. Он помнил о том, что случилось с плитой перекрытия в кабинете начальника, и не хотел никаких неприятностей. Парень решил, лучше всего, провести первый опыт вне здания, вдалеке от лабораторного корпуса.

Большой институт находился на северо-востоке Москвы, прямо за МКАДом. За задним двором учреждения раскинулось широкое поле почившего в бозе сельхозпредприятия.

По утверждениям старших товарищей, когда-то давно, на этой земле растили пшеницу и другие зерновые культуры. Сейчас там стеною стояли одни сорняки и кустарники. Кое-где проходили еле проезжие грунтовые дороги.

В воскресенье, Олег написал расписку охранникам, где перечислил всё взятое им оборудование. Он прикатил тележку завхоза, погрузил на неё свою установку и вывез из лаборатории. К ней он добавил тот пищевой синтезатор, что создал недавно и аккумулятор от автомобиля «Камаз».

Молодой человек вступил на узкий просёлок, отошёл от забора на один километр и среди пыльной растительности отыскал на обочине небольшую проплешину. Парень собрал все принесённые части в единое целое и, дав команду на запуск, помчался в обратную сторону.

Ведь, кто его знает, что там случится сейчас? Вдруг всё взорвётся с неслыханной силой? Опять, же синтезированный аппаратом уран мог разлететься в разные стороны. А он, между прочим, очень опасен для здоровья людей.

Устройство Олега включилось и создало миниатюрный объект, который учёные, зовут «чёрной дырой». Это область пространства-времени, притяжение, в которой весьма велико. Её не могут покинуть даже частицы, что летят себе мимо со скоростью света.

Правда, Олег кое-что подшаманил в своей установке. Теперь в нужной точке континуума всё должно проходить, чуть по-другому. Рождённая аппаратом, «микродыра» имела строго ограниченный радиус. Она не могла разрастаться выше заданных парнем пределов и бесконечно «глотать» всё вокруг. В определённый момент, она бы исчезла, не оставив следов.

Наконец, агрегат заработал. Гравитационное поле втянуло в себя огромное количество воздуха и поглотило тепло, которое в нём содержалось. Эта энергия объединила атомы кислорода с азотом, добавила им заряда и массы и превратила в чистый уран. То есть, как и рассчитывал парень, произошла трансмутация газов.

Олег доподлинно знал, что критическая масса урана вызовет атомный взрыв, который разрушит весь институт. Парень решил, получить всего несколько граммов радиоактивных веществ, и ограничил работу устройства парой секунд.

Отмеряв положенный срок, аппарат отключился, и процесс синтеза остановился. За эти мгновенья атмосфера сильно остыла. В радиусе полкилометра температура резко понизилась. Водяные пары сразу замёрзли и упали на землю крупными хлопьями.

Тележку с приборами накрыло огромным сугробом высотой в три человеческих роста. Получился довольно массивный белый курган. Снег тут же смёрзся и парень не смог откопать свой агрегат. Во-первых, он забыл прихватить тёплую одежду с лопатой, а голые руки, тотчас потеряли чувствительность.

Во-вторых, дозиметр, что находился в нагрудном кармане рубашки, начал вдруг громко трещать. Значит, Олег добился того, чего так хотел и получил радиоактивный металл.

Находиться в арктическом холоде парень больше не мог. Зубы сильно стучали, а всё тело трясло, как осиновый лист на ветру. Пришлось плюнуть на всё и бежать сразу домой.

В понедельник с утра, охрана сообщила начальству, что Олег накануне вывез из института тележку с аппаратурой, а обратно ничего не вернул. Парня вызвал к себе Елизар Аввакумович. Потрясая служебной запиской, он строго спросил: — Куда же ты дел всё это добро?

Парень кивнул на окно кабинета. Там, за задним двором, в километре от высокой ограды блестел маленький холм белого цвета.

— Что это такое? — удивился завлаб. Он отчётливо помнил, что в пятницу вечером там было пусто.

— Снег. — печально выдохнул парень и рассказал про свою установку, которая забирала энергию из атмосферного воздуха. Под конец, он сообщил, что хотел синтезировать чистый уран и, как ему кажется, он его получил.

Стоял жаркий август, и невысокая наледь за неделю растаяла. В оставшейся внушительной луже нашли тележку завхоза и аппаратуру, о которой говорили охранники. Внутри установки лежало два грамма урана. Всё это так сильно фонило, что пришлось вызывать МЧС.

Те в свою очередь, пригласили людей с ближайшей к Москве, Калининской атомной станции. Специалисты облачились в костюмы противорадиационной защиты и осмотрели устройство и землю вокруг.

Покачав головой, они увезли опасный металл и всё остальное к себе, а после отправили в специальный могильник. Мало того, пришлось рекультивировать колхозное поле в радиусе в полкилометра. Иначе, люди могли облучиться.

Концентратор энергии сильно взбесил начальника Олега Кулигина. Елизар Аввакумович побежал к руководству и потребовал, как можно скорее, уволить Олега. Пока он не устроил ещё одну катастрофу. Только уже глобальных масштабов.

Большому начальству совсем не хотелось терять креативного молодого сотрудника. Ведь никому неизвестно, что он придумает завтра? Вдруг новое изобретение будет прорывом в науке и технике?

Директор прочёл его личное дело, нашёл там отметку о втором дипломе Олега и принял другое решение. Он перевёл одарённого парня в лабораторию, где трудились генетики. Мол, среди тихих биологов от него будет, значительно меньше вреда.

Там он не сможет создать установку невиданной силы, которая за просто уничтожит планету. Нечто вроде чёрной дыры. В крайнем случае, это будет биооружие, что истребит всё человечество.

Так что, парня не выгнали в шею, как рассчитывал Елизар Аввакумович. С него даже не взяли те деньги, что институт заплатил за устранение последствий последнего опыта. Ведь услуги работников атомной станции и восстановление колхозного поля обошлось в приличную сумму.

Благодарный Олег подумал о том, что все расходы покрыл синтезированный новым устройством радиоактивный металл. Как выяснилось немного позднее, один грамм урана стоил в сто раз дешевле обычного золота.

— Вот это я лоханулся, — сказал себе парень и с огорчением добавил: — Впрочем, как и всегда. Вечно я забываю о какой-нибудь мелочи, и всё летит кувырком.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ КУЛИГИН. БИОЛАБОРАТОРИЯ

Узнав о своём переводе, Олег совсем не расстроился. Парень решил, что очень неплохо, поработать с биообъектами. Ведь и они были ему весьма интересны. Молодой человек собрал свои вещи, простился с сотрудниками физической лаборатории и перебрался на новое место.

За Олегом уже закрепилась нехорошая слава. Его встретили достаточно холодно и сразу не дали отдельную научную тему. Новый завлаб, Натансон Генрих Антипович, усмехнувшись, сказал: — Сначала ты будешь под руководством старших товарищей. Ну, а потом, станет видно, что можно тебе поручить?

В той группе, куда определили Олега, изучали геном обычной подмосковной лягушки. Как оказалось, у неё великое множество увлекательных тайн. Во-первых, земноводные часто вмерзают в лёд реки, озера или пруда, но не гибнут при этом.

Весной они быстро оттаивают и благополучно живут себе дальше. Такое необычное свойство могло пригодиться и людям в очень сложных условиях. К примеру, тем же жителям крайнего севера, бравым полярникам и космонавтам, при перелёте на другие планеты.

Во-вторых, квакушки умеют восстанавливать повреждённые ткани. Их конечности хорошо регенерируют в «молодости». То есть, на ранних стадиях их полового развития. Позднее, они эту способность почему-то утрачивают.

Лягушки возле столицы водились в невероятных количествах. Добыть их оказалось достаточно просто. Для данной охоты нужны или сачок, или ловушки из старых пластмассовых вёдер. Земноводные были удивительно дешёвы и парню позволили, брать их для научных исследований.

Исполнив задания старших товарищей, Олег мог делать всё, что угодно. При строгом условии, что он не будет кому-то мешать. Как это ни странно, но молодой человек сильно увлёкся регенерацией российских лягушек. Он и в свободное время продолжал заниматься данной проблемой.

После испытания концентратора атмосферной энергии, начальство издало строгий приказ. Теперь, без письменного разрешения завлаба, парень не мог придти в институт в выходные и праздники.

Поэтому, он упорно трудился лишь вечерами и прихватывал пару часов после работы. Потом, приходили охранники, выгоняли учёных и выключали электропитание во всех помещениях. Им очень хотелось спокойно поспать.

При помощи разных методик, Олег изменил ДНК у лягушки. Он активировал ген, который у неё отвечал за восстановление утраченных тканей и органов. В отдельных клетках животного, что находились в чашечках Петри, всё шло просто прекрасно.

Парень решил, что пора двигаться дальше и сделал укол одному земноводному. Оно очень легко пережило инъекцию и не изменило внешнего вида и своего поведения. Зверушка ела с большим аппетитом и скакала в аквариуме, как у себя на болоте.

Через неделю, анализы показали Олегу, что ген активировался во всём теле квакушки. Нужно было переходить к испытаниям. Парень сказал об этом сотрудникам и те тут же собрались возле него.

Всем очень хотелось проверить, правда ли то, о чём сообщил молодой человек? Нет ли в его утверждении, какого подвоха? Ведь они долго работали, но не добились почти ничего.

Пришёл даже хмурый завлаб. Генрих Антипович был почему-то уверен, сейчас в помещении случится, что-то весьма неприятное. Так же, как было в лаборатории физиков.

Олег не сомневался в успехе и хорошо подготовился к проведению опыта. Первым делом, он включил видеокамеру, установленную над стеклянным аквариумом. Потом, взял в руки лягушку и острым скальпелем отрезал ей пару пальцев на задней ноге. Там было ещё три длинных отростка. Так что, животное сможет двигаться с тем же проворством, что раньше. Только будет немного хромать.

Квакушка подскакала к кормушке и начала есть с неслыханной жадностью. Она глотала питательный корм и никак не могла, набить своё беловатое брюшко. Сотрудников лаборатории весьма поразил её большой аппетит.

На месте отрубленных парнем фаланг появились небольшие розоватые опухоли, которые стали быстро расти. Они увеличивались у всех на глазах. Причём, достаточно быстро. Лягушка торопливо уписывала калорийную пищу. Видимо для регенерации, ей сейчас требовалось очень много энергии.

Вытянувшись до нормальной длины, пальцы стали ветвиться и превращаться в некое подобие дерева. Скоро их стало так много, что земноводное совершенно скрылось под ними. Теперь оно походило на хризантему, или же на актинию шарообразного вида. То есть, на подводное морское животное, имевшее множество щупальцев.

— Хватить мучить лягушку! — закричала какая-то сердобольная женщина.

Олег словно очнулся, оторвался от наблюдения за удивительным опытом и схватил несчастную тварь. Он сунул её в прозрачный бачок и, плеснув внутрь хлороформа, накрыл журналом учёта биообъектов. Квакушка немного подёргалась и уснула навеки.

— Да уж! — облэгчённо вздохнул Генрих Антипович и пошёл в свой кабинет. На пороге он обернулся и строго сказал: — Составь описание своей работы над генами и вместе с видеофильмом принеси всё ко мне. Будем думать, где ты напортачил, и искать пути исправления ошибок.

Олег вернулся к компьютеру и занялся составлением отчёта. Молодой лаборант взял лягушку заспиртовал её банке и, закрутив герметичную крышку, поставил в «кунсткамеру» лаборатории. Так сказать, сохранил её для истории.

Группа старших научных товарищей изучала детали необычного опыта, проведённого парнем. Олег выполнял их поручения и думал о том, где же он лопухнулся теперь?

Так продолжалось какое-то время. Потом, молодой человек потерял кошелёк, который ему подарила любимая мама. А может быть, его просто украли в трамвае, после того, как он заплатил за проезд. Кто-то увидел новый блестящий бумажник и подумал о том, что внутри много денег. Вот и стащил его незаметно.

Олег не хотел огорчать дорогую родительницу и тут же решил, нужно купить себе точно такую же вещь. В перерыв на обед, парень поел в институтской столовой и поспешил в большой магазин. Благо, что торговая точка находилась поблизости.

Как оказалось, галантерея из крокодиловой кожи стоила умопомрачительно дорого. Недаром маманя так сильно сияла, когда отдавала сыну презент. Знал бы об этом Олег, то следил за карманами намного внимательней.

Заплатив нужные деньги, парень зажал покупку в руке и побежал в институт. По дороге обратно, в сознании Олега мелькнула неординарная мысль. С ним так часто случалось со времён обучения в школе, а потом, в универе.

Думает он о чём-то обычном, и вдруг, в голове, неизвестно откуда, появляется необычная тема. Причём, возникало большое желание, как можно скорее, заняться её разработкой.

Только потом, когда всё завершалось полным провалом, он понимал, что идея была не очень хорошей. А иногда, вообще, вредоносной. Как, например, с изготовлением урана, что он предпринял недавно. Ведь его на рынке полно. Покупай, не хочу. Никому, кроме атомных станций не нужна радиация.

Вот и не верь после этого, утверждениям учёных. Кое-кто говорит, что мозг человека не орган мышления, а только приёмник. Откуда в него идут передачи, никто толком не знает. Скорее всего, из «ноосферы», в которой находится глобальная база всех данных. То бишь, из информационной оболочки планеты, звёздной системы, а то и галактики.

В этот раз, всё у Олега пошло обычным порядком. Идея так захватила молодого сотрудника, что он думал об этом всё свободное время. Наконец, парень нашёл решение проблемы и стал воплощать её в реальную жизнь.

В лаборатории имелся огромный виварий, где находились разные виды животных, начиная с российских белых мышей, и вплоть до шимпанзе, привезённых из тропических стран. Туда и направил Олег свои быстрые ноги.

Он нашёл подходящий объект, взял кое-какие анализы и вернулся к рабочему месту. Парень редактировал гены за специальным столом, на котором стоял микроскоп. Олег учёл все ошибки, что сделал нечаянно при работе с лягушкой и удивительно быстро продвигался вперёд.

Работал он, как и прежде, в основном, вечерами. Так что, никто из сотрудников об этом не знал. Не говоря про завлаба. Все занимались своими заданиями и не лезли в проблемы ближайших соседей.

Наконец, Олег добился того, чего сильно хотел. Он сунул питомца в небольшой дипломат и бодро вошёл в кабинетик завлаба. Генрих Антипович вопросительно посмотрел на него.

Парень сказал: — Недавно я вывел животное, которое уже через год начнёт приносить огромную прибыль. Существо имеет вкусное мясо, ценную шкуру и прекрасную шерсть. Его не нужно кормить и пасти.

Оно ест всё подряд, не боится лёгких морозов и способно весь год, жить на подножных кормах. Если, кто-то захочет то этого зверя можно легко разводить в открытых вольерах из металлической сетки. Животные очень быстро растут и набирают внушительный вес.

Услышав такие слова, Генрих Антипович весьма оживился. Ведь такое животное решит много проблем нашей великой страны. В первую очередь, нехватку хорошего мяса.

Олег сразу заметил тот большой интерес, что появился в глазах у начальника. Он положил кейс на стол и, щёлкнув замками, никуда не спеша, открыл плоскую крышку.

Сгорая от любопытства, завлаб заглянул в небольшой чемоданчик и обомлел от суеверного страха. Перед ним находилась странная сущность длиной в локоть мужчины. Это был молодой крокодил, обильно покрытый густой тёмной шерстью. Он широко открыл зубастую пасть и зашипел на мужчину.

— Ведь они обитают лишь в тропиках, как ты собрался их разводить в холодной России? — засмеялся Генрих Антипович.

— Я изменил их геном. Теперь они могут жить в Подмоскowie, и будут расти в три раза быстрее, чем их теплолюбивые предки. Шерсть защитит их от слабых морозов. Когда реки с озёрами покроются льдом, они выкопают норы на берегу, спрячутся там и уснут до весны. Так же, как медведи в берлогах.

Завлаб опять рассмеялся и беззлобно сказал: — Отнеси зверушку в виварий и скажи лаборантам, чтобы за ней получше следили. Будем её демонстрировать иностранным гостям. Пусть полюбуются на нашу работу.

Олег печально вздохнул, закрыл чемоданчик и выполнил приказ руководства.

Крокодил жил в вольере какое-то время. Весь институт бегал на него посмотреть. Людей веселила его густая тёмная шерсть. Животное часто снимали смартфонами и выкладывали необычное видео в социальных сетях. Мол, полюбуйте на чудо природы.

Каким-то таинственным образом, жертва генетики покинула клетку, и через канализацию удрала на волю. А может быть, какой-то придурок оставил открытой железную дверцу. Так сказать, пошутил?

Потом это животное часто видели в озёрах и реках, что протекали недалеко от Москвы. Однако, ни МЧС, ни полиция, ни зоозащитники, не волновались по данному поводу. Мол, ни сегодня, так завтра, его застрелят охотники. Скоро наступит октябрь, и крокодил окочурится от сильных морозов.

Как выяснилось немного позднее, сбежавший питомец Олега совершенно спокойно пережил суровую пору. Мало того, он оказался женского рода. А, как всем известно, для размножения крокодилицам не нужны крокодилы. Они без самцов могут нести оплодотворённые яйца. То есть, разводятся «беспорочным зачатием». По-научному, партеногенезом.

Так что, через несколько лет, возле российской столицы плавали многие сотни зубастых рептилий. Некоторые из них превышали три метра ростом и нападали на одиноких людей. Были даже смертельные случаи среди местных сограждан.

Ни охотники, ни полиция, ни вооружённые силы, ни подразделения спецназа, не могли их всех перебить. Ведь, земноводные прекрасно ныряли и сидели на большой глубине по два с лишним часа. Пойди их отыщи.

Тут и завлабу стало уже не до смеха. Нужно было решать насущный вопрос, как уничтожить зловредных животных? К этому времени,

Олега обвинили в халатности при содержании опасных чудовищ и тут же уволили из института.

НЕУДОБНЫЙ ВОПРОС

Сколько себя помнил Кирилл, столько он увлекался историей. В детском саду, мальчик любил слушать длинные сказки и смотреть яркие мультики про подвиги богатырей. В школе подросток читал много книг, где говорилось о прошлых веках. Завершив десятилетку, юноша пошёл в институт. Причём, он поступил в то подразделение ВУЗа, которое называлось истфак.

В ходе пятилетней учёбы, Кирилл собирал интересные факты, которые иногда попадались ему на глаза. Чаще всего, это были неважного качества фото и небольшие заметки, что появлялись в местных журналах и бульварных газетах.

В них сообщалось о странных находках, которые совершенно случайно, сделали обычные люди. То местный крестьянин копал огород и нашёл непонятный предмет очень древнего вида.

То бульдозерист ровнял территорию и вдруг наткнулся на камень с неизвестными знаками. Или же экскаваторщик рыл котлован под строительство дома и обнаружил сооружение допотопных времён.

Казалось бы, в этом нет ничего удивительного. Как утверждают кое-какие учёные: — Разумная жизнь на Земле существует невероятное количество лет. Люди современного облика, это пятая цивилизация на нашей планете. До них были асуры, атланты, лемурийцы, а следом бо-рейцы.

А может быть, порядок их появления был и каким-то другим. Много путаницы в этом вопросе. То атланты правили раньше, то лемурийцы, то они жили, так сказать, параллельно. И кто у кого перенял технологии, которыми они себя уничтожили, увы, никому неизвестно.

Согласно ацтекскому кодексу, первая генерация наших предшественников погибла от голода. Вторая была уничтожена страшным пожаром. Третья унесена ураганом. Четвёртая бесследно исчезла в большом наводнении.

Другие исследователи нам сообщают, что до «хомо сапиенс» на земле обитало аж двадцать четыре различные расы. Поэтому, как говорили когда-то: — Древностей нет только там, где никто не копал.

Люди регулярно находят огромные здания, а то и скопления больших городов, заброшенных неизвестно когда. Чаще всего, они все затеряны среди пышных джунглей. Их даже с воздуха очень трудно заметить.

Как бы то ни было, но существование наших предшественников доказать очень просто. Нужно только взглянуть на развалины древних построек. Везде наблюдается огромная разница в мастерстве их создателей.

В самом низу, лежат мегалиты. Это большие массивы из природного камня весом до тысячи и более тонн. Такие огромные штуки давно обнаружены в ливанском городке Баальбек.

Нужно сказать, что тысячу тонн тянет гигантский брусок длиной почти тридцать, шириною четыре и высотой в три с половиною метра. Они настолько тяжёлые, что их можно поднять, лишь современной строительной техникой.

В Южной Америке или Японии часто встречаются блоки неправильной формы. Однако, они удивительно плотно примыкают друг к другу. Иногда, между ними не всунешь и лезвие одноразовой бритвы, типа «Жилет».

По тем мегалитам уложены глыбы значительно меньших размеров. С ними могли бы управиться и небольшие бригады рабов. Они обработаны немного похуже, а к ближайшим соседям их подгоняли, не так хорошо, как когда-то давно.

На самом верху находятся достаточно скромные камни. Их смогли поднять один или два человека. Чаще всего, их только чуть обтесали по внешней поверхности и на этом закончили.

По утверждению ряда учёных, предыдущие цивилизации погибли в ходе глобальных конфликтов с применением атомных бомб. Об этом нам сообщает «Махабхарата», созданная за три с половиною тысячи лет до нашего времени.

В индийском эпосе ведётся рассказ о войне всемогущих богов. Там объясняется, что всё это случилось за двадцать веков, до написания данного текста. И этому есть большое число подтверждений.

По всей поверхности нашей планеты разбросано множество круглых глубоких воронок. Они похожи на кратеры, что остались от взрыва удивительно мощных устройств. В них часто находят следы радиоактивных веществ. Подобные соединения могут возникнуть лишь в ходе реакции деления ядер.

Кто вёл эти жуткие битвы, увы, неизвестно. То ли, лемурийцы с атлантами? То ли, те расы, что прилетели из космоса? То ли те существа,

что проникли сюда из параллельных пространств? Как бы то ни было, но человечество едва уцелело, и было отброшено в каменный век.

После коротких заметок и плохеньких фото в газетах, пресса вдруг забывала об этой проблеме. Через какое-то время, нельзя было найти никакой информации. Как не старался Кирилл, но по поводу данных находок, он ничего не мог разузнать.

Все артефакты вдруг исчезали неизвестно куда. Люди, нашедшие их, отказывались общаться со студентом-историком. В лучшем случае, они говорили, что совершенно забыли о том странном случае своей биографии. Поэтому, не могут ему ничего сообщить.

В положенный срок, Кирилл завершил обучение, получил в деканате красный диплом и стал, наконец, археологом. Молодой человек участвовал в нескольких больших экспедициях и во множестве малых. Он колесил по России и побывал в десятке соседних держав.

Парень усердно работал по любимой специальности, но не бросал своё странное хобби. Все люди вокруг знали о его увлечении. Они общались ему обо всё новых находках, позже пропавших, неизвестно куда.

Иногда, в руки Кирилла попадали и те артефакты, которые ни за какие коврижки, не признавались официальной наукой. Учёный всё изучал, классифицировал и складывал в различные папки. Коллекция постоянно росла. Чего только не было в ней.

Например, там хранились репродукции старинных картин. В начале XV века в Европе начался Ренессанс. То бишь, возрождение, если перевести это слово на русский язык. До этого времени, все живописцы и рисовать-то хорошо не умели. И вдруг с 1420-х годов, все стали очень красиво и реалистично писать.

В музеях много полотен, на которых все видят руины великого Рима и остальных больших городов. Учёные нам говорят, что это только фантазии тогдашних художников. Мол, просто мода такая возникла тогда.

В 1839 году изобрели фотографию. Как всем известно, дагерротипы не врут, так бессовестно, как все остальные виды искусства. На них проявляются только предметы, что в ходе процесса, попадут в объектив.

К этому строгому делу фантазию вряд ли пришьёшь. Разве, что слепишь коллаж, но узнать те подделки, достаточно просто. Криминалисты давно уже создали нужную технику.

В те времена, запечатлели множество разных пейзажей, известных всем мест. Вот только, они весьма отличаются от того, что мы видим сегодня. Тогда были голые пустоши, а сейчас там растёт очень много деревьев. Причём, их средний возраст не превышает двух сотен лет.

Репортёров разводилось всё больше и больше. Они стали щёлкать всё то, что попадалось под руку. Есть тысячи снимков, где люди усердно откапывают нижние части каменных зданий.

Иногда, глубина котлованов достигала шести-семи и более метров. Такие строения есть, как в России, так и в Европе с Америкой. Та же история происходила с тоннелями и железнодорожными насыпями.

Учёные нам объясняют, мы видим тот слой, который все археологи называют «культурным». Мол, люди всё время, несут на подошвах грязь, пыль или всяческий мусор. Уровень почвы по чуть-чуть поднимаются. Поэтому, с течением времени, сооружения уходят под землю.

Возникает пара вопросов, на которые, почему-то, никто не может ответить. Первый, почему данный слой неожиданно вырос с такой большой скоростью? Ведь и до, и после его появления, всё проходило значительно медленней, не более, чем один сантиметр за год.

И второй, почему при раскопках, в нижних и верхних слоях находят тьму артефактов, что выпадали из карманов людей? В этом же нет, вообще, ничего. Одна только мёртвая глина или песок.

Нам говорят, что в те времена, возводили большие подвалы для хранения разных вещей. Тогда, как объяснить двери и окна, что были устроены значительно ниже уровня почвы? Для чего их там оставляли, чтобы потом заложить?

Кое-кто утверждает, мол, люди сами засыпали от двух до пяти этажей каменных зданий. В Праге решили поднять уровень улиц, чтобы избежать наводнений. В Эдинбурге хотели избавиться от последствий чумы, поразившей часть города.

В Париже и Риме надумали, завалить все постройки древних времён, а то они сильно мешали проезду повозок. Не проще ли было их разобрать? Глядишь и добытый тогда материал в дело пошёл.

Вы только представьте себе объёмы произведённых работ. И это в те годы, когда всё делали только вручную: копали, носили и трамбовали тяжёлую землю. Да этим тяжёлым трудом, должны было заняться всё население, жившее тогда в городах. И усердно пахать много лет. А всё ради чего?

К этому можно добавить русские и иноземные крепости, засыпанные до середины бойниц, а то и до самого верха? Зачем это сделали предки? Чтобы врагам было легче атаковать цитадель?

У Кирилла имелись копии множества карт, созданных в шестнадцатом веке и семнадцатом веке. На них можно видеть огромное число городов, расположенных в Центральной Сибири, на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Судя по численности разных названий, там обитали миллионы людей.

Через какое-то время, по северо-западной части Евразии прокатилось большое цунами. Об этом нам говорят многочисленные реки России. Ведь сто лет назад, их дно устилало большое число древесных стволов. Добыча морёного дуба велась в огромных масштабах.

В восемнадцатом веке, появляются географические атласы нового рода. На месте большинства поселений, там обнаруживается лишь голая тундра, жаркая степь, а то и пески огромной Сахары. Среди тех пустынных пространств иногда замечаешь деревянную крепость, скромный посёлок или бедный оазис.

По всему получается, поверхность планеты засыпало толстым слоем грунта, упавшего с неба. В Египте, Турции и Пакистане находят площадки, покрытые небольшими кусками стекла жёлто-зелёного цвета.

Для того, чтобы песок превратился в стекло требуется температура не менее полутора тысячи градусов Цельсия. То есть, на эту пустыню, за пару мгновений, обрушилось очень много тепла. Его было столько, что сопоставимо с энергией взрыва атомных бомб.

Благодаря той катастрофе и климат Земли весьма изменился. Плюс ко всему, произошло несколько больших извержений. Взорвался чилийский вулкан Путана, индонезийский Тамбора и филиппинский Майон.

Прошли целых «три года без лета». Наступил, так называемый, малый ледниковый период, который продлился до 1850-го года. Большая часть населения быстро погибла от голода, холода и всевозможных болезней.

Об этом нам говорят старые летописи, что дошли до учёных. В подземельях Парижа находятся шесть миллионов скелетов, на которых нет и следа какой-либо плоти. В Европе есть огромные церкви, где всё убранство внутри состоит из человеческих черепов и костей.

Кроме недавних времён, Кирилл знал и о многом другом. В первую очередь его интересовало расположение спутников вокруг нашей звезды. По законам небесной механики, возле Солнца должны бы вращать-

ся самые большие тела данной системы, а чем дальше от центра, тем они становятся меньше.

У нас, почему-то, всё обстоит по-другому. Маленьких размеров планеты находятся ближе к светилу, огромные гиганты из газов в середине подвижной структуры, а глыбы из камня и льда на дальних задворках.

Мало того, все орбиты проходят по идеальным окружностям, точно они нарисованы циркулем. В то время, как у всех прочих звёздных систем, они больше походят на эллипсы. Причём, достаточно вытянутые.

Странное расположение планет защищает поверхность земли от попадания камней, летающих в космосе. Большая часть астероидов, притягиваются такими гигантами, как Юпитер, Сатурн и Уран. Правда, иногда и они не спасают.

На самой же Земле, историка заинтересовала «структура Ришат», расположенная в мавританской части Сахары, рядом с поселением Уадан. Она имеет наружный диаметр пятьдесят километров и хорошо различима с орбиты.

Космонавт Лебедев сравнил её с пирамидкой, составленной из пяти или шести разноцветных колец. Причем, они все имеют один общий центр и далеко отстоят друг от друга.

Считается, что «структура» возникла 600 миллионов лет назад. Ранее предполагали, что она является кратером от астероида. Однако эта гипотеза не согласуется с плоской поверхностью дна и отсутствием горных пород со следами воздействия от удара небесного тела.

Образование структуры в результате гигантского истечения лавы так же не подтверждается научными данными. Там отсутствует купол изверженных вулканом пород.

«Структура Ришат» очень похожа на концентричные кольца, которые образуются в плотном грунте от падения жидкости с большой высоты. Если, конечно, можно представить внушительный кран, дающий струю в тридцать километров в диаметре.

По скромным подсчётам, в минуту там проливалось семьсот кубических километров воды или один миллион таких водопадов, как Ниагара. То есть, за сто тридцать суток могли бы наполниться все океаны земли. А это уже всемирный потоп.

Пятьсот пятьдесят миллионов лет назад на земле появилось большое число трилобитов. Это были примитивные обитатели моря, похо-

жие на современных мокриц. Только они достигали размера до семидесяти сантиметров в длину и тридцати в ширину.

Триста миллионов лет они благоденствовали в мелких и тёплых морях. Потом, в нашу планету попал астероид огромных размеров. К счастью людей, живущих сейчас, он чиркнул лишь по касательной.

В том месте, где стукнулись два космических тела, срезало корку земли толщиной в пять километров. Наверх излилось огромное количество лавы. Возникло продолговатой формы пятно, которое теперь называют плато Путорана. Оно расположено на северо-западе того плоскогорья, что именуется Среднесибирским.

От такого удара, в Пермском периоде произошло вымирание 96% всех морских обитателей и 73% сухопутных существ. Жизнь запустилась по новому кругу. Эволюция резко ускорилась.

Столкновение произошло весьма аккуратно. Такую работу с нашей землёй смогли бы проделать лишь представители цивилизации III-го типа по «шкале Кардашёва». То есть, те существа, что способны использовать энергию всей нашей галактики.

Нужно добавить, что до той катастрофы случилось ещё два вымирания. Так сказать, промежуточных. Это ордовикско-силурийское (450 млн. лет назад), которое вызвано оледенением нашей планеты, и девонское (374 млн. лет назад), произошедшее из-за обеднения океанических вод кислородом. Почему всё случилось, никому неизвестно.

На этом история, увы, не закончилась. Двести миллионов лет назад произошло триасово-юрское вымирание живности. Его вызвала активность сотен вулканов, изменивших состав атмосферы земли.

И наконец, около 66 млн. лет назад наступило мел-палеогеновое вымирание. В этот раз опять потрудились большой астероид. Тогда он оказался около десяти километров в диаметре. Удар небесного тела вызвал цунами, изверженья вулканов, и выброс в воздух огромного количества пыли.

Свет солнца перестал доходить до земли. Температура всей атмосферы резко упала. Холода уничтожили большую часть флоры и фауны на нашей планете. Это событие ускорило эволюцию млекопитающих и появление на земле «хомо сапиенса».

Как говорят физиологи, для жизни и умственной деятельности, человек постоянно использует только 10% возможностей личного мозга. Остальные 90% всё время упорно работают, вот только, неизвестно над чем.

Кто-то предположил, что нервная система однотипных существ, может трудиться, словно единая нейронная сеть. То есть, представляет собой огромный биокomпьютер. Что если, в эту «машину», кто-то грузит задачи, которые хочет решить?

Сложность проблем постоянно растёт. Мощности у вычислителя уже не хватает. Не помогает и увеличение числа отдельных ячеек. Нужен процессор, что будет считать с повышенной скоростью.

Чем сложнее создание нашей природы, тем у него больше мозг и он быстрее работает. Благодаря такому закону, появились новые классы животных. За членистоногими возникли всевозможные рыбы. На смену им пришли земноводные. Затем, пресмыкающиеся, птицы, млекопитающие, и, наконец, человек.

Это мы умираем удивительно быстро. Сто лет с небольшим, уже самый далёкий прицел. Ну, а кто его знает, сколько живут сверхсущества? Может быть, для них тьма веков всего только миг?

Не стоит даже и думать о том, что Демиург всегда наблюдает за нами. У него и без нас хватает проблем. Наверняка, это делают те автоматы, которых он сотворил для подобных работ.

Например, насекомые, что постоянно находятся, где-то поблизости, или разные твари, что обитают в наших телах. Они собирают всю информацию и передают следящей системе.

Та обрабатывает добытые данные и принимает решение, что делать теперь с человечеством? Можно его использовать дальше, или произвести перезагрузку системы и создать новую расу? Вдруг она выйдет более умной, чем эта?

Сначала, кто-то создал человечество во времена динозавров. Что-то пошло там не так. На землю упал астероид, и остались от тех гуманоидов только следы в ископаемых глинах. Да ещё, у перуанского города Ика, нашли пятьдесят тысяч камней, сплошь покрытых чудными рисунками.

Асуры погибли от взрывов атомных бомб. Лемурийцы с атлантами почти все утонули во время потопа. А может быть, наоборот, разное люди о них говорят. Неизвестно кому, можно верить.

Борейцы жили на островах, расположенных на северном полюсе. Теперь там сплошной океан, покрытый огромными льдинами. Античную цивилизацию засыпало миллиардами тонн рыхлой земли, свалившейся с неба. Благодаря чему и возникли Сахара, пустыни Аравии, Сирии, Каракумы, Гоби и прочие.

Под слоем песка погибли те города, которые упоминали Геродот, Фукидид, Ксенофонт, Полибий, Плутарх и Тацит. Существует пророче-

ство, что очередная зачистка планеты произойдёт после того, как весь Север Африки снова станет зелёным.

— Где расположен следящий за нами компьютер? — раздумывал Кирилл Михайлович Рябов и сделал естественный вывод: — Скорее всего, на Луне, внушительном спутнике нашей планеты. Вроде бы рядом совсем, да не враз до неё доберёшься.

Сначала, придётся развить космонавтику до определённого уровня. Да ещё, неизвестно, разрешат ли землянам туда полететь? СССР с США как-то пытались и что из этого вышло? Пшик, да и только. Теперь вот индийцы с китайцами запустили туда луноходы. Посмотрим, чем закончиться эта компания?

Время стремительно летело вперёд. Мужчина стал кандидатом, доктором, а после профессором, работающим в одном из ведущих университетов страны. С течением лет, он постарел, прекратил ездить «в поле» и превратился в пожилого учёного, что постоянно сидит в кабинете.

За прошедшие годы, коллекция сообщений о странных находках весьма разрослась. Огромное количество папок было негде хранить. Хорошо, что к этому сроку Кирилл Михайлович Рябов уже получал большую зарплату. Он накопил нужную сумму, купил особняк под Москвой и перевёз материалы туда.

В положенный день, Кирилл Михайлович Рябов вышел на пенсию. Бывший профессор стал жить в своём частом доме и писать объёмную книгу. Наконец, он завершил работу всей жизни и разослал по редакциям.

К удивлению историка, везде отказались её издавать. Мол, в наше чудесное время, это мало кому интересно. Сейчас очень нужно «сплошное мочилово в режиме нон-стоп». Пожилой человек немного подумал и решил свою рукопись поместить в интернете. Быть может, кто-нибудь там, её всё же прочтёт?

Именно в этот момент в прихожей раздался звонок. Кирилл Михайлович открыл наружную дверь. На крыльце находился прекрасно одетый, довольно приятный, молодой человек лет тридцати.

Гость поздоровался со старым профессором и заявил, что хочет поговорить по чрезвычайно важному делу. Историк впустил его в дом и предложил, пройти в кабинет.

Кирилл Михайлович уселся за письменный стол. Парень устроился в кресле, стоящем напротив, и твёрдо сказал: — Я ознакомился с вашим трудом и очень прошу, не выкладывать его в интернет.

— На каком основании? — поинтересовался профессор.

— Людям это читать, совсем ни к чему. Не стоит будоражить общественность такими произведениями.

— А почему вы решаете, что можно знать человечеству, а что нужно сейчас положить под сукно? Вы что из редакции или из КГБ, то бишь, ФСБ?

— Нет, я аватар той следящей системы, о которой вы пишете в последней работе. — сказав это, гость вместе с креслом поднялся над полом, сделал круг по всему кабинету и, никуда не спеша, вернулся на прежнее место. Его тело вдруг засияло, как раскалённое золото, затем потускнело и обрело вид гуманоида из далёкого космоса.

Учёный увидел странную сущность, похожую на худого подростка. У него был очень большой, лысый череп, сильно похожий на тыкву с нижним узким концом. Лицо, шею и руки, плотно обтягивала серая тусклая кожа. Всё остальное закрывала одежда. Она сильно смахивала на гидрокостюм белого цвета.

Хорошо выделялись гигантские, как копыта осла, тёмные очи без белков и зрачков. Чуть ниже виднелся малюсенький вздёрнутый нос. Под ним едва проступала щель узкого рта, совершенно лишённого губ. Облик пришельца подёрнулся рябью. Секунду спустя, в кресле снова сидел очень приятный молодой человек.

Кирилл Михайлович совершенно не поддавался гипнозу. Он сразу понял, что это не трюк балаганного фокусника и спокойно сказал: — Весьма впечатляет, а чем я обязан такому вниманию?

— Куратор вашей планеты иногда, посылает своих аватаров особым людям: власть предержащим, пророкам и основателям крупных религий.

— И, где же он расположен? — спросил ошеломлённый учёный.

— Там, где вы и думали, под поверхностью вашей Луны.

— Давно ваш Куратор наблюдает за нами?

— С тех пор, как появились членистоногие.

— Вы можете, мне рассказать историю исчезнувших рас?

— Я лишь аватар малой части Куратора и прислан сюда для выполнения конкретной задачи. У меня отсутствует доступ к той информации, что хранится в центральной системе. Могу лишь сообщить, что ги-

бель античной цивилизации, произошла не по нашей вине. Наоборот, мы очень старались её защитить.

Так уж случилось, что Земля натолкнулась на рой каменных глыб, летящих из «Пояса Койпера». В районе вашей звезды, устройства защиты установлены лишь на Луне. Оберегать другие тела вашей системы не имеет смысла. Там нет разумных существ.

Энергетические установки взорвали все астероиды, что могли уничтожить жизнь на планете. Много осколков не удалось нам сжечь целиком. Они превратилось в мелкую пыль, в щебень, песок и стекло. Всё это большой полосой упало на Азию, Европу и Африку, что попало даже в Америку.

Всё остальное вы знаете. В атмосфере повисло невероятное множество мельчайших частиц. Температура резко упала. Большая часть населения быстро погибла от холода, болезней и голода.

Должен добавить, что у тех, кто всё-таки выжил, убрали воспоминания о той большой катастрофе. Куратор имеет возможность и техники для проведения такой операции.

Как это ни странно, но были те люди, у которых не стёрлась часть информации в мозге. Благодаря этому казусу возникли различные слухи, легенды и даже остались какие-то записи. Пришлось начать большую кампанию, по уничтожению летописей и библиотек. Повсюду горели костры инквизиции и религиозных фанатиков.

Всё это случилось в семнадцатом веке, по настоящему летосчислению. Вы сами хорошо понимаете, что гибель цивилизации это потрясающий шок. От этого многие могут лишиться рассудка. Чтобы смягчить переход от высокой культуры к вновь проявившейся дикости, Куратор сделал ещё кое-что.

В память народов внедрили ту мысль, что эпоха античности погибла задолго до этого страшного года. Так ваша «новая эра» вдруг удлинилась более чем, на тысячу лет. Ну вот, пожалуй и всё, что я сейчас могу вам сказать, — завершил аватар свою короткую речь.

Профессор немного подумали и напряжённо спросил: — А если я откажусь от выполнения вашей команды насчёт интернета. Вы, что убьёте меня?

— Ну, зачем эти крайности? — удивился молодой человек. Он широко улыбнулся, поднял правую руку и звонко щёлкнул холёными длинными пальцами.

В глазах у историка вдруг потемнело, а слух куда-то пропал. Кирилл Михайлович внезапно лишился сознания. Очнувшись профессор минут через десять, а может быть и значительно позже.

Он находился на улице и стоял в пятнадцати метрах от своего прекрасного дома. Особняк ярко пылал, как огромный костёр. Старик вдруг ощутил, что он забыл, что-то важное. К счастью учёного, это странное чувство быстро исчезло. Осталась лишь огромная горечь от потери жилья.

ПАРК КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА

Вокруг находился густой светлый лес. Он весьма походил на джунгли Южной Америки, расположенные в центре Бразилии. Только диких зверей здесь оказалось значительно больше. В реках плавали рыбы с большими зубами и крокодилы длиной в несколько метров, и толщиной с приличный бочонок.

В кронах деревьев часто мелькали удивительно жуткие бести. О них можно было сказать: — Это квинтэссенция смерти. Голова — огромная пасть. Из дёсен росли острые, как бритва пластины, расположенные во много рядов. Из концов кожистых крыльев торчали ядовитые иглы.

На ветках сидели небольшие животные с заостренной головкой, переходящей в убийственный шип. Среди толстых стволов бегали страшные твари с чешуйчатой шкурой. Одни были величиною с собаку, другие с осла, ну, а третьи, достигли объёмов слона. Все обладали когтями, клыками или рогами, а то и всем этим сразу.

На каждой травинке виднелись крючки, которые намертво цеплялись за кожу. Кромки узеньких листьев резали тело не хуже боевого ножа. Кусты украшались плодами, размером с кулак. Они громко взрывались, словно гранаты, и швыряли в людей семена в виде крупных колечек.

Сверху свисали лианы с присосками. Они реагировали на появление теплокровных существ, пытались их оплести и убить. В воздухе вились рои насекомых разных цветов и размеров. Им очень хотелось высосать чью-нибудь кровь. На земле копошились всевозможные гады, пёстрые змеи и шустрые ящерицы мерзкого облика.

Сквозь кошмарную сельву шла плотная группа очень весёлых, беспечных ребят. Они были одеты весьма легкомысленно, в майки и шор-

ты. На голых ногах обычные «шлёпки», типа «вьетнамки». В руках все держали оружие наподобие бластера.

На голове висит гарнитура с микрофоном и миниатюрным наушником. Подростки переговаривались между собой, громко смеялись и палили во всё, что находилось вокруг.

Лучи яркой плазмы врезались в невероятно опасных животных и в большие скопления ядовитых растений. От таких попаданий, и те и другие разрывались на многие части, вспыхивали ослепительным светом и без следа пропадали.

Сами же люди и всё их окружение, ничуть не страдало от удивительно «мощных энерголучей». Прочая часть голограммы оставалась на месте, и в неё можно было, снова стрелять. Причём, с тем же огромным успехом.

За компанией весёлых ребят шёл молодой человек лет тридцати. В отличие от своих юных спутников, он был одет, словно обычный офисный служащий мелкой «конторы». Впрочем, Слава Дроздов таковым и являлся.

Нужно сказать, что в этой шумной тусовке он оказался совершенно случайно. Шёл себе после службы своим обычным маршрутом, что пролегал через «зелёную зону» огромного города.

Путь крепкого парня проходил мимо огромной палатки, которые раньше звались «шапито». Балаган туда привезли не очень давно, всего две недели назад. Он назывался — «Поход по неукротимой планете».

Стояла середина июня. Погода держалась очень хорошая. День длился долго. До десяти часов вечера на улице было светло. Народу в парке «культуры и отдыха» гуляло полно. В основном, там крутились весёлые школьники, что не умчались на отдых в деревню. Благодаря наличию публики, развлекательные заведения комплекса работали на полную мощь.

Слава Дроздов проходил мимо большого шатра, сшитого из пыльных полотнищ брезента. Над дверью висел яркий плакат. На нём красовались ужасные монстры времён динозавров. Пасти раскрыты, клыки обнажились, острые когти тянуться к зрителям. Всё, словно в штатовских фильмах про юрский период.

В общем, кошмар. Это тебе не механические скелеты из пластика девяностых годов, когда Слава ходил в «комнату ужасов». Кстати сказать, в то давнее время, она находилась на этом же месте.

У входа в большой павильон стояла группа шумных подростков. Ребята громко хвалили те спецэффекты, что видели в аттракционе вчера. Судя по их разговору, сегодня они опять собирались туда. Уж очень им всем, понравилось данное зрелище.

Слава услышал, как кассирша сказала: — Запускаем не меньше, чем по шесть человек. Вас только пять. Или платите ещё за одного посетителя, или стойте и ждите, когда подойдёт кто-то ещё.

Весьма огорчившись, подростки огляделись вокруг. Ребята увидели парня, идущего мимо, и подбежали гурьбою к нему. Они окружили удивлённого Славу, и загомонили все разом. Все говорили о том, что у них мало денег, чтоб заплатить за лишний билет.

Поблизости нет ни одного человека, который смог бы пойти вместе с ними прямо сейчас. Ждать очень долго они совершенно не могут. Родители их отпустили всего лишь на тридцать минут. К ужину, нужно вернуться домой.

«Почему бы и мне не сходить вместе с ребятами? Давно ведь хотел посмотреть те голограммы, что представляют собой инопланетных зверей. Кое-кто из друзей их уже видел и хорошо мне всё описал. Все говорят, что это весьма интересно», — сказал себе Слава Дроздов. Он немного подумал и согласился, составить подросткам компанию.

Шесть человек прошли в маленький тамбур. Дверь за ними захлопнулась с тихим щелчком. Все отдали деньги кассирше и получили взамен удивительно лёгкие «бластеры» из разноцветного пластика. Кроме того, им предложили надеть на себя гарнитуры, как для обычных смартфонов.

Хмурая женщина закрыла окошко, ведущую в кассу. Лампы в большом помещении тут же погасли. Стало довольно темно. Участок дальней стены сдвинулся в сторону. В лицо посетителей резко ударил яркий солнечный свет. Перед Славой открылся удивительный мир прошёдших эпох.

В ушах зазвучал шум тропической сельвы и голоса возбуждённых подростков. Ребята стали палить в разные стороны. Плюс ко всему, они вразной, что-то громко кричали друг другу.

Парень смог разобрать лишь несколько фраз: — Сашка, сверху летит шипокрыл! Ленка, слева кобра, стреляй! Петька, справа бежит носорог! Васька, впереди лиана-вампир...

Вокруг замелькали горящие нити энерголучей. Отовсюду послышались выстрелы «бластеров» и треск пылавших ветвей. К небу взметнулись клубы чёрного дыма. Их дополнял страшный рёв динозавров, уми-

рающих в жутких мучениях. Хорошо, что крики животных быстро стихали, а буйное пламя тотчас угасало.

Ошеломлённый увиденным, Слава заметил, как один древний хищник налетел на подростка. Не причинив никакого вреда, он помчался вперёд, врезался в стенку шатра и бесследно исчез.

Картина юрских времён казалась весьма убедительной. Лишь приглядевшись, парень заметил детали. Тут и там, мелькали кое-какие дефекты. Вот смазана морда животного, здесь звери движутся быстро, но как-то рывками. Там летучая тварь висит себе в воздухе, но, почему-то, не машет крылами.

Кассирша разобралась с клиентами, закрыла окошко и нажала на красную кнопку. В огромной палатке заработали лазеры. Пошла запись большой голограммы. Включились системы объёмного звука. В павильоне возник кусок древнего мира.

В соседней маленькой комнатке, на стенке висело множество голубоватых экранов. Перед ними стояли владельцы аттракциона и наблюдали за посетителями своего «шапито». На одном мониторе виднелось шесть диаграмм разного цвета. Они передавались с тех гарнитур, что были надеты на беспечных гостей.

Один из хозяев сказал: — Посмотри на того чувака, что явился последним. Как я заметил, он проживает, где-то тут рядом и регулярно мотается туда и сюда. Наружная аппаратура предсказывала, что у него большой коэффициент интеллекта. Цифра в два раз выше, чем у прочих людей.

— Наконец-то, нам встретился умный субъект, среди глупого населения города. Это именно то, что мы ищем сейчас. — серьёзно ответил помощник.

Начальник, меж тем, продолжал: — Я заметил его на подходе и велел кукле, что сидит в нашей кассе, чтобы она тормознула ребят. Мол, чтобы пройди к нам в шатёр, нужен ещё человек. Как я и думал, они уговорили его.

— Пойдём, пообщаемся с ним, — предложил подчинённый.

— Иди, сейчас твоя очередь, — благодушно ответил хозяин.

Слава заметил, заросли немного сместились и отсекли всех ребят от него. Парень вытянул руку вперёд и провёл перед собой. Ладонь прошла сквозь деревья и внезапно упёрлась в гладкую стену. Скорее всего, она была из металла и на тросах спустилась откуда-то сверху.

Сбоку послышался шорох шагов. Кусты с плодами-гранатами внезапно раздвинулись. Перед парнем возник крупный ящер, стоящий на задних ногах. Он оказался ростом в два метра и весом около двухсот килограммов.

«Наверное, раптор», — подумал молодой человек. Он навёл игрушечный «бластер» на страшного хищника и нажал на гашетку. К его удивлению, ничего не случилось. Не вылетел ослепительный луч и не разрезал животное на пару частей, как было до этого несколько раз.

— «Оружие вышло из строя» — сказал про себя посетитель шатра. Он посмотрел на голограмму и поразился значительно больше: — Надо же, как хорошо проработана эта зверюга. Не то что, все прочие твари вокруг. Выглядит, словно живая рептилия. Даже проходить сквозь него, почему-то, не хочется».

Ящер приблизился к неподвижно застывшему Славе Дроздову. Динозавр наклонился немного вперёд, словно хочет рассмотреть человека поближе. Он открыл огромную пасть, полную острых зубов, откусил парню голову и стал её смачно жевать.

«Правильно было написано в хрониках. Умные особи с этой планеты намного вкуснее, чем глупые», — удовлетворённо подумал Тризмор, прилетевший из звёздных скоплений Эзрик.

Контакт землян и пришельцев из космоса, наконец, состоялся. Как говориться, аборигены дождались того, чего сильно хотели на протяжении многих веков. Боги, то бишь рептилоиды, вернулись обратно.

ПОЕЗДКА КНЯЖНЫ

Осенью 945-го года киевский князь Игорь Рюрикович пошёл в покорённые им ранее земли и пытался собрать там непомерно высокую дань. Древляне восстали, убили его и уничтожили весь военный отряд.

Овдовевшая Ольга, стала регентшей при их единственном сыне трёхлетнего возраста. Уже через год, она собрала огромное войско, сожгла Искоростень — столицу древлян и привела население области к полной покорности.

В 957-м году княгиня Ольга отправилась в Константинополь, где правил император Константин VII. Там она приняла Таинство Святого Крещения и попыталась обратить в христианство своего возмужавшего сына.

К огорчению матери, Святослав отклонил её предложение. Он объяснил данный выбор тем обстоятельством, что тогда он лишится авторитета у своей личной дружины, состоящей, в основном, из язычников.

На самом же деле, причиной отказа от обращения к Христу, была большая любовь Святослава к представительницам прекрасного пола. В те годы, в огромном дворце, расположенном в Киеве, находился его очень обширный личный «гарем» — многие жены, наложницы и десятки детей.

Он просто не мог от них отказаться и жить с одной единственной женщиной, как всем предписывала православная вера. Да и какой бы богатый и власть держащий мужчина, согласился на это?

Среди полусотни наследников была и одна молодая княжна по имени Дарья. Всё шло хорошо до семи с половиною лет. Потом, она подцепила неизвестную хворь, и стала чахнуть день ото дня.

Её безутешная мама — рабыня великого князя, приглашала к ребёнку множество лекарей, ворожей и даже монахов, что не очень давно появились в их городе. Они поили больную разными снадобьями, окуривали её какими-то травами или же ладаном, читали над ней заговоры с молитвами. Ничего не могло, поднять девочку с постели.

Манефа пошла к Святославу. Она рассказала о недуге Дарьи и попросила у своего повелителя: — Разрешите мне, свозить нашу дочку к волхву, которого все называют Вышата. Он проживает в северных заповедных лесах, не доезжая Чернигова. О нём идёт громкая слава, как о великом целителе.

Услышав слова красивой рабыни, князь посмотрел на её объёмный живот. По всему получалось, что она опять на сносях и ходит в таком положении не меньше пяти с лишним месяцев.

Правитель ненадолго задумался. В те времена «Северщина» управлялась своими племенными вождями, и отношения со Святославом у них были не очень-то тёплыми.

Удивительно часто случались быстротечные пограничные стычки. Дружины обеих сторон нападали на земли соседей и грабили братьев-славян, словно кровных врагов. Например, византийцев, печенегов, хазар и прочих кочевников. И те и другие, сжигали чужие деревни и вводили в полон местных жителей. Потом, несчастных людей продавали на рынках, как скот.

Путешествие вверх по Десне было тяжёлым и довольно опасным. В дремучих лесах часто встречались разбойники и лютые звери. Рабыня

оказалась беременна от своего повелителя и могла потерять по дороге ребёнка. Возможного наследника трона.

Послать крупное войско с заболевшей княжной, Святослав, к своему сожаленью не мог. Он готовил поход на Хазарию. Ну, а скромный отряд мог натолкнуться на разъезды северских воинов и навсегда потерять молодую, красивую женщину среднего возраста. В схватке случается всё, что угодно. Её или убьют, или захватят, отправят на невольничий рынок и продадут неизвестно кому.

Буде Дарья скончается, то на всё воля богов, но нельзя понапрасну рисковать и Радмилой. Коли рабыня останется здесь, то точно родит ещё пару-тройку здоровых детей. Они в княжьем семействе всегда пригодятся, и мальчишки и девочки.

Лучше всего, Дарью никуда не возить. Пусть она лечится здесь. Ну, а если умрёт, то не в трудной дороге, а в своей уютной светлице. С другой стороны, челядь станет болтать, что он не ударил палец о палец и ничем не помог своей милой дочери. Хочешь, не хочешь, а придётся, дать ратников для сопровождения родимой кровиночки.

Святослав кликнул дружинника, что стоял за дверями, и приказал побыстрее, привести воеводу. Склонив покорную голову, Манефа стояла перед ним на коленях и ожидала решения своего повелителя.

Через короткое время, в палату вошёл высокий крепкий мужчина. Он был одет в простые штаны и летний кафтан, перетянутый в талии поясом. На ногах сапоги из замечательной кожи. На левом боку, в ножнах из крашеной юфти, висел меч средних размеров.

Военачальник поклонился владыке и громко сказал: — Звал меня княже?

— Добромил, подготовь малый учан к походу в Чернигов. Пусть устроят на нём небольшую казёнку. В ней разместится моя дочка Дарья и её старая нянька. Подбери среди дружинников десять умелых гребцов и снаряди их оружием и всяким припасом на дорогу туда и обратно. Завтра с утра, они должны тронуться в путь. И выпиши им охранную грамоту с моими печатями.

— Слушаюсь. — кивнул воевода и подождал, не скажет ли князь, что-то ещё? Увидев взмах руки господина, он понял, что других приказаний не будет, направился к двери и вышел из комнаты.

Радмила расстроилась из-за того, что не поедет вместе с больною дочуркой, но не показала сего ни единым движением черт на лице. Не следует ей, обычной спальной рабыне диктовать своему властелину. Ещё, чего доброго, он разозлится, отправит её на невольничий рынок

и продаст неизвестно кому. Или сошлёт из дворца и отправит работать в огороде и в поле.

На рассвете нового дня, из дворца Святослава выехала большая телега, запряжённая парой коней. В ней на мягкой перине лежала очень бледная хворая Дарья. Рядом сидела её красивая мама Радмила и старая нянька Манефа.

Ещё там находился сундук с девичьей одеждой и массивной шкапулкой, наполненной золотыми монетами. Знаменитый целитель, он хоть и кудесник, но вряд ли откажется от хорошей оплаты за лечение девушки.

Повозка подкатила к Днепру и остановилась у княжеской пристани. У причала стоял подготовленный к походу учан. Он представлял собой небольшого размера ладью, шагов пятнадцать в длину и пять в ширину.

Оба конца заострены, и на них размещалось по рулевому веслу, которые назывались потеси. Корабль, не разворачиваясь, мог быстро двигаться и вперёд и назад. На задранном к небу, носу жутко скалилась голова какого-то чудища, величиною с бадью. В центре стояла прочная мачта высотой в три человеческих роста. На ней висел прямой белый парус. Чтобы он никому не мешал при посадке, его свёрнули в рулон и подняли наверх.

Палубы, как у огромных насадов, здесь не имелось. Поперёк скромного судна крепилось пять широких скамей для десятка гребцов. На корме находилась надстройка, недавно сколоченная из тесовых досок. В ней могла поместиться кровать для больной, сундук с дорогими вещами и осталась бы толика места для рабыни Манефы, старой няньки княжны.

К повозке приблизились шесть крепких высоких дружинников. Они дружно взяли за деревянный настил, находящийся сверху. На нём вместе с пышной постелью, лежала бледная исхудавшая Дарья.

Бойцы подняли девчужку, внесли в небольшую казёнку и разместили на козлах, что вечером сделали плотники. Получилась неплохая кровать. Следом втащили громоздкий багаж. Манефа устроилась на сундуке, стоящем рядом с ребёнком.

Радмила поправила подушку, одеяло и простыни дочки, и поцеловала её на прощание. Дорога предстояла достаточно долгая и очень опасная. Кто его знает, вернётся ли Дарья когда-то назад?

Убедившись, что всё в полном порядке, Радмила спустилась на деревянный причал и сказала гребцам: — Можно трогаться в путь.

Кормчий встал справа от тесной надстройки, взял в руки потесь и отдал приказ: — Отчалить от берега!

Рабы, что находились поблизости, оттолкнули невеликое судно от пристани. Оно закачалось на лёгкой волне и, никуда не спеша, поплыло вниз по течению. Рулевой направлял его на стремнину.

К этому времени, дружинники сели по два человека на каждой скамье. Они подняли длинные вёсла со дна корабля, продели в уключины и опустили их в Днепр, по пять штук с каждого борта.

Раздалась команда с кормы: — И раз!

Концы деревянных шестов дружно ударили в мутную воду. Погрузив лопасти в реку, бойцы потянули рукояти к себе. Последовал мощный гребок. Учан прекратил движение к югу и стал подниматься на север.

Дожди в этом году, выпадали почти раз в неделю. Воды было много. Так что, течение оказалось достаточно сильным. Небольшая ладья плыла против него, не очень-то быстро, не так, как всем бы хотелось. Почти в два раза медленней, чем шёл человек налегке.

Кормчий по опыту знал, что от Чернигова до стольного Киева можно пройти всего лишь за день. А вот в обратную сторону, они будут двигаться не менее одиннадцати таких переходов.

Мало того, часто встречались перекаты и широкие песчаные мели, которых там не было в прошлом году. Дружинники прыгали в воду и тащили учан через эти препятствия. После чего, вновь поднимались на борт. От тяжёлых трудов, гребцы весьма уставали. Приходилось причаливать к берегу, чтобы им дать коротенький роздых.

До полудня было ещё далеко, но судно свернуло к востоку и вошло в устье Десны. Русло сильно петляло и каждую тысячу сажень оно резко меняло своё направление. Тут и там, попадались небольшие деревни на пять-шесть дворов. Слева тянулись вотчины князя из Киева. Справа раскинулись Переяславские земли.

Хорошо, что в настоящее время, между властителями двух территорий был заключён договор о мире и дружбе. Все их войска собирались в единый кулак, чтобы пойти войной на хазар. К ним хотели примкнуть и две-три дружины черниговской знати.

Все берега покрывал густой лиственный лес, плотно забитый старым валежником. Часто встречались сосновые и даже еловые боры. Места всюду были совершенно нехоженые.

Там и охотнику сложно пройти, а для того, чтобы проехать, нужно рубить длинные просеки шириною с телегу и парой коней. Проще всего, летом плыть по реке, а зимой, вместо дороги использовать лёд. Если, конечно, он наберёт толщину, чтобы выдерживать гружёные сани.

Учан продвигался вперёд только при солнечном свете, с рассвета и до наступления ночи. Во тьме кормчий не видел, что же находится перед носом ладьи и сворачивал к суше. Он опасался, наткнуться на низенький остров, или на толстый топляк и пробить острым комлем доски обшивки.

Починить повреждённое судно, команда навряд ли сумела. Не было среди них корабела, который смог бы всё сделать прямо в лесу. Тогда им пришлось бы класть княжну на носилки и, пробиваясь сквозь чащу, идти вверх по течению. А сколько поприщ до жилища волхва, никому неизвестно. Дорога туда затянулась бы на две недели, если не больше.

Выйдя на берег, дружинники брали оружие, расходились в разные стороны и дотошно осматривали близь лежавшую местность. Не обнаружив опасности, они возвращались назад, разводили костёр из валежника и готовили пищу для себя и своих пассажиров.

Ночью все спали, а два человека с боевыми топорами и копьями их сторожили. Мало что, может случиться в таких глухих дебрях, как те, что их окружали сейчас? Вдруг появятся волки, придёт злощий медведь или нагрянет банда разбойников? К примеру, те же кочевники, что случайно отбились от летучих отрядов.

Во время таких остановок, Дарью не спускали на сушу. Она так и лежала в своей удобной постели, что размещалась в казёнке. Рабыня Манефа постоянно находилась при ней.

Она кормила, поила княжну и давала ей различные снадобья, что получила от лекарей. К сожалению всех окружающих, здоровье у девочки не шло на поправку. С каждым днём, ей становилось всё хуже и хуже.

Плавание вверх по Десне проходило на удивленье спокойно. Ни лютые звери, ни зловредные люди не нападали на скромное судно. Уже в восьмой раз, солнце взошло на востоке и ничего не предвещало беды. Все поднялись на ноги, и готовились двинуться в путь.

В этот момент, раздался пронзительный вопль. Дружинники схватили оружие и, осматриваясь по сторонам, приготовились к бою. Они совершенно не знали, откуда им ждать нападения? То ли с реки, то ли из леса?

Следом за этим послышались женские всхлипы и безудержный плач. Из тесной постройки, сильно качаясь, вышла Манефа. Гримаса неимоверного горя застыла у неё на лице. Причёска была сильно растрепана. Она царапала кожу ногтями, и драла свои поседевшие волосы.

— Дарья не дышит! — закричала она, потом повалилась ничком и камнем застыла на дне короткой лады.

Первым в себя пришёл кормчий учана — Чеслав. Мужчина бросился к няньке и приложили пальцы к тому месту под челюстью, где находилась главная вена людей. К вящему ужасу, он не обнаружил никакого биения. Подошёл старший дружинник по имени Ждан. Намётанным глазом бойца он посмотрел на бездыханную женщину, и сразу понял, что она умерла.

Скорее всего, сердце Манефы разорвалось от страха. Ведь она отвечала за дочку удельного князя. За гибель Дарьи с неё могли и сорвать кожу живьём. Да и всем провожатым пришлось бы несладко.

Ждан и Чеслав переглянулись, шагнули к распахнутой двери казёнки и поочерёдно вошли в небольшую каморку. Княжна лежала навзничь и была очень бледной. Её глаза оказались открыты. Неестественно замерший взгляд смотрел в потолок из свежих тесин. Синяя жилка на шее не билась.

Кормчий заметил маленькое круглое зеркало, что находилось возле княжны. Он взял безделицу из полированной меди, и приблизил к губам бедной девочки. Через пару мгновений Чеслав отнял изделие греков от личика Дарьи и посмотрел на блестящую плоскость. На ней не осталось даже следа от дыхания.

Ждан опустил девочке веки, и сказал несколько слов на древнеславянском наречии. Мужчины вышли из тесной надстройки учана и, сильно понурившись, спустились на берег. Гребцы сразу поняли, что Дарья скончалась, и замерли от потрясения. Дружинники знали, что прошли весь положенный путь и до жилища волхва, осталось всего ничего.

Все были уверены, что ближе к полудню, они доберутся до нужного места. Кудесник осмотрит девчущку и быстро излечит её от страшной болезни. После чего, уже через день, они окажутся дома. А тут вдруг такая напасть. Умерла молодая княжна и её старая нянька.

— И что нам делать теперь? — спросил командира дружинник по имени Кукша.

Ждан шумно вздохнул и стал рассуждать: — Если вернёмся назад, то неизвестно, что сделает тогда Святослав. Скорее всего, сорвёт зло на нас и прикажет всех наказать. Убить нас не убьют, но хорошо, если просто выпорют плетью. А то, закуют в кандалы и продадут на невольничьем рынке, словно воров. Так сказать, в назиданье другим.

— От нас до Чернигова три дневных перехода. Идемте туда. Наймёмся в дружину к местному князю и будем жить так же, как прежде. — предложил самый молодой из гребцов, которого все звали Меньшиком. Семьи, как другие, он ещё не имел, и ему было без разницы, где поселиться сейчас.

— В военном доспехе нас не пропустят через городскую заставу. Оружие всё отберут, а без него, мы никому, там не будем нужны. Кроме того, черниговцы вместе со Святославом уже собрались идти на хазар. Скоро они создадут общее войско и двинутся в степь. Наверняка, нас кто-то узнает и скажет бывшим соратникам. Ну, а за такое предательство всех посадят на кол. — ответил дружиннику Ждан.

— У нас есть охранный грамота. — возразил кто-то ещё.

— К сожалению, она именная. В ней числится Дарья, Манефа, наш кормчий и малый отряд. Предъяви мы её, нас немедленно спросят, а где же княжна и её старая нянька? Куда они подевались вместе с вещами?

— Оружие можно где-нибудь спрятать и поодиночке пробраться в Чернигов, — не унимался раззадоренный Меньшик.

— Во-первых, мы все одеты, словно дружинники, а не простые холопы. Это сразу же вызовет к тебе подозрение. Во-вторых, если ты всё же окажешься в городе, что станешь там делать, без денег, друзей и знакомых? Где будешь жить, и брать пропитание?

— А может, нам лучше, пройти поздно ночью мимо спящего Киева и двинуть на юг? Там наняться в охрану к купцам и уйти с караваном куда-нибудь в степь. К тем же кочевникам, — сказал кто-то ещё.

— А кто-нибудь знает язык поганых хазар или, например, византийцев? — поинтересовался Чеслав.

Все переглянулись и дружно пожали плечами. Дружинники поняли, что если они попадут в те края, то быстро лишаться вещей и свободы, а то и самой головы. Им не поможет даже оружие. Что сделает малый отряд против целой орды? Туда можно соваться только в составе крупного войска, что собирает сейчас Святослав.

— Мне кажется, нам нужно, как можно скорее, добраться до дома волхва и пасть ему в ноги с униженной просьбой. Пусть он проделает

всё, что захочет, но оживит бедную Дарью. Только тогда мы сможем вернуться к родным. На рабыню Манефу всем наплевать. Скажем, как есть, мол, скончалась в дороге от сердечного приступа.

Если с волхвом ничего не получится, то возьмём вещи княжны, уйдём вверх по Десне на север черниговской области и поселимся там. По дороге пограбим всех тех, кого одолеем. Глядишь, наберём толику денег для обзаведенья хозяйством, — закончил начальник свои рассуждения.

Дружинники немного подумали и согласились с решением своего командира. Они быстро вырыли небольшую могилу недалеко от воды и похоронили холодное тело Манефы. Сказав пару слов о покойной, все быстро позавтракали, столкнули учан прохладную воду, и взялись за дело.

Они работали вёслами так быстро и сильно, как никогда в своей жизни ещё не гребли. Все хорошо понимали, им нужно очень спешить. Ведь чем больше часов пройдёт после смерти, тем будет княжну трудней оживить.

Солнце стремительно продвигалось к зениту. Светило прошло полпути от рассвета до полудня, и быстроходный учан добрался до нужного места. Он оказался в приметной излучине, которую кормчему указали на карте.

Там находился большой серый камень, похожий на внушительный стог свежего сена. От валуна начиналась еле заметная узкая тропка. Она уходила в очень густую непролазную чащу и быстро терялась в её глубине.

Ладью отвели на полсотни шагов вниз по течению. Там часто стояли большие деревья, чьи пышные кроны спускались до самой воды. Учан надёжно укрыли под плотным навесом из длинных и гибких ветвей. На нём остался лишь кормчий и двое гребцов. Все трое имели в наличии короткие копья, топоры и мощные луки со стрелами.

Двое дружинников, соорудили носилки и привязали к постели княжну. Подняв ношу с земли, они пошли назад к валуну. Остальные бойцы их охраняли с разных сторон. Тем же порядком, малый отряд выбрался к узенькой тропке и, стараясь поменьше шуметь, устремился вперёд.

Скоро чаща закончилась. Начался достаточно редкий лиственный лес. Изредка попадались молодые дубы. Сбоку послышался тонкий девичий крик. Ждан повернулся к Кукше и Меншику, что шли с той сторо-

ны и дал им рукою команду: — Сходить и проверить, что там происходит?

Дружинники молча кивнули и помчались на звук. Через сотню шагов они оказались перед обширной поляной, покрытой короткой сочной травой. Бойцы хорошо знали родные леса и сразу поняли, что перед ними болото.

Среди невысокой растительности стояла худая девушка лет восьми-девяти. Она уходила по пояс в чёрную жижу и на глазах увязала, всё больше и больше. Меж тем, пастушка не хотела сдаваться. Она вцепилась руками в овцу и пыталась тащить животинку к ближайшей осинке, что находилась у неё за спиной.

Ухватившись за ствол, она могла бы добраться до берега и спасти и себя и глупую ярочку, что забрела на зыбкую топь. Вот только, девушка никак не могла дотянуться до нужного места. Уже стало понятно, скоро она с головой погрузится в вонючую грязь и останется там навсегда. Её уже никогда не найдут, ни люди, ни даже дикие звери.

Кукша махнул топором и срубил небольшую берёзку, что оказалась у него на пути. Он взялся за комель растения, помчался вперёд и, быстро добравшись до кромки болота. Ощупав землю ногой, боец убедился, что она достаточно твёрдая, и подал ребёнку крону тонкого деревца.

Девчушка ухватилась за ветки, но пальцы, что держали за шкуру овцу, она не разжала. Так и тащил их дружинник обеих. Меньшик рванулся на помощь, вцепился в кожаный пояс соратника сзади и потянул на себя.

Скоро все оказались на суше. Кукуша слегка запыхался от тяжёлой работы. Ребёнок так сильно измучился, что рухнул ничком на густую траву и никак не мог отдышаться.

Ярочка встала на ноги, отряхнулась от грязи, словно собака, что вышла из речки на берег, и с жалобным бляньем помчалась на север. Меньшик догнал животинку, надел ей на шею петлю из короткой верёвки, что всегда находилась в заплечном мешке, и притащил егозу к юной хозяйке.

Пастушка слегка оклемалась и поднялась с земли. Кукша не знал, что с ней делать теперь и повёл за собой вместе с овцой. Скоро они догнали отряд. Ждан увидел девчонку, облепленную подсыхающей грязью, сразу всё понял и строго спросил: — Кто ты такая?

— Меня называют Неделька. Живу тут недалече, в деревне, — ответила девочка. Она посмотрела на небольшие носилки, что держали в руках двое дружинников.

— Ты знаешь, как отыскать нам волхва? — задал новый вопрос командир.

— К нему много приносят больных. Идёмте, я вас провожу.

Неделька взяла верёвку у Меншика и пошла вперёд по тропинке. Она вела ярочку на поводу, как обычного пса. Овца покорно бежала рядом с девчушкой.

Лес внезапно закончился. Впереди показалась небольшая дубрава, растущая возле подножья холма. Вокруг находилось пустое пространство, совершенно очищенное от кустов и деревьев. Землю здесь покрывала только густая трава. Да и та была недавно вся скошена и кем-то убрана неизвестно куда.

Неделька повернулась в правую сторону, указала рукой на тенистую рощу берёз и сказала: — Там стоит избушка волхва. Его все называют Вышата. Сходите туда вместе с вашей больной. Если он, куда-то ушёл, то я отведу вас в деревню. Побудите там, пока он не вернётся.

Ждан приказал Кукше и Меньшику остаться с Неделькой, а все остальные направились к жилищу кудесника. Не сделали люди и десятка шагов, как им навстречу вышел высокий седовласый мужчина. Борода белого цвета у него опускалась до самого пояса. Старик был одет в простую хламиду из грубой ватолы. В руке находился внушительный посох с костяным набалдашником.

Дружинники застыли на месте, не зная, что делать? Неспешно ступая, волхв приблизился к Ждану. Начальник отряда поклонился до самой земли и открыл было, рот, чтобы сказать о причине своего появления.

Вышата прервал его взмахом руки и сказал: — Я вас с утра уже поджидаю.

Он взглянул на пастушку, что стояла чуть дальше с овцой на верёвке, и строго добавил: — Одной ярочки в этом деле не хватит. Перу́ну нужна более весомая жертва.

Неделька услышала эти слова, побледнела от страха и попыталась удрать. Кукша и Меньшик, взяли руками её тонкие плечи и, сжав, как тисками, удержали девчушку. Она забилась на месте, словно зяблик в сетях птицелова.

Ждан открыл шкатулку княжны, которую нёс всю дорогу, и показал пожилому волхву золотые монеты. Там находились арабские динары и византийские солиды. Попадались иногда, ауреусы древней Римской империи. Судя по весу, их там поместилось не менее сотни.

— Золото Громовержцу совсем ни к чему. Как можно быстрее, сходите в деревню, купите быка у селян и, приведите его к главному жертвеннику. — хмуро бросил Вышата.

Он посмотрел на бойцов, что держали в руках носилки с княжной, и отдал приказ: — Вы двое, несите Дарью за мной. — старик повернулся и по узкой дорожке направился к близь стоящей дубраве.

Остальные дружинники рванулись к Недельке. Поняв, что сегодня её, не принесут богу в жертву, она облегчённо вздохнула и сообщила бойцам: — Нужно бежать к деду Первуше. У него имеется то, что вам сейчас нужно. — рукою она показала в противоположную сторону от избушки волхва.

Ждан сунул шкатулку в заплечный мешок и злобно рыкнул на девочку: — Ну, что ты стоишь, стрелую веди нас к нему.

Забыв про овцу, Неделька помчалась туда, где по её же словам, стояла деревня. Бойцы грозно топали следом. Оставшись одна, грязная ярочка тихо заблела и побежала за молодой пастушкой.

Вышата и носильщики с Дарьей прошли меж толстых дубов и упёрлись в подножье холма. Двигаясь по узкой тропинке, они поднялись на возвышенность и оказались на голой плоской вершине.

По периметру обширной поляны стояло двенадцать деревянных столбов, вертикально вкопанных в землю. Каждый из них, был в обхват толщиной и высотой в два человеческих роста. Они представляли собой славянских богов.

Украшенные глубокой резьбой, фигуры находились на одном расстоянии одна от другой. Они отстояли от зарослей на десяток шагов и создавали кольцо размером в семь с лишним сажень.

В центре громоздилась статуя Перуна, вырубленная из толстого дуба. Она оказалась значительно больше, чем все остальные. У ног массивного идола находился квадратный валун. Это был древний алтарь, где приносили кумирам разные жертвы. В том числе и кровавые.

Святылище обрамляла круговая площадка из светлого камня. От неё разбегались дорожки, выложенные в форме цветка с восьмью лепестками. В каждом таком лепестке виднелась кучка золы. Видимо в них возжигался священный огонь.

Шагая по узкой тропинке, Вышата приблизился к капищу и прошёл между высокими тумбами, что служили воротами. Он настороженно замер, стал делать какие-то пасы руками и бормотать что-то невнятное.

Дружинники никогда не бывали в подобных местах. Они застыли, словно столбы, и с мистическим ужасом смотрели вперёд. Приглядевшись, парни заметили, что лицо истукана выражало не суровость отца, недовольного сыном, а только жестокость гневливого деспота.

Глубоко сидящие в черепе, большие глаза, Перуна злобно пялились на пришедших людей, что посмели войти в святая святых. У бойцов создалось впечатление, что их очень хотят уничтожить, но решили пока погодить. Мол, ещё посмотрю, что будет дальше?

Закончив молиться, старик приказал: — Снимите Дарью с постели, разденьте её донага и уложите на древний алтарь. Все вещи с носилками оттащите за границу святилища и оставьте возле ворот. Они вам ещё пригодятся. Только не поворачивайтесь спиной к Перу́ну.

Дружинники быстро сделали всё, что велел им Вышата, вернулись назад и услышали такие слова: — Переверните княжну ногами на запад, то есть к Перу́ну, а головой на восток. Поднимите веки и личико девочки так, чтобы глаза у неё постоянно смотрели на бога.

Волхв убедился, что воины всё устроили так, как он приказал, и отдал другую команду: — Спиною вперёд пройдите сквозь ворота святилища и бегите туда, откуда я вышел встречать ваш отряд. В березовой роще найдёте избушку и поленицу дров. Возьмёте в охапку столько поленьев, сколько сумеете и принёсете их, тем же путём, что уходили отсюда.

Не отрывая взглядов от грозного идола, Кукша и Меньшик поторопись исполнить указание кудесника. Возвращаясь с дровами к холму, парни увидели прочих бойцов из отряда.

Впереди, сильно сгорбившись, двигался незнакомый старик. В руках он держал простую верёвку, прочно привязанную к кольцу из железа. Кольцо размером с кулак, было продето сквозь ноздри очень большого быка.

Внушительный зверь громко и басовито мычал, мотал головой. Он совсем не хотел приближаться к холму, на котором находилось святилище. Видимо, чуял, чем может закончиться такая прогулка.

По лицу старика было видно, ему заплатили за дорогого питомца, но не так чтобы много. Вот только, он не мог отказать целой группе служивых людей. Шесть человек с топорами и копьями, это не шутка. С деревянными вилами на них не попрёшь. Ну, а будешь противиться, тебя просто убьют и возьмут даром всё, что им сейчас нужно.

Шедшие следом, дружинники держались от мощного зверя на расстоянии в десять шагов. Они не хотели дразнить опасное в гневе животное, и держали оружие наизготовку.

Кукша и Меньшик поднялись на холм и разложили дрова в тех местах, в которых имелись кучки золы. Бойцы установили поленья шалашиком и, при помощи огнива с кресалом и трутом, развели под ними огонь. Сухое дерево тотчас занялось. Вокруг Перуна загорелось восемь наибольших костерков.

К этому времени, быка привели на древнее капище и поставили перед алтарём. Вышата пробормотал заклинание на непонятном наречии, и грозный зверь замер, как изваяние. Старик и дружинники пришли в оцепенение и стояли столбами чуть позади.

Кудесник вынул нож из чехла, что висел у него на веревочном поясе. Продолжая говорить заклинания, волхв взмахнул правой рукой. Длинное лезвие мелькнуло в полуденном свете и перерезало горло животного. Струя алой крови рванулась наружу и залила неподвижную девушку и весь древний алтарь.

Небо вдруг потемнело. Сверху послышалось удивительно низкое глухое ворчание. В зените тотчас загремели раскаты мощного грома. Сгустившуюся вокруг черноту разорвал ослепительный свет.

Извилистая струя из огня сорвалась с вышины и разделилась в полёте на двенадцать частей. Каждый из этих потоков устремился к одному деревянному идолу, что стояли вокруг центральной площадки.

Молнии врезались в темя фигур, выскочили из прищуренных глаз и, как одна, полетели все к Перуну. Громовержец окутался облаком жгучего пламени и, как всем показалась, стал намного мощнее и больше. В лица людей резко ударил вихрь сильного ветра. Всех опалило яростным жаром раскалённой печи.

Яркое голубое сияние внезапно сгустилось и, как вязкая жидкость, устремилось к ногам славянского бога. Оттуда оно перебралось на мёртвое тело и очень быстро впиталось в него. В то же мгновение, всё погрузилось во мрак.

Внезапно раздался пронзительный крик. Тьма совершенно рассеялась, и поражённые люди увидели Дарью. Она истошно вопила, и билась на камне, словно в припадке падучей болезнью.

Вышата коснулся рукой головы ожившей княжны и произнёс несколько таинственных слов. Девочка тотчас успокоилась, опустила на тёмный от крови алтарь и мгновенно уснула.

Кудесник что-то ещё бормотал и низко кланялся деревянному идо­лу. Он благодарил Перуна за выздоровление Дарьи. Все остальные по­вторяли движенья волхва и выражали признательность богу, кто как умел.

Наконец, старик проделал все ритуалы, которые были нужны при таких обстоятельствах. Не повернув голову к стоящим сзади дружинни­кам, он громко сказал: — Поднимите княжну с алтаря и, не сводя глаз с Громовержца, идите к воротам спиной вперёд.

Пока все удивлялись такому приказу, Кукша и Меншик шагнули вперёд. Они ходили так дважды, и это им было, уже не в новинку. Гля­дя на Перуна, парни приблизились к алтарю с двух сторон, подняли де­вочку на руки и, пятась, как раки понесли её к выходу с капища. Все остальные поспешили за ними. Причём, тем же удивительным спосо­бом.

Последним сквозь большие ворота прошёл сильно уставший кудес­ник. Он ещё девять раз поклонился Перуну, облегчённо вздохнул и ска­зал: — Укройте княжну, отнесите в деревню и скажите мамаше Недель­ки, чтобы она купала её в тёплой воде. Пусть Бажена потом, её насу­хо вытрет, хорошенько укутает и положит в кровать. Ты Ждан пойдёшь вместе со мной.

Вышата встал на тропинку, ведущую к подошве холма, и, некуда не спеша, двинулся вниз. Следом за ним устремился начальник дружинни­ков. Они быстро прошли, сквозь светлую рощу из старых берёз, и ока­зались у древней избушки, сложенной из удивительно толстых дубовых стволов.

Кудесник открыл низкую дверь, сколоченную из тесовых досок тол­щиною в три пальца, шагнул за высокий порог и тут же исчез в тёмных сенях. Гостя он с собой не позвал. Мужчина в недоумении застыл у крыльца.

Через короткое время, Вышата вышел из небольшого жилища. Он подал дружиннику небольшой туесок с плотной крышкой, изготовлен­ный из бересты, и объяснил, что это такое:

— Сегодня с утра, богиня Жива мне приказала, приготовить это пи­тьё. Будешь давать Дарье по ложке, три раза в день перед едой. Не­сколько суток она будет очень слаба, постепенно окрепнет, встанет на ноги и проживёт много лет до преклонного возраста. Как только она сможет ходить, вы отправитесь в Киев.

Ждан снял с плеча вещмешок. Он вынул шкатулку с золотыми мо­нетами, протянул её старику и сказал: — Князь Святослав велел тебе передать этот подарок. В коробке было сто полновесных монет. Не

обессудь, но одну я взял на покупку быка. Своих денег у меня не хватило для этого, а брать силком в селенье волхва, я не посмел.

Кроме того, по дороге сюда, от сердечного приступа умерла нянька Дарья. Нам нужна трудолюбивая женщина, чтобы все эти дни постоянно ухаживала за больною княжной.

— Я всё это знаю. Поэтому и направил дружинников к маме Недельки, Бажене. Она вам обязана спасением дочери и всё сделает без всякой оплаты. — ответил Вышата. Волхв повернулся и скрылся в своей тесной избушке. Как и сказал князь Святослав, шкатулку он всё-таки взял. Золото всегда пригодится в хозяйстве.

Ждан поспешил за отрядом в деревню и проследил, что там делают с Дарьей? Её быстро вымыли в бане и напоили целебным отваром. Потом, накормили свежим бульоном, сваренным из недавно зарубленной курицы, и, укрыв хорошенько, уложили в постель.

Вечером был устроен замечательный праздник по поводу исцеления княжеской дочери. Мяса принесённого в жертву быка было всем вволю. Большая часть его туши после пошла на питание отряда. Кое-что даже осталось на сушку для долгой холодной зимы.

Дарья быстро пошла на поправку. Шесть дней спустя, девчушка сама начала подниматься с кровати. Ещё через сутки, она свободно ходила по тесной избе и небольшому двору тёти Бажены. Так она называла молодую хозяйку.

Утром новой недели, дружинники посадили окрепшую девочку на носилки с постелью и, простившись с деревней волхва, вышли по тропинке к Десне. Они сели в ладью, что их там поджидала, и тронулись в путь.

Учан отчалил от берега, выбрался на стремнину реки и помчался на юг. Течение весьма помогало гребцам. Уже ближе к вечеру, корабль швартовался у княжеской пристани удельного города.

Гузель Рахматуллина

г.Уфа

БЛИКИ СОЛНЦА

Бой на высоте шел уже час. Боевики атаковали. Нестерпимо хотелось пить, лето выдалось на редкость жаркое. Андрей Силантьев, лежа под огромным раскидистым деревом, стрелял из своего «Калаша». Краем глаза он увидел, как справа от него упал раненный в грудь Серега Старцев. В этот момент раздался оглушительный взрыв. Андрей, почувствовал резкую боль в плече и сильнейший удар обрушившегося на него дерева. «Отвоевался», — мелькнуло в раскаленном мозгу.

Он очнулся только вечером, первое, что увидел, открыв глаза, закатное ярко-красное солнце, блики которого кровавыми пятнами отражались на лицах погибших. Андрей услышал голос старшины Василия Петровича Иванова и громко застонал.

— В рубашке ты родился, парень, — балагурил Иванов, перевязывая раненое плечо Силантьева, если бы деревом не придавило, тебя бы прикончили. В живых из роты трое осталось.

— Пить.

— Нельзя, братан. Терпи.

Шум взлетающей вертушки и, засыпая от уколы, Андрей подумал, что у своих и умереть уже не страшно...

Через месяц, после госпиталя, Андрей сошел с поезда на родном разъезде и пошел пешком в свою деревню. До Карповки путь был близким, парень наслаждался тишиной и покоем родных мест. Впервые за последний год он не ощущал того чувства опасности, которое преследовало его весь прошедший год службы.

Дома Андрея встретила мама Евдокия Алексеевна, тихая, черноглазая, еще молодая женщина. Она осталась с пятилетним сыном на руках, когда отец Андрея утонул весной на рыбалке. Мать замуж так и не вышла. Обняв сына, тихо зарыдала у него на груди.

— Ну, будет, мама, видишь, живой, — едва справившись с волнением, успокаивал мать Андрей.

В мирную жизнь Андруха Силантьев ворвался оглушительно. Казалось, что война напрочь стерла в его сознании границы дозволенного и недозволенного.

По ночам бывшему солдату снился огромный кровавый, солнечный диск и вокруг него лица убитых товарищей. Они смотрели на Андрея укоризненно и тоскливо. В сильном поту, с криком, Андрей просыпался. Пытаясь заглушить душевную боль и пустоту, начал выпивать. Не проходило ни одного вечера, чтобы подвыпивший парень не устраивал драки в местном клубе.

Измученная жалобами соседей и знакомых, мать пыталась поговорить с сыном, но он не слушал, либо болел с похмелья, либо был раздражен, потому что еще не похмелился.

Через полгода Силантьев неожиданно женился на молоденькой девушке Ларисе из соседней деревни, только что окончившей десятилетку. Мать подумала, что после женитьбы сын сумеет победить отголоски войны, отравившей его полудетскую душу, но ошиблась.

Андрей практически нигде не работал, никто и из работодателей не терпел прогулов и скандалов бывшего солдата. Евдокия Алексеевна все чаще и чаще чувствовала ноющую боль в груди, но жаловаться было некому. Она жалела беременную сноху, проводящую бессонные ночи у окна, ожидая возвращения мужа. Женщина вспоминала того, доброго, отзывчивого мальчика, которого провожала в армию и не знала, как помочь своему ребенку.

— Ничего, деточка, пройдет все это... Война его таким сделала. Ты уж потерпи. Он ведь добрый. Я знаю. Просто тяжело у него на душе... — убеждала Евдокия Алексеевну молодую сноху.

— Устала я, мама, — всхлипывала Лариса, — не хочу всю жизнь у окна его пьяного ждать. Вот где он ходит? А мне рожать со дня на день...

— Потерпи, дочка. Вот родишь, ему нужно будет семью кормить, не до баловства будет...

— Ох, мама... Ваши слова да богу в уши...

Состояние Евдокии Алексеевны ухудшилось, когда Андрей не пришел в роддом встречать жену с сыном. Забрав Ларису и внука из больницы, Евдокия Алексеевна прорыдала всю ночь. Заботы о внуке помогли ей на время забыться.

Через несколько месяцев Андрей, выпивая в железнодорожном баре, ударил одного из посетителей. Охрана вызвала милицию, пьяного скандалиста увезли в районное отделение, задержали до выяснения всех обстоятельств.

На следующий день, покупая хлеб, Евдокия Алексеевна в местном сельпо узнала, что ее сына арестовали за драку. Она с трудом, задыхаясь и сгорбившись, как старуха, брела из магазина.

Сноха растопила баню и стирала во дворе детские вещи. Внук Кирюша спал. Сказав Ларисе, что немного устала и хочет прилечь, Евдокия Алексеевна зашла в дом.

Лариса развесила белье, потом тихонько, чтобы не разбудить свекровь, зашла за Кирюшкой, нужно было выкупать малыша в баньке. Через полчаса разруганная молодая женщина с ребенком вошла в дом, напоила маленького и уложила его в кроватку. Она подошла к свекрови:

— Мама, Вы в баньку пойдете?

Свекровь молчала.

Встревоженная тем, что Евдокия Алексеевна не отвечает, Лариса дотронулась до ее уже похолодевшей руки.

Утром Андрея выпустили из КПЗ, наложив штраф об административном наказании. До дома он не дошел, отметил освобождение в райцентре, в забегаловке.

Когда вечером в изрядном подпитии зашел в дом, мать, уже обряженная, лежала в гробу. Ничего не соображающего Андрея вывели и уложили в летнике. На похороны матери он очнуться не смог.

После похорон, увидев невменяемое состояние зятя, измученную Ларису и беспокойного малыша, родители увезли ее в свою деревню.

Через год после очередной попойки Андрей вышел ночью на улицу и, поскользнувшись, ударился головой о край крыльца. Утром его, обездвиженного, нашел сосед и вызвал скорую помощь.

Майское солнце приветливыми теплыми лучами грело землю. Цветла черемуха и распускалась сирень. В открытую форточку больничной палаты врывались веселые птичьи голоса. Солнечные зайчики бегали по стенам и кроватям, застеленным белыми казенными простынями. Один из них упал на лицо Андрея.

Ему снилась мать. Она была молодой и красивой, улыбалась, протягивая ему огромную охапку белой сирени. Андрей впервые после операции пришел в себя и открыл глаза. Вся его никчемная жизнь промелькнула перед глазами. Он вспомнил, каким веселым и жизнерадостным был до этой войны, вспомнил, как вечерами пела мама, а еще — эти солнечные блики, разбудившие его тогда, под деревом.

Потом, как черная полоса, его жизнь после ранения, смерть матери. Слезы душили молодого мужчину, очищая черный осадок, который, как сажа, коптил его душу после войны.

Дверь палаты осторожно открылась. Вошла Лариса с Кирюшкой на руках. Она присела возле кровати Андрея. Он смотрел на беленькую, похожую на одуванчик, головку сына и улыбнулся.

Сын заметно подрос, сидел на руках и с любопытством разглядывал его, одновременно лепеча что-то на своем детском языке.

— Папа, — вдруг неожиданно громко и отчетливо сказал Кирюшка. Солнечные блики скакали по светловолосой головке сына, заставляли щуриться детские глаза. Лариса замерла и посмотрела на мужа.

— Родные мои, теперь все будет по-другому, — прошептал Андрей — простите меня...

А за окном сияло яркое солнце и пахло цветущей сиренью.

Илья Криштул

Москва

ДОБРЫЕ ЛЮДИ

В России много добрых людей, это всему миру известно. Недобрых редко встретишь, а добрые буквально на каждом шагу попадают. Правда, не утром в понедельник и не в Москве. Утром в понедельник в Москве люди злые, лица у них угрюмы, кулаки сжаты, глаза кровью налиты, так и сверлят тебя, подлости ждут. И своей, и от тебя. Спустишься в понедельник в метро — как к голодным пираньям в аквариум попал. Или к тиграм в клетку. Даже бразильцы — я сам видел! — уж насколько жизнерадостная нация, вечно поют, улыбаются, танцуют, с детишками возятся, а приехали зачем-то в Москву и... На «Курской», ещё улыбаясь и фотографируя, в метро сели, одну остановку до «Комсомольской» проехали, всё — из вагона вышли мрачные, матерятся, перегаром воняют, дети у них орут, бабы друг друга толкают, сумками на колёсиках цепляются... Зараза, видно, какая-то в метрополитеновском воздухе витает. Не может же такого быть, что бы человек ещё в воскресенье вечером жену целовал, собаку гладил, с детьми уроки делал, даже телеканал «Культура» посмотрел во время рекламы по нормальным каналам, а утром в метро спустился и растерзать всех готов,

особенно женщин и людей пожилого возраста. И какие диалоги в понедельник в метро услышать можно! «Мужчина, вы зачем девушку ногами бьёте?» «А она меня локтём задела!» «Вот мразь! Дайте я тоже ей в морду дам, товари этой!»

А часам к восьми утра заразный воздух из метро на поверхность выходит и дышат им, надышаться не могут, автомобилисты с пешеходами. Которые, кстати, когда до работы доберутся, наденут белые халаты врачей. Или сядут в свой кабинет в собесе. Или зайдут в аудиторию к студентам. Но пока врач-хирург с искажённым ненавистью лицом орёт из своей машины на женщину-пешехода: «Куда ж ты, сука старая, прёшь! Я ща выйду, ноги тебе оторву и в задницу засуну! Сдохнешь у меня, зараза!» И отвечает ему женщина-пешеход, воспитательница детского садика для одарённых детей: «Пасть заткни, козёл! И харю свою ублюдушную убери, а то кадык вырву!» И бежит она дальше на свою маршрутку, отталкивая конкурентов и не сортируя, кому из них три годика, а кому восемьдесят. Они все для неё сейчас, утром в понедельник, даже не конкуренты — враги. И всё меньше и меньше в Москве одарённых детей. И плавает, плавает в отравленном злобой воздухе тополиный пух. И несётся из каждой машины мат вперемежку с шансоном. И плачет девочка в беленьком платьице, которую выкинули из автобуса на асфальт, потому что внутрь залезала медленно, только мешалась всем. И говорит она фразу, от которой ещё в прошлом веке барышни падали в обморок, и соглашается с ней её молодая мама, которая в понедельник утром выглядит лет на шестьдесят — глаза злые, руки трясутся, лицо красное, волосы растрёпаны...

Но, к счастью, во вторник утром злоба из Москвы уходит. Люди смирились с тем, что выходные прошли, что работать ещё четыре дня, что пиво пить нельзя, что начальник идиот, а стрелять из травматического пистолета в глаз незаконно, даже если вам на ногу наступили. Можно обойтись и ударом в пах. Добрыми людьми жители Москвы, понятно, не стали, но это так быстро и не случается. Просто на место злобы пришло равнодушие. Не дай вам Бог умереть во вторник утром в метро! На вас обратят внимание только ночью, когда начнут убираться. А весь день через вас будут перешагивать, вас будут брезгливо обходить, о вас будут спотыкаться спешащие куда-то люди. И никто — никто! — не сообщит о вас дежурной по станции, а если кто и сообщит, то дежурная всё равно до вас не дойдёт. И как красиво смотрится спящий в автобусе мужчина, над которым навис живот глубоко беременной девушки! Когда автобус дёргается, мужчина просыпается, равнодушно смотрит на живот и снова уходит в дремоту. Потому что мужчи-

на знает — он заплатил за проезд столько же, сколько и эта беременная, но едет один, а она в животе безбилетника провозит. Или безбилетницу, и хорошо, если одну. Справедливости ради надо сказать, что во вторник в Москве можно встретить и приличных людей, в понедельник их вовсе не было. Приличный человек отличается тем, что где-нибудь в трамвае очень неуклюже оттесняет старушку от освободившегося места, присаживается и, вместо того, что бы сразу притвориться спящим, начинает ёрзать. Стыдно ему, и опыта ещё нет, и четыре поколения интеллигентов возмущаются у него в сердце, но уж больно стоять не хочется. Потом приличный человек отгораживается от старушки томиком Бродского и спокойно доезжает до своей школы, где служит учителем. И также спокойно-равнодушно взирает на курящих второклассников...

А в среду утром Москву покидают и равнодушие. Но на смену ему приходит не доброта, нет. Приходит недовольство. В среду утром жители Москвы недовольны всем — президентом, правительством, мэром, дворниками, погодой и вообще жизнью. Именно в среду вся Москва пишет жалобы и заявления, и именно на среду приходится пик семейных ссор и преступлений на бытовой почве. А что вы хотите, середина трудовой недели, люди устали, нервы на пределе, всё дорожает, машина в сервисе, у соседней ремонт, в магазине обсчитали, пока жалобу писал ещё и оскорбили, водосчётчики протекают, любовница достала, жена надоела... Кто-то своё недовольство матом проорёт и успокоится, кто-то синяк жене поставит и спать пойдёт с недовольным видом, кто-то до полиции дозвонится или до суда дойдёт, но остальным-то что делать? Только за нож хвататься, он всегда под рукой лежит. А когда разрешат иметь боевое оружие, о чём уже давно говорят, вот тогда недовольство можно будет высказывать более результативно, со стопроцентной гарантией смерти объекта недовольства. Пока таким правом обладают только полицейские и представители Кавказа, но скоро, скоро, скоро... На президента с мэром, разумеется, не замахнёшься, на погоду с правительством тоже, но остальное-то всё рядом. Конечно, армию охранников придётся увеличить в два-три раза, каждому гражданину РФ охранник понадобится. Ведь как будет: «Почему у вас колбаса просроченная?» — семь трупов, «Девушка, мы уже полчаса сидим и к нам никто не подходит» — три трупа, «Извините, персики почём?» — семнадцать трупов, «Марат Владимирович, готовы ли вы взять в жёны Круглову Елену Анатольевну?» — один труп. Причём Марата Владимировича, за неправильный ответ.

Но в четверг от московского недовольства не остаётся и следа. В четверг Москва выхолощена, жители погружены в себя и на внешние раздражители не реагируют. Два дня! Осталось простоять-продержаться два дня и... Дачи, шашлыки, боулинги, караоке, клубы, рестораны, сауны, «Ашаны», реже кино и обязательно пиво. Поэтому в четверг московские люди молчаливы, задумчивы и заторможены. Они уже в предвкушении. На любой, даже на самый простой вопрос можно получить совершенно неадекватный ответ. «Скажите, пожалуйста, который час?» — спрашиваете вы. «Ох и нажрётся же я завтра...» — отвечает сосед по эскалатору. И ведь нажрётся же...

И — пятница! Кульминация рабочей недели, её жирная точка или даже восклицательный знак. В пятницу уже никто не работает. Люди покупают мясо, заказывают сауны и караоке, собирают по телефону компанию, обсуждают количество водки на человека и куда заныкать пиво на утро. В пятницу утром на лицах московских жителей можно заметить даже некое подобие улыбок, но, к сожалению, улыбки эти обманчивы. На самом деле в пятницу в Москве процветает хамство. При входе в метро вас с улыбкой ударят многотонной дверью. В троллейбусе улыбнутся и посоветуют сидеть дома, «с такой-то фигурой». На почте со смехом ткнут носом в табличку «Окно № 3 не работает никогда». Потом вас укусит собака без намордника и обматерит её улыбчивый хозяин, потому что «смотреть надо, куда идёшь, а то понаехали и ходят везде, как бараны». А если в пятницу у вас что-нибудь сломается и вы позвоните в службу технической поддержки, вам сначала скажут, что «Ваш звонок очень важен для нас», потом заставят в течении часа слушать весёленькую мелодию, а уже потом отключатся навсегда. Такое вежливое улыбчивое хамство...

И наконец — суббота! Свобода, равенство, пьянство! Крутятся в стиральных машинах белые рубашки и тёмные брюки, сушатся форменные юбки и блузки, валяются где-то бейджики с именами «Светлана», «Игорь», «Азиза» и «Охрана». В субботу Москва вымирает и замирает. Куда-то исчезли истеричные тётки из трамваев, наглые нищие из метро и хамоватые владельцы дорогих машин. Полупустые улицы, полупустой транспорт, не видно недовольных лиц, нет злых и равнодушных. Есть только агрессивные. Да, в субботу Москва малолюдна, но агрессивна, и в этой агрессии и обида за бесцельно прожитые пять рабочих дней, и накопившаяся за эти дни ненависть к людям, и нехватка денег на что-нибудь, и зависть к тем, кому на что-нибудь хватает... Поэтому в субботу жители Москвы на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений бьют и режут всех, кто им почему-то не нравится. Осо-

бо отличаются в этом плане москвичи из южных республик, которые внезапно возникшую личную неприязнь всосали с молоком матери. И гремят по субботам в Москве выстрелы, и достаются металлические пруты с бейсбольными битами, и бьют русские нерусских, а пьяные — непьяных, бьют таксисты нетаксистов, а полицейские — неполицейских. А ведь есть ещё болельщики и неболельщики, самбисты и несамбисты, строители и ломатели, торговцы и покупатели, просто сумашедшие и около миллиона тех, кто не поделил место на парковке. И плещется по всей субботней Москве агрессия, и выплёскивается иногда даже за МКАД, и тогда студент колледжа в Химках вдруг бьёт в лицо идущего ему навстречу мужчину. «Зачем?» — спрашивают студента уже потом. «А что б не гавкал, урод...» — отвечает тихий по будням студент. А урод и не гавкал, он просто улыбнулся. В субботу вечером. В Химках. Студенту колледжа. Который уже выпил своё субботнее пиво «Охота»...

И вот оно — воскресенье... Даже название этого дня звучит светло, празднично и умиротворённо... Сколько хороших воспоминаний из детства и юности связаны с воскресеньем! Первый поход с папой в зоопарк... Первое возвращение домой под утро... Первое свидание с будущей женой... Но, видимо, к московским жителям по воскресным дням приходят совсем другие воспоминания. Первая пьяная драка... Первое похмелье... Первое свидание с будущей женой... Ведь можно было просто не ходить и жизнь пошла бы совсем по-другому! Но — увы, поздно, поздно... А тут ещё это воскресенье, вобравшее в себя всё, что было на неделе... И поэтому жители Москвы в этот день озлоблены, равнодушны, недовольны, погружены в себя, хамоваты, агрессивны и плюс ко всему депрессивны. И их можно понять — что было вчера, мало кто помнит, а завтра понедельник, опять идти к девяти утра продавать мобильные телефоны или страховые полисы, впаривать туры в Египет или автомобили, улыбаться клиентам или покупателям, вести переговоры с партнёрами из Воронежа или Пекина, сидеть весь день перед монитором или за кассовым аппаратом, из всего великого русского языка пользуясь одной фразой — «Пакет нужен?». Стоило для этого пять лет учиться в институте, шесть лет в музыкальной школе, одиннадцать в средней, при этом ещё занимаясь рисованием, танцами и английским, спрашивает сам себя житель Москвы и из петли его вынимает только две тысячи евро, отложенные на отдых в Черногории. И хмурится небо над Москвой, и так же хмурятся московские лица по воскресеньям. Не вздумайте в этот день звонить старым друзьям, подругам и приятелям с какими-либо просьбами. Поберегите и их, и себя. Взаимы

вам никто не даст, никто вам ничем не поможет, а друзей потеряете навсегда. А если вы в гости приедете без предупреждения, вы не только друзей потеряете, вы ещё и врагов наживёте. Хотя дверь вам всё равно никто не откроет. По воскресеньям столичные жители прячутся в своих норках и заставить их открыть дверь может только что-то необычное, красивое и увлекательное. Авария с многочисленными жертвами на улице, например. Или пожар в соседнем доме, тоже с жертвами. Или просто убийство на лестничной площадке. А тут вы с радостным лицом: «Привет, давно не виделись!» Да ещё сто лет бы не виделись, если б ты не припёрся, придурок! И сидят москвичи по воскресеньям в своих квартирах, кто-то жену целует, кто-то собаку гладит, кто-то уроки с детьми делает, но большинство телевизор смотрит. И совсем не телеканал «Культура». А там, в телевизоре, и аварии с многочисленными жертвами, и пожары, тоже с жертвами, и убийства на лестничных площадках, и... В общем, всё, что нужно для отдыха и гармоничного развития личности, и, главное, дверь открывать не надо.

А так, конечно, в России очень много добрых людей. Несмотря на телевидение. Злых редко когда встретишь, а добрые повсеместно. Доброта, она ведь в генах у русского народа сидит, она нам по наследству передалась, от пращуров. Она просто так исчезнуть не может. У москвичей просто доброта эта поглубже забралась, жизнь-то посложней, чем где-нибудь в Костроме-Коломне. Но если вечером с ножом выйти, поймать москвича и этим ножом поскребсти, доброта сразу вылезет. Он тебе и кошелёк отдаст, и мобильный, и сумку свою сунет — на, носи, пользуйся, не жалко! Потому что человек добрый. И людей любит, и животных всяких, и рыбок, особенно осетровых пород. И взгляд добрый, и лицо в целом. Но не в понедельник с утра. И не во вторник. И не в среду... Вообще не на этой неделе.

СТИХИ

Гурген Баренц

Хьюстон, США

«НЕНАВИСТЬ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ДОКТРИНОЙ...»

Ненависть не может быть доктриной.
Ненависть — дорога в никуда.
Из бутылки выпущенным джином
Поражает души. В ней — беда.

Ненависть — бесплодная пустыня,
Дух болезни, — если вдруг она
Станет государственной доктриной,
Это значит — нация больна.

Смерть, как смерч, облетит всю планету;
Сосчитаем цыплят в сентябре.
Чтобы вдруг не попасть в её сети,
Каждый прячется в тихой норе.

А события так скоротечны!
Смерч лютует. Застал нас врасплох.
Это — кара за нашу беспечность:
Будем знать, как ценить каждый вдох.

Мы со смертью играем в рулетку,
Как у страха глаза велики!
Всем мерещится "чёрная метка",
Мы — в тисках у зелёной тоски.

Мы растеряны: что будет завтра?
Годы пущены на самотёк.
Что мы знаем про мор динозавров?
Жили-были, да вышел им срок.

Словно кто-то вдруг выпустил джинна;
Как в бутылку загнать его вновь?
Соскочила с устоев пружина,
Изменились значения слов.

Жизнь — в осколки разбитое блюдце.
Мы-то ладно — спасти бы детей.
Нам уже никогда не вернуться
В русло прежние жизни своей.

Что нас ждёт после жуткого шторма?
Замолчат, отцветут города.
И в свои изначальные формы
Не вернётся наш мир никогда.

Смерч, несущий нам смерть, — лишь предтеча
Объяснения с Высшим Судьёй.
Боже, мы уповаем на встречу
С Новым Небом и Новой Землёй.

Мы думали — война нас обойдёт.
Не обошла. Стучится в наши двери.
Как много зла принёс нам этот год!
Куда ни кинь — лишенья и потери.

Мы думали — беда минует нас.
Не миновала. Наглой самозванкой
Пришла, расположилась не таясь,
И всё перевернула наизнанку.

Мы думали, что избежим невзгод.
Не избежали. Нас нашли невзгоды.
Мы, как спартанцы, перекроем брод,
Чтоб не прошли здесь кочевые орды.

Мы думали, что мир добрее стал.
Мы ошибались. Мир не стал добрее.
Зло вновь штормит. Идёт девятый вал,
Всё более и более зверея.

Мы верим в то, что остановим смерч.
На этот раз нельзя нам ошибиться.
Мы на алтарь возложим жизнь и смерть.
Мы соберём победу по крупице.

Мы снова оказались в центре смерча.
Устои прежней жизни снесены.
Нет ничего уродливее смерти,
Нет ничего уродливее войны.

Мы — щепки в этой жуткой круговерти.
Дожить бы до весны и тишины.
Не знаю ничего страшнее смерти,
Не знаю ничего страшнее войны.

Обмякла ось земли, нет прежней тверди
В надежде нашей — ранена она.
Не знаю ничего подлее смерти,
Нет ничего подлее, чем война.

Война и смерть — всегда в одной упряжке.
Они близняшки — не разлей вода.
Как ненавистны эти замарашки!
Там, где они, — в руинах города.

Схожу с ума от мысли, что для многих
Не будет ни весны, ни тишины.
У солнца перебиты руки-ноги...
Нет ничего уродливее войны.

Определение войны

Всех, кого не убила — сломала.
Всех, кого не сломала — убила.
Ненасытна она — ей всё мало.
Нет лица у войны — только рыло.

Смерть уродлива и банальна;
А война — миллионы смертей.

Даже зная войну досконально,
Ничего мы не знаем о ней.

Ее сестры — беда и разруха,
А подружки — разлука и боль.
Ты — шалава, война, потаскуха.
Твое брюхо довольны тобой?

Я ломаю в отчаянье руки:
Мне не сладить с ним, не совладать...
Ах, война, ну какая ж ты сука!
Ах, война, ну какая ж ты блядь!

Я ничто пред тобой — шарик мыльный.
Я — горошина. Ты же — стена.
Ненавижу тебя так же сильно,
Как и ты ненавидишь меня.

Ах, война, мне б послать тебя к черту,
Только к черту тебя — не послать.
Не чернилами — кровью аорты:
«Ах, война, ну какая ж ты блядь!»

Нам выпало страшное время:
Развал, пандемия, война...
Стоят перед новой дилеммой
Разбитый народ и страна.

Нам выпали жуткие годы:
Лишенья, разруха, исход.
И видит одни лишь невзгоды
Оболганный нищий народ.

Нам выпало тяжкое бремя:
У всех на глазах, среди дня,
Набросилось пришлое племя
На нашу страну, на меня.

Нам выпало страшное время:
Развал, пандемия, война...
Стоят перед новой дилеммой
Разбитый народ и страна.

На кого нам списать
Эти жуткие годы лишений,
И кого обвинить
В этой страшной,
Жестокой войне?
Мы искали свободу
И стали открытой мишенью
Для третейских судей,
Хоть душою окрепли вдвойне.

На победный алтарь
Возложили мы все, что имели;
Молча стиснули зубы,
Сильней затянули ремни.
Но нашлись ловкачи,
Для которых мы были свирелью:
Разыграли по нотам
Священные чувства они.

Будь ты проклято, время,
Родившее смуту и пену!
В черных замках засели
Плебеи, вчерашняя рвань...
Нувориши-воришки
Нахрапом, неистовым рвеньем
Взяли власть в оборот,
Превратили страну в котлован.

Я на Страшном Суде
Предъявлю свою жизнь-пепелище.
Никаких оправданий –
Скажу только старцам святым,
Что я жил среди людишек,
Которые крали у нищих

И кичились слепящим,
Нечистым богатством своим.

Чем нас только не било, не ранило, -
Всеобъемлющей ложью, войной...
Нас трясло электричками ранними...
Жизнь летела, неслась стороной.

Чем нас только не било, не ранило, -
Хлестко ветер стегал ледяной...
Пела гимны страна пасторальная...
Жизнь летела, неслась стороной.

Чем нас только не било, не ранило, -
Бьется пульс электрички ночной...
Нас глотают пространства пространные...
Жизнь несется, летит стороной...

Пред выгодой, как лавой раскаленной,
Все никнет. Мир из выгоды возник.
Полярен мир, велик и многолик:
Война — всегда беда для миллионов
И благодать для горстки процелыг.

Есть люди, которым
Война умножает богатство.
А значит, есть люди,
Которые любят войну.
Они как козлы,
Которым лишь дай пободаться.
Паршивый козел
Лишь на бойне искупит вину.

Быть пророком — не так уж и трудно.
Наше завтра — открытая книга.
Я доподлинно знаю, что будет,

Если вдруг мне удастся
На минуту привлечь внимание
Всех живущих на свете людей,
Всех, кто имеет глаза и видит,
Кто имеет уши и слышит.

Я скажу им: не лгите друг другу.
Я скажу им: не убивайте.
Не обращайтесь с природой, как с девкой.
Я скажу им: одумайтесь, люди!
Образумьтесь и станьте такими,
Какими хотел бы вас видеть
Наш Творец и Создатель.

Но такие слова
Никогда никому не прощались.
Никто никогда
Не говорил таких слов безнаказанно.
За такие слова
Ты обязан пролить свою кровь,
Ты обязан отдать свою жизнь
На костре, на кресте иль на плахе.
Ну, еще бы — все золото мира
Вырастает из лжи и убийства.
Ну, еще бы — властителей мира
Кормят подлая ложь и война.

Будет очень короткой расправа,
Будет очень жестокой расправа.
Кто-то скажет: «Он сам напоролся».
Кто-то скажет: «Он смерти искал».

Вы правы, я попал пальцем в небо.
Грош цена откровеньям моим.
...Я всего лишь хотел вам сказать:
Быть пророком — не так уж и трудно...

Рука бойцов колоть устала...
М. Лермонтов

Бойцы устали, убивать устали,
Штыки, мечи и сабли притупились;
Земля в крови и кони бездыханны,
И горы, горы, горы, горы трупов...
Ну хватит! Хватит! Хватит! Хватит! Хватит!
Устали все, все от войны устали,
И только короли и генералы
Все жаждут, жаждут
Новых войн и крови.
И только королям и генералам
От наших бед не будет пресыщенья.

История оперирует
Безликими и отвлечёнными
Статистическими данными.
«Вторая мировая война, -
Утверждает история, -
Унесла жизни
Более пятидесяти пяти
Миллионов людей».
При этом за этими страшными,
За ужасными этими цифрами
Прячутся и нивелируются
Конкретные судьбы людей.
Ведь когда-то каждый из них
Имел своё имя, своё лицо,
Неповторимый облик и характер,
Мечтал о чём-то и любил кого-то;
И вот от всего этого осталась
Одна лишь статистическая запись.

История и статистика
Только тем и занимаются,
Что выкапывают братские могилы
Для жертв кровопролитных войн.

Моё воображение
Делает большие усилия,
Но никак не может представить
Гийома Аполлинера
В солдатской шинели и каске...
Вот она — «Ночь людей».
Вот оно -
«Солнце с перерезанным горлом».

Гийому Аполлинеру
Не дали договорить.
Ему не дали допеть свою песню.
Война убила поэта,
Но в это же самое время
Под мостом Мирабо
Сена тихо и равнодушно
Несла свои мутные воды,
И планета Земля продолжала
Вращаться вокруг оси...
Ничего не случилось –
Просто убили поэта...

Не понимаю я этого.

Мне привиделся
Кошмарный сон:
Призвав меня к себе,
Господь обвинял меня в том,
Что я испоганил планету,
Довёл её до экологической катастрофы,
Превратил её в стрельбище,
В лепрозорий, в помойную яму.

Я стоял перед Господом,
Я трепетал и молчал;
Мне хотелось ответить,

Что я не такой уж плохой,
Что я — мелкая сошка,
Что я не сорил, не курил...
Но перед Богом нельзя оправдываться,
Богу нельзя перечить,
И единственное, что мне оставалось, -
Это выслушивать осуждения,
Нарекания и обвинения.

А когда я проснулся,
То с ещё большею силой
Возненавидел военщину,
Разжигателей войны –
Будь то президенты или премьеры,
Политики или дипломаты,
Генералиссимусы и фюреры;
Я склонял по всем падежам
Коптящий небо индустриальных магнатов,
Атомщиков, нефтепромышленников,
Словом, всех тех,
Кто так подло подставил меня
Перед Господом Богом...
Изменить что-то в мире,
Я, конечно, никак не мог,
Но на душе стало как-то спокойнее...

Мы потеряли счёт своим потерям:
Слезам, страданиям, ранам, нашим бедам;
Отец небесный! Я вконец растерян,
Ну что сказать мне этим непоседам?

Нет, чтоб дрожать над каждой каплей крови,
Так нет же — даже войны не считаем.
Живём себе, смеясь и сквернословя,
Ревнуя небо к перелётным стаям.

Беспечность наша нам выходит боком.
Поэты — голодранцы и изгои.
Мы забываем, что живём под Богом.

А Бог давно махнул на нас рукою.

Мы дальше носа своего не видим,
Мы превратили в норму извращения.
Отец небесный! Как мне объяснить им,
Что жизнь одна и что она — священна?

Как долгов этот путь самообмана!
Ещё длинней дорога очищения.
Когда же осенит нас понимание,
Что жизнь одна и что она — священна?

Не бывает далёкой и близкой войны,
А бывает причастность и чувство вины.
Если чувство вины вас не гложет.
То ничто вам уже не поможет.

Моему народу

И вновь Господь испытывает нас
Лишениями, войной и пандемией.
Как много испытаний Бог припас,
А тут и вождь такой, что — “Мамма миа!”

У наших стен — неугомонный враг.
Коварный, вероломный и жестокий.
Арцах — мой дом и мой родной очаг.
К нам смерч идёт, нам смерть несёт с востока.

Вновь равнодушно созерцает мир,
Как льётся кровь, как кровь течёт ручьями.
Сад превратился в выжженный пустырь.
Мы — в центре смертоносного цунами.

Ведь ясно же — прав, кто виноват.
Кто жертва, кто палач — так очевидно!
Но нефтедоллары весомей во сто крат.
Всё остальное — просто не солидно.

Мы выстоим — пусть дорогой ценой.
Нам не впервой ковать свою победу.
Мир заслоним гранитною стеной,
Мы победим — и станет больше света.

Идет война, в которой нет победы.
А если есть, то лишь для сволочей,
Зажравшихся на горе и на бедах
Растерянных, затравленных людей.

Идет война, несет погибель людям.
Кровавая, неправая война.
Все ваши оправдания — словоблудье.
И только кровь священна и красна.

Идет война, идет по белу свету.
Неправедная, подлая война.
И пахнут пораженьями победы.
И роковая спичка зажжена.

Предчувствую вселенскую беду.
Застлали небо тучи грозовые.
Сирены вдруг проснулись, громко взвыли
Не то что жить — дышать невмоготу.

Когда вождем становится Терсит,
Исчадь ада, прохиндей и гнида,
Над родиной дамоклов меч висит.
Сошла с орбиты жизнь, мечты разбиты.

Когда Терсит становится вождем,
Враги ликуют: он для них — находка.
Лишения стучатся в каждый дом.
Кто негоден — спрятан за решеткой.

Терсит манипулирует толпой.
Он лжив насквозь, труслив и малодушен.
С червивым сердцем и гнилой душой,
Все испоганил, замарал, разрушил.

А ведь у нас вождем был Одиссей.
Муж хитроумный, хоть не без изъянов.
Враг трепетал, врага он гнал взашей;
Он был оболган сворою смутьянов.

Мы для спасенья родины своей
Должны сплотиться и прогнать Терсита.
Ведь лишь тогда вернется Одиссей,
И жизнь вернется на свою орбиту.

Павел Фёдоров

Нетания, Израиль

ИСКРЫ

Всюду искры
Наши души
Раскидали
В буднях быстрых,
Словно пушек
Выброс стали.
И пылают
Мысли, чувства
В этом адском
Месте с краю
От безумства
И стагнаций*.

Словно в море,
Страхом полным

Неизменно,
Ветер горя
Гонит волны
По вселенным
Наших вместе
И отдельно
Хрупких судьб
Чьей-то мезтью
Беспредельной
К чёрной смуте.

Дым и копоть
Без просвета
В мире стали
Знаком топи,
Где поэты
Видеть дали
Дней прекрасных
Разучились,
И в бермудах
Жизни частной
Вновь скопились
Искры всюду.

ВЕТЕР ТРЕВОГ

В душах ветер тревог
Вместе с воем сирен
Преподносит урок,
Как среди перемен
Оставаться людьми
До глубин естества.
Небеса изумив,
Повторяем слова:
«Израэль стал судьбой,
В такт надеждой звеня,
И мы будем с тобой
До победного дня».

Правит ненависть бал
В мире страха и зла,
Словно Бог в нём устал
Добротою дела
На земле наполнять
Своей щедрой рукой.
Только чёрная рать,
Нарушая покой,
Не отменит любовь,
Что поёт, в даль маня,
«Израэль, мы с тобой
До победного дня».

Ещё будет кружить
Счастье судьбы не раз,
И волшебная жизнь
Свой продолжит рассказ,
Сочиня порой
Новой песни мотив.
Никогда за горой
Будней нитку пути
Не порвать, снова в бой
Израэль — наш маяк,
И мы будем с тобой
До победного дня.

ТОПОРИЦЕ

Нервы крепки
У седого
Палача.
Словно щепки
Судьбы, толком
Не крича,
Затихают,

Отлетая
От голов.
В птичьих стаях
Души тают
Простаков,
Кто поверил,
Что вторична
Его быль,
И кто двери
Самолично
В жизнь забил.

А народу,
Что смакует
Казни рок,
Будет сроду
Вместе все
Невдомёк –
Завтра будет
Следом кто-то
Сам из них
Волей судьей
Без почёта
Смертно тих...

Вновь стрекочет,
Словно свищет,
Саранча,
Время точит
Топорище
Палача.

ОЖИДАНИЕ

Словно данью,
Обложили
Небеса
Ожиданьем
Новой были
На весах
Судеб наших,
Поседевших
По пути
В даль, где старше
Мир, сдуревший
Взаперти.

Держит клетка
Дней и дверцы
Лет крепки,
По разметке
Свыше в сердце
Молотки
Ожиданья
Перемены
Бьют в набат –
Ждут страданья
Мельпомены
Всех подряд;
Или всё же
Афродита
Явит вновь
Счастья ложе,
Песнь Пиита
И любовь.

Время свищет
В наказанья
У лица,

Всюду ищет
Ожиданье
Без конца.

ГРОЗА

Вокруг грозы
Безумных страх
И лай борзых
Собак в кустах,
Кто хочет в нас
Порвать в клочки
Надежды глас...
Но, вопреки
Соседству зла,
Страна цветов,
Как и цвела
Среди ветров,
Так и цветёт,
Спасая нас
От всех невзгод
В недобрый час.

И, вопреки
Тоске сирен,
Слова легки
И лёгкий крен
У корабля
Судеб во тьму
Грозит зазря
Призвать зиму
В страну весны,
Свободы свет
Раскрасит сны
Грядущих лет...

Пройдёт гроза
В конце концов,
И в смех глазах
Заплещет вновь.

РАНДЕВУ

Обложен мир
Флажками бед,
И слаб пунктир
Грядущих лет,
Где род людской
В глухой ночи
Коптит слезой
Судьбы-свечи.

Взвёл сатана
Курки ружья
Войны и нам
Грозит житья
Лишить в тот миг,
Когда добра
Исчезнет лик
В огнях костра
Жестоких снов,
Что наяву
Явить готов
При randevu.

Всё уже круг
Корявых дат
И на испуг
Болезней ряд
Берёт всех нас,
Лишая сна,
В полночный час
Спалив сполна

Надежды лист
В романе лет,
Где бог-флорист
Собрал букет
Из добрых слов
И нежных фраз,
Воспев любовь
В который раз.

ЛИК ВОЙНЫ

Опять войны
Суровый лик
В цветник страны,
Как вор, проник,
Неся с собой
И боль, и злость.
Опять судьбой
Стал чёрный гость,
Чьё имя смерть
В любых устах.
Он в круговерть
Событий встал
Своей пятой,
Но, верим, жизнь
В борьбе святой
Вновь побежит
Ручьём в рассвет,
Смыв всех врагов
В канаву лет
Или веков.

Сейчас беда
Глядит в окно,
Ещё рыдать
Душе дано

Немало дней
По душам тех,
Кто в смертном сне
И в темноте
Лежат сейчас
В сей скорбный год.
Но верим нас
Победа ждёт,
И сине-белый
Флаг страны
Зашторит смело
Лик войны.

ПОТЕРИ

Как много лет
Потеряно
В тумане бед
Немереных,
Когда сходил
Весь мир с ума,
А впереди
Ждала зима
Начала войн
Добра и зла,
И выюги вой
Пронзал тела.

Так много слов
Без времени
Поют любовь,
Потерянным
Считая миг
В ночной тиши,
Когда безлик
В раю души

И Ангел тот,
Что жизнь хранит,
И Бог — оплот
Судьбы в кредит.

Берут года
Взаимы рассвет
И холод дат,
И вешний цвет,
Чтоб в зеркалах
Не видеть лёд
Седин и страх,
Что день пройдёт
Без счастья нот...
Но верь, не верь
Он проскользнёт
И без потерь.

МОЛОДАЯ СТРАНА

Молодая страна
Бело-синих знамён,
Ты на карте видна
С самых древних времён,
Как великий оплот
Веры, словно родник,
И к нему весь народ
Всей душою приник.
Эта вера смогла
Стать началом начал
Для планеты, чья мгла
Плещет в злобных очах.
Только вместе все мы
В этой лучшей стране
Вышли с поля зимы
Вновь навстречу весне.

Молодая страна
Бело-синих надежд,
Ты такая одна
В пику мнений невежд,
Чьи слова стоят грош
В кулаке бедняка.
Ты начало берёшь
В стародавних веках,
Где пытались тебя
До конца истребить,
Но из пепла судьба
Возродилась в любви,
Чтобы с Богом идти
Вместе в новый рассвет
По святому пути
Новых памятных лет.

В ПРИДАЧУ

Всё объято
Негой света,
Ароматы
Первоцвета
Скоро станут
Без прелюдий
Неустанным
Чудом буден.

А в придачу
На просторе
Замаячат
Тучи горя,
Что людские
Слёзы множа
Дни лихие

Нам предложат.

Всё прекрасно
На планете,
Если страстно
Очи светят
И влюблённость
Годы красит
В счастье томном
И в согласье.

Но в придачу
Где-то стоны
В неудачах
Жизни тонут
И клубится
Дым пожаров,
Где томится
Мир кошмара.

Алексей Левикин

Херсон, Украина

ХОККУ

1.
Снег по асфальту
Водой бежит нынче.
Зима ли это?

2.
Серый покров,
Дождь косо по окну.
Выгляни, солнце!

3.
Душа самурая,
Что для тебя жизнь?
Бабочка однодневка.

4.1.
Ради совершенства,
Семеро жизнь отдали —
Холодный блеск клинка.

4.2.
"Восемь тел разрубил".
Все, что осталось у ронина —
Меч его предков.

5.
Только слегка
Прикоснулась роса
К вишневому цветку.
Ах! Как блестят лепестки
В утреннем свете.

9.
В бутоне розы
Шмель жужжит —
Он там от дождя укрылся.

10.
Тыква, лиса, я —
Три рыжих чуда рядом.
Цвета осени.

11.
С утра шрх-шурх-шурх.
Дворник листья метёт —
Годы уходят.

РАССКАЗ

Алексей Левикин

Херсон, Украина

ЧЁРНАЯ КОШКА ПЕРЕХОДИТ ДОРОГУ

1.

Бася открыла глаза и посмотрела на полоску солнечного света, медленно ползущую по её скамейке. Очень скоро она коснется басиных лапок. Кошка лениво зевнула, широко открывая пасть. Потом она поднялась и начала потягиваться. Сначала назад — лапки выпустили крепкие острые коготки, поскребли дерево скамейки. Теперь задние лапы. По одной, к чему торопиться.

Голуби и воробьи разлетелись подальше. Конечно, время когда коты и кошки охотились на птиц исчезли из памяти даже самых старых из них. Вот только Бася очень любила поймать птичку и играть с нею. Поддержит в когтях, отпустит. Незадачливый пернатый пытается улететь, а кошка цап-царап. Бася редко кого съедала, но рисковать никто не хотел. Даже помятыми перьями.

Бася одобрительно прищурила глаза, соскочила со скамейки. Рыжий уже спал, вытянувшись на траве. Ну точно, пришла басина пора обходить территорию. Ближе к вечеру вылезет скандальный Кыш. Вот уже чудо природы! Сколько времени потребовалось дворовым котам, чтобы объяснить этому коту — у каждого есть своё время для обхода дворов. Это тебе не поле — город.

Ага, вон он, высунул морду из подвала. Бася заурчала. Кыш засунулся обратно. Рыжий крутнулся в её сторону, потянулся с одобрением, это он умел, и продолжил дрыхнуть.

Высоко задрвав хвост, Бася шагом отправилась смотреть, что произошло на её территории, пока она отдыхала.

Будний день, середина дня — самое лучшее время. Ко всему прочему, конец весны. Можно гулять, наслаждаться солнцем. Излишне доставучих детей нет — в школе ещё. Зато можно встретить кого-нибудь, кто покормит вне графика. Одним словом — красота.

За всю прогулку с Басей произошел только один случай, способный подпортить настроение. К её территории подходила чужая кошка. При-

шлось выгнуть спину, пошипеть. Нахалка торопливо убралась прочь. Видимо не очень надо. Вот и хорошо. Жителей здесь хватает.

— Привет, Бася.

Чёрная кошка подняла голову и увидала на подоконнике балкона первого этажа давнюю знакомую.

— Привет Соня, — довольно промурлыкала Бася, глядя в разноцветные глаза ангорской кошки. — У тебя плохое настроение?

Соня начала умыть мордочку.

— Ох, Бася, это у Лизы, моей хозяйки. Она себе места не находит уже несколько дней.

— А что случилось?

— Даже не знаю как тебе рассказать.

Бася ловко вскарабкалась по дереву, росшему возле балкона. Проглянула по широкой ветке, та находилась чуть с боку от дома, и удобно расположилась напротив своей домашней подружки.

— Сама знаешь, как мы, кошки, любопытны. Не тяни, рассказывай как есть.

Соня принялась нервно вылизывать то один бок, то другой. Бася терпеливо ждала. Наконец ангорка собралась с мыслями и начала рассказывать.

— У Бориса, мужа хозяйки, завелась любовница.

— Как интересно. А откуда Лиза узнала? И, главное, что она сделала?

Бася слушала. Время от времени хвост кошки дёргался от возмущения. Она удивлялась, как это хозяйка Сони ещё не расцарапала своему мужу лицо. Стала бы она терпеть такое. Ну и что? Пусть Борис во всём остальном очень хороший человек. Пффф, подумаешь, в приметы верит.

Тут Бася поднялась на лапы. Ветка под кошкой закачалась, но та не обратила на это внимание.

— Точно -точно, — с мечтательным коварством промурлыкала Бася. — Ты уже говорила об этом — муж хозяйки абсолютно верит гороскопам, приметам и прочей чепухе.

— А разве это важно? — шерстка Сони даже как-то поблекла, она очень переживала за свою хозяйку.

Бася выпустила когти, впиалась ими в дерево и несколько раз дернула. На коре появились свежие царапины со следами крохотных щепок внутри.

— С людьми всё важно, моя дорогая. Особенно если тебе надо получить что-то от них.

Глядя на подругу, Соня аж заперебирила лапками от нетерпения. Она поняла — Бася замышляет одну из своих проказ. И в этот раз проказа коснется хозяев Сони.

— Есть у меня одна идея, подруга, — Бася лизнула лапу, провела ею из-за уха к носу раз, другой. — Но совсем даром помогать не буду.

Соня видела — Бася давно всё решила. Так с ней было всегда. Чёрная кошка решала быстро и своих решений не меняла. Можно развести лапками, мол ничего нет. Да только жалко что-ли Сони сделать приятное подруге?

— Ну, — Соня оплела хвостом лапки, облизнулась. — Я ведь не знаю, чего ты хочешь.

— У тебя была мышь.

Ангорка на секунду задумалась, а потом поняла о чём говорит Бася.

— Игрушка?

— Она самая.

— У вас в подвале целая куча живых. Ты ещё хвасталась — вон смотри какую притащила.

— Ага, помню. Это для Мурки, трехцветки. У неё котята недавно открыли глаза. Отдам, пусть играют.

Соня соскочила с подоконника и скрылась в квартире. Бася довольно урча разглядывала двор. Иногда она сама себя спрашивала почему так любит ввязываться во все возможные авантюры. Порой кошка забывала додумать до конца — было лениво. Порой она приходила к воду — иначе было бы слишком скучно.

Соня вернулась с изрядно потрёпанной, но ещё достаточно прочной игрушкой. Бася облизнулась — вон даже маленький колокольчик на хвосте. Знатная игрушка для малышей. Пусть растут любопытными.

— А что ты будешь делать?

— Увидишь, — пообещала Бася.

Она спрыгнула с дерева держа в зубах игрушку. Потом опустила ту на землю, прижала лапкой.

— Когда я закончу, тебе надо будет постараться подтолкнуть этого гулящего кота Бориса в правильном направлении.

— К Лизе? — догадалась Соня.

— К Лизе, — согласилась Бася. — Только это потом. Сейчас узнай, когда он собирается на свидание со своей, этой, как её — любовницей. Завтра утром расскажешь.

Бася подхватила игрушку и побежала по своим делам. Ей предстояло сегодня многое успеть.

Соня смотрела ей вслед задумчиво облизываясь. Легко сказать: "Узнай". А как? Хотя... Надо, так надо.

2.

"...звёзды вам благоприятствуют. Особого успеха удастся добиться в делах любовных... Советуем, для большего эффекта, положить в обувь, под левую пятку, монету в пять копеек. Лучше всего 2001 года".

Борис высыпал на ладонь всю имеющуюся мелочь. Начал лихорадочно её перебирать. Монета нашлась. Борис улыбнулся, высыпал остальные монеты в карман. Пять копеек тщательно расположил в туфле, прижал пяткой. Монета давила сквозь тонкий носок, но это не смущало Бориса.

Сегодня звёзды вновь ему помогают. Всё сходится: встал с правой ноги, чихнул, когда задумался о свидании с Юлей. Теперь гороскоп, который он всегда заказывал у мобильного оператора.

О Лизе Борис не переживал. Разводиться он не собирался, Юля не настаивала. Их интрижка оставалась тайной. В этом Борис был уверен. Конечно, Борис любил жену, но ввязаться в "такую" интрижку, при "таких" обстоятельствах, считал обязательным.

Если бы не гадалка, поймавшая Бориса у выхода метро, мужчина пропустил бы мимо внимания строчки о счастливой встрече с романтическим финалом. Гадалка глянула на руку мужчины, окинула его всего пристальным взглядом, и сообщила — ждёт тебя встреча с полненькой блондинкой, приятной во всех отношениях, она на тебя глаз положит.

Борис открыл было рот, сообщить гадалке, что женат, а та продолжает дальше — бояться нечего, всё удачно сложится, хорошо обоим будет. Вот тут-то мужчина и вспомнил свой утренний гороскоп. Тот тоже обещал романтическую встречу. Борис решил — если действительно встретит такую блондинку, то... Во всяком случае — завяжет знакомство.

День прошел спокойно. Рутинная работа. Гадание поблекло в воображении. Хотя, в его правдивости мужчина оставался уверенным.

Знакомство состоялось в метро, по дороге домой. Бориса буквально вжал в плотненькую блондинку, чуть ниже его ростом. Женщина бросила на Бориса пару заинтересованных взглядов. Мужчина улыбнулся, извиняясь за неудобство. Внутри же он ликовал.

Выходили они вместе. Слово за слово, у каждого из них оказался телефонный номер другого. Ночью, Лиза уже спала, пришло сообщение от Юли. Через несколько дней сообщения оказались уже с фотографией.

Лиза оставалась в неведении. Он тщательно следил за перепиской — вовремя удалял сообщения от новой знакомой. Если доводилось говорить по телефону — брал сигареты и шёл курить на площадку.

Телефон начал вибрировать, загорелся экран. Сообщение пришло. Борис потянулся за мобильником. В этот момент о его ноги потерлась Соня, их кошка. Мужчина взял телефон одной рукой, второй рукой, наклонившись, почесал кошку за ухом. Соня толкнулась головой в ладонь.

Хорошо, что жены нет дома. Можно удобно расположиться в кресле, а не выходить из квартиры.

Провести пальцем по экрану, открыть соцсеть — дело пары секунд, если не меньше. С мурчанием на колени забралась Соня. Видимо и у кошки хорошее настроение, подумал Борис. Прогонять её мужчина не стал — слушать мурлыканье Борис любил.

Так, теперь, что там написала Юля? О, она даже отправила видео!

Соня замурчала от радости. Как же ей повезло! Кошка очень переживала — как узнать о свидании Бориса? А тут целое представление со звуком. Соня делала вид, что телефон её совсем не интересует. Кошка усиленно мурлыкала, мяла лапками ногу Бориса, довольно щурила глаза. При этом её ангорские ушки ловили каждый звук — изображение интересовало Соню гораздо меньше. Всё равно Лиза самая лучшая на свете. Что касается этой пухлой кошки, Соня аж чихнула от возмущения, обломается она.

Борис почувствовал, как коготки их кошки излишне сильно впились в его ногу. Они прошли через ткань и чувствительно царапнули кожу. Мужчина ссадил увлекшуюся кошку на пол

Прежде чем удалить, Борис ещё раз пересмотрел сообщение. Красное шло Юле. Очень хотелось увидеть весь комплект целиком. Юле удалось раздражить мужчину показав немного корсета и дав возможность увидеть край чулка, подхваченного резинкой пояса. В воображении Бориса дорисовывались самые смелые картины. По телу пробежала лёгкая дрожь возбуждения.

Очистив кэш, Борис задумался. Хорошо, что он подумывал выйти сегодня на работу. Хорошо, что Лиза решила съездить с сыном к своей маме. Надо только обязательно побывать на работе. В самом крайнем случае — захватить рабочую документацию с собой.

Борис решительно встал, оглядел себя. Собран и готов. Мужчина вышел в коридор, протянул руку к полочке за ключами. Тех на месте не оказалось. Странно, вроде ложил сюда — подумал Борис.

Соня затащила ключницу под диванчик кухонного уголка. Ей очень нужно было время. Бася наверняка ещё спит. Ну что же делать-то?

Кошка метнулась на балкон, выглянула в окно. Двор был пуст. Обидно-обидно.

Соня жалобно мяукнула, заперебирала лапками, а потом прыгнула на ту самую ветку, где сидела Бася во время их разговора.

Ох, как она боялась потеряться! Огромный мир вдруг оказался вокруг неё, а она внутри него. Запахи ударили в нос с новой силой. Соне захотелось сжаться и мяукать, мяукать. Но нельзя. Ангора распушила шерсть и бросилась бежать в ту сторону, откуда доносился слабый-слабый запах её знакомой.

Только бы Борис не отыскал ключи раньше времени. Тогда придется ждать нового случая.

То ли кошачьи боги, то ли просто удача сопутствовали Соне, но ей удалось застать Басю. И то сказать, ангора едва не попала в ситуацию. Крупный рыжий кот перегородил дорогу. С нахальством он смотрел Соне в глаза.

— Прогуляемся, красotka, — кот сделал пару шагов в сторону Сони.

Кошка растерялась — она не понимала, что от неё хотят.

Чёрная тень метнулась между ними.

— Это ко мне, Рыжий, отвали.

— Не хочу, — Рыжий облизнулся широко раскрыв пасть. — Она мне нравится.

Бася глухо, басовито заурчала. Из подушечек показались когти. Рыжий наклонил голову, с интересом глядя на Басю. Кошку он не боялся.

— Я тебе о ней рассказывала, — Бася попробовала зайти с другой стороны.

— А что взамен?

Рыжий сделал вид, что думает.

— Бася, — Соня очень нервничала, — Борис Сейчас уйдет к этой, этой...

Шерсть ангоры встала дыбом. Она была готова кусаться и царапаться. Время уходило.

— Если возьмёте меня с собой — отпущу Молочко.

Бася фыркнула.

— Мы тебя сейчас вдвоем тут исцарапаем, — пообещала она.

— Впервой что ли? — искренне удивился Рыжий.

Точно, подумала чёрная кошка, ему не впервой

— Учудишь что-то не то — будет впервой.

Рыжий сел, облизнулся. Бася не шутила. Подождать бы. И рыбку съесть и кошку... Кот посмотрел на чёрную — не даст. Характер такой.

— Чудить не буду. Обещаю.

Соня прямо таки видела, как Борис наклоняется за ключами. Сейчас он уйдет и всё.

— Смотри мне, — Бася выдернула хвост, — ты меня знаешь. Такое устрою.

Потом чёрная кошка метнулась в сторону дома Сони. Ангорка и рыжий кот поторопились за ней.

Бася на ходу инструктировал Рыжего. Честно говоря, она рассчитывала на Рекса, но Соня очень торопилась. Ещё и попалась на глаза этому рыжему ловеласу. Теперь надо вместо добродушного увальня бульдога вставлять в схему Рыжего. В целом — без разницы, но бульдог большой.

Ладно, у Рыжего есть два варианта. Выжать из себя всё, что сможет. Или может доказывать своим кошкам, что расцарапанные морда и нос — боевые шрамы.

3.

И как они туда попали? Борис поднялся с пола, отряхнул брюки. Наверное выпали пока он собирался, а Соня загнала их под кухонный уголок. Ладно, можно идти.

Борис дошёл до угла дома, когда возле его ног появился крупный рыжий кот. Мужчина обрадовался. Всем известно — рыжие коты приносят удачу.

Кот ткнулся в ногу мужчины, зумурлыкал. Борис остановился, протянул руку почесать кота за ухом.

Внезапно, кот повернулся задом, поднял хвост. На штаны Бориса брызнула обильная струя пахучей жидкости. Одна, вторая. Кошачья метка осела каплями на ткани.

Мужчина растерялся на секунду от такой внезапной наглости. Рыжий же не стал дожидаться заслуженной оплеухи. Сделав своё дело, он оттолкнулся от асфальта всеми лапами. Миг и кот уже скрылся из вида.

Борис смотрел на испорченные брюки. Внутренний голос гаденько говорил — придется тебе, дружок, вернуться за новыми штанами домой. Эти, конечно, высохнут по дороге. Вот только, запашок тот ещё будет.

Возвращаться — примета плохая. Идти дальше — тоже идея так себе.

Ладно, решил Борис, главное посмотреть в зеркало. Тогда всё будет нормально.

Телефон зазвонил когда Борис уже почти переступил порог квартиры. Звонил он из спальни. Пришлось вновь вернуться.

На разговор с женой ушло минут десять. Мужчина даже порадовался звонку Лизы. Так бы телефон остался лежать в старых брюках, впопыхах брошенных на кровать в комнате. Заодно убрал штаны в корзину для грязного белья. Соня подозрительно обнюхала штанины — явно чуяла кота.

Быстрый взгляд в зеркало. Пригладить волосы. Порядок, можно бежать.

Борис торопился на остановку. Он не оглядывался по сторонам, поэтому крупная чёрная кошка, следующая за ним лёгким бегом, выпала из его внимания.

Зато женщина с пустым ведром, возвращаясь от мусорных баков, заставила его резко поменять направление движения. Да что сегодня за день такой? Утешает только одно — всё происходит почти. Избежать неприятностей удаётся в последнюю секунду.

Бася довольно прищурилась. Кошачьи боги сегодня явно стали на сторону её подруги. Как вовремя Антонина Павловна решила вынести мусор. И хорошо, что она равнодушна к Рыжему. Вот его хитрая морда выглядывает из подъезда. Молодец, задержал Антонину, пока сонин хозяин шёл сюда.

Так, куда он теперь поспешит? Вот это сказочная удача! Бася прямо ликовала, тенью проскальзывая вперёд. Борис свернул во дворы, в надежде поскорее добраться до остановки. То ли он забыл, то ли никогда не обращал внимание на номера двух домов, стоящих рядом друг с другом.

Самый короткий путь лежал по улице между двумя домами. Одни из первых, дома были длинные-длинные. Сама улица, достаточно широкая для тротуаров и дороги, шла ровно, без ответвлений. Зато всего две-три минуты и покажется остановка.

Чёрная кошка выбралась из подвала одного дома, вальяжно направилась в сторону другого.

Борис прибавил шага, надеясь проскочить улицу прежде, чем дорогу перейдет кошка.

Бася тоже прибавила скорости. В этом соревновании человеку победить не удастся.

Чёрная кошка прошмыгнула прямо перед Борисом. Мужчине от досады захотелось пнуть её под зад. Вот только виновница уже юркнула

в подвал на другой стороне. Вот куда уже хуже? Борис огляделся кругом, размышляя, как можно обойти эту "дорожку неприятностей".

Оказалось, что хуже всё ещё возможно. Взгляд Бориса зацепился за номера домов. О, нет! Ну вот как так-то?

Табличка на одном доме блестела цифрой 13. Том самом доме, из подвала которого выскочила чёрная кошка. Обходить этот дом бессмысленно. Во второй кошка заскочила. Борис поискал глазами номер и застонал от досады — 13а. Единственный дом в их районе с буквой.

Борис настолько привык ходить другими дорогами, что совсем позабыл про особенность именно этой улицы. Плечи его опустились, уголки губ поползли вниз. Где-то посередине груди закручивался комок.

Мужчина стоял, обдумывая возможные варианты. С каждым новым, отброшенным, всё чётче вырисовывался один — вернуться домой.

Свидание обещало столь многое. Тем обиднее было от него отказываться. А отказываться придется — столько всего случилось за неполные два часа.

Может рискнуть? Борис поплевал три раза в одну сторону, три раза в другую. Набрал в грудь побольше воздуха, расправил плечи. Перед его глазами появилось соблазнительное видео от любовницы. Мужчина уже начал шаг.

Звон стекла и грянувшая сразу вслед за этим ругань заставили Бориса смешно присесть. Что разбилось и где он выяснять не стал. Развернувшись и зло сплюнув, Борис пошел домой. Руки мужчины сунул в карманы, голову наклонил вперёд, приподнял плечи. Между сошедшими бровями пролегла обиженная складка.

4.

На дерево Рыжего не пустили. Кот сидел внизу, переключая внимание между говорившими кошками да окрестностями двора. Этот двор не входил в его территорию, поэтому гуляющие собаки подозрительно косились в сторону чужака. Выручила Бася. Кошка пару раз мяукнула, один раз зашипела. Один раз даже заурчала. Рыжий вполне мог постоять за себя сам, но он был здесь временным гостем. Зачем лишний раз сориться? Лениво это.

Зато узнать чем закончилась история с хозяином Сони очень хотелось. Как и увидеть ангорку. Рыжий чувствовал себя уверенно, готовым ко всему.

— Сиди здесь, — Бася загродила Рыжему дорогу к дереву.

— Я хочу там, — кот попытался обойти кошку, чтобы запрыгнуть на ближайшую ветку и подобраться ближе к балкону.

Бася подняла лапу, лизнула её, выпустила крепкие когти. Донеслось басовитое мурчание.

— Уверен?

Рыжий задумался. Сел, обернув лапы хвостом.

— А чё? Скажешь — я дворовой? Ну да, дворовой. Зато кот хоть куда.

— Вот и сиди внизу. Охраняй нас.

Бася вскарабкалась на дерево, удобно расположилась на ветке, свесив одну лапу вниз.

— И без шалостей, — добавила чёрная кошка.

Рыжий обиженно чихнул. Ну двор и балкон он запомнил. Пока главное — история чем закончилась.

— Уж не знаю о чем они говорили, — Соня лежала, поджав под себя лапки и едва не мурлыкала от радости, — но вот уже три дня от любовницы Бориса нет сообщений.

Бася лениво дернула хвостом. Чёрная кошка слушала подругу, кивая мысленно в такт словам ангорки.

— Муж хозяйки ходит расстроенный. Представляешь, даже свои любимые гороскопы перестал читать.

Бася глянула вниз, откуда донеслось тихое шипение. Напротив рыжего кота стоял упитанный французский бульдог, с интересом разглядывая новую морду во дворе. Его хозяин придерживал поводок, косясь на распушившего шерсть кота.

Оставишь мужчин без внимания и вот тебе на.

Бася отвлеклась от разговора, громко мяукнула. Во всяком случае, так услышал хозяин Рекса — бульдога.

Рекс поднял морду, завилял куцым обрубок хвоста. Пёс прекрасно знал чёрную кошку. Рыжий тоже посмотрел на Басю и расслабился. Знакомый так знакомый.

Рекс побежал по своим собачьим делам, увлекая за собой хозяина. Бася вернулась к разговору.

— Это пройдет, — сказала она. — У котов и мужчин короткая память. Вот увидишь, пару дней и всё вернётся в привычное русло.

— Я больше боюсь, что любовница Бориса снова позвонит, или ответит на его звонок.

Бася осторожно встала. Балансируя на ветке, она выгнула спину, разминая мышцы. Делала она это демонстративно, украдкой следя за

реакцией Рыжего. Кот удостоил её беглого взгляда, вновь сосредоточивая внимание на Соне.

— И кошки, и женщины, — Бася вновь улеглась на ветке, — мы всё запоминаем. А если обижаемся, то всерьёз и надолго. Ну, а такую обиду мужу твоей хозяйки точно не простят. Можешь спать спокойно — этот роман окончен.

— А если будут другие? — Соня нервно облизнулась.

— Тогда зови свою подругу Басю, — чёрная кошка ловко спустилась на землю. — Я с радостью опять перебегу ему дорогу. Освежу, так сказать, память.

— Меня тоже зови, — Рыжий нахально зевнул, показывая крепкие зубы. — Всегда готов тебе помочь.

Соня быстро облизнулась и поспешила юркнуть в комнату. Рыжий кот очень её смущал.

Рыжий довольно потянулся, поднял хвост трубой и повернулся задом к дереву.

Бася предостерегающие заурчала, выпустила когти.

Мимо проходили люди. Им были безразличны разборки кошачьих, делящих территорию. У них свои дела.

Интересно, удивились бы они, если узнали, что чёрная кошка может приносить неприятности не только суеверным людям, но и излишне любвеобильным котам. Даже рыжим. Ибо у рыжих котов есть вполне себе обычные серые кошки. А у обычных серых кошек есть знакомая с гладкой чёрной шерстью и весьма вредным характером.

Наверное, сказали бы: "Ну прямо как у людей, честное слово".

Не скажут — кошачьего языка не знают.

Хмыкнут, глядя как крупный рыжий кот идёт по улице, демонстративно задрав хвост и поминутно облизываясь, а за котом идёт чёрная кошка, раздражённо урча.

Нет, ну точно как у людей — вон семейная парочка спорит. А что будет если дорогу перейдет рыжий кот, а потом чёрная кошка? Проверить? Лучше в следующий раз — целый день впереди.

Рыжий кот скрылся из вида. Бася довольно огляделась по сторонам, вальяжно направилась по своим кошачьим делам. У неё тоже был впереди целый день. Что касается примет — каждый их делает себе сам. Уж она-то точно это знала.

Александр Староторжский

Москва

ДОБРЫЙ ГАНС

Евгений Николаевич сидел в своём саду, на старенькой даче-развалюшке, среди пышных ярких цветов, и смотрел на заходящее солнце. Он всё решил, и ему стало хорошо, спокойно. Как никогда. Через 15 минут он покинет этот омерзительный мир, и исчезнет в багровом сиянии заката. Там радость, счастье, и вечный покой. Он твёрдо верил в это.

... Утром Евгений Николаевич был в больнице, и показал свои почерневшие пальцы на ногах хирургу, наблюдавшему диабетиков. Хирург сказал, что пальцы нужно экстренно ампутировать, но сделать это можно только в платной клинике. Операция стоила 55 тысяч рублей. Можно было сделать и бесплатно, но для этого нужно было собрать необходимые документы. И месяца через два операцию сделают.

— Где? — спросил Евгений Николаевич.

— Рязань город большой, дорогой мой! Где-нибудь сделают! — сказал врач, и странно посмотрел на Евгения Николаевича.

— Что значит экстренно? — спросил Евгений Николаевич.

— В течение трёх дней! — сказал доктор, и стал что-то разглядывать в мониторе компьютера. Лицо его было хмурым и жёлтым.

— А если не сделать в течение трёх дней?

— Будут осложнения! — сказал доктор.

— Какие? — спросил Евгений Николаевич.

— Через месяц отрежут ногу!

— А через два? — спросил Евгений Николаевич, хотя понимал, что будет.

— Через два... Неизвестно, — сказал доктор, и лицо его пожелтело ещё больше. — Ищите деньги! Иначе... Плохо будет!

— Я умру? — уходя спросил Евгений Николаевич.

— Не знаю... Но это возможно... Учтите, там очередь! Деритесь как лев! Но пробивайтесь!

— До свидания! Спасибо! — сказал Евгений Николаевич, и хромя, вышел из кабинета.

Что делать, он не знал. Денег у него не было. Он был поэтом, и пенсия у него была шесть тысяч. Занять было не у кого. Свою квартиру

он сдал на лето каким-то сибирякам, и жена и дочь, счастливые, уехали в Турцию, к однокласснице жены. Эта одноклассница предложила им работу на восемь месяцев.

Евгений Николаевич знал, что после его смерти жену и дочь искать не будут. Он был слишком незначительной личностью, чтобы полиция этим занималась. Так что работу он им не сорвёт. Они найдут его труп через полгода, а может, вообще не найдут. Информация о подобных эпизодах в газетах попадалась. И не так уж редко.

... Пора! Евгений Николаевич встал, и медленно пошёл в дом. Почему-то ему захотелось перед смертью сжечь свои книги, напечатанные читинским издательством. Деньги за них он получил такие смехотворные, что воспринял их как оскорбление. Но это быстро прошло, стало просто безразлично.

Ну, а бесплатная операция... Евгений Николаевич знал, что это такое. Бегание, унижительное и бесполезное... Пустые, равнодушные глаза, ложь, отказы... Ворчание очереди... Хватит! Он не нужен этому государству, и оно ему не нужно! В ещё большей степени!

Инсулин был в холодильнике. Ввести пятикратную дозу и конец! Встречайте меня Солнце и Мировое искусство!

Евгений Николаевич открыл холодильник, и с удивлением обнаружил в нём, непонятно откуда взявшуюся банку пива. Такого он ещё не видел. Он взял банку в руки, и стал рассматривать. Пиво было немецким, и наверняка, очень дорогим. В банке вмещался литр, и в лицо Евгению Николаевичу смотрел улыбающийся, румяный, седой старик... Длинноволосый, с большой, широкой бородой, одетый в красно-зелёный— синий балахон. Он, видимо был, эмблемным изображением фирмы, производящей это пиво. Странно... Нарисованный на банке старик, поражал своим совершенно живым видом. Казалось, он сейчас откроет свой розовый рот, и скажет что-нибудь приятное. Серые глаза смотрели весело и доброжелательно. Евгений Николаевич усмехнулся, открыл пиво, налил стакан, и попробовал. Пиво было поразительно вкусным. Такого он ещё не пил.

— Приятного аппетита, Женя! — сказал густой бас.

Евгений Николаевич посмотрел в сторону, откуда донеслись эти слова, и увидел сидящего на диванчике старика, копию того, что был изображен на банке.

— Я знаю, что ты воспринял моё появление спокойно, и поэтому объясню, кто я такой, и зачем к тебе так странно явился! Ты пей! Пей... Пиво в банке не кончится. Я буду краток. Зовут меня Ганс. Я помогаю симпатичным мне людям переправиться в другой мир, если у них появ-

вится такое желание. Причём в твоём случае, совершенно обоснованное. Операцию тебе вовремя и бесплатно не сделают, и через месяц ты умрёшь от заражения крови... Предсмертные мучения твои будут ужасны. Твои небесные коллеги читали твои стихи, они знают, как ты жил, поэтому решили тебе помочь. Ты хороший парень, Женя... Пей пиво, и твоя душа в скором времени освободится от тела... Дорогу в Высший Мир я тебе укажу... Мы полетим туда вместе!

Евгений Николаевич допил стакан, налил другой, причём пиво стало тёмно-вишнёвым. Это его нисколько не испугало. Он спокойно отхлебнул глоток, и спросил:

— Скажите, Ганс, прежде чем я улечу отсюда, мне интересно знать, что будет, в конце концов, с нашей страной? Она так и будет гнить до конца света? Люди незаслуженно живут ужасно! Жаль их! Страной управляют господа, не имеющие на это права! Что будет с Россией?

— Всё будет просто... В один прекрасный момент, так называемые олигархи, вынуждены будут бежать отсюда. И сделают они это совершенно бесстрашно, смеясь! Они думают, что в Европе их ждёт интересная, насыщенная жизнь! Ведь там у них есть роскошные виллы, небоскрёбы, квартиры, замки, собственные острова! В европейских банках лежат горы их денег! Да, всё так... Но они не смогут жить той жизнью, которая бы их там устроила. Их не пустят ни в политику, ни в бизнес! Конкуренты, тем более с дурной репутацией никому не нужны! Они станут людьми второго сорта, и это их очень удивит! Они будут жить богато, но очень скучно, страдая от бездеятельности. Россия им будет сниться, но и только! Участвовать в её жизни они уже не смогут. А жизнь в твоей стране будет яркая, кипящая, плодотворная! Ну, ладно, дорогой Женя, летим?

— Летим! — сказал Евгений Николаевич, и они с Гансом оказались в небе над Рязанью.

— Хочешь облететь свой город? — спросил Ганс.

— Нет! Я хочу в Москву! — крикнул Евгений Николаевич, и море огней вспыхнуло под ними. Кремлёвские орлы и звёзды пылали ярче всего.

— Нет! Нет! Летим отсюда! — крикнул Евгений Николаевич, и унёсся в не очень ясном ему самому направлении. Ганс едва поспевал за ним.

Остановились над Тверской. Она тоже была ярко освещена, но почему-то преобладали огни лиловые, мрачные. Евгений Николаевич указал Гансу на маленькое, симпатичное здание:

— Знаешь, что это? Это Литературный институт! Я учился в нём! Как было хорошо! Прощай учитель! Прощай! И спасибо тебе за все!

— А с Пушкиным ты не хочешь поговорить? — улыбаясь, спросил Ганс.

— Это возможно?! — вскрикнул Евгений Николаевич.

— Конечно! Он ждёт тебя!

Две красные молнии сверкнули над Москвой, и Евгений Николаевич, и Ганс исчезли в бархатно-синих глубинах космоса.

Через неделю после смерти Евгения Николаевича, на даче, в его комнате, где лежало тело, появились участковый Макаров, и фельдшер скорой Эдик Ухов. Их вызвали соседи Евгения Николаевича, встревоженные запахом, идущим со стороны дачи. Да, и самого Евгения Николаевича давно не было видно. Как так? Каждое утро он поливал цветы, а теперь вот исчез! Да и запах необычный!

Когда Макаров и Ухов вошли в комнату, где лежал мёртвый Евгений Николаевич, они зажали носы, осмотрелись, и всё стало им сразу ясно. На столе коробка с инсулином. На шее мертвеца висела железная пластинка с надписью «Диабет»... Ну, вот и всё!

Приступ, коллапс, смерть. Случай банальный. Да и нога распухшая, чёрная, гнилая. Ну, что... Составили документы, положили их в карманы, и осмотрелись.

Ухову понравились лакированные, концертные полуботинки покойного, и он забрал их себе, в надежде продать... А Макаров спрятал в сумку фото жены и дочери Евгения Николаевича, в поразительной по красоте рамочке. Он планировал это фото из рамки выдрать, и вставить другое — голый артистки Клаудии Кардинале, которая будила в нём сексуальную энергию. Макаров позвонил куда нужно, его заверили, что тело в течение пяти часов заберут, и участковый вместе с фельдшером ушли к своим машинам. То, что они сделали, было делом обычным, и преступлением не считалось.

Правда, в пути с ними произошли странные вещи. В машине фельдшера произошёл взрыв, неясного происхождения, и воришку, обожженного с головы до ног, едва спасли.

А участковый увидел на шоссе старуху Зайчевскую, торгующую яблоками, и пытался её изнасиловать. Однако, мужики, стоявшие с ней, и торговавшие картошкой, забили участкового насмерть. Они не хотели, но почему-то так получилось. Странно, правда?

И ещё одна интересная вещь произошла. В Минздраве, в кабинете одного из начальников, пили редчайшее итальянское вино. Это был по-

дарок известного олигарха Г. Прислал он целый ящик, поэтому, пили много, и с удовольствием. Поскольку слово «экономия» презирали. И в данном случае, и вообще! Когда третья бутылка была выпита, с чиновниками стало происходить что-то странное: вдруг, у всех заболели животы, и началась коллективная рвота. Никто не мог понять, как это могло произойти? Богатейший Г. которого обследовали, и капитально подлечили, буквально за копейки (600 тысяч рублей за 10 дней. Мелочь!) Прислал своим спасителям какую-то химическую дрянь! Как можно?!

Сотрудников Минздрава увезли в госпиталь, но в процессе выхода из здания, на лестнице поскользнулась в собственной рвоте одна очень значительная дама...Поскользнулась, и упала, ударившись головой об урну. Но всё обошлось! И дама, и урна остались целы! Но это ещё не всё. Когда отравленные чиновники покинули Минздрав, в одном из кабинетов, загорелся сначала портрет Пирогова, а потом портрет Вишневого. Сине-красные струйки огня разбежались по всему зданию, по дороге вырастая в гигантские волны пламени. И здание сгорело дотла! Жаль! Очень жаль! Правда, не все так думают! Но это неважно!

И ещё момент, довольно любопытный! Загадочными красными молниями, мелькнувшими над Москвой, заинтересовался знаменитый институт Космических исследований! Пожелаем этому научному гиганту успехов! Правда, половина гиганта находится под следствием, но разве такая мелочь может помешать другой половине идти своим ярким, оригинальным, единственно правильным путём?!

Антон Булычов

Саратов

*

Артем смотрел на поднимающееся солнце. Уже который год красота рассвета не трогала его. Сложно наслаждаться чем-то подобным, после всего произошедшего.

Когда-то очень давно Артем читал, что солнце через пять миллиардов лет погаснет. Что ж, он готов подождать.

*

Сколько прошло лет? Уже и не скажешь. Они слились в одну смазанную полосу попыток убить себя. Снова и снова, а потом еще раз. Попыток самоубийства у него было куда больше, чем прохождений че-

рез стадии потери. Он отрицал, он торговался, он гневался. За каждого потерянного. Которых было слишком много.

*

Артем собрался с силами и пошел к далекому пляжу. Пыль поднималась от каждого его шага. Зря Артем решил загадать такое желание. Но кто поверил бы в джинна? Пока желание не исполнилось, Артем был уверен, что это розыгрыш. Или сон. Артем замер. Пыль оседала. Почему весь мир стал таким пыльным? Можно было отдать все что угодно, лишь бы увидеть что-то зеленое. Даже свою жизнь. Особенно ее.

*

Все иногда мечтают об одиночестве. А он и вовсе был уверен, что создан для него. Но вот столкнувшись с настоящим одиночеством, быстро понял, что это страшная вещь. Из года в год молчать, не произнося ни слова. Вечная тишина без надежды на осмысленное сотрясение воздуха. Он плакал, ломал вещи, ломал себя. Один раз даже выцарапал себе глаза и оторвал уши. После тысяч неудачных смертей понятие боли становится эфемерным.

*

Когда-то этот город был красив. Некоторые следы красоты остались и сейчас. Зеркальные панели изящных небоскребов, например. Артем осмотрелся, подмечая следы разрушения. Медленного и неотвратимого. Люди уже долгие годы не появлялись на улицах этого города, бросив его на произвол судьбы. Артем когда-то любил читать о постапокалипсисе. Там всегда города разрушались основательно. Войны, эпидемии, нашествия зомби. Все это должно было оставить свой след, но не оставило. Ведь умер мир совсем иначе.

Уничтожь людей оружие, болезнь или нежить, город бы поглотили растения. Деревья, трава. Но вот только Артем не видел ни одного растения уже долгие годы. Так же долго как не видел людей или животных. Даже насекомых теперь не найти на жалких остатках мира. Артем обречен бродить по нему в одиночестве.

*

Он загадал простое желание — жить вечно. Думал, что достаточно одинок чтобы не заметить потери близких и друзей, когда те умрут от старости. Вот только джинн обошелся с ним жестоко. Платой за его бессмертие была смерть всего живого. Он помнил свою улыбку, угасшую, когда он понял, как вокруг тихо и серо.

*

Артем замер. Ему послышался шепот. Звук отличный от игры ветра в остовах заброшенных зданий. Другой. Скорее всего это опять слуховые галлюцинации. Несчастный мозг все еще надеялся услышать когда-нибудь речь человека.

На всякий случай Артем рассмотрел внимательнее близлежащие дома. Высокие. Когда все только началось, Артем прыгал с таких. Сначала надеялся, что так прекратит свою пытку одиночеством. Затем понравилось ощущать чувство падения. Месяца на три прыжки с небоскребов отвлекли Артема от грустных размышлений.

*

Все созданное человеком слишком от него зависит. Электричество и газ пропали в домах очень быстро. Перестало работать многое — ТЭЦ, заводы, затем ГЭС. А некоторые атомные электростанции даже взорвались. Он долго пробыл рядом с одной такой, надеясь, что его убьет хотя бы радиация. Жаль, но она оказалась бессильна.

Еды хватило на несколько десятков лет. Но потом портиться стали даже консервы, и начался постоянный голод. Испытывать непрерывную резь в желудке, но не умирать от голода было страшно. Во многом поэтому в те годы он часто убивал себя. После этого боль в желудке на несколько дней отступала. Правда, через годы она истончилась и исчезла, сделав куда заметнее страдания моральные. К ним, в отличии от боли обычной, привыкнуть было нельзя.

*

Артем вновь осмотрел серый мир. Плодородную черную почву создают бактерии. А теперь их нет. Они тоже были живыми. Нет ни водорослей, ни растений. Некому заниматься фотосинтезом. Артем понимал в глубине души, что рано или поздно воздух на планете станет непригодным для дыхания, но гнал от себя эти мысли. Не хотелось думать о том, как будет страдать долгие годы от боли в легких, как страдал от боли в желудке. Рано или поздно Артем привыкнет и к ней. Вот только привыкать не хотелось.

*

Без жизни мир очень быстро стал пустым местом. Оказалось, что живое — не только человек — придает Земле смысл. Без него смысл ушел. Осталось только страдание и одиночество, из которого не вырваться. Выхода нет. Последним выходом всегда была смерть. Но теперь ему отказано даже в этом. Осталась только пыль и ветер в остовах зданий.

*

Артем вышел к морю. Оно было холодным и мертвым, но шум волн успокаивал. Солнце погаснет через пять миллиардов лет. Он готов подождать.

КНИГА

Уютный антикварный магазинчик на узкой улочке большого города-муравейника выглядел невероятно идиллично. Я не смог сдержаться и зашел внутрь, миновав обшарпанную дверь из темного дерева. Над головой раздался приятный уху перезвон колокольчиков, на который в глубине просторного выставочного зала откликнулся звук неспешных шаркающих шагов. Из-за полок вышел владелец магазинчика — пожилой джентльмен в сером костюме-тройке и круглых изящных очках. Он опирался на чудную трость с набалдашником в виде головы грифа.

Я кивнул ему, показав, что зашел только посмотреть выставленные на полках произведения искусства, которые язык не повернулся бы назвать словом «товары». Джентльмен снисходительно улыбнулся, кивнув в ответ.

Этот магазин был идеальным местом, где можно погрузиться в атмосферу изысканной старины. Стойки с оружием, полочки с медалями и значками, вазы и статуэтки, даже пятиметровое чучело крокодила под потолком. И конечно же книги — моя непреходящая страсть! Я сразу заметил несколько редких изданий, но тут мое внимание привлек другой томик.

Он стоял в центре средней полки большого книжного шкафа. Безмятный корешок из простой кожи, потрепанной временем. Мой взгляд обязан был просто скользнуть по нему, но эта книга притягивала меня, как магнит железные опилки. Почему-то, когда я протянул руку, чтобы снять ее с полки, пальцы дрожали. Наконец мне удалось вытянуть книгу и рассмотреть обложку, на которой, также как и на корешке, ничего не было. Лишь приятно гладкая и замечательно пахнущая кожа густого коричневого оттенка.

— Не думаю, что вам захочется купить эту книгу.

Голос за спиной заставил вздрогнуть, и странный томик едва не выпал из моих рук. Ко мне незаметно подошел хозяин магазинчика. Глядя на него, я рассеяно погладил корешок, что заставило джентльмена передо мной понимающе усмехнуться. Он неизвестно почему пригрозил мне тростью и исчез за полками, так же бесшумно, как появился.

А мое внимание уже снова было полностью приковано к книге. Она манила какой-то тайной, аромат которой был не менее приятен, чем запах кожи и бумаги. Открыв ее, пролистал несколько страниц. Они были покрыты рукописными символами, в которых не всегда удавалось узнать буквы. Казалось, каждая страница без остатка покрыта чернилами четырех разных цветов, так что пустого места почти не оставалось.

Наконец, оказалась открыта сто первая страница, которая ничем не отличалась от прочих. Та же мешанина символов. Но, неожиданно они пришли в движение, сдвинулись, заволновались, и я с удивлением прочитал строки:

«Не жди до заката, цени каждый миг. Живи и запомни цвета:
Синий — реальный,
Жёлтый — грёзы,
Чёрный — кошмары,
Зелёный — сны».

Не знаю, как мне удалось рассмотреть эти слова среди мешанины букв, цифр и просто закорючек, однако они вызвали странную дрожь. Зато таинственный магнетизм исчез, сошел на нет. Теперь это была просто старая странная книга, которую я торопливо поставил на полку. От потрясения или резкого движения перед моими глазами заплясали черные точки.

Нетвердо шагая, все еще в шоке, направляюсь к выходу из магазинчика. Едва не свалив полку, наваливаю на потертую дверь. Точки продолжают мелькать вокруг. Они даже растут. Машинально отмахиваюсь и ловлю пару на ладонь. Внезапно замечаю, что у точек вырастают блестящие зубы. Завываю от боли, почувствовав, что в ладонь впивается что-то острое.

Дверь, наконец, поддалась, и я вырываюсь на улицу. Точки преследуют меня. Они выросли уже до размера дрозифил, но каждая имеет зубастую челюсть, превышающую их в размере. Бегу вверх по улице, безумно размахивая руками и продолжая кричать. То и дело на спине, плечах, затылке ощущаются болезненные укусы.

Что странно, прохожие лишь отворачиваются от меня. Будто бегущий по улице и вопящий во все горло мужчина для них является чем-то скучным и обыденным. Я кричу еще громче, умоляя о помощи. И тут люди вокруг поворачивают ко мне свои лица. Безглазые бледные маски с оскаленными пастьями. Раньше твари не видели меня, не замечали. Но, привлеченные мольбой, бросаются на меня.

Я не успеваю даже вздохнуть, а они уже рвут меня на куски. Боль накатывает неожиданно. Такая сильная, что нет сил кричать. Лишь

ловлю взглядом в витринах отражения солнечных осколков безумно желтого цвета.

Прихожу в себя на полу антикварного магазинчика около полок с книгами. Весь мир кажется удивительно светлым и чистым. Ко мне идет хозяин лавки, голова которого была головой грифа.

Я предупреждал, юноша. Эта книга не для всех. Но теперь вы ее купите.

Он не спрашивает. Утверждает. С уверенностью парового локомотива. Владелец магазинчика подает мне руку, помогая подняться на ноги.

— Но какая цена? — спрашиваю я.

В ответ раздается птичий смех, сменяющийся соловьиной трелью. Не ответив мне, человек с головой грифа, распахнув крылья, летит к солнцу. Песня все длится, становясь пронзительнее. Она зовет за собой. Заставляет раскинуть широкие крылья и лететь вперед, навстречу свежему ветру, свободе и радости.

Я отвечаю ликующим воплем и лечу, повинувшись этим чарующим звукам. Покидаю магазин и устремляюсь к чистому синему небу.

Люди вокруг смеялись. Показывали на меня пальцами. Прикрывали руками рты. Я стоял посреди улицы, раскинув руки. Всего в десятке шагов от антикварного магазинчика, откуда ранее выбежал, вопя во все горло.

— Вот напился... Или под солями.

Раздался громкий шепот одной почтенного возраста дамы, которая смотрела на меня брезгливо поджав губы. Я опустил руки и сжался. Какой конфуз! Такого жгучего стыда не испытывал со школьных лет. Постаравшись стать как можно незаметнее, быстро пошел по улице прочь.

Шепотки, улыбки и смешки сопровождали меня, пока я не свернул на неприметную боковую улочку. Она была невзрачной и заводила меня все дальше в переплетение переулков этого древнего, но разросшегося до невероятных размеров города. Постепенно мне удалось успокоиться и снова погрузиться в очарование этой величественной старины. Ее притягательный аромат. Так пахнет выдержанное в дубовых бочках солодовое виски или дорогие кубинские сигары.

Неожиданно прогулки вывели меня к небольшому парку, который утопал в веселой молодой зелени.

Я пытаюсь осмотреться — за моей спиной клубится туман. Поворачиваюсь обратно к парку, и деревья шагают навстречу. Приближаются так резко, что я могу разглядеть каждую трещинку на их стволах, каж-

дую прожилку каждого листочка, почувствовать ток странной нечеловеческой жизни в каждом корешке под моими ногами. Деревья шепчут. Зовут.

Шагаю им навстречу и оказываюсь в диких джунглях. Мимо шествуют неспешно огромные тигры, таятся в густой листве толстые змеи, скачут по веткам и лианам крикливые обезьяны. Приветливо машу им всем рукой и иду все дальше в чащу. Когда джунгли смыкаются вокруг меня так, что дальше нельзя сделать и шагу, навстречу выступает величественный дуб.

Он наклоняется ко мне, заглядывает в глаза. Замираю, очарованный его вечным взором. Чудным. Неизменным. Пропитанным жизнью. С веселыми желтыми искрами.

Лежу на траве, рассматривая облака. Мне три или четыре года. Стебли подо мной такие густые и так вкусно пахнут, что хочется петь. Петь об облаке в форме собаки, петь об облаке в форме слона. Они плывут все быстрее.

Я вскакиваю и бегу за ними, шлепая босыми ногами по спелому разнотравью. Мелькают под ногами ромашки и яркие пятна цветов цикория. Шумными волнами разлетаются из-под ног стрекозущие кузнечики. А я смеюсь и кричу во все горло.

Тень накрывает меня. Оборачиваюсь и обнимаю бабушку. Счастье от того, что она жива — все еще живы — накрывает и едва не сбивает с ног. Чувствую знакомый с детства запах яблок и имбирного печенья. По лицу текут слёзы радости. Бабушка, еще совсем не седая, улыбается. Смотрю на ее черные волосы.

Они стремительно осыпаются. Кожа покрывается глубокими морщинами. Блекнут глаза. Начинают трястись руки. Я уже видел ее такой раньше... Видел перед...

Сердце успевает глухо стукнуть дважды и передо мной уже обтянутый желтой пергаментной кожей скелет. Я плачу, а она тянет ко мне руки с потемневшими ногтями. Отшатнувшись, падаю на землю. Что-то обхватывает меня поперек груди. Дергаюсь, бьюсь, вырываюсь. К своему ужасу понимаю, что это множество полуистлевших рук, тянущихся ко мне. Жалеющих схватить, утянуть к себе в разящую гнилью могилу.

Я бегу, спотыкаясь об эти руки. Они пытаются схватить меня, снова сбить с ног. С неба падают первые капли. Поднимаю голову и ловлю одну на язык. Солоноватый вкус вызывает отвращение. А дождь все усиливается. Мои туфли шлепают по лужам, разбрызгивая кровь во все стороны. Становится темно — тучи совсем поглотили солнце.

Во мраке кровь становится неотличимой от воды. Хотя тяжелый металлический запах не дает забыть о том, что с небес льется не простой дождь. Если долго бежать по раскисшей грязи неминуем тот момент, когда ты поскользнешься. Я качусь кубарем по земле, пока десятки мертвых рук не обхватывают меня, вжимая в кровавую грязь.

Со всех сторон ко мне спешат сотни трупов. С ужасом смотрю на их посиневшую кожу.

Чистое небо над головой. Яркий солнечный свет. Шум листвы и приятный ветер. Приподнявшись на локтях, осмотрелся. Я лежал посреди цветочной клумбы в самом центре небольшого парка. Вокруг стояли люди. Некоторые смотрели на меня с весельем, некоторые с испугом, некоторые с сочувствием.

— Человеку плохо...

Шепот толпы слышался до тех пор, пока не подъехала скорая. Я лежал, все еще не осознавая, что они приехали за мной. До затуманенного видениями сознания дошло наконец понимание, куда меня скорее всего повезут. Вскочил на ноги, но уже поздно. Врачи окружили меня, что-то успокаивающе говоря. Но по их глазам можно было понять, что они обеспокоены и готовы применить силу. Меня считали сумасшедшим. Возможно, буйным. Наркоманом или алкоголиком с белой горячкой.

Щеки пылали от стыда. Я не сопротивлялся, пока меня вели к машине. Навалилась какая-то странная усталость, поэтому в прострации даже не замечал дороги, по которой мчалась скорая. Не слушал, что мне говорили. Не отвечал на вопросы. Вообще не реагировал на происходящее. Понимал, что нахожусь сейчас в реальности, но она упорно казалась сном. Что со мной? Это все книга?

С трудом вспомнил антикварный магазин со странным хозяином, необычную книгу, прочитанные в ней слова. Реальность, грезы, кошмары, сны. Подскочил так резко, что испугал врача, сидевшего напротив меня и все еще пытавшегося задать какие-то вопросы.

— Я не сумасшедший. Послушайте меня, во всем виновата книга. Я не должен был ее читать... — внимательно посмотрел в зеленые глаза собеседника.

Знакомый стук. Тудум-тум-дум. Снова и снова. Поезд мчит вдаль и уносит меня с собой. Сажу в купе один, разглядывая мутные из-за тумана пейзажи за окном. Внезапно туман рассеивается, и удастся рассмотреть города, где бывал ранее. Москва, Лондон, Париж, Мадрид, Стамбул, Прага. Они со своими незабываемыми архитектурными чудесами проносятся за окном. А я снова погружаюсь в их таинственную ат-

мосферу. Каждый город пахнет и чувствуется по-своему. У каждого свои загадки и потаенные уголки.

— Билетик, пожалуйста!

Оборачиваюсь на голос и вижу филина в форме проводника. Фуражка сидит у него на голове криво из-за перьевых ушей. Он несколько раз моргает. Улыбаюсь ему.

— Вот он.

Из кармана достаю дохлую мышку. Проводник берет ее аккуратно с моей руки и заглатывает, задрав голову вверх и широко раскрыв клюв. Фуражка падает на пол.

— Благодарю, — раздается невнятное уханье филина. — Вам выходить на следующей станции.

Киваю ему, закидывая вторую мышку себе в рот. Поезд замедляет ход, и я направляюсь вдоль вагона к выходу. Других пассажиров нет, похоже, кроме меня на этом поезде никто не едет. Лишь выйдя на перрон понимаю, что забыл багаж. Поворачиваюсь к поезду, но тот уже отъехал от станции, быстро превращаясь в маленькую черную точку.

Лежу в крошечной темноте, связанный. Откуда-то издали доносится скрежет металла. Что-то огромное движется ко мне. Медленно. Едва находя путь во мраке. Мой рот чем-то заткнут, и я могу только мычать, извиваясь в крепких путах. Неясный свет освещает все вокруг. Меня на медицинской кушетке удерживают эластичные ленты. Рядом стоит капельница, наполненная какой-то вязкой кипящей жидкостью.

Страшная тень все ближе. Все громче скрежет. Отчаянно пытаюсь вырваться. Темный металлический корпус древнего локомотива надвигается на меня. Гротескные глаза горят жаждой убийства. Скрипят под неподъемной тяжестью ржавые старые рельсы. Зловещий дым из его трубы наполняет комнату. Задыхаясь от копоти, вижу, что массивный путеочиститель паровоза укрыт синей медицинской маской.

Мою кушетку освещал искусственный свет. Рядом стояла капельница. Что со мной случилось? Меня забрали из парка на скорой, а потом я опять провалился в сон. Осмотрел чистый потолок. Видимо, привезли в больницу. Вспомнив кошмар, быстро осмотрел себя. Никаких эластичных лент. Невольно вырвался вздох облегчения.

Что мне делать? На миг задумался. Может быть попробовать вернуться в магазин? Поговорить с хозяином антикварного об этой книге? Да, было бы неплохо. Мой взгляд упал на окно, за которым солнце начало клониться к горизонту. Какая-то мысль проснулась в сознании. Я вспомнил прочитанные в книге слова: «не жди до заката».

Резко вскочил, вытащил катетер капельницы и устремился к выходу из палаты. Пара соседей проводили меня взглядами, но, к счастью, рядом не было ни врачей, ни медсестер. С облегчением понял, что меня не стали переодевать, только закатали рукав моей желтой рубашки.

Раздается чудесная музыка. Будто хорал ангелов, играющих на волынках. Воодушевленный, уверенно шагаю по коридору. Все вокруг удивленно на меня смотрят, но потом тоже слышат музыку и присоединяются, начиная танцевать. Я и сам не могу удержаться — делаю несколько пируэтов. Каждый мой спутник танцует в своем стиле и темпе, порождая удивительную мешанину хаотичного движения.

Подхваченные музыкой, увлеченные ей, мы бурным потоком покидаем больницу, устремившись навстречу яркому солнечному свету. После тесных коридоров открытое пространство ошеломляет, заставляя танцоров двигаться еще быстрее, яростнее. Мы рассыпаемся по лужайке перед больницей, продолжая танцевать и петь. Перед нами останавливаются несколько машин скорой помощи и пара таксистов.

Не прошло и пары мгновений, как водители и бригады врачей присоединяются к нам в этом удивительном танце. Влекомые одной музыкой, мы начинаем двигаться все вместе, как единое существо. Это прекрасно! Но, при виде такси, что-то начало меня смущать. Я должен быть где-то еще?

Подойдя к одному таксисту, беру его за руку и сажусь в машину с черными шашечками.

Снова оказываюсь в больнице. Коридоры наполнены тревожным тусклым светом. Из-за дверей раздаются жуткие крики. Мимо бежит врач в белом халате с кровавыми разводами. В его руках бензопила, и он кричит: «Срочно в операционную!» Я сторонюсь, пропуская его. Мне нужно не в операционную. Мне нужен морг.

Что-то настойчиво просыпается внутри. Тут все неправильно. Надо найти правильный цвет.

Меня хватают за локоть и бросают на пол. Оборачиваюсь и вижу медсестру с тремя скальпелями в руке. Ее лицо скрыто маской арлекина. Одна половина улыбается. Вторая плачет. Вот только по маске текут не слезы. Закрываю глаза и представляю себе синий цвет.

Пыль неторопливо танцевала в столбике света. Салон старой шестерки даже пах уютно. Я откинулся на спинку сидения, стараясь забыть кошмар. Водитель обеспокоенно поглядывал на меня через зеркало заднего вида. Устало ему улыбнулся.

— Где высадить? — буркнул он грубо.

Я посмотрел в окно. Вот же антикварный магазин! Солнце еще не село, но закат совсем скоро.

— Здесь!

Сунул ему деньги и рванулся к дверям магазина. Над головой звякнули колокольчики. Помчался мимо полок, стараясь не смотреть на тускло-зеленое чучело крокодила.

Меня окружает болото. Туманная дымка делает тонкий серп луны едва заметным. Солнце уже село? Почему-то меня эта мысль пугает. Странно, я не боюсь темноты и ночи. Сверившись с положением месяца, иду строго на запад. Если поспешить, то можно догнать солнце.

Шагаю прямо по трясине, не боясь провалиться. Дрожащая луна отражается на ровной глади болотной воды. Странно, но в отражении луна не убывающая, а растущая. Значит нужно спешить! Перехожу на бег, преодолевая с каждым шагом огромные расстояния.

Солнце появляется неожиданно. Оно выпрыгивает из-за горизонта освещая унылый пейзаж топи. Приветствуя солнечный свет, лягушки дружно затягивают длинное ре. Пылающий диск на небесах взмахивает дирижерской палочкой, и ре сменяется на фа мажор.

Смеюсь и смотрю прямо в чистое синее небо.

Вскочив с пола, направился прямо к полкам с книгами. Было страшно смотреть по сторонам. Вдруг наткнулся еще на какой-то цвет.

Заветная книга нашлась на своем месте, и я стал остервенело листать страницы, пока не нашел сто первую. Знаки на ней оставались безжизненными и тусклыми. У меня вырвался тяжелый вздох, который вдохнул в страницу жизнь. Символы на ней стремительно становились зелеными, черными, желтыми, синими. Поспешно захлопнул книгу и поставил на место.

Мир наполнился цветами, которых я раньше не воспринимал. Коричневые и серые корешки книг. Бирюзовые и оранжевые ленточки орденов. Красноватые ножны антикварных сабель. На сей раз вздохнул облегченно.

— Не понравился сюжет?

Незаметно ко мне подошел хозяин магазина.

— Не вижу причин покупать эту книгу, — ответил я быстро.

Он усмехнулся, опираясь на свою трость.

— Понимаю. Она не для всех. Но теперь вы просто обязаны у меня что-нибудь купить.

Кивнул ему и решил просто выбрать какое-нибудь редкое издание любимой книги.

ДЕМОН

0.

Владимир шел по темному коридору НИИ. Он снова засиделся на работе. И единственным освещением теперь были полосы света от беспрестанно моргающих уличных фонарей. Владимир задумался об ужине. Одиноким, как и каждый его ужин на протяжении последних лет. Что может приготовить себе холостяк, который всю жизнь провел, выводя уравнения реакций и формулы веществ, большую часть которых не понимают даже его коллеги? Может быть что-то заказать в ближайшем ресторанчике? Но нет, он не может просто так тратить деньги...

Последние два года для него вообще были сущим кошмаром. Развод, съемное чужое жилье. Надя забрала дочку, место профессора он так и не получил. Просто еще один неудачник в таком большом мире.

Тени в углу шевельнулись. Ветер колышет ветки деревьев или снова мигает фонарь? Тени пляшут. Их много. Они живут сами по себе. Конечно же, это чушь. Тени это отражение жизни, сами по себе они не движутся. Одна тень отделилась от остальных и метнулась к нему. Шепоты, боль, короткий крик и тишина. Темно за окнами.

1.

Приятно просыпаться самому, не под вопли обезумевшего будильника, а от тихого шума за надежным пластиковым окном. Когда просыпаешься и видишь ползущий по подушке солнечный луч. Легко встать, зная, что ты можешь поспать еще полчаса или час. Виктор привык к этому счастливому чувству за последние годы свободной жизни. Работа по своему графику расслабляет. Поэтому, когда он проснулся, настроение его оставляло желать лучшего и голос, обращенный к трубке, был неласков.

— Кто?

— Виктор, нам надо встретиться. Как можно быстрее, обязательно сегодня, — голос был уверенный, хоть и тихий. Незнакомый и знакомый одновременно.

— Вовчик?

— ... Да. Когда мы сможем поговорить?

Виктор взглянул на будильник. Пять утра. Здорово. До того, как ему отправят новые задачи еще куча времени.

— Давай я к тебе заеду через полтора часа. С тебя кофе...

— В закускойной на Заводской, за углом от моего дома. Жду тебя через час, — прервал его жесткий властный голос.

— Хорошо. — Растеряно сказал Виктор в замолчавшую трубку.

Это было странно. Не то что ему позвонил Вовчик, давний друг по университету. Насколько Виктор знал, Вовчик больше ни с кем и не общался после развода с женой. Станным был его голос. Знакомый, но совсем другой. Этот властный уверенный тон... Уверенным Вовчик был только когда отвечал на экзамене. Властным никогда. Странно...

Через час и пятнадцать минут Виктор зашел в темноватый зал дешевой круглосуточной закусочной. Огляделся. Вовчик сидел за столиком в уголке, копаясь в новом смартфоне. Забавно, раньше у него были только кнопочные модели. Виктор неторопливо подошел.

— Ты опоздал. — Сказал Вовчик не отрываясь от телефона. — Я взял нам кофе. По еде, если хочешь, закажи потом сам. Давно такие телефоны продаются?

Вовчик наконец то поднял глаза от телефона, и Виктор едва не споткнулся. Взгляд был как чужой. Также как и голос. Столь властный взгляд Виктор видел только один раз, когда к ним на занятие военной кафедры зашел отставной генерал. Боевой.

— Давно. — Виктор сел и задумчиво посмотрел на друга. — Что у тебя такого случилось?

Тяжелый взгляд в ответ. Неподвижный. Даже без моргания. А потом взгляд сменился. Будто лед подтаял.

— Нужна небольшая помощь. — Вовчик на секунду глянул в телефон, потом снова на Виктора. Начал было говорить, но запнулся. На лице возникло более привычное, неуверенное выражение. Это немного успокоило Виктора.

— Слушай, если ты опять залез в долги покупая оборудование...

— Нет. — Жестко оборвал его Вовчик. — Деньги у меня есть, это не проблема. Но... Я не знаю где теперь можно отдохнуть. Чем вы вообще занимаетесь?

— Кто мы? — Приподнял брови Виктор.

— Люди... со свободным временем. И с деньгами.

Невольно Виктор расхохотался.

— Ох, Вовчик! Ну ты даешь! Решил развеяться? Да ты и в университете никуда не ходил!

Вовчик смотрел на друга со смесью возмущения и презрения. От этого тяжелого взгляда смех сразу угас. А потом Вовчик спокойно и веско сказал:

— Называя меня Владимиром, пожалуйста. Я бы хотел, чтобы с этого момента ко мне относились с большим уважением. И да, я бы хотел отдохнуть.

Виктор сидел как громом пораженный, глядя на давнего приятеля. Такого он от Вовчика... Владимира не ожидал. Тот всегда был робким и быстро терялся. Привлекать к себе внимание для него было несвойственно.

— Ну хорошо. И какой профиль развлечений тебя интересует? Не красные фонари же?

— Нет, в Амстердам ехать сейчас накладно, — с серьезным лицом, будто не поняв шутки, ответил Владимир. — Давай пока остановимся на отдыхе обычном. Театры, оперы, рестораны? И еще. Может быть есть заведение, где можно потренироваться и повисить свои... боевые навыки?

Виктор почувствовал, как у него невольно открывается рот. Это было настолько непохоже на Владимира, что в пору было предположить какой-то розыгрыш. Вот только мысль, что Владимир может его так разыграть была еще более странной.

— Хм... Я больше не по театрам тусуюсь. Ночные клубы, кино, боулинг. Я тебе посоветую пару мест, если хочешь... Или могу сводить.

— Информации будет достаточно. — Сухо заметил Владимир. — С этим я сам найду дорогу.

Он показал на телефон в своей руке.

— Ну да. Хорошо. Сразу тогда ссылки скину. А по поводу тренажерки... — Виктор увидел непонимающий взгляд приятеля. — Ну, для тренировок. Могу также посоветовать фитнес клуб, куда сам хожу. Абонемент там стоит прилично, но пробные два занятия бесплатные. Можешь осмотреться. А что это ты вздумал заниматься?

— Для здоровья. — Он слегка улыбнулся и снова посмотрел на телефон. — Хорошо. Спасибо. Жду от тебя информацию.

И не прощаясь Владимир вышел из закуской. Странно это все. Виктор невольно присвистнул. Отпил глоток кофе и передумал делать заказ. Атмосфера в заведении постепенно стала накаляться. Все началось с парочки, которая неожиданно стала выяснять отношения. Виктор бы не обратил на это внимание, если бы не слышал их восторженное щебетание у себя за спиной пока говорил с Владимиром. Теперь же парень голосил не хуже базарной бабки.

— Опять? Да тебе только подарки и нужны! Я и так тебе купил и телефон, и духи, и ту ерунду, не помню, как называется!

— А на что ты еще годишься?! В постели хуже, чем самой, еще и душнила страшный!

Виктор невесело улыбнулся. Ну, дело молодое. То милуются, то бранятся. Вот только почти сразу после этого начался мордобой у стойки закрытого с утра бара. Видимо, хорошо подвыпивший вчера посетитель зашел «поправить здоровье», но с утра ему, разумеется, никто не предложил спиртного. А вот зачем он ударил сначала официантку, а потом сцепился с прибежавшим с кухни поваром, уже загадка его затуманенного разума. От греха подальше Виктор ушел, не став допивать довольно посредственное кофе.

А едва за ним закрылась дверь закуской, девушка вцепилась накладными ногтями своему уже бывшему парню в лицо, стараясь выцарапать глаза.

2.

Серый стоял, прислонившись к стене, и в пол уха слушал вялую перебранку остальных. Они часто вечерами зависали в этом переулке, что соединял две более-менее оживленных улицы, но был при этом достаточно длинным и темным, чтобы все происходящее здесь осталось тайной для случайных прохожих. Хорошее место, когда рядом не стоит ППС-ных тачек. Каждый вечер или пару лохов причешут или прижмут симпатичную девочку. Только пощупать, они же ведь не звери!

Очередной клиент показался вдалеке и Серый негромко свистнул. Остальные разговор не прервали, даже стали вести себя развязнее, но нет-нет да поглядывали на бредущего к ним мужика. Невысокий и хлипкий, с приличным пузом, с ним явно можно было позабавиться задирая, даже если мобила у него отстойная. Когда мужик поравнялся с Серым тот отлип от стены:

— Дядь, закурить не будет? — Сзади послышался хриплый смех дружкабанов.

— Ты бы еще спросил, как в библиотеку пройти!

А вот мужик застыл. Не впервой. Придется пошевелить его. Серый уже было занес руку чтобы приобнять жертву, но замер. Глаза того не выражали ни капли испуга. Уверенность и даже какая-то насмешка плескались в этих серых спокойных глазах. И почему-то Сергею стало не то чтобы страшно, но как-то тошно. Будто он смотрит на землю с большой-большой высоты или перед ним кусок тухлого мяса, изъеденный червями. Рука его опустилась.

— Какое милое общество. Но привычки пагубны, скажу я вам, — с улыбкой произнес мужик. — Дешевый плохой алкоголь и табак вряд ли подходят молодым людям вашего потенциала.

— Чё? — Пара корешей Серого поднялась с корточек и надвинулась на странного мужика.

Сергею захотелось заорать, чтобы они бежали, но он промолчал.

— Вот. Вы уже плохо слышите. Но это поправимо. Вздохните полной грудью, молодые люди!

И мужик дыхнул на них, как алкоголик дышит перегаром в трубку патрульного. Сергей не выдержал и побежал со всех ног в ту сторону, откуда пришел этот страшный мужик.

Дмитрия вызвали прямо с утра, толком не объяснив, что стряслось. Впрочем, отслужив участковым в спальном районе уже восемь лет, он привык. А вот увидеть на месте темного переулка двойной кордон и заместителя начальника следственного комитета он не был готов. Тот хмурился и курил.

— Крязин? — спросил он.

Дмитрий кивнул. Неужто кого из пацанов с его района поймали на чем-то серьезном? Блин, скорее всего сбыт наркотиков. Он вздохнул.

— Волков Сергей твой? — Дмитрий вновь лишь кивнул, недоумевающая. Сергей был из приличной семьи, но недавно сошелся с местной шпаной. Вот только серьезного ничего за ними не водилось. На учете все стояли, не без этого, но без уголовки.

— Что они натворили? — спросил наконец Дмитрий.

Замначальника помолчал немного, потом тихо сказал, почти прошептал:

— Сами не знаем... — Он опять затянулся, обжег пальцы и, ругнувшись, пошел вглубь переулка. Дмитрий, едва успев нырнуть под ленту, поспешил за ним.

— С утра Волков позвонил нам и в скорую. Те приехали первые, осмотрелись и укатили. Живых уже не было.

Под эти слова Дмитрий почувствовал запах. А затем увидел всю картину побоища. Дмитрий успел увидеть две проломленные головы, прежде чем отвернуться. К горлу подкатывала волнами тошнота.

Замначальника жестко усмехнулся.

— Эк тебя. Видно сразу — зеленый ты, разборка настоящих не стал. Там и похлеще было. Но лет пять уже я такого не видел. А знаешь, что самое интересное?

Дмитрий слабо покачал головой, стараясь взять себя в руки.

— Судя по тому, что говорят предварительно наши эксперты, они друг друга сами так отделали. Семь человек. Две биты, один кусок арматуры и два охотничьих ножа. Не хило так, да?

— Они не могли... — слабо ответил Дмитрий.

— Ну да, сложно представить. Однако и не такое бывает... Вот помню, лет двадцать пять назад, когда я только стажером поступил...

— Да нет. Они были очень дружны. Я же с ними много раз говорил. Друг друга ни разу не сдали. Потому отвечали всегда все ввосемьмером... Да, Слава с Гошей были вообще близнецами!

— Ты про вон тех? — Замначальника махнул рукой себе за спину. Туда, где было четыре трупа из семи. Два брата были тоже там. Гоша, сжимал в руке нож, воткнутый в живот близнеца, прямо под солнечным сплетением. А рука Славы судорожно сжимала горло Гоши. Лицо последнего синее с высунутым языком было страшно искажено.

— Не мог же он его так задушить... — невольно произнес Дмитрий.

— А он и не задушил. Сломал гортань и трахею. Так что брат его тут задышался минут пять минимум.

Взгляд Дмитрий упал на лежащий рядом труп Жени, который можно было опознать в основном по нелепой прическе. Больше в их районе так никто не стригся. Все его лицо состояло из кровоподтеков, висок был и вовсе раздроблен, так что кожа порвалась и осколки кости впились глубоко внутрь мозга.

— А это как вообще?

— Голыми руками проломили, судя по всему. Скорее всего вон тот бугай. — Замначальника махнул на Сашу, лежащего чуть дальше. Мальчика можно было узнать лишь по габаритам — он был почти на голову выше остальных — так как его лицо было полностью разбито арматурой и представляло собой просто кровавую кашу. Хуже, чем у Жени.

Дмитрия снова замутило, и он поспешно отвернулся. Не готов он был столкнуться с таким! Особенно, что всех ребят хорошо знал.

— Иди-ка ты лучше со свидетелем поговори. — Участливо хлопнул его по плечу замначальника.

— Каким свидетелем? — опешил Дмитрий.

— Сергеем Волковым. Он вчера вечером был тут с остальными, но потом сбежал. Клянется, что виноват какой-то странный мужик. Вот только описание дать не может.

Дмитрий с трудом соображая пошел дальше по переулку. Сергей сидел в стороне, обхватив голову руками и покачиваясь. Мальчик то и дело всхлипывал...

— Сергей... — начал Дмитрий, и понял, что не знает, что сказать.

— Дядя Дима? — Пацан не называл его так уже года два, как сошелся с остальными. — Вы тут? Вы мне верите?

— Верю. — К Дмитрию возвращалось самообладание. Чтобы тут не происходило — это его подопечный. — Расскажи мне о том, кого ты видел.

— Не могу! — Мальчик всхлипнул и вновь спрятал лицо. — Я не помню ничего о нем. Даже как был одет. Подумал только, что он типичный лох...

— Ну хоть что-то ты помнишь? — Дмитрий опустился рядом с Сергеем. Тот поднял глаза на участкового.

— Он был очень страшный!

3.

Зайдя с улицы в полутемный холл НИИ, Виктор снял солнцезащитные очки. Давненько он тут не был. НИИ находился на территории университета, где они учились с Владимиром, хотя принадлежал ведомственно РАН. Студенты тут обычно проходили производственную практику после четвертого курса, но Виктора химические исследования не привлекли, а Владимир всерьез увлекся и защитил сначала кандидатскую, а потом и докторскую.

Виктор немного помялся у входа, пытаясь вспомнить процедуру допуска на территорию, потом плюнул на это дело. Он прошел к скаучо-целму у электронного турникета вахтеру.

— Я к Владимиру Колыванову.

— К Вовчику? — уточнил вахтер. Виктор кивнул.

— На четвертом этаже лаборатория, знаешь где?

Виктор опять кивнул и прошел дальше, хмыкнув. Во время их учебы все было построже. Ну или вахтеры гоняют только студентов. Сперва он в запутанном здании НИИ немного заблудился, но потом нашел дорогу. Красивая новая табличка у металлической двери, что была распахнута, гласила «Лаборатория синтеза наноструктурных компонентов». Чуть ниже висела еще одна табличка: «Приоритетный проект...». Завершение текста было закрыто стулом, который не давал двери захлопнуться. Таблички были новые и красивые, в отличие от облупленной краски на стенах в коридоре.

Виктор зашел внутрь. Все столы с компьютерами, кроме самого дальнего, были свободны. За последнем столом сидел невысокий мужик с вислоусыми, лет на пять постарше Виктора.

— Не подскажите, Владимир сегодня не появлялся?

Мужик посмотрел на него уныло.

— Не появлялся. Уже неделю почти как не появлялся. — Он пожевал губами. — А ты кто? Лицо знакомое, вроде...

Виктор постарался улыбнуться максимально располагающе.

— Вряд ли. Я тут лет пятнадцать не был. С Вовчиком вместе учились. Вот думал проведать его.

— А-а-а... — протянул мужик. — Уволился он недавно.

— Как уволился?

— Тут такое дело... Мы грант вместе тянули, но он еще что-то все время изучал тут. Свое. Вроде как, с разрешения заведующей лаборатории... Вот и доизучался...

— В смысле доизучался?

— Нашел со своим проектом место получше. В какой-то крупной корпорации...

Виктор присвистнул.

— Что же там за проект такой? — искренне удивился он. Вот уж не предполагал, что у Владимира есть предпринимательская жилка.

— Проект могу показать даже. Он до сих пор работает. — Мужик непонятно чуму усмехнулся и поднялся, надел сам защитные очки и махнул Виктору. — Маску и халат напяль.

Тот молча накинул халат и взял очки, но надевать не стал. Прошел следом через двойную железную дверь в просторную комнату. Каждый стол здесь был оборудован фартуком и вытяжкой. Несколько железных дверей с электронными замками вели еще дальше в глубь лаборатории, где размещалось серьезное оборудование. А на одном из столов в комнате стояла обычная спиртовая горелка с небольшим пламенем у фитилька.

— Эм... И что?

— Если ты с Вовчиком был на одном курсе, то поймешь. Сколько такая горелка будет гореть, если не тушить?

Виктор прикинул объем емкости. Миллилитров на сто пятьдесят.

— Ну, час где-то... Может чуть больше...

— Молодец, что-то помнишь. — Мужик хитро ему улыбнулся. — А эта горит, не переставая, уже вторую неделю. Фитиль уже почти прогорел, а спирта почти столько же.

У Виктора отвисла челюсть.

— Как, блин?!

— У друга своего спроси при встрече. Наши шепчутся, что и с бензином, и с мазутом штука, которую он придумал, тоже работает. — Му-

жик поморщил нос, отчего его усы пришли в движение. Он добавил с завистью. — Сам понимаешь, сколько такая разработка будет стоить...

Виктор кивнул, больше своим мыслям. Теперь понятно откуда у Владимира появились деньги. Может даже и желание их немного промотать, если он годами тут горбатился над таким проектом, поставив на него все. Но остальных странностей это совсем не объясняло. Отчасти, уходя из НИИ, Виктор пребывал в еще в большей растерянности, чем был по пути сюда.

4.

Пока клиенты немного разошлись, Дима глотнул энергетика, который прятал под стойкой. Странный клиент, который пил тут уже почти полтора часа снова помаhal рукой.

— Интересное название — Май Тай. Что там?

— Ром с ликером драй оранж, сахарный и миндальный сироп.

— Ром — это хорошо. Сделай два.

Дима едва заметно покачал головой и принялся смешивать коктейли. Странный тип пил как не в себя, но не пьянел. Причем сразу положил на стол шесть пятидесятирублевых купюр, попросив просто лить, пока льется. Деньги у мужика явно водились. Местные хищницы уже не раз пытались его развести, видя сколько он в себя вливает алкоголя. Вот только мужик всех вежливо спроваживал. Хотя девочки на него прямо тут чуть не запрыгивали. Такую реакцию от местных тигриц Дима видел в первый раз.

Пил этот мужик все подряд. Почему-то Диму не покидало ощущение, что тот пришел просто попробовать побольше всякой выпивки. От процесса он явно получал массу удовольствия. Порой закрывал глаза и что-то тихо мурлыкал под нос. Причем больше всего его заинтересовали не шоты с чистым алкоголем, а именно коктейли. Будто никогда их и не видел. Реально мутный тип!

Когда второй рокс мужика показывал дно к нему подседа Машенька. Она тут появилась недавно, но от этого голубоглазого совершенства было сложно отвести глаза. Особенно, что одевалась она не так дерзко, как другие девочки на охоте. Платья всегда максимально закрытые, неярких цветов, но хорошего фасона и столь облегчающие, что фигуру демонстрировали прекрасно. Дима и сам на нее заглядывался, но понимал — такая птичка не по карману студенту, подрабатывающему барменом.

Машенька уже было наклонилась к мужику, как вдруг отпрянула от него. Встала и собиралась уйти, но тот остановил ее:

— Постой, красавица. Просто посиди со мной рядом пять минуток. — Машенька дернулась, напряглась и покачала головой. Но тот добавил. — Десять тысяч за пару минут.

Глаза девушки стали какими-то обреченными, но она кивнула.

— *Il est rare de trouver la perfection dans ce monde*, — прошептал мужик себе под нос. — Налей ей что-нибудь, парнишка. А мне солодового дымного не менее двенадцати лет выдержки.

Дима припомнил, что Машенька чаще всего у него заказывала Голубую лагуну и стал смешивать коктейль.

— *La perfection est trompeuse*, — прошептала неожиданно девушка.

Мужик посмотрел на нее с удивлением и восхищением. Даже задержал дыхание будто. Потом отвернулся.

— Вы знаете язык Бальзака. *Magnifique...* Вы стоите дороже этого места.

Машенька опустила глаза и покраснела. Посмотрела на коктейль перед ней и покачала головой. Она была в этот момент так прекрасна, что Дима отвлекся и налил почти полный хайбол виски для мутного типа. Впрочем, все равно тот заплатил наперед достаточно.

Мужик взял стакан и вдохнул едкий торфяной аромат, прикрыв серые глаза. Выдохнул. В этот миг Машенька сорвалась с места. Мужик лишь проводил ее глазами с грустной улыбкой. Выпил немного виски и отставил стакан в сторону. Протянул Диме еще четыре пятитысячных купюры.

— Одну тебе, три передай девушке. Она заработала. А я пока пойду, посмотрю, как вы теперь танцуете.

Он усмехнулся и направился прочь от бара. Сначала Дима потерял его из вида, но потом заметил, что происходит что-то странное. Он посмотрел на танцпол, где было все жарче. Некоторые танцующие сливались в страстных поцелуях. Некоторые пошли дальше и уже начали раздеваться. Такого тут еще не было. Тихие стоны, негромкий многоголосый шепот. И все это в ритм музыке. Быстрее, жестче. Тени метались по стенам и по полу, лишь на миг исчезая во вспышках стробоскопа.

Дима поискал глазами странного мужика, и почти сразу нашел его у пульта, прислонившимся к ограждению и наблюдающим за первобытной пляской теней, которая становилась все более дикой. В неверном свете и мерцании стробоскопов его глаза казались металлическими, будто залиты ртутью. Клиентов у бара не осталось, и Дима решил подойти к танцполу поближе, чтобы посмотреть в чем же дело. Такого он не видел никогда раньше! Почти половина танцпола уже превратилась в оргию.

Скорее испуганный этим он отошел к бару, а затем, когда клуб спешно закрыли, решил поискать Машеньку. Даже если она его отошьет, попытаться стоит!

5.

На площадке возле дома, в котором он вырос, Виктор не был еще дольше, чем в стенах альма-матер. Раньше они жили с Владимиром в домах, стоящих напротив друг друга. Поэтому и подружились в университете, вместе ездили на занятия. Иначе вряд ли бы начали общаться, уж очень непохожие у них характеры.

Родители Виктора переехали, когда он был на третьем курсе. И с тех пор повода сюда заехать не было. А вот Вовчик остался жить здесь, сначала вместе с родителями, потом к ним присоединилась Надя, которую Виктор видел пару раз. Теперь родители Владимира вроде бы переехали куда-то в область, где потише. Свою квартиру после развода Вовчик оставил жене, а сам снимал какую-то унылую однушку в полуаварийной хрущевке недалеко от своего любимого НИИ.

Виктор почесал бровь и набрал номер квартиры на домофоне. Раздался протяжный визг, за которым последовала тишина... Он постоял еще с полминуты, потом дернул дверь. Та и не думала сопротивляться. В нос пахнуло кошачьей мочой. Поморщившись, он поднялся на третий этаж и позвонил в дверь слева.

— Кто? — раздался испуганный голос.

— Это Виктор. Привет, Надя. Я... приятель Вовчика, если помнишь...

Она приоткрыла дверь и выглянула в щелку. Потом открыла ее совсем.

— Мы... развелись. Не знаю, может он тебе не сообщал...

— Он рассказывал. И как раз про него я хотел с тобой немного поговорить, если ты не против. — Он пожал плечами и улыбнулся. — Может, пригласишь выпить чаю?

— Да. Хорошо, заходи.

Она посторонилась и он, разувшись, зашел в полутемную прихожку, где сразу свернул налево к кухне. У его родителей была идентичная планировка.

— А дочка где? — спросил Виктор зашедшую следом жену Вовчика. — Я ее только на фотографиях видел.

— Марина в садике. — Надя была явно чем-то сильно взволнована. Она махнула ему в сторону стола с парой старых деревянных стульев. А сама поставила на плиту чайник, но не зажгла огонь. Выжидающе смотрела на Виктора.

— Ты последнее время с Вовчиком не общалась? — спросил он.

— Во что он ввязался? — едва не перебив его, спросила Надя. Виктор промолчал, и она продолжила. — Недавно пришел платеж алиментов. Откуда там два миллиона?! Что он натворил? Подарки еще эти. Игрушки дорогие для Марины, айфон мне, цветы два раза приносили. Что это?!

Она уже кричала. Виктор встал и аккуратно обнял ее за плечи. Надя вся дрожала.

— Послушай. Я не знаю деталей, но, кажется, Владимир что-то придумал. Какую-то чудо-юдо разработку. И его взяли работать в крупную компанию. Я узнавал недавно у него на работе. Ничего незаконного.

— Правда? — Надя немного успокоилась и отстранилась. Но в глазах еще стояли слезы и был заметен легкий испуг.

— А ты с ним сама не говорила?

— Нет... Звонила два раза. Сразу после перевода денег этих, и потом... Но он сбросил почему-то.

— Может занят... Обсуждает еще контракты на миллионы... — Виктор улыбнулся, стараясь придать немного шуточный тон сказанному. — Я с ним говорил чуть больше недели назад. Он немного изменился. Стал увереннее, немного даже жестче. Хотел записаться в тренажерный зал, куда я хожу, представляешь?

Надя невольно улыбнулась.

— Он мне сказал только, что уволился, но ничего не объяснил. Строгий такой, суровый. Купил и себе смартфон. В общем... Мне кажется, он действительно сделал какое-то важное открытие, и это придало ему уверенности в себе. Сама знаешь, он замечательный человек, просто слишком мягкий и робкий всегда был. — Надя кивнула, все еще улыбаясь. — Теперь он, кажется, решил сделать себя лучше.

Они помолчали. Потом Надя все-таки включила газ под чайником. Виктор пообщался с ней еще около часа, говоря обо все подряд, но больше всего вспоминая университет и Вовчика. И все больше Виктор понимал, что Надя все еще любит его и готова вернуться... Вот только. Он вспомнил холодный взгляд серых глаз Владимира, когда они прощались в закускойной. Это был другой человек. Не просто изменившийся — совсем другой. И что ему нужно тогда от Нади? Зачем эти подарки? Виктору стало неуютно и страшно, как никогда в жизни.

6.

Решив, не откладывать все в долгий ящик, Виктор сразу позвонил Владимиру. Тот быстро ответил и сказал подъезжать к модному ресто-

рану японской кухни. Едва добравшись туда, Виктор сказал, что его ждут, и улыбочивая официантка провела его в отдельную кабинку наверху заведения. Владимир сидел за большим столом, рассчитанным скорее всего на небольшой корпоратив, в окружении многообразия самых разных блюд. Стол был заставлен целиком. Видимо, он заказал все меню. Виктор невольно замер в дверях.

Владимир тем временем улыбнулся официантке и кивнул. Та церемониально поклонилась и вышла, прикрыв дверь кабинета. Владимир выдохнул, и Виктор понял, что тот не дышал все то время, пока официантка была внутри.

— Присаживайся. — Владимир показал рукой на стул с мягкой обивкой напротив себя. — Извини, но я уже попробовал все блюда со стола. Если не брезгуешь — угощайся. Если брезгуешь, но голоден, потерпи. Не хочу лишний раз погружать нашу милую официантку в мое дыхание. На нее оно плохо повлияет.

— А на меня? — невольно спросил Виктор, садясь на стул. Он заметил изменения во внешности Владимира. Внушительный животик исчез, плечи распрямились, стали выглядеть массивнее. Он был подтянут и строен. За неполные две недели таких изменений не бывает, даже если не вылезать из тренажерного зала целыми днями!

— На тебя мое дыхание почти не действует. — Владимир иронично улыбнулся. — Ты — редкая птица. Так что с тобой мы можем пообщаться спокойно. Итак... Ты хочешь знать, как я забрался в это тело, я думаю?

— Ты не отрицаешь этого? — встревожился Виктор.

— Конечно нет. Ты не идиот, и сам все уже понял. Иначе бы не вынуживал обо мне на бывшей работе и у бывшей жены этого создания. Так что я не намерен играть. Знаешь, так приятно после долгих-долгих лет просто поговорить с кем-то.

Виктор сглотнул ставшую вязкой слюну.

— Ты инопланетянин?

Владимир в ответ лишь рассмеялся.

— Нет. Я тот, кого ваши предки когда-то звали демонами. Но, прежде чем ты начнешь орать и делать глупости, позволь заметить — я не опасен для вас. Жаль, что мое дыхание порой дурно влияет на людей... Но ты ему успешно сопротивляешься.

— Значит, тебе нужна моя душа? — Тут он вспомнил про подарки Наде. — Или души Нади с ребенком?

— Чушь! — фыркнул Владимир. — Я даже не уверен, что она у вас есть. Все проще — я ищу тут развлечений.

— Развлечений? — тупо повторил за ним Виктор.

— Ну да. Потому я и спросил у тебя при первом знакомстве, где можно хорошо отдохнуть: потанцевать, выпить, покушать. — Владимир обвел рукой стол. — Некоторые мои собратья ищут более жестких развлечений, но это не по мне. Я, если такая аналогия уместна, демон чревоугодия.

— И чем ты пытаешь грешников?

— Ох, опять эта убогая концепция! Такое могли выдумать лишь вы люди. Нет, мой мир не похож на ваши представления об аде. Он просто совсем другой. Другое измерение или другая вселенная... Я не знаю, если честно. Разбираясь с записями нашего общего друга, — он приложил ладонь к груди, — я немного разобрался и в вашей науке. Чтобы понять, что выдумал этот негодник и как это лучше всего использовать. И был чрезвычайно впечатлен. Когда вы впервые начали заниматься исследованиями мира я и не предполагал каких успехов вы достигните. Какую власть получите в свои руки...

Он немного помолчал.

— Теперь, думаю, и сам на досуге заняться наукой в своем мире. Жажда знаний, она, в некотором роде, как жажда вина или вкусной пищи... Ее утоление тоже приносит удовольствие. — Он отправил в рот несколько закусок и прожевал блаженно улыбаясь. — Очень вкусно. В следующий раз непременно отправлюсь в Японию.

— В следующий раз? Это когда? И что будет с Вовчиком? Что с ним сейчас? — спохватился Виктор.

— Ох да, я отвлекся. Наш мир другой. Там нет материи, лишь свет и тени.

— Тени? Откуда там тени, если нет ничего материального? — Удивился Виктор.

— Тень — это лишь область, где света меньше, чем вокруг. И так вышло, что в нашем мире именно тени обрели разум. Так что я — лишь тень своего мира. Мы существуем там не пересекаясь друг с другом, обреченные просто существовать, гонимые нестерпимо ярким светом. Но по счастливой случайности, из нашего мира иногда можно попасть в ваш.

— Как? — Виктор нахмурился.

— Простой ритуал. В вашем мире нужно сжечь определенный рисунок. Легко, просто... но небезопасно. Для вас. Во-первых, некоторые мои собратья-тени любят проливать человеческую кровь. Пить ее, есть плоть и совершать прочие зверства... Фу... Есть сырое мясо, когда можно его так вкусно приготовить... — Он отправил в рот еще несколько

закусок. — Во-вторых, проблема всегда была в нашем дыхании... Раньше я думал, оно несет ауру нашего мира. Нас самих. Поэтому мы назвали его дыханием тьмы, а себя дышащими тьмой. Но теперь, я думаю, что мы выделяем какие-то феромоны и другие соединения, которые взбалтывают ваши примитивные чувства, вынося на поверхность то, что обычно вы держите глубоко внутри. Сдерживаемые мечты и фантазии. Усиливает их, делая изломанным гипертрофированным изображением ваших истинных скрытых чувств. А это редко бывает красивым...

Он помолчал, потом налили себе немного sake и выпил его. Вновь зажмурившись от удовольствия и причмокнув губами.

— Ваши кухня и алкоголь все лучше. Тому кто придумал все эти коктейли нужно построить памятник! Но я опять отвлекся. Так вот, в лучшем случае мы вызываем у людей подавленный страх. Бывает похоть. Но бывает... Бывает и злобу. И тогда лучше рядом не оказываться.

Он грустно улыбнулся.

— Правда, изредка находятся люди как ты. Которые не подавляют себя, живут свободно. Вам наше дыхание не страшно. Хочешь выпить?

Виктор покачал головой.

— А что сейчас с Вовчиком?

— О, он в моем теле. Вернее, в его отсутствии. — Демон хихикнул. — Призыв сюда действует обычно в течении двух недель по вашему времени. В нашем мире это чуть дольше... Года три по ощущениям, наверное. Так что твой друг сейчас просто тень и он просто существует.

Он развел руками.

— Это опасно?

— Отчасти. Некоторые из вас сходят там с ума. Но если он сохранит рассудок, то просто вернется обратно. Где его уже ждут деньги, почет, верная жена и дочь, обновленное тело...

— Кстати, как ты так быстро подкачался?

— Набрал форму? — переспросил демон. — Ну, я могу инстинктивно немного влиять на биохимию занимаемого организма, так что я кое-где ускорил метаболизм, кое-где замедлил. И вот. Всего три тренировки и готово!

Он встал, снял пиджак и покрутился перед Виктором.

— Я хоть и люблю есть и пить, но быть толстым и пьянеть не люблю. Вот и борюсь с этим, в меру моих демонических сил. — Он вновь хихикнул и еще что-то съел со стола.

У Виктора от всего этого кружилась голова.

— Но зачем?

— Я же сказал — развлекись...

— Нет, — прервал его Виктор, — зачем это было нужно Вовчику? Да и не мог он никаких ритуалов провести! Он в такое никогда бы не поверил...

— Это верно. Ты неплохо его знаешь и понимаешь. Он и не думал, что проводит ритуал. Когда-то способ призыва демонов в вашем мире был широко известен. И всегда находились люди, склонные к риску, готовые поставить все на один шанс. Ведь если твое тело займет кто-то типа меня, ты быстро получишь так много. Но, если не повезет, ты рас-терзаешь всех своих близких голыми руками и насладишься вкусом их кишок... Сожалею, в семье не без урода.

Он прожевал еще одну порцию еды, которой становилось на столе все меньше. И как в него столько влезает?!

— Вот только со временем люди перестали в нас верить. И ритуалы стали проводиться все реже. Подумать только, я не был у вас более двухсот лет. Ныне лишь безумцы верят в ритуалы, а с ними так много мороки, когда ты заселяешься! Пока убедишь всех, что ты нормальный, пока заработаешь денег на кутеж, две недели уже и вышли. — Он тяжело вздохнул. — Так вот... Твой друг сделал прорыв в науке, открыв врата в мой мир. Ты вроде учился с ним вместе?

Виктор кивнул.

— Хорошо. Тогда поймешь общий принцип. Владимир работал над катализатором для топлива. Признаться, идеи у него были бредовые, и точно не сработали бы если бы не одно но. Он создал из наночастиц точный узор, необходимый для ритуала и поджег его вместе со спиртом в горелке. И, о чудо! Оказывается, пока наши миры связаны, из нашего в ваш просачивается энергия. И именно она в первую очередь тратится на поддержание горения. А значит, почти любой объем вашего топлива будет поддерживать горение с этими частицами ровно две недели. Причем топливо почти не будет истрачено. Правда, в это время тут будет резвиться один из моих братьев. Теперь понимаешь, почему это так радует меня?

Он счастливо улыбнулся.

— Это будет конец света, — прошептал Виктор.

Лицо Владимира приняло печальный вид.

— Ты нас обижаешь. Люди для самих себя опаснее любых демонов. Я изучал вашу историю, кое-что даже наблюдал лично. Что же касается моих сородичей — большая часть похожа скорее на меня и больших безумств не любит. Остается, конечно, наше дыхание, но мы все будем стараться сдерживать его по мере сил. Зачем гадить там, где ты соби-

раешься отдыхать? Что же касается моих... хм, менее разумных сородичей... Думаю, формулу твоего друга можно доработать так, чтобы призывать только тех, кто нужен. Я немного поработал над этим в свободное от отдыха время, ведь мне почти не нужно спать. Черновики и наброски у Владимира и еще у пары видных ученых на его новом месте работы. Думаю, разберутся.

Виктор молчал. Он не знал, что и думать. Билась мысль — рассказать, предупредить. Но что рассказать? Кого предупредить?

— Как хорошо, что ты не бежишь с криками о помощи.

— Мне не поверят, — грустно сказал Виктор. — Никто.

— Да. И даже когда выяснят... Я изучил, как работает ваша экономика. Пока это выгодно — никто ничего не сделает. А это будет очень выгодно. Мы можем дать вам почти неограниченное количество энергии, а вы нам почти неограниченный доступ к своим развлечениям. Это будет заря нового времени, выход из энергетического кризиса. Может быть, однажды мы даже сможем жить у вас открыто. Построите нам специальные парки развлечений, и все будут счастливы. Тогда проблема с нашим дыханием тьмы решится сама собой.

Демон довольно улыбался, поглощая еду. А Виктор думал о том, что он прав. Такую возможность не упустят. Лишь одна мысль не давала ему покоя, пока он наблюдал за поглощающим еду демоном — каким будет это новое время? И кто больше выиграет от этой сделки с демонами?

Александр Ледацёв

г. Владимир

СЕНТЕНЦИЯ КАРЛА

— По абсенту? — мрачно спросил Карл.

Он перенес, снес и унес куда-то, когда-то, давно, тяжелейшее бремя. Все детство его дразнили и обвиняли в краже кораллов. Вы полагаете... нет, вы что, всерьез полагаете, что это может пройти даром? Это только звучит даром, а пройти — нипочем не пройдет, и тщетно уступать ему дорогу.

Слово "абсентик" как-то странно уживалось с его непреходящей мрачностью.

— Разумеется! — весело и беспечно провозгласил Измаил, бывший, кстати сказать, хозяином дома, где Карл предложил хозяину освежить мысли хозяйским же напитком. — По абсенту! По абсентищу! — И услужливо подвинул Карлу вазочку с засахаренными мексиканскими кактусами, откушав ломтик которых можно было слетать в Гималаи, не поднимая... да, так вот, не вынимая зада из кресла.

— Не терплю сахарок, — еще мрачнее сказал Карл, наливая себе в высокий бокал абсент — чистый и, как он и говорил, без сахара. — Сахар уничтожает половину оттенков любого верного воздействия на организм.

И молча съел маленькую шоколадку. Горький шоколад, вы уж не подумайте чего!

— Да, я помню, — опомнился Измаил и подвинул Карлу вазочку с мексиканскими грибами. Карл посмотрел на Измаила с благодарностью и быстро набил рот предложенным угощением. Затем так же быстро встал и вылил в себя, а иначе и не сказать, я пытался, но у меня не вышло, так вот, вылил в себя абсентище, закрыл глаза, словно вслушиваясь, не началось ли еще таинственной метаморфозы зеленой феи абсента, души поэта (Карл зачем-то, словно мало ему было травмы детства, купил на распродаже душу поэта, но таланта покупать не стал, и, скажу по секрету, правильно сделал) и мексиканских грибов.

Измаил был намного проще и в поведении, и в переживаниях. Душу он давно и по очень, я бы сказал, сходной цене, продал. Сказал бы, да не скажу. Не хочу. Так вот, с тех он пор он был бесконечно счастлив, весел, общителен и даже склонен к некоторой дозе гротеска во всем. Он выпил абсенту, прошедшего сложный путь сквозь сахарный песок кубинского происхождения и смешавшегося с водой. Не успев поставить порожний бокал на стол, он обратился ко все еще стоящему, как столб, Карлу: "А вы что же не пьете?" Карл не смог не признать всю справедливость обращенного к нему мягкого укора и тут же налил второй бокал абсента и вылил, на сей раз, как не в себя.

Затем в столовой некоторое время слышалось только: "А вы что же не пьете?" и бульканье. Потом был сделан перерыв, и друзья некоторое время молча жевали мексиканские грибы.

— На душе просто парение, у меня предчувствия, что сегодня что-то произойдет! — Восторженно сказал Измаил. Восторженность его была, пожалуй, единственным положительным моментом во всем том ша-

баше и хаосе, который следовал всегда за этой самой восторженностью.

— Надо бы привязаться к креслам, — еще более мрачно сказал Карл.

— Вы не поверите, — начал было Измаил, но Карл еще более мрачно молвил: "Поверю".

— Да? — обрадовался Измаил. — Так вот, я хотел предложить то же самое!

— И что же может нам с вами помешать? — еще более мрачно спросил Карл.

— А ничего! И никого! — уверенно крикнул Измаил, осмотревшись и поглядев даже под стол.

— Человек! — Крикнул он, щелкнув пальцами так, что вывихнул три из них. В дверях образовался, казалось, прямо из пола (на самом же деле, из потолка) трехметровый негр в лиловом тюрбане, желтой ливрее и красных штанах. На ногах у него были небольшие лыжи. Нет, ботинки у него тоже были, но он не искал легких путей и всей возможной обуви предпочитал лыжи. Без ботинок, если кто будет так настырен, что примется вас расспрашивать. Ничего не спрашивая, он молча вправил Измаилу пальцы. Тот даже не поморщился.

— А привяжи-ка, индус, нас к креслам, да попросторнее и поживее, — еще более мрачно сказал Карл, но Измаил знал, что Карл постоянно забывает — негр слушается только его, Измаила. Потому, дав Карлу чуть поостыть, сказал сам то же самое. Негр привязал их чудовищной толщины канатами к тяжелой викторианской мебели и вышел, как и не было его.

— Теперь мы в безопасности, — сказал Карл еще более мрачно. — Я ведь рассказывал вам, чем закончились наши изыскания в позапрошлый четверг?

— Я прекрасно помню, что нас отправили в участок и проявили к нам там участие, мой друг, — мягко сказал Измаил, — но вы, увы, мне этого еще не рассказывали.

— Ну, так слушайте, — сказал Карл еще более мрачно. Часа четыре он вел свое повествование, которое Измаил слушал с чрезмерным вниманием. И тот, и другой при этом задумчиво жевали гашиш и рассеянно курили чарс.

— Ужасная история! — искренне воскликнул Измаил, выждав ровно пятнадцать минут после того, как Карл, наконец-то, заткнулся. Он знал, что Карл имеет привычку помолчать после рассказа, а потом еще что-то сказать. Обычно молчал он минут тринадцать с половиной, но

Измаил решил подстраховаться. Но Карл, оказалось, изменил привычке, как вчера, после полудня, он дважды изменил Родине, в чем раскаивался. Он молвил, еще более мрачно: "И вот потому-то, друг мой, я и посоветовал нам. Вам. Нам. С вами. Нам с ними. Вами и с ним. Привязаться к мебели. Хороши бы мы были, если бы не вынесли урока из позапрошлого четверга!"

— Ах, как хороши! С лимончиком, чуточку масла, корицы и крупный клубень имбиря — что может быть лучше? — восторженно спросил Измаил.

— Ничего, — согласился Карл еще более мрачно.

Помолчали.

Карл равнодушно взял было с книжного шкафа книгу, но, поймав себя на этом самом равнодушии, аккуратнейшим образом вернул книгу на место. И всему этому, кстати, аккуратности и честности в общении с собой, нам следовало бы у него поучиться.

В дверь кто-то начал неистово стучать, а точнее, бить, судя по грохоту, бревном. Помимо тяжких, методичных ударов, медвежье рыканье обрушилось, казалось, со всех сторон на тихую и сонную улочку.

— Кто бы это мог быть? — Поинтересовался Измаил, достав четыре маленькие серебряные лопаточки и склянки с порошками кокаина и героина.

— Уверен, что это Исабель, — еще более мрачно отвечал Карл.

Снова помолчали.

В дверь били.

Стекла по улице дрожали от ужасного, низкого рева, настолько ужасного, что с трудом верилось, что его может издавать кто-то по имени Исабель. Каждый раз такая мысль приходила в головы всем, хотя все прекрасно знали ответ.

— Я знаю ответ, но мне все равно интересно, как такое имя досталось такому существу! — И Измаил не врал и не хотел сделать приятное другу, дав тому возможность сказать что-то информативное. Он и в самом деле хотел снова и с удовольствием, лишь слегка уступающим первому прослушиванию, услышать эту захватывающую историю.

— В мальчике с рождения, помимо бороды до колен и трубного голоса, было столько мужского начала, столько брутальности, что родители в панике, чтобы добиться хоть какого-то равновесия, назвали его Исабель. Им это показалось здоровой идеей. И ключнице их, представьте себе, тоже.

— Мудро, — легко согласился Измаил с родителями Исабель и невольно с ключницей, — а что, помогло?

— Ни черта оно им не помогло, — еще более мрачно отвечал Карл. Помолчали. В дверь продолжали долбиться, и можно было только вчуже позавидовать умению некоторых находить столяров и плотников.

— От таких ударов, — одобрительно заметил Измаил, — уже упали бы ворота Трои!

— Не сомневаюсь, — еще более мрачно сказал Карл и сунул в рот пригоршню разноцветных таблеток-спидов. Измаил последовал его примеру и скоро они начали так рваться из кресел, неважно куда, абы куда, абы зачем, что даже через муть абсентища, грибов, чарса, гашиша и спидов, Измаил не мог не изумиться предусмотрительности своего друга.

— А вот если бы мы были непривязаны? — С восхищением спросил он Карла, — представляете, чтобы началось? Да мы бы начали с того, что открыли бы Исабель! — Новый ужасный удар сотряс дом.

— Да, много было бы проблем, — еще более мрачно согласился Карл, — кстати, велите папуасу послать, наконец, Исабель в задницу.

— Эфиоп! — нежно крикнул Измаил, звоня в малахитовый колокольчик, в чем не было нужды дважды. Во-первых, его не было слышно, во-вторых, упомянутый эфиоп уже давно стоял у его кресла.

— А вот пошли-ка ты, голубчик, Исабель в задницу! — Крикнул Измаил и счастливо расхохотался. Карл стерпел. Помимо вечной мрачности, это человек обладал терпением дикаря, как выразился однажды об одном дикаре наш с вами Джек Лондон. Это писатель. И, чтобы повергнуть вас в окончательный шок, прибавлю. Он не английский, как можно было ожидать, писатель, а американский.

Вот так.

Эфиоп, поклонившись, необычайно проворно зашаркал лыжами к дверям. Друзья услышали, как тот молвил ужасным фальцетом: "Господин Исабель, мне велено послать вас в задницу!"

— Ну, и что ты тянешь, дурак?! — Страшный бас заставил подпрыгнуть фарфоровый сервиз в буфете. — Велено, так посылай, а то что я тут стою, как дурак?!

— Идите в задницу, господин Исабель, эсквайр и сэр, — все тем же ужасным фальцетом, но с большой чопорностью сказал эфиоп.

— Вот видишь, как все было просто, дурак? — вновь прогремел сварливый бас. — Нет, тебе надо было тут церемонии разводить! Все, я ушел. Пока!

— Всего доброго, сэр! — ужасным фальцетом и все так же чопорно проорал эфиоп.

Стало тихо.

— А я вот задумался, — начал было Измаил, но Карл воззрился на него в таком ужасе, что Измаил опомнился и уточнил: "Мелькнула тут мысль". Карл сразу успокоился и стал привычно еще более мрачен.

— Так вот, мелькнула мысль завести в доме канадского бобра, — поделился Измаил, — то-то радости будет детишкам!

— Каким детишкам? — спросил Карл еще более мрачно.

— Да без разницы, каким, — щедро, но с некоторой долей беспечности, махнул рукой Измаил, — ведь детишки вечно чему-то радуются, даже если знать не знают, что я заведу себе канадского бобра! Одно меня смущает — как бы бобер не начал грызть мои мебели! — Молвил он. Видимо, это и впрямь его тревожило, раз он позволил себе такое просторечие.

— А вы уравновесьте его ослом, что тут поделывать-то еще. Пусть себе борются, — сказал Карл еще более мрачно. Измаил согласно кивнул.

Помолчали.

— А позвольте, господин Карл, порадовать вас понюшками! — вспомнил Измаил свои хозяйские обязанности.

— Вполне, — немного невпопад отвечал Карл еще более мрачно.

— Вот! — Измаил протянул Карлу уж упоминавшиеся ложечки, — в левой кокаин, в правой героин! — Пояснил он. Но Карл отчего-то проявил крайнюю степень упрямства.

— А у вас что? — спросил он еще более мрачно.

— То же самое, — несколько опешил Измаил. Да, я забыл сказать, что его кресло было укреплено на широченной спине ломового битюга, который тоскливо жевал листья конопля, так что употребленный мною термин "опешил" взят мною вовсе не с потолка!

— Вот так и всегда, — сказал Карл еще более мрачно. — Нет уж. Мы пойдем другим путем, как говорил один русский по фамилии Крупский, когда его родного старшего братца за попытку царевубийства удавили, как кота.

— Но мы же привязаны, как же мы пойдем? — остолбенел Измаил.

— Смело, — сказал Карл еще более мрачно.

— Ну... Я могу, наверное, привязать ваше кресло посредством папуаса к моему коню, но, мне кажется, хотя, может так действует остывший чай с утра, что вы имели в виду нечто. Нечто другое.

— Именно, — подтвердил Карл еще более мрачно, — я выражался образно. Вы так и нюхайте, как держите ложечки, а я поменяю их местами.

— Блестяще! — с искренним восхищением воскликнул Измаил.

— Не спешите радоваться, мало ли, что может быть! — сказал Карл еще более мрачно, но от задачи, поставленной самому себе, не отступил. Послышались алчные вдохи.

Помолчали.

— Ну, как вам, мой друг? — спросил раздираемый любопытством Измаил, глаза которого уже смотрел в разные стороны, один восторженно, а второй решительно.

— Не пойму. Видимо, не уловил всей тонкости, — сказал Карл еще более мрачно, — и виноват в этом крыжовенный пирог, что мы с вами съели за обедом.

— Да, — печально согласился Измаил, — я всегда не доверял крыжовнику. Подумаешь, ведь ягодка совсем, а представьте себе, позволяет себе походить на целый арбуз, который, как мне известно, ягода! Ягода, ягодка. Да, тут добра не жди. Нет, не жду. — Измаил погрузился в пучины диалога с самим собой. Он спорил, ораторствовал, впадал в витийство, а порой в откровенное шутовство, он был многолик, не побоюсь этого слова. Причем тема обсуждения давно уже ушла от крыжовника.

— Я понял, что надо сделать, — внезапно перебил его Карл еще более мрачно, — надо повторить.

— Гениально! — вскричал Измаил.

Повторили.

— Нет, я понял только теперь, — сказал Карл еще более мрачно, — надо поменять ложечки местами и мне, и вам! И так будем менять до тех пор, пока не придем. К истине.

Долго слышалось в столовой тяжкое надрывное дыхание, чихание и кашель и, наконец, откинувшись в кресле, Карл еще более мрачно потребовал: "Опиума! Нельзя терять драгоценное время!"

— Нет, этот человек не перестанет меня удивлять, — сказал, покачивая уважительно головой, Измаил, протягивая, не глядя, в пустоту руку. В нее тут же была вложена эфиопом, одетым на сей раз в китайском стиле (правда, он перестарался с белилами) трубка, а Измаил передал трубку Карлу.

Тот глубоко затянулся трубкой, поднеся ее к лампе, поданной вездесущим папуасом и навзничь, вместе с креслом, рухнул на пол. Никого это ни нам миг не смутило.

— Да, — помолчав, сказал Измаил, — вот это отдача у этого опиума! Как из ружья!

— О какой вообще наркотической зависимости, о которой все уши нам прожужжал ваш приходящий доктор, может идти речь, если ты сам

твердо решаешь, когда и что принимать? Когда курить чарс, а когда опиум, когда нюхать героин, а когда кокаин, в котором часу жевать мескалиновые грибы и так далее? Какая зависимость, что за бред, если ты сам властно контролируешь все процессы?! Полноте вам, — еще более мрачно донеслось с пола, где лежал в кресле Карл.

— Шампанского, черт вас всех раздери! За такую сентенцию можно пить только шампанское! — Вскричал огненный от восторга Измаил.

Подали шампанское.

Помолчали. Стало тихо.

Все стихло.

Вообще.

КТО ПОЧЕМ

— Чего изволите, сэръ? — подскочил угодливый бармен к вновь вошедшему джентльмену.

— А что у вас есть? — громким, с легкой хрипотцой, хорошо поставленным, слышимым по всему залу абсолютно, голосом, осведомился вошедший.

— Сэръ! — пысокопарно, торжественно и даже с легким, на уровне допустимого, лукавством, отвечал тому бармен. — У нас есть решительно, все!

— Да-а?! — приятно поразился вошедший, и всё тем же, слышимым всем и каждому, голосом, потребовал: "Большой бокал "Acqua Tofana"¹, мой друг!" и прибавил, с тем выражением на лице, что читается лишь как: "А, черт! Один раз живем!", лихо подмигнув бармену: "И себе того же, милейший!" — и весь подался к стойке черного, мореного до неприличия дуба, всем телом своим и горящими глазами выразив восторг от ассортимента и недавшее его нетерпение.

Бармен слегка оторопел. Вышколен он был отменно, видал всякое, удивить его было непросто, а точнее, не удалось в свое время даже члену Британского парламента, что лихо исполнил "джигу", внезапно скинув брюки, но оставив, тем не менее, фрак.

Происходило дело в самом дорогом и фешенебельном ресторане этой великой планеты. Сказать, что среди присутствующих были лишь сливки общества, значило грубо оклеветать гостей. Там были не только

¹ Сильнейший яд, был крайне популярен в Неаполе и вообще в Италии.

те, кто является сливками, но даже и те, кто их сбивает до такого состояния. Да-да. Помимо правителей и властителей душ, были и те, кто этот карнавал абсурда и оплачивал. Сидели они, как правило, всегда порознь, очень скромно, незаметно, что было нетрудно в этом месте за счет гениального, не постесняюсь сказать, оформления помещения.

— Милейший! — все тем же голосом, в котором, однако, слышались уже нотки нетерпения, которым позавидовал бы и тот незадачливый король со своим: "Мне чуть было не пришлось дожидаться!", обратился к бармену новый гость. — Вы, кажется, заставляете себя ждать!

— Сэр, я просто боюсь, что ослышался, возможно, вы изволили сказать нечто другое? — с надеждой в голосе и с материнской тревогой на своем досиза выбритом лице молвил бармен.

— Что я изволю сказать, мой друг, вы узнаете чуть погодя, — посулил гость своим прекрасно слышимым голосом и трубно высморкался двумя пальцами в лайковых перчатках прямо на пол. Выудил другой рукой из кармана носовой платочек ("шелк, никак не менее пятисот долларов" — автоматически сработал в голове швейцара, стоявшего к действию спиной, кассовый аппарат) с вензелями, вытер нос, пальцы и сунул платочек в задний карман брюк, весьма лихо задрал для этого ногу, так высоко, что его подошва стала видна всем присутствующим, а брюки его, идеально сидящие и умопомрачительно пошитые, грозно затрещали, но не порвались.

— Так что с моим заказом, милейший? Мы с вами, наконец, сегодня утолим жажду, или так и будем стоять тут, как два розовых фламинго, разлученных забором бессердечного фермера в штате Айова?

— Сэр, я боюсь, что "Acqua Tofana" у нас, к сожалению, нет, — сокрушенно признал бармен, покраснев до корней своих подкрашенных (чтобы не беспокоить гостей призраком грядущей однажды старости) волос, бармен. На лице его виднелось одно желание, а если уж придираться, то два — умереть и провалиться под землю.

— Не щадите меня, милый мой, скажите правду, как тому священнику, у которого вы никогда не были — нет сегодня или... Или нет вообще? — спросил гость, выразив на своем лице настоящий шок.

— Вообще, сэр, — бармен явственно давал понять, что ждет лишь приказа метрдотеля, чтобы тут же, наконец, и претворить оба своих желания в жизнь. Гм, пардон. Неважный оборот вышел, памятуя, что желал он умереть и провалиться под землю.

На лице гостя отразились поочередно следующие чувства: удивление, недоверие из серии: "Да ну, быть такого не может, вы что-то спу-

тали!", горечь, разочарование и, наконец, сильнейшее отвращение по-
полам с брезгливостью. Это, кстати, разные вещи.

— М-де-еа... — протянул посетитель, — ну и омерзительная же за-
бегаловка. — Голос он понижать и не думал, а затем вдруг рывкнул на
отшатнувшегося бармена: "Фу! Дурак!" — и рукавом утер усы, а сал-
феткой с ближайшего столика — свою острую "эспаньолку".

Бармен чуть было не овладел собой — простите за двусмыслен-
ность предложения. Это всё оттого, что старался он изо всех сил, но
вышло плохо. Черт, у меня тоже вышло так себе, признаю. Я про фор-
мулировку.

Посетитель посмотрел на бармена уничижительно, и тот совсем
померк.

— В таком случае — чашку теплой "Coca-Cola" и головку худо очи-
щенного чеснока, горе-трактирщик! — смилостивился посетитель над
барменом.

Тот кинулся куда-то в сторону то ли холодильника, то ли ведущей в
заднюю комнату двери, во всяком случае, посетителя он больше не ин-
тересовал. Тот, как будто впервые заметив, что он тут не один, широко
раскинул руки, словно готовясь принять в объятия решительно всех
гостей, расплылся в широкой улыбке, словно бы не веря до конца сво-
ему внезапному счастью, и, усилив голос до пределов возможного, что
казалось уже даже и невозможным, восхищенно провозгласил: "Здрав-
ствуйте, здравствуйте же, черт побери, мои любезные содомиты!"

В зале, к слову сказать, не было ни одного джентльмена, рискнув-
шего показаться здесь без дамы.

Теперь настало время описать толком нашего гостя. Росту он был
чуть повыше среднего, в плечах широк, в поясе, увы, тоже, волосы но-
сил зачесанными назад, а там они были стянуты кокетливым бордовым
бантиком с заколкой в виде бриллиантового черепа, носил усы и бо-
родку разного цвета (да, вот так), глаза имел пронзительные, лихие,
выдававшие в нем с головой человека, которого нет-нет да и потянет
на какой-нибудь необузданный поступок — захват авиалайнера или же
попытку прорваться в дверь перед дамой. Бровей посетитель почти не
имел.

Одет он был в роскошный фрак, черного атласа жилет, белоснеж-
ную сорочку и умопомрачительный галстук, подходивший буквально к
каждому предмету его туалета — от серого фрака с брюками в тон и
бордового бантика, до белой сорочки и ослепительно-лиловых носок,
которые стали видны, когда гость разбирался со своим носовым плат-
ком. К слову, тот упал мимо кармана и на нем явственно были видны

вензеля королевы Испании пятнадцатого века. Так что да, покажем (мысленно!) швейцару язык — со стоимостью платка он явно дал маху, а точнее — недооценил вещицы.

Но мы отвлеклись.

Гости, как я уже обмолвился, тут собирались самые разные — от тех, кому докучает человечество, ожидая решения всех своих проблем, чудом вырвавшихся из кабинетов и до тех, кто никому не докучает, но человечество, в результате их тихой жизни, докучает со своими глупостями само себе. Были тут и те, кто мог бы уверенно сказать, что является отцом почти всех своих детей, а это, поверьте, не так уж мало. Скажу больше — среди остальных нашлись бы и те, кто стал это слушать, а вот это уже, доверюсь вам, вообще неслыханное дело!

— Гм, — гость задумался, заложив большие пальцы рук за проймы жилета, — видимо, я зря плачу такие деньги своему преподавателю по ораторскому искусству! Или, что еще более печально, не в коня корм! Иго-го! — и он вдруг пронзительно заржал, так что, тоненько охнув, прыгнули венского стекла бокалы, да и рюмки от Swarovski от них решили не отставать.

— Нет, в коня! В коня! — восхищенно удостоверился гость и кинулся, сметя по дороге два стула и стол, к паре, сидевшей слева от него. Там он мигом уселся на стол, обратив к мужчине зад, а даму же ловко схватил за обе руки, после чего шепотом, ударами томного прибора на берегу Рио-де-Жанейро, отдавшимся в ушах собравшихся, стал заклинать объект своей страсти, глядя на нее уже откровенно горячечным взором:

— Madame, бросьте к дьяволу своего старого хрыча... — Тут он, хитро вилнув задом, выразил полнейшее презрение к сидевшему в оценении кавалеру, который... был лет на пятнадцать моложе нашего героя. Или старше на пять... — Заклинаю вас, бросьте! На что он вам?! Разве сможет этот старый, алчный, желчный, страдающий колитом и, *pardonne moi*, запорами ветхий сундук спившегося бухгалтера доставить такой пышущей здоровой страстью и женской извечной тайной, повторю, сможет ли он, спросите меня, подарить вам незабываемую ночь, полную безумия и воплей соловья? Нет, не сможет. Уверю вас, не сможет, ни пса он не сможет! Да и я не смогу!

С этими словами он лихо подмигнул даме, анорексичке с выраженным малокровием, а затем залихватски развернулся на зад, скомкав хрустящую скатерть и ловко закинул ноги на плечи все еще моргавшему в недоумении, кавалеру, прижав того к стулу. Чуть откинулся назад, слегка, признаю, наигранным жестом художника, созерцающему свой

почти законченный шедевр и наложил последний мазок, звонко расцеловав того в обе щеки, а затем перепрыгнув через его голову, успевши шлепнуть перепрыгнутого звонко по макушке.

Приземлившись же, посетитель с невыносимой скоростью и изяществом, воскрешающими в памяти испанских танцоров бессмертного "Pasa Doble", поворотился вокруг себя, еще раз осмотрев гостей.

— Что сказать, — заключил он горько, — мало того, что ассортимент и сервис на уровне харчевни "У абортированной селедки", так еще и посетители — невежи. Все, как один. Я, кажется, ясно и громко поздоровался, не находите, что воспитанные люди обычно делают то же самое, ну, на самый худой конец, что-то невразумительно мычат себе под нос? Ну, вот хоть пусть уж, даже вы, — тут он величаво простер руку в сторону министра иностранных дел какой-то чопорной страны, — даже вы, вы, много бы вы потеряли, помычав мне в ответ? Нет, скажу я вам, и даже повторю — нет! Хорошо, я не могу заставить себя поверить в происходящий гротеск, а потому пробую снова. Здравствуйтесь, здравствуйтесь же, черт побери, любезные мои содомиты! — И выжидающе посмотрел на гостей.

— Дьявольщина! Сто тысяч извинений! — Вдруг спохватился он, — я, кажется, не представился, а ваш, дамы и господа, метрдотель, скажу вам — лодырь, напрасно жующий свой горький кусок хлеба! Рио де Сильвия де лас Лос Пальмас Хуанди-младший, к вашим услугам! — Тут он так горделиво откинул голову назад, что отлетела пуговица на воротнике сорочки, обнажив бычью шею и густо поросший черной шерстью, кадык.

В зале, как я уже устал вам повторять, сидели люди, которые действительно много весили. Да, и в обществе тоже. Поведение новоявленного ревнителя нравов, наконец, не то, чтобы кого-то сильно возмутило, но стало слегка более приметным, чем это допускается в приличном собрании. Гость же, утвердившись на середине зала, величественно воздел руки к хрустальной люстре и громовым раскатом вышиб из себя: "Ну?!"

Тут заметил он, что несутся к нему, ловко огибая столы и стулья, при этом умудряясь словно бы даже и не присутствовать здесь, двое мужчин в одинаковых костюмах, которые, тут не стоило бы собирать совет Сионских мудрецов, чтобы догадаться, содержались при этой "обжорке" в качестве охраны, а теперь, натурально, собирались вывести его вон.

Нимало не смутившись, Рио де Сильвия опрокинул незанятый столик и присел за ним, выхватив из-под фрака пистолет, инкрустирован-

ный перламутром, неприлично большими бриллиантами и белым золотом, а затем произвел в сторону набегавших мужчин, ровно два выстрела, никуда особенно-то и не попав, что вызывало легкое сомнение в его меткости. Да, уверяю вас, именно, что два, что бы ни писали там эти ваши чертовы утренние газеты.

Так вот, стрелял Рио де Сильвия де лас Лос Пальмас Хуанди-младший не ахти, горький долг правдивого повествователя вынуждает меня это признать. Первая пуля угодила в шпалер на противоположной стене, потревожив высокую прическу некой дамы, скромно вкушавшей седло барашка, а вторая же угодила в пол, рикошетировала от мраморной плитки и врезалась в потолок, расписанный великим Рафаэлем-младшим, что наводит на мысль о каком-то сходстве, а то и, чем черт не шутит, руке судьбы, выразившейся столь явственно в сходстве имени гостя и художника.

Дамы, сообразуясь с возрастом, статусом в обществе и силой желания продемонстрировать свой темперамент, ахнули, взвизгнули и частично лишись чувств. Я имею сказать, простите, — я хочу сказать, что кто-то взвизгнул, кто-то ахнул, а часть лишись чувств.

Не меня выражения лиц и не замедляясь, мужчины в одинаковых костюмах ловко развернулись на сто восемьдесят градусов и ретировались, то ли с целью позорно спастись от Рио де Сильвия, который, скорее всего, рано или поздно, а пристрелялся бы, то ли за подмогой.

Рио де Сильвия, ничуть не возгордившись победой, моментально спрятал пистолет, а затем, откинув фалды фрака, буквально впрыгнул в свободный стул, стоявший у столика, за которым сидела пожилая пара.

Тут-то и стало видно тем, кто сидел за спиной Рио де Сильвия, что зади, под фраком, нет на госте никакого жилета и сорочки, а простираются там, резинкой упираясь почти что в его могучие лопатки, простите, трусы, в крупный розовый и синий горох. Весть эта, моментально, при общем молчании, разнеслась по всему залу и посетители как-то скромно потупились.

— Что скажете насчет видов на озимые в Бурунди, сударь вы мой? — Обратился Рио де Сильвия к пожилому джентльмену, волей разошедшегося не на шутку, случая, случившимся с ним (да что такое, нет, сегодня не мой день!) за одним столом. При этом он взял со стола салфетку и томно ею обмахнулся.

— Боюсь, что ничего, сэр, — величественно ответил пожилой джентльмен с такой сложной фамилией, что коридорные вынуждены были носить с собой шпаргалки, дабы не обмишультиться.

— Да, — как-то метко, иначе не скажешь, прищурился Рио де Сильвия де лос Лас Пальмас Хуанди-младший, — с вами нелегко сговориться! А как много мой батюшка рассказывал мне о вас!

— Боюсь, сэр, что я не имел чести знать вашего батюшки, — отвечал на то ему духа не сронивший пожилой джентльмен.

— А кто сказал, что вы могли иметь честь его знать? — Искренне поразился Рио де Сильвия, — но это не помешало старику прожужжать мне о вас все уши. Остальное — не при дамах. Нет, нет. Не при дамах.

Он сокрушенно уронил голову, затем поднял руку и щелкнул пальцами. Стало еще тише, хотя и так слышался невнятный перестук часов в карманах джентльменов, стоимостью равных, пожалуй что, тем самым таинственным озимым и тому самому Бурунди, о которых допытывался Рио де Сильвия у почтенного старикана с немыслимой фамилией.

— Мне начать стрелять, или все же со мной поздороваются? — Если со стрельбой Рио де Сильвия перегнул, то с памятью, как оказалось, у него было все в порядке. Нет, он не забыл, как пытались оконфузить его здесь присутствующие.

Но джентльмены держались. Кто за чувство долга, кто за долг, кто за долги, кто за скатерть, кто за что. Один даже подержался было... Но получил пощечину.

— Вы в состоянии себе представить что-нибудь более ужасное, чем ситуация, когда человек, не стану скрывать, благородный, оказывается в обществе невоспитанного сброда? — Ломая руки, обратился он к сидевшей от него столика ровно за четыре даме лет ровно сорока одного. Как вы уже заметили, Рио де Сильвия де лос Лас Пальмас Хуанди-младший был неравнодушен, дьявол раздери эту шальную страсть, к дамам.

— Несчастный маленький афроафриканец, пьющий воду из лужи в Африке! — Твердо отвечала дама сорока одного года. И нашла, к чести собравшихся, полное понимание, и даже — поддержку.

— Вы, посмею заметить, как-то однобоко рассмотрели ситуация, Madame! — Воскликнул наш герой, — видимо, недавно пришли (он покосился на остатки десерта перед дамой сорока одного года, понял, что та пришла давно, но не признал этого, более того, слегка пожал левым плечом, словно бы сказав: "Ну, вы и жрать, однако!"), и не слышали начало вопроса! Нет, сложившаяся ситуация куда ужаснее любого вашего ночного кошмара, вроде того, что вы оказались на большом приеме у лорда-пэра в платье от прошлого сезона! А, не так?! — Крикнул он, уставив на даму указательный палец, обтянутый лайкой. Нервозно зачерпнул он этим пальцем черной зернистой икры из вазы

со льдом, облизал жадно и все выплюнул на пол, фыркая и тряся головой.

— Прошлого сезона? — оторопела дама.

— Да!

— Нет!

— Нет?

— Да!

— Да?

— Нет!

— Нет?

— Да!

— Вот! — Удовлетворенно откинулся на спинку стула Рио де Сильвия де лос Лас Пальмас Хуанди-младший. И вызывающе обвел взором, в котором сквозило что-то, если даже и не орлиное, то, как минимум, что-то от крупной пустельги, гостей. Те потупились. Крыть было нечем. Да и некого. (Да что ты будешь делать! Я просто скабрезен!)

— Здравствуйте, господин Рио де Сильвия де лос... Лас... Пальмас Хуанди-младший, — джентльмены тут, как мне уже осточертело вам толковать, были тертые, видали виды и вершили судьбы.

— Ага! — Победоносно вскричал беспокойный Рио де Сильвия, — вот вы и попались! То есть вы только что, публично, можно сказать, во всеуслышание ("Я слышал!" — Пискнул бармен, желая хоть как-то реабилитироваться) покаялись в том, что вы все сплошь суть содомиты. Какая мерзость. Да еще и чистой воды дурной вкус, даже не эклектика, а просто-таки, не побоюсь сказать, mauvais tone, да, именно, что он, дурной тон, зачем содомитам таскать с собой дам, когда сами они предрасположены к этой губительной страсти?!

Тут Рио де Сильвия вскочил со стула и простер руки в сторону двери.

— Прочь, прочь отсюда, сладострастные, похотливые, распущенные, растленные и необузданные рабы порока! — Неистово заорал он и гости волной кинулись наутек. Как ни парадоксально, дамы их кинулись им вослед. Рио де Сильвия же, войдя в некоторый непонятный раж, истошно вопиял: "Развратники! Циники!" и добавил, ни к селу, ни к городу: "Рукоблуды!"

Волна джентльменов, ошарашенных новым обвинением, замерла в дверях*.

— Но позвольте же, сэр! — В возмущении, опасном даже несколько, начали они было, но Рио де Сильвия де лос Лас Пальмас Хуанди-младший тут же крикнул: "Здравствуйте, здравствуйте же, черт побери,

любезные мои рукоблуды!" — и джентльмены, поняв, что страстный человек этот готов и на второй заход, не впутываясь в щекотливую полемику, в которой он, как они уже убедились, с легкостью брал над ними верх, оставили зал победителю. Последнего беглеца наш герой умело пнул в зад, выбив из кармана брюк того золотой портсигар, который тут же и открыл, выудил оттуда двухсотпятидесятидолларовую сигару и, чиркнув спичкой, возникшей словно из ниоткуда, о туго натянутую ткань своих чудных брюк, прикурил, с удовольствием пустив отменное кольцо дорогущего дыма. Видно было, что человек этот не снедаем страстью к деньгам, а при случае может и пустить их на ветер.

— Смелость города берет, — удовлетворенно молвил Рио де Сильвия де лос Лас Пальмас, глядя на пустой зал и упоенно покуривая, — люблю, знаете ли, так вот, по-простецки, пообедать в одиночестве. А всего-то и надо — немного честности, немного напора, немного искренности и знания людей.

Он осмотрелся, глядя на кинувшихся к нему со всех сторон официантов и величаво приказал: "Фрикасе, голубиный паштет, суп из черепахи, не очень пожилой, салат из одуванчиков, черт, ни разу не пробовал, две чашки какао с корицею и изрядную долю вишневого пирога!"

Обслуга, сбивая друг друга с ног, кинулась исполнять заказ.

— Ну, а вы, миленький вы мой, что скажете? — Спросил он, обнаружив за стойкой невозмутимого бармена.

— Скажу, сэр, что вы — галлюцинация, так как такого попросту не может быть, — скромно, но с достоинством и с огромной верой в сказанное, отвечал тому бармен. Достал из-под прилавка запыленную бутылку "Naga Chilli Vodka"*¹, умело и с неторопким достоинством, откупорил сосуд и, не спеша, перелил ее содержимое себе в горло, до последней капли. Убрал пустую бутылку и меланхолично начистил на столе перед собой серебряную пепельницу.

— Что же, это было единственное, что стоило тут внимания, — признал Рио де Сильвия де лос Лас Пальмас Хуанди-младший.

— Благодарю вас, сэр, — скромно, но с глубоким внутренним чувством отвечал ему бармен.

Рио де Сильвия де лос Лас Пальмас Хуанди-младший отобедал, в окружении толпы официантов, выстроившихся вокруг него, как и хотел, в полном одиночестве и приятной тишине.

**Дамы продолжили бегство.*

**Действительно существующий напиток, приготовляемый в соотношении литра водки с восемнадцатью килограммами самого жгучего в*

мире перца сорта "Hara Jolokia". Сам изготовитель адской смеси честно предупреждает, что никакой ответственности за этот кошмар и последствия его применения внутрь не несет.

БЫЛОЕ

Александр Ралот

Краснодар

НЕ СТРЕЛЯЙ, БРАТ!

***Южно-Российск.
Политехнический институт.
Конец восьмидесятых годов
прошлого века***

– Акулов, делаю вам очередное, второе по счёту, замечание! Понимаю, весна, гормоны и всё такое, тем не менее явите всем нам пример мужской силы воли! Наберитесь терпения, вернитесь в аудиторию и дослушайте лекцию до конца. Уверяю Вас, в нашей стране ничего не может быть важнее её коммунистической партии! – произнеся это преподаватель Научного коммунизма Малич Гайсович Авдашев с силой бросил указку на стол и вытер платком пот со лба.

Подчинившись требованию, Лёха Акулов нехотя отодвинулся от одноклассницы, Ксюхи Христинич, приехавшей к ним в город из какого-то далёкого Мукачева.

Ещё на первом семестре она своим смешным «хохлаянским» акцентом поведала всем сокурсникам, что спустилась с Карпатских гор и приехала к подножью гор Кавказских лишь только потому, что у них в области нет факультета Технологии хлебопродуктов. Родители, да и вся многочисленная родня в один голос твердили, что она просто обязана продолжить династию местных хлебопёков. И несмотря на то, что на свет появился не гарный хлопец, а дивчина, всё равно хоть умри, но эту специальность освой, да как следует, ибо прадедушкин рецепт фирменного «Хлеба на хмелю» Ксюше будет передан только после предъявления диплома о высшем образовании и желательного красного.

Тяжело вздохнув, Алексей попытался вернуться на лекцию и вникнуть в слова преподавателя, в очередной раз повторявшего по слогам:

– Коммунизм есть не что иное, как философская, социальная, политическая и экономическая идеология! Её целью является создание нового общества, а именно социально-экономического порядка, построенного на идеях общей или социальной собственности на всю собственность и отсутствия социальных классов, денег и государства!

Увы, никто из их группы, включая отличников, даже и не подумал конспектировать эту «гениальную» фразу. Виной тому был шумевший за окном аудитории очередной митинг демократов, в мегафон призывавших немедленно отменить статью 6 Конституции СССР «О руководящей и направляющей роли КПСС».

Долгожданный звонок, сообщивший всем об окончании лекции, вызвал нескрываемый вздох облегчения и у студентов, и у преподавателя.

На призыв старосты группы пойти и послушать этих господ-демократов все ответили дружным смехом и гурьбой поспешили к расположенному поблизости кинотеатру, дабы успеть на дневной сеанс нашумевшего фильма со странным названием «Маленькая Вера».

Обсуждение новаторского кино продолжили в кооперативном кафе «Романтика» за поглощением многочисленных бокалов слабоалкогольного коктейля с одноимённым названием.

Деньги, включая мелочь на проезд, у ребят закончились быстро, и студенты, разбившись на пары, отправились бродить по вечернему парку, носившему имя пролетарского писателя и основателя социалистического реализма – Максима Горького.

Пойти к Алексею в общагу и там немного позаниматься «научным коммунизмом» Ксюша отказалась, но позволила проводить её до дома, намекнув, что Христичи во все времена и при всех правителях были людьми не бедными, и уж оплатить ей проживание в отдельной, правда, однокомнатной квартире в состоянии.

Алексей уже сбился со счёта, сколько раз он предлагал Ксюше уединиться и, в конце концов, перейти от почти дружеских поцелуев к следующей фазе общения двух разных полов. И вот сегодня, наконец, такая возможность! Взяла и сама предложила выпить кофе, а может быть, чего покрепче, и не в столовой или кафешке, а в её домашнем гнёздышке. Одно слово – кохана[1]. Сердце парня сначала ухнуло ку-

да-то вниз, а потом вернулось на место, но застучало часто-часто!

Утро следующего дня

Первую, а заодно и вторую пару влюблённые единодушно решили пропустить. Наскоро сделав несколько бутербродов с присланным из дома салом, девушка с удовольствием смотрела, как их за обе щёки умещает её чоловік[2].

– А может, ну их, эти занятия? Сейчас оденемся и пойдём подавать заявление в ЗАГС! А чего время терять? Жить есть где! – Акулов по-хозяйски осмотрел кухню и потянулся за последним оставшимся на тарелке бутербродом, – через год получим дипломы и поедем куда подальше. В нашей стране супругов разлучать никому не позволено. Направление на работу получим на одно предприятие. Отбарабаним трояк[3], уволимся и поедем, куда захотим! К тебе в Закарпаты, или давай махнём на самый Дальний Восток? Хочешь жить на острове? На Сахалине? Или на Курилах! Красотища: вышел из пекарни, а кругом тебя вода, океан Тихий, и киты с касатками плещутся...

– Вот товарищ Авдашев завалит тебя на экзамене, и пойдёшь ты служить свой трояк в военно-морском флоте на том самом Дальнем Востоке, – смеясь оборвала его Ксюша, – собирайся, и пошли в Политех! Не знаю как тебе, а мне, если ты помнишь, диплом червоний дуже потрібен! И вообще, наши Карпати — це Европа! Там другой менталитет, другая цивилизация. Можно жить без штампа в паспорте, и никто за это тебя не осудит и даже слова не скажет. Так что, давай, мій улюблений, рік почекаємо[4], институт закончим, а уж потом решим, будем дальше жить на одну, общую, фамилию или на две разные.

Летнюю сессию Лёха закончил с единственным трояком (Малич Гайсович припомнил ему поведение на своих лекциях), и поэтому лишился повышенной (аж на целый червонец) стипендии. Его Ксения, как и положено, — на все пятёрки.

На каникулы ребята разъехались кто куда: Христинич — домой, на свою Украину, Акулов — на Чёрное море подрабатывать по будущей специальности: устроился по знакомству пекарем в один из дорогих ресторанов.

Два раза в месяц бегал в соседнюю сберкассу, кладя на книжку аванс и получку, копил на будущую свадьбу. Знал, что бывшему детдомовцу помощи ждать не от кого. Утешал себя тем, что за то у его Ксюши не будет ни свёкра, ни свекрови, а значит, на этой почве никаких

сор в будущем не предвидится.

Хочешь рассмешить Бога — расскажи Ему о своих планах. Народная мудрость оказалась права и в отношении счастливого жениха: его тщательно продуманные планы семейной жизни срывались по непредвиденным обстоятельствам.

Вернувшись в сентябре в институт, он не обнаружил своей коханой дівчини. Пропустив очередную лекцию, помчался в другой конец города, в деканат, где старенькая секретарша, вздохнув, показала ему пришедшее по почте заявление: «Прошу предоставить мне академический отпуск по болезни. Підтверджую, лікар миської лікарні міста А.В.Киктенко[5]».

Первая мысль, которая пришла в голову Лёхи, — немедленно мчаться на вокзал и брать билет до этого Мукачева. Но вторая сразу вытеснила первую: узнать здесь же, в деканате, телефон и позвонить. Конечно же, у его будущего тестя и тётчи обязательно должен быть домашний телефон.

– Ну, что с тобой поделаешь? – секретарша сокрушённо покачала головой, – звони, коль надо, но учти: деньги за межгород буду вынуждена вычесть из твоей стипендии. У нас, в деканате, такой статьи расхода не предусмотрено.

– Алло, Ксюша, что с тобой приключилось?! Чем я могу помочь? Денег надо? Сколько? Сейчас побегу на Главпочтамт и переведу! – сердце парня стучало как в тот, первый раз!

– Лёша, ничего не надо. У меня желанная и самая распространённая болезнь всех женщин мира. Ты и так уже сделал всё, что мог. Благодарить не буду, сейчас не до этого.

– Даже через треск на телефонной линии Алексей чувствовал, что девушка произносит слова, глотая слёзы.

А Христич продолжала:

– Мій батько говорит, что страна наша разваливается на части, и совсем скоро мы будем жить с тобой в разных государствах! Разве ты не понимаешь, что он прав?

– Я сейчас же к тебе приеду! С пересадкой в Москве завтра к вечеру обязательно доберусь! – оборвал её Лёха, – и мы будем вместе жить в одном государстве.

– Ты здесь всегда будешь чужой, и вообще, – Ксения помолчала с

минуту, а потом еле слышно произнесла, – я, возможно, скоро выйду замуж, поэтому забудь мене назавжди! [6]

На том конце трубка запищала сигналами отбоя.

Не замечая ничего вокруг и искусав губу до крови, Акулов вышел из деканата и стукнулся лбом в макушку одетой в фирменный джинсовый костюм Ленки Котовой, старосты их группы и благодаря папе (главе преуспевающего кооператива со странным названием «Машинно-тракторная станция») обладательницы собственного автомобиля «Тарвия».

– Я всё слышала, – сочувствуя произнесла она, – куда тебя отвезти? На вокзал, или всё же в студенческую поликлинику? Слыхала, что у них есть чудодейственная микстура от несчастной любви — «Валерьяночка от Ксюшеньки». Накапают капель тридцать, хотя в твоём случае этого мало, вот полсотни – в самый раз!

Десять месяцев спустя

Алексей своё обещание — окончив ВУЗ, обязательно жениться – выполнил. Он и Лена Котова расписались на следующий день после торжественного вручения дипломов. Тесть предлагал молодожёнам в качестве свадебного подарка купить или построить в центре города небольшую пекарню, а заодно и кондитерский цех, но те дружно проявили характер и улетели согласно распределению на край света, на далёкую Камчатку. Иногда, возвращаясь со смены и трясясь в стареньком вахтенном автобусе, он вспоминал кохану Ксюшу, но потом, всецело отдавшись строительству нового дома на полученном от комбината хлебопродуктов земельном участке, оставил воспоминание о ней в той прошлой, беззаботной, студенческой жизни.

Семейное гнёздышко строили с запасом, прежде всего, предусмотрели отдельную комнату для их первенца, и он не заставил себя долго ждать. Сергей Алексеевич весом в три килограмма шестьсот грамм появился точно в срок и сообщил об этом громким и радостным криком.

Восемнадцать лет спустя

Алексей вертел в руках коробочку с «Золотой медалью» и Аттестат о среднем образовании ярко-алого цвета.

– Может, всё же создадим династию хлебопёков? Ты же прекрасно понимаешь, хлеб — он всему голова, на голодный желудок не поработаешь и не попоёшь! Тем более что комбинат наш расширяется, филиалы по всему Дальнему Востоку открывает, работы непочатый край. Опять же, перспективы карьерного роста.

Но Сергей решительно покачала головой:

– Я вам с мамой говорил, повторяю ещё раз – есть такая работа, Родину защищать, как бы высокопарно это не звучало. Через неделю лечу в Москву в военное училище поступать. Я так решил, и это мой окончательный выбор!

Польша. Быдгощ. База НАТО. 2022 год

Майор Зацельский внимательно изучил поражённую точно в цель мишень, одобрительно хмыкнул и, отложив в сторону бинокль, обернулся к стоящему рядом Миколе Христичу:

– Ну що, пан снайпер, ти своє навчання у нас закінчив (Ну что, пан снайпер, ты своё обучение у нас закончил), как говорят заклятые вороги – москали — сдал экзамены на червонный, то есть красный диплом. Отправляйся в свою Украину. Побеждайте там всем гуртом москальську армію, а апосля возвращайся в Польшу. Нам такие гарные вояки, як ты, дуже потрібны. Будемо вмисти нести истинную демократию на всі країнах і континентах.

Год спустя. Зона СВО

Человек со знаками различия воздушно-десантных войск вошёл в штабной блиндаж, принял стойку «смирно» и чётко, словно на плацу, произнёс:

– Товарищ генерал, старший лейтенант Сергей Акулов, позывной Камчадал, по Вашему приказанию прибыл.

Уставший военачальник с красными от постоянного недосыпа глазами кивнул и указал офицеру на лавку:

– Садись, парень, и слушай меня внимательно. Дело тебе предстоит нелёгкое, впрочем, войскам Дяди Васи[7] других никогда и не поручают. Высоту надо удержать до подхода основных сил, не отступать ни при каких обстоятельствах! Подкрепление тебе дам, правда, все из мобилизации, ещё пороха как следует не нанюхались, но, сам понимаешь, это дело поправимое. А так, ребята боевые, толковые, не подведут! Скоро сам увидишь.

Передовые окопы украинской армии. Три дня спустя

– Там, на висотці, російські десантники, всі наші атаки відбивають, – произнеся это, полковник подошёл к Миколе и похлопал его по плечу, – у тебя чья снайперская винтовка?

– Как это «чья»? Моя, конечно! – удивился странному вопросу прапорщик Христич.

– Хлопець, ти мене не зрозумів! Вона в якій країні виготовлена. Откуда к нам в Україну доставлена?

– AW50! Англійська, класна, на два кілометра б'єт...

– О, це добре, – перебив його полковник, – значить, слухай наказ! Надо пристрелити їх командира, без него вони все відразу дадуть деру! Розвідка донесла, що у них в загоні все тільки що мобілізовані, без наказу командира воювати не вміють!

Вот уже битый час Микола через оптичний прицел своєї винтовки висліджував неуподобаного командира отряду десантників, раз за разом отбивавших атаки наступаючих українських солдатів.

Наконец, ему это удалось. В перекрестье оптики мелькнула каска, а потом он увидел глаза, смотрящие в его сторону, точно такие же голубые, как у него. Христик отпрянул от окуляра, тяжело задышал: там, в трёхстах метрах от него, был он сам! Такое же лицо, брови и упрямый рот.

В это трудно поверить, но сейчас он должен выстрелить сам в себя! Однако, приказ есть приказ. Там сидит проклятый москаль, и его надо «обов'язково застрелити!» В конце концов, он этому учился!

Снайпер снова поднял свою винтовку, прицелился. Русский офицер не шевелился, по всей видимости, в минуту затишья он заснул от усталости, прислонившись головой к израненному пулями стволу дерева.

Палец убийцы плавно лёг на спусковой крючок винтовки.

«Главное, чтобы в момент выстрела не дрогнула рука, промазать я не промажу, но могу не убить с первого раза, а только ранить, тогда придётся стрелять снова и, возможно, этим выдам своё местоположение, чем обязательно воспользуется русский гранатомётчик!» – промелькнуло у него в голове.

Чтобы окончательно успокоиться и выровнять дыхание, он на секунду закрыл глаза, и вдруг увидел лицо матери. Та неохотно отвечала на его наивные, детские вопросы:

– Чому у всіх є братики і сестри, а у мене немає?

– Наверное, и у тебя есть, только они живут далеко, за лесами и морями, в далёкой России, и когда-нибудь ты с ними встретишься.

– А когда наступит это «когда-нибудь»? – не унимался маленький Миколка.

– Тогда, когда Бог сделает так, чтобы наши страны стали хорошими соседями, а люди — добрыми друзьями!

– Чому ти не стріляєш? – ожила и прошипела маленькая американ-

ская рация, висевшая у него на груди.

И Микола решился: сначала отшвырнул в сторону винтовку, потом закинул куда подальше ненавистную заморскую рацию и пополз вперёд, к брату!

Над головой свистели пули, по нему стреляли, но, слава Богу, не попадали, ведь в их подразделении снайпер был только он один...

[1] – Слово "кохана" в переводе с украинского означает «любимая», «желанная», «возлюбленная».

[2] – муж, супруг (укр.)

[3] – В СССР выпускник был обязан отработать по распределению три года, и только после этого мог поменять место работы по собственному желанию.

[4] – год подождём.

[5] – Подтверждаю, врач городской больницы города А.В.Киктенко» (укр.).

[6] – Забудь меня навсегда (укр.).

[7] – Расшифровку придумали сами десантники в честь командующего воздушно-десантными войсками.

Виктор Бровков

Таганрог, Ростовская область

ХРУСТАЛЬНЫЕ КАПЛИ ВОЙНЫ

И снова хрустальные капли войны
Бегут по щекам нерожденных надежд.
Как символ разорванной в клочья мечты,
Поломанных жизней, разбитых сердец.

Константин Бровков

Офицер широко раскрывает рот, из которого вылетают слюна и проклятья. Не слышу и не понимаю его. В ушах звенит, в глазах ползают черви. Я внимательно всматриваюсь, но не узнаю обезображенного злостью лица, которое налилось кровью от перенапряжения. Синяя венка разрезает лоб, такие же надувшиеся вены усыпают шею, а глаза

— два шарика для гольфа — вот-вот выскочат из лунок. Если он не прекратит орать, его голова разорвётся от перенапряжения и выпустит наружу содержимое, как разогретое на сковороде зерно кукурузы. Так и происходит. Череп офицера раскалывается, но не от ненависти, а от попавшего в него осколка. По крайней мере, он больше не будет орать.

Мы давно зачистили этот район, давно зачистили этот город. Их не должно быть здесь, особенно с такой мощной поддержкой техники, как не должно быть вшей на гладко выбритой голове. Но они здесь, палят из орудий. Снаряды со всех сторон, а с неба — дождь. Холодный, ледяной. Тысячи прозрачных хрусталиков. И гром, похожий на плач.

Асфальт после попадания снарядов вздувается огромными прыщами и выкидывает в воздух фонтаны земляного гноя. Стоящий справа от меня боец в недоумении рассматривает образовавшуюся в животе воронку, будто от одного взгляда рана затянется, и он вернется к семье живой и невредимый. А тот, что слева, держит в руках свою нижнюю челюсть и пытается что-то сказать. «Грххх» — вырывается из его глотки вместе с кровавыми ошметками. Свисающий до груди язык не позволяет ему сформулировать мысли. В произносимых словах не больше смысла, чем в проклятьях офицера, чья голова превратилась в попкорн.

Руки мокрые то ли от пота, то ли от крови погибших товарищей. Они крепче сжимают автомат. Цевьё безразличным холодом отдаёт в ладонь. Здания плюются стеклом и обломками кирпичей, а земля трясётся от взрывов. Или это трясутся ноги от страха.

Кто-то, кто не заслуживает уважения и прощения, убегает прочь, подальше от боевых товарищей. От бойцов, чьи спины он должен прикрывать и с кем должен разделить холод братской могилы. Камуфлированные стебли пшеницы дружно падают один за другим, выкашиваемые пулемётной очередью. Тот, кто струсил, не желает быть истёртым в муку. Он убегает. И я бегу рядом с ним. Бегу вместо него. Я — это он. Предатель и дезертир.

Озлобленные металлические пчёлы жужжат, пролетая мимо, заставляют пригибаться и спотыкаться об разбросанные как в кукольной мастерской руки, ноги и головы. Неживые, но еще теплые. Падаю, вымазываюсь в разлитую, как в художественной студии, красную краску, которая невыносимо пахнет железом. Встаю, и продолжаю бежать. Медленно. Намного медленнее, чем хотелось бы.

Вокруг сверкает и грохочет. Феерия огня и шума, яркий фейерверк в честь моего предательства. А с неба дождь — поток расплавленного хрусталя, а под ногами — скользко. Почему я до сих пор жив?

Слышу металлический лязг танковых гусениц и хруст раздавливаемых костей, чувствую запах застарелого пота солдат и тошнотворный смрад кишок. Но не вижу ничего, кроме чёрного проёма в трёхэтажном здании. Парадный вход для дезертиров. Прямоугольное приглашение умереть.

Не принадлежу себе. Я — предательство и страх. Окутанный безрассудным ужасом, бегу в выбранном направлении. В здание, которое пышет опасностью. В мышеловку. Мои ноги вносят меня в темноту, лестница провожает на верхний этаж, длинный коридор заводит в разрушенную взрывом квартиру.

«В одну воронку снаряд дважды не падает» — думаю я.

Не успеваю рассмотреть узор на сохранившихся обоях и отдышаться пыльным воздухом, не успеваю развалиться на диване и отпраздновать отдых галетным печеньем. Что-то залетает через разрушенную стену и громко, разрывая мои барабанные перепонки, заявляет о своих правах на комнату. Незванный гость в ярости изрыгает огонь и раскидывается осколками. Он выталкивает меня в окно взрывной волной.

«Оказывается, падает» — думаю я.

Глаза зажмуриваются от страха, и не видно, как незримый фонарик зажигает звезды. Только лечу вниз, навстречу смерти. Медленно. Намного медленнее, чем хотелось бы.

Тело падает, а душа стремится вырваться и унести ввысь. К ангелам. В царство покоя и смирения. Но, видимо, накопленные грехи крепко приковали её к телу. Только когда разобьюсь, цепи лопнут, и душа вместе с кровью вытечет из бесформенного мясного мешка. Впитается в пропахшую порохом землю и уйдёт в преисподнюю.

Ощущение падения прекращается, и я вздрагиваю, но не чувствую удара. Умер или сломал позвоночник? Но почему же так невыносимо болят ноги? Как будто стая диких собак разрывает их на части, не стесняясь скулить от наслаждения. Или это я скулю от боли.

На плечо ложится чья-то рука. Прикосновение лёгкое и испуганное. Оно кажется опасным. Если ещё не умер, то сейчас точно умру. Теперь у Смерти есть выбор: или я, или положивший свою миниатюрную руку на моё плечо. Зря ты пожалел патрон, сукин сын! Хотел перерезать мне горло, как скотине?

Обеими руками хватаю самонадеянного противника за горло. Тонкое, нежное, тёплое. С пульсирующей жилкой. Чувствую его аромат — сладковато-цветочный. Наверное, так пахнет страх. Сердце противника ритмичными ударами отдаётся в моих руках, всё быстрее разгоняя лишённую кислорода кровь по венам и выталкивая хрипы из сдавленного

горла. Хочу увидеть его искаженное предсмертной гримасой лицо. Должен раскрыть глаза. Мне нужно это. Чтобы доказать, что не трус. Что не предатель.

Поднимаю непослушные веки и упираюсь взглядом в маленькие прозрачные хрусталики, которые выкатываются из испуганных глаз, чистых, как небо. Рычу от злости и сдавливаю сильнее. Всё больше и больше хрусталиков. Они стекают друг за другом по щеке, такой гладкой, будто никогда в жизни не тронутой щетиной.

Перевожу взгляд ниже. Ищу знаки отличия, шевроны, нашивки. Но вижу лишь китель, каких не бывает. Каких не может быть. Ни в одной стране мира не шьют такой военной формы. Это не зелёный футляр с грязными пятнами, который разрешает безнаказанно убивать. Это нежно-розовый колокольчик из воздушной полупрозрачной ткани. Он водопадом стекает с обнаженных хрупких плеч, обтекает бугорки небольшой груди. А ниже ножки. Босые и тоненькие.

Я разжимаю руки, которыми тут же закрываю лицо. Падаю в объятия кровати и прячу стыд от разрывающего тишину надрывного кашля. Прячу раскаяние от её задыхающегося сочувствия. Через считанные мгновения мягкие волосы растекаются по моей груди. Как же сладко они пахнут цветами! Рука гладит мой живот, а я вздрагиваю от влажных прикосновений, крепко сжимая зубы.

Я чуть не задушил её, а она, дурёха, обсыпает меня поцелуями, вроде получила долгожданный подарок. В очередной раз чуть не раздавил ей трахею, а она осевшим голосом, как будто извиняясь, шепчет: «Мы справимся».

Молчу. Мне нечего сказать. Не хочу ни плакать, ни извиняться. Хочу запить обезболивающее её голосом. Хочу поверить в падающие с тонких дрожащих губ слова, и больше не мучиться кошмарами. Любить её, а не оставлять синяки на шее.

Как же болят ноги, чёрт возьми. Я потерял их больше года назад, а они до сих пор болят.

ДЕТЕКТИВ

Елизавета Платонова

Домодедово, Моск.обл.

ИГГИ ФЛИНЧ — ПОДРОСТОК-ДЕТЕКТИВ
В КЛЕТЧАТОМ КОСТЮМЕ

Главы из романа

1. Ателье «Английская клетка»

— Костюм почти готов, — с радостью от проделанной работы сказал Митчелл. Он сшил уже почти несколько тысяч костюмов, но всякий раз радовался каждому, как первому.

— Скоро придет заказчик костюма. Нужно все упаковать, — произнес Митчелл.

Было уже почти 18:00 вечера, а ателье закрывалось в 18:30.

— Он обещал прийти сегодня и забрать свой костюм, — заявил Митчелл, смотря на часы.

Прошло 30 минут, заказчик так и не появился. Немного подождав еще, Митчелл стал закрывать ателье:

— Ладно, может быть заберет свой костюм завтра — подумал Митч.

Но хозяин, сделанного для него костюма не объявился ни завтра, ни в последующие дни. Митчелл убрал его костюм в подсобку, где хранились ткани и материалы для пошива, и подумал, что за все 15 лет существования ателье «Английская клетка», не один клиент никогда не оставлял свой костюм так надолго.

Почему же заказчик костюма не пришел, даже спустя несколько недель станет понятно в дальнейшем, эту загадку еще предстоит разгадать, ну а пока можно немного узнать о хозяине этого ателье.

Владельцем ателье «Английская клетка» был мужчина 42 лет, по имени Митчелл Флинч. Он предпочитал, когда его звали Митч, довольно обеспеченный, интересный человек, главным плюсом, которого было его умение разбираться в моде, особенно в мужских костюмах в английскую клетку. Он учился шить и создавать эскизы, не имея специального образования. Митч учился всему сам.

Раньше он работал юристом в одной небольшой Лондонской фирме, эта работа не приносила в его жизнь ничего интересного, просто

ему нужны были деньги, ведь у него была жена Мэгги, которая сидела с 6 летним сыном Эдом, и только поэтому он ходил на нее.

Митч становился счастливым и радостным, только листая журналы с моделями в брючных клетчатых костюмах. Просидев 7 лет в унылом кабинете, вид из-за окна, которого выходил на заброшенную фабрику, он решил в 27 лет кардинально изменить свою жизнь. Он уволился с работы, продал свою квартиру в пригороде Манчестера и арендовал небольшой магазинчик в Лондоне.

Там Митч сделал помещение, из того, что мог, напоминавшее больше склад тканей, чем ателье, но и этому он был рад. Ведь теперь наконец-то он мог заняться тем, о чем мечтал так давно. Пришлось начинать все с нуля, ткани он закупал на одном из складов, в пригороде Лондона, хозяйкой, которого была его бывшая клиентка, которой он оказал юридическую помощь и помог отсудить деньги, у ее жадного бывшего мужа, за это она продавала ему и иногда даже отдавала кучу разных тканей и материалов.

Заказчиков в начале, у Митча было мало, в основном его знакомые и бывшие клиенты юридической фирмы.

Но вскоре к нему стало приходиться все больше и больше людей. Ведь костюмы получались отличными, цвет, пошив и то, как они сидели на тело, вызывало восторг, даже у фигуристых мужчин. У Митча был индивидуальный подход к каждому клиенту, он не просто снимал мерки, он подбирал оттенки и ткани, согласно цвету глаз и кожи его клиентов. Вскоре, он заработал приличный доход и смог позволить себе купить дом для семьи, нанять сотрудников и открыть большое ателье в центре Лондона.

Митчел Флинч жил спокойной, интересной жизнью, занимался любимым делом, все шло хорошо, но в скором времени все изменилось с приездом одного уникального парня.

2. «Игги»

— Тебе звонят — сказала Мэгги, зовя Митча, который, как обычно, рисовал эскизы костюмов в своем кабинете. Митч поднял трубку, и был слегка удивлен, услышав голос своего брата Майкла, который не звонил ему вот уже несколько лет.

— Майкл! Сколько лет, сколько зим. Ты уже пару лет не звонил. Что случилось? — удивленно спросил Митч.

— Он едет сюда! Ты хочешь, чтобы он пожил у нас.

— Нет, я не против, просто — это так неожиданно, от тебя не было вестей. Ты бы хотя бы звонил и интересовался, как мы живем. А теперь ты просишь меня об услуге? Голос Майкла в трубке, что-то ему объяснял. Митч минут 10 слушал и иногда кивал головой.

— Хорошо. Я понял, пусть приезжает. Поживет у нас с Мэгги. Эд все равно недавно уехал по работе в Ирландию. Только у меня есть условие, он будет помогать мне в ателье.

Митч положил телефон и позвал Мэгги.

— Кто это? Что случилось? Ты выглядишь так, словно тебе звонила королева! — спросила Мэгги с нескрываемым любопытством.

— Почти! Звонил Майкл! — с некоторой растерянностью произнес Митч.

— Майкл! Твой брат Майкл! Он не звонил и не общался с тобой несколько лет. Чего он хотел?

— Его сын придет в Лондон, он поживет некоторое время у нас, — ответил Митч.

— Твой племянник со странным именем. Я видела его всего лишь раз. Как его зовут?

— Игги. Его зовут Игги, — произнес Митч.

— Зачем он едет в Лондон? — никак не унималась Мэгги.

— Мой брат Майкл и его жена Ленни снова едут на раскопки в Перу, Игги не захотел с ними ехать и поэтому Майкл попросил присмотреть за ним здесь в Лондоне. Ты ведь не будешь против? Я согласился с условием, чтобы он не бездельничал, будет помогать мне в ателье, — сказал Майкл.

— Хорошо! Пусть приезжает, — согласилась Мэгги.

— Завтра в 12:00 часов он прилет из Новой Зеландии.

— Пойду приготовлю ему комнату, — произнесла Мэгги.

На следующий день, Митч и Мэгги сели в свой Ленд Ровер, и направились в аэропорт Хитроу.

Они стояли, ожидая с именем «Игги», написанным на бумаге. Митч и Мэгги вглядывались в лица пассажиров, выходящих из трапа самолета, особенно молодых, ведь они давно не видели Игги и не знали, как сейчас он выглядит.

— Ты уверен, что он прилетел именно этим рейсом, кажется, что все пассажиры уже вышли, — спросила Мэгги.

— Да где же он? — спросил Митч, смотря во все стороны.

Они уже хотели идти к стойке регистрации, чтобы узнать о прилетевших пассажирах самолета, как вдруг издалека, словно суперзвезда шел Игги, его было сложно не заметить.

— Это Игги? — с широко удивленными глазами спросила Мэгги.

— Да это точно Игги! — ответил Митч.

Что ж их так удивило, об этом можно гадать очень долго. На самом деле не надо заморачиваться, вид Игги, вот что их так удивило.

По аэропорту шел 16 летний подросток в клетчатом костюме песочного цвета, в кожаных ботинках и в солнцезащитных очках, с прекрасно уложенными волосами светло-каштанового цвета, державшем на своих руках английского бульдога с высунутым языком. Такого Мэгги, а уж тем более Митч увидеть не ожидали. Они думали, что это будет обычный подросток в джинсах, футболке с рюкзаком на плечах. Но Игги никогда не был простым подростком, об этом Митчу и Мэгги только предстояло узнать.

— Дядя Митч! Тетя Мэгги! Я Игги! — с уверенностью произнес 16 летний подросток, который чувствовал себя так, словно он знаменитость.

— Это — мой пес Чеддер! Кстати надо заехать купить ему его любимый сыр Чеддер! — продолжил говорить Игги, не обращая внимания, на удивленных Митча и Мэгги.

— Где ваша машина? Можете отнести чемоданы, — произнес Игги.

— Игги ты носишь, сшитые мной костюмы, — это было первое, о чем не мог не спросить Митч.

— Я люблю костюмы и ношу их с 10 лет, как только увидел твои костюмы дядя Митч, — объяснил Игги.

— Вот почему твой отец, пару лет назад просил меня прислать мои костюмы, — сказал Митч, с широко улыбающимся лицом, узнав, что Игги носит сшитые им костюмы.

— Мы не видели тебя, кажется с 5 лет, ты стал совсем взрослым парнем, — произнесла Мэгги.

— Я все тот же 5 летний мальчик, только в 16 летнем теле, — попытался пошутить Игги.

Они вышли из аэропорта, дошли до Лэнд Ровера, Митч положил чемоданы в багажник, а Игги сел вместе с Чеддером на переднее сиденье, не смотря на реакцию Мэгги, которая была обескуражена таким поведением Игги.

— Я люблю сидеть на первом сиденье, сзади у меня возникают ощущения, будто кресла спереди хотят вдавить меня в машину, и к тому же Чеддера укачивает сзади, — произнес Игги, посмотрев на Мэгги.

— Хорошо. Я сяду сзади, — сказала Мэгги, которая была явно этим не довольна.

Они ехали по шоссе, в сторону города, Игги приоткрыл окно, чтобы Чеддер дышал свежим воздухом, Митч хотел что-то спросить у Игги, но понял что это плохая идея, видя, как он вытащил из кармана беспроводные наушники, прилег на кресло и закрыл глаза, погрузившись в музыку, а Чеддер всю дорогу смотрел в окно, высунув язык и фыркая от воздуха из приоткрытого окошка.

Митч обернулся на заднее сиденье, посмотрел на Мэгги и состроил недовольную гримасу, показывая ей, что удивлен, таким отношением Игги.

Митч включил радио, где играла джазовая музыка, которая всегда его успокаивала, Мэгги облокотилась на оконное стекло, так они ехали до самого дома.

Они направлялись в Ричмонд один из лучших районов в Лондоне, именно здесь жили Митч и Мэгги в частном доме с садом внутри дворика. За 15 лет работы ателье «Английская клетка» Митч заработал хорошую прибыль, и смог позволить купить своей семье уютный частный домик.

Когда они подъезжали к своему дому, Митч, заранее открыл автоматические ворота, и они въехали внутрь, Игги резко проснулся, в его наушниках все еще играла музыка, но она его уже не интересовала, так как перед его взором стоял красивый, роскошный двухэтажный дом из темно-красного кирпича, с окнами с наличниками и балкончиками для цветов, с порогом из плитки, похожей на камень, со старинным фонарем под козырьком, и входной металлической дверью с вырезанным на ней узором. Игги слышал от своего отца, что дядя Митч хорошо живет, но не мог представить себе, что настолько хорошо.

— Вот мы и приехали, — сказал Митч.

— Мы не заехали в магазин купить Чеддер для Чеддера, — вспомнил вдруг Игги.

— Ничего в доме много еды, пока приготовлю ему что-нибудь другое. А Чеддер купим завтра, — успокоила его Мэгги.

— К твоему приезду мы заполнили холодильник. И к тому же Мэгги прекрасно готовит, — парировал Митч.

Они зашли в дом, который оказался даже красивее, чем снаружи, Игги снова был приятно удивлен. Прихожая, где они снимали верхнюю одежду, была выполнена в теплых тонах, на стене висело зеркало с выгравированной рамой, по боках были аккуратные светильники из матового желтого стекла, красиво оформленный коридор с лестницей, у которой были деревянные резные перила, на полу лежали мягкие ковры, по которым можно было ходить босиком, в гостиной стояли кожа-

ные диваны молочного цвета, журнальный столик с вазой и с цветами, камин на котором стоял портрет всей их семьи, включая бабушку и дедушку Игги. Все предметы, как бы говорили, про невероятную теплую обстановку в доме.

— Очень уютно и стильно! Дядя Митч ты не только делаешь стильные костюмы, но и дом у тебя со стилем, — с нескрываемым восторгом сказал Игги.

Митчу было приятно услышать такие слова от своего племянника, которого он не видел с самого детства, но при этом он не забыл упомянуть о Мэгги.

— Я рад, что тебе понравилось, но это не только моя заслуга. Весь интерьер и мебель, все это заслуга моей Мэгги. По дому всем занимается она. Мэгги работает дизайнером интерьеров по всему Лондону. Вся красота и атмосфера ее рук дело.

Мэгги засмушалась, услышав похвалу от своего мужа.

— Спасибо, Митч! Я очень старалась сделать наш дом настоящим и семейным очагом с красивыми деталями, — произнесла Мэгги, гордясь своей проделанной работой.

— Игги, проходи, раздевайся, ты наверное устал от перелета. Я покажу твою комнату на втором этаже, — сказала Мэгги, видя Игги за собой по лестнице.

Игги взял чемодан, держа Чеддера на руках, и пошел за Мэгги наверх.

— Вот — это твоя комната. Извини, мы не знали, что ты приедешь с собакой. Поэтому нужно будет покупать Чеддеру лежанку или кровать для собак, — подчеркнула Мэгги.

— Нет. Спасибо. Чеддер любит спать со мною на кровати, — объяснил Игги.

— Ну, хорошо! Отдохни немного, спускайся и будем ужинать.

Игги кивнул, положил Чеддера на кровать и стал распаковывать свой чемодан. Мэгги спустилась на кухню.

— Не грусти дружок, уверен, в Лондоне нас ждет много интересно-го! — произнес Игги, почесывая Чеддера за ухом. Пес немного загрустил, ему всегда было сложно привыкать к новому месту, даже на время.

Игги продолжил вытаскивать вещи из чемодана, в котором были 2 пальто серого и зеленого цвета в мелкую клетку, 5 его любимых клетчатых костюма серого, вишневого, синего, темно-зеленого и темно-фиолетового цвета, 5 пар солнцезащитных очки разной формы, 2 айфона, беспроводная зарядка, парфюм марки Джо Малон (с ароматом

шалфея и морской соли), расческа, музыкальная колонка, пару блокнотов, 3 плитки новозеландского шоколада Витакерс и мягкая игрушка в форме гриба для Чеддера — это был нетипичный набор для нетипичного подростка. Так мало парней его возраста носят костюмы в клетку с кожаными ботинками и оставляют за собой шлейф парфюма Джо Малон.

Желание Игги так одеваться — отражало его внутреннюю натуру — денди лондонского.

Пока он развешивал свои костюмы и расставлял все по полочкам, он громко включил музыкальную колонку, в которой играл Эд ширан, Чеддер навострил уши и следил за тем, как Игги танцует под музыку, примеряя новый костюм. Тут его айфон зазвонил и завибрировал. Игги убавил громкость на колонке и ответил

— Привет мам! Да я прилетел. Все хорошо.

В этот момент Игги закатил глаза и помотал головой, — кажется его мать сказала ему что-то чего он слышать не хотел.

— Все мам. Давай поговорим об этом позже — тетя Мэгги завет меня на обед. Пока! — произнес Игги и выключил айфон.

Игги включил музыку еще громче, чем было, сел на кровать, его настроение явно испортилось, но все же он приободрился, когда Чеддер встал передними лапами ему на спину и свои мокрым, шершавым языком пытался дотянуться до его шеи.

— Игги! Игги! Спускайся, а то все остынет, — позвала его тетя Мэгги.

— Он громко включил музыку и не слышит тебя, — сказал Митч.

— Митч он совсем не проявляет к нам должного уважения. Может, ты поговоришь с ним? — спросила его Мэгги.

— Не думаю, что он будет кого-то слушать. Пару лет назад Майкл сказал мне, что Игги живет в своем мире и всегда с самого детства поступает так, как считает нужным, — заверил ее Митч.

Они сели за стол, думая, что Игги в ближайшее время не спустится и тут послышался топот лап Чеддера, который бежал по лестнице, перепрыгивая от нетерпения через ступеньки, за ним спускался Игги, который переоделся в клетчатый костюм с жилеткой темно-фиолетового цвета, на ногах были кожаные ботинки на шнурках, которые идеально подходили к его костюму, а его волосы были прекрасно уложены и от него пахло его любимым парфюмом Джо Малон. Игги выглядел так, будто собрался на показ мод или на фотосессию, дополнял его образ Чеддер с фиолетовой косынкой под шейей. Что скрывать, он выглядел прекрасно, в свои 16 лет он был на стиле, Игги был хорош собой и пре-

красно об этом знал, ничуть не скромничая. Митч и Мэгги не могли отвести от него глаз.

— Вау. Игги ты прекрасно выглядишь, — с изумленными глазами сказала Мэгги.

— Ты настоящий английский джентльмен. Мои костюмы сидят на тебе, лучше чем, на ком-либо еще, — подтвердил ее слова Митч.

Игги слегка улыбнулся, довольный своим стильным образом, он сел за стол и посадил на соседний стул Чеддера.

Мэгги накрыла прекрасный стол. Она действительно была отличным дизайнером, сумев превратить все предметы на столе в красивую композицию. Красивая скатерть с розами, изысканная посуда, аккуратные салфетки. Все создало прекрасный натюрморт. Даже еда была на ура. Потрясающий английский пудинг, вкусные кровяные колбаски, ароматный чай с имбирем, веллингтон, покрытый сырной корочкой, шоколадный десерт с вафлями. И когда только она успела все приготовить. Чеддер сидя на стуле, казалось, был уже готов запрыгнуть на стол от такого изобилия, его слюни говорили о желании съесть все.

Мэгги отрезала всем по хорошему куску веллингтона, добавила овощной салат и каждому положила по поджаренному только что ростбифу. Игги взял еще одну тарелку, переложил туда свой ростбиф и отдал его Чеддеру, который чуть привставая начал уплетать его с ярким блеском в глазах.

Игги с удовольствием ел веллингтон с салатом, потом перешел к шоколадному десерту с вафлями, что сказать, он даже ел так, словно рекламировал все эти блюда.

— Очень вкусно! Ты прекрасно все приготовила! — сказал Митч, отрезая себя еще кусок английского пудинга.

— Тетя Мэгги ты даже еду превращаешь в крутой дизайнерский проект. Спасибо! Все великолепно! — произнес Игги.

— Приятного аппетита! Я рада, что вам понравилось! — радостно сказала Мэгги.

— Игги чем ты занимался в Новой Зеландии? Где ты учился? — спросил Митч, дожевывая кусок ростбифа.

— Я учился в Университете Отаго, в городе Данидин. Изучал естественные науки, в частности историю древних народов, населяющих современную Норвегию.

— Тебя нравится это направление, или это родители тебе посоветовали? — поинтересовалась Мэгги.

— Я решил сам! — сказал Игги, с раздражающим тоном, ведь он всегда делает по-своему.

— У тебя очень необычное имя Игги. Хотела спросить, что оно означает, — попыталась немного разрядить обстановку Мэгги.

— Вы же знаете, что мои родители археологи. Когда мама была беременна мною, они жили в Норвегии и делали раскопки и открытия, там они увлекались скандинавской мифологией, и отец решил назвать меня Игги — это одно из имен Одина, верховного бога в германо-скандинавской мифологии, провидца, воина и мудреца. Он сказал, что оно подойдет мне, как никому другому, — с гордостью рассказал Игги. Его имя действительно подходило ему идеально, так же как и костюмы дядя Митча, прекрасно смотревшиеся на нем.

Доев шоколадный десерт с вафлями, Игги поблагодарил Митча и Мэгги, встал из-за стола, взял Чеддера на руки и сказал

— Спасибо за обед! Все было отлично! Мы пойдем с Чеддером немного прогуляемся, тем более, что нужно купить ему Чеддера!

— Игги я пойду с тобой. Ты с детства не был в Лондоне, можешь заблудиться, — произнес Митч, привставая со стула.

— У меня есть айфон дядя Митч, и я прекрасно ориентируюсь в городе. Так что мы сами осмотрим Лондон, — ответил Игги.

— Хорошо только возвращайся не поздно, — сказала Мэгги.

Игги одел пальто серого цвета в мелкую клетку, одел кожаные перчатки, вставил в уши беспроводные наушники, надел на Чеддера шлейку-поводок и ушел.

Выходя за ворота дома, Игги загуглил на айфоне, где находится ближайшая сырная лавка и побрел с Чеддером по улочкам Лондона, слушая музыку.

Сырная лавка называлась «Мир сыров», она находилась, в районе Ричмонда на улице Хил Райс. Это был небольшой магазинчик, при этом с прекрасно оформленной уличной витринной, в виде сыра с дырочками.

Зайдя внутрь Игги, взял Чеддера на руки и сразу стал просматривать витрины с сырами и искать Чеддер.

— Здравствуйте! Я могу вам помочь выбрать сыр? — обратилась девушка продавец.

Игги был в наушниках и не слышал, что она ему говорит. Она не растерялась, вышла из-за прилавка и коснулась его плеча. Игги обернулся и «завис». Он стоял, в ушах играл Робби Уильямс, он смотрел на нее, пока девушка продавец не показала ему, чтобы он вынул свои наушники.

— Добро пожаловать в лавку «Мир сыров»! Я могу помочь вам выбрать сыр? — снова спросила она Игги.

— Да. Мне нужно килограмм Чеддера! — ответил Игги, пытаясь перевести от нее взгляд.

— У нас есть 2 вида Чеддера: белый и копченый. Какой вы будете брать?

— Мне белый, классический, — ответил Игги, с присущей ему уверенностью, о чем бы он ни говорил.

Пока она взвешивала и упаковывала килограмм Чеддера, Игги успел прочитать ее имя на бейджике. Ее звали Флоренс.

— Значит, тебя зовут Фло, — подумал про себя Игги.

— 4.20 фунта, — произнесла Фло, передавая ему завернутый Чеддер.

Игги вытащил карту и оплатил покупку.

— У вас очень симпатичный песик! — произнесла Фло, когда Игги уже собирался уходить.

— Чеддер, — сказал Игги.

— Что, простите? — удивленно спросила Фло, тому, что он снова упомянул сыр.

— Чеддер. Его зовут Чеддер. Килограмм Чеддера предназначен ему, — сказал Игги, видя растерянный взгляд Фло.

— Это имя ему подходит. Он так сильно любит Чеддер? — ответила Фло, она явно хотела продолжить разговор.

— Да. Он разборчив! Спасибо, — сказал Игги, желая закончить разговор, и вышел на улицу.

Флоренс явно ему понравилась. Ее золотистые длинные волосы, ясные, как небо голубые глаза и миловидное лицо, от которого будто исходил свет — все это впервые дало Игги, чувство влюбленности, которой он не испытывал раньше. В тот, момент Игги подумал, что еще не одна девчонка не цепляла его так сильно, чтобы он стоял, как оцепеневший, но поймал себя на мысли, что у него другие планы на жизнь.

— Запомни Чеддер — девчонки отвлекают от важных дел, ни ведись на их глаза. У нас тобой другие дела! — произнес Игги, почесывая Чеддера по голове.

Его айфон снова напомнил о себе, Игги пришла весьма интересная смс.

— Пятница, 17:00 Камден Хайд Стрит, 25, — прочитал Игги.

— Лондон становится все интереснее. Посмотрим, что там будет! — произнес Игги.

3. «Оставленный костюм»

— Сегодня четверг и Игги впервые придет в мое ателье, — сказал Митч, завтракая с Мэгги.

— Надо пойти разбудить его, а то все проспит — произнесла Мэгги.

Она хотела уже пойти наверх, но тут Игги вышел из комнаты, как всегда с иголки, одетый в темно-вишневый костюм, в кожаных цвета вина ботинках, надушенный, вместе с Чеддером, который нес в зубах свою мягкую игрушку — гриба.

— Ты уже проснулся. Пора завтракать, — сказала тетя Мэгги.

Игги спустился, взял пару сэндвичей со стола, запил какао и сказал:

— Дядя Митч пора ехать в твое ателье. Хочу наконец-то увидеть его.

— Чеддер, а ты посидишь сегодня дома. Тетя Мэгги присмотри за ним.

— Хорошо. У меня сегодня выходной. Не беспокойся, я присмотрю за ним, — ответила Мэгги.

Митч был приятно удивлен такому порыву Игги, ведь он думал, что он не захочет помогать ему в ателье, но он ошибался, для Игги это было в радость, находится в мире шикарных костюмов.

Они сели в Лэнд Ровер, Мэгги помахала им рукой из окна, держа Чеддера на руках.

Ателье «Английская клетка» находилось в центральном Лондоне, в районе Мейфер, на исторической улице Сэвиль Роу, известной, как улица магазином мужской одежды. Дядя Митч открыл его в 2008 году, после того, как у него появилась хорошая прибыль, он нанял сотрудников и обставил его.

— Сэвиль Роу. Я знаю эту улицу, — сказал Игги, когда они уже подъезжали.

— Твой отец сказал тебе, где находится мое ателье? — спросил Митч.

— Нет. Здесь жил Филиас Фогг — главный герой романа Жюль Верна «Вокруг света за 80 дней», — произнес Игги, который в 9 лет перечитал эту книгу не один раз.

— Я впечатлен! Я думал, что ты увлекаешься только играми на айфоне, а не книгами, — сказал Митч.

— Я увлекаюсь играми — но другими, — произнес Игги, с серьезным взглядом.

Припарковав Лэнд Ровер, Игги увидел ателье «Английская клетка». Витрины с манекенами в шикарных костюмах, двери и козырек над ателье были темно-зеленого цвета. Дядя Митч открыл ключом дверь, и войдя внутрь Игги увидел шикарно выполненное ателье, 2 дубовых шкафа из красного дерева, стоящих по бокам, кожаные диваны по середине, стол с каменной ножкой на котором лежали журналы с мужскими моделями в костюмах, картины с героями викторианской эпохи, развешанные по всем стенам, награды и грамоты, стоящие на полках, стойка с матовым стеклом, шикарный пол из мраморной плитки и коридор, впереди которого была лестница, устеленная коврами ведущая на второй этаж, где находились костюмы, внизу была примерочная, кабинет дяди Митча и подсобка, где хранились ткани и материалы.

Игги был в восторге.

— Класс! — это все, что в тот момент хотел сказать Игги, он никогда особенно не любил выражать свои чувства и поэтому был краток, но его глаза выдавали сильные эмоции внутри него.

Он гордился дядей Митчем, его упорством в достижении своей цели, его трудоспособностью и его потрясающим результатом.

— Игги сегодня придут еще двое сотрудников. Ты встанешь за стойкой и будешь отдавать сделанные заказы клиентам, — произнес дядя Митч, сняв пиджак и засучив рука.

— Без проблем! — согласился Игги.

— Но сначала я хочу посмотреть твои лучшие костюмы.

Митч провел его по лестнице наверх, открыл комнату, которая была похожа на дорогой бутик мужской одежды. Все костюмы были развешены в открытых шкафах, внизу под каждым костюмом стояли ботинки разных цветов, рядом под стеклом лежали разные мужские аксессуары к костюмам — галстуки-бабочка, галстуки-боло, галстуки-аскот, карманные платки, бутоньерки, броши, галстуки-пластрон, запонки, зажимы для галстуков, золотые и серебряные пуговицы и конечно, один из главных аксессуаров для мужчин — наручные часы.

— Дядя Митч я бы здесь поселился жить, — произнес Игги, спокойным и уверенным тоном.

— Какой костюм нравится тебе, больше всех? — спросил Митч, видя блеск в глазах Игги.

Игги посмотрел все костюмы и прошелся по всей комнате и вытащил один костюм в самом конце шкафа.

— Вот этот дядя Митч. Он всем костюмам — костюм!

— Почему этот Игги?

— У этого костюма клетка отличается от других костюмов. Здесь индивидуальная клетка, сделанная мелкими квадратами с узорчатым орнаментом, а у всех остальных клетка, похожая на «виндзорскую клетку». К тому же мне нравится лавандовый цвет. Костюм не просто стильный, в нем есть своя харизма, отличающая его от всех остальных.

— Игги ты не перестаешь меня удивлять. Откуда ты это знаешь?

— Я много чего знаю дядя Митч, я все подмечаю, даже незаметные для других вещи, — произнес Игги, не желая раскрывать свои секреты.

— Митчелл, у нас посетитель, — сказал Стэнли, работник ателье, в обязанности которого входило составлять списки клиентов.

— Уже иду. Пошли, Игги, будешь отдавать сделанные заказы, — сказал Митч, спускаясь по лестнице вниз.

Работа началась полным ходом, клиенты приходили и забирали заказы, Игги четко все выполнял, не желая подводить дядю Митча. Еще двое сотрудников тоже не сидели без дела, Стэнли составлял списки новых клиентов и заказов, а Кристина одна из новых сотрудниц ателье помогала Митчу снимать мерки, подбирать цвета и фасоны для новых клиентов.

— Игги принеси мне пожалуйста из подсобки кашемировую ткань синего цвета, она лежит на третьей полке, — попросил Митч.

Игги пошел в подсобку, которая выглядела как хранилище тканей и материалов, в ней даже поддерживалась специальная температура, чтобы ткани были в отличном состоянии. Он залез на стул, третья полка была высоко, нащупал рукой нужную ткань и задел локтем какую-то упаковку, которая сразу же упала на пол.

Игги поднял ее и понял, что это сшитый и упакованный костюм, на котором была прикреплена надпись — мужской брючный костюм, оконная клетка, серого цвета, рост 5 футов 11 дюймов — заказчик Эрик Стивенс.

Он с любопытством прочитал надпись, взял костюм и понес к дяде Митчу.

— Вот твоя ткань. Я нашел еще кое-что. Дядя Митч, почему этот костюм, упакованный, лежит на полке в подсобке? — спросил Игги, не понимая как он там оказался.

— А? Этот, — дядя Митч мельком взглянул на него. — Клиент уже месяц за ним не приходит, и судя по всему вряд ли придет. Вот я и положил его туда.

— У тебя есть его номер, позвони и скажи, что костюм давно ждет его, — сказал Игги, с присущей ему уверенностью.

— Я звонил несколько раз. Телефон выключен. Может он уехал куда-то.

— Кристина приколы, булавку еще сбоку воротника, — сказал Митч новой сотруднице, которая не знала, куда ее девать.

— Ты не думаешь, что это странно дядя Митч. Клиенты готовы за год к тебе записываться, чтобы сшить костюм в твоём ателье, а этот Эрик Стивенс даже не объявился, чтобы забрать свой костюм, — сказал Игги, полушепотом, что не отвлекать дядю Митчу.

— Да это непонятно. За все годы работы ателье «Английская клетка» не один клиент не оставлял свой костюм. Но знаешь Игги, в жизни всякое бывает. Иногда обстоятельства складываются не так, как мы планируем, — ответил ему Митч.

— Как он выглядел? Может отдать костюм его жене или какому-нибудь родственнику. Костюм не должен лежать на полке, — Игги был слишком увлечен этим вопросом.

— Игги, я ничего о нём не знаю, видел его лишь раз, когда снимал мерки, ему около 30 лет, довольно высокий. Я лишь помню, что этот клиент к своему костюму выбрал себе ещё наручные часы с циферблатом из водонепроницаемого стекла, — рассказал дядя Митч.

— Эти часы все ещё в ателье? — спросил Игги, его любопытству не было предела.

— Спроси у Стэнли? — ответил Митч, не желая отвлекаться на разговоры.

Игги позвал Стэнли, ему хотелось побольше разузнать об этом клиенте.

— Стэнли, наручные часы клиента ателье, который не пришел за костюмом Эрика Стивенса все ещё здесь?

— Эрик... Эрик Стивенс. Вообще-то — это конфиденциальная информация. Извини, Игги, я не имею права говорить о клиентах. Это правило ателье! — произнес Стэнли.

— Стэнли я племянник хозяина ателье, мне можно. Тем более Эрик Стивенс так и не забрал свой заказ. Может нужно передать кому-то из его семьи, — Игги умел убеждать.

— Л...Ладно. Сейчас посмотрю по спискам в компьютере, — ответил Стэнли, который не хотел проблем с племянником хозяина.

Стэнли пошел искать в компьютере, Игги сел на стул возле него и внимательно читал списки.

— Так, Эрик Стивенс, он сделал свой заказ 24 июля, сегодня 19 августа прошел почти месяц. Клиент не оплатит свой заказ, так как не за-

брал его — читал Стэнли, громко прокручивая мышку от компьютера в руках.

— А что с его часами? — спросил Игги, слегка покачиваясь на стуле.

— Часы... наручные часы с водонепроницаемым стеклом. Эрик Стивенс сразу купил их, после заказа костюма.

— Значит, часы у него? — подытожил Игги.

— Да. Он их забрал. Подожди-ка, только вот 21 июля он снова их принес, сказал, что хочет кожаный ремешок для них, — прочитал все записи про клиента Стэнли.

— Опа! Значит они здесь? Принеси мне их. Хочу посмотреть.

— Они в сейфе в кабинете твоего дяди.

— Там есть его адрес?

— Нет, клиенты в основном не оставляют своих адресов, но есть его номер телефона, — ответил Стэнли, не желая больше читать информацию о ком-либо еще.

— Давай его номер. Я позвоню — костюм должен сидеть на теле, а не лежать в подсобке, — произнес Игги.

Получив номер «пропавшего» клиента, Игги позвонил ему несколько раз, шли гудки, но никто не отвечал.

Пришел новый клиент, Стэнли пошел записывать его в списки.

— Жалко, что фотки нет. Может у тебя есть социальные сети — «пропавший» Эрик Стивенс, — сказал себе Игги, держа его костюм в руках.

Митч вместе с помощницей снял мерки с клиента, подобрал ему цвет, фасон, клетку и бутоньерку, в качестве аксессуара для костюма.

Игги не отрывался от айфона, ища Эрика Стивенса в соцсетях.

— Заходи уже! — произнесла высокая женщина в шикарном кожаном пальто.

— Дэни, нам нужно выбрать тебе костюм к выпускному — сказала она, держа за руку своего сына.

— Ну м...мам. Мне не нужен костюм. Купи лучше мне новый Астон Мартин, — ответил ее сын.

— Никого Астон Мартина, пока тебе не будет 18. Ты выпускник Итона, тебе нужен лучший костюм.

— Добро пожаловать, мисс... — повисла пауза.

— Мисс Стюарт. Я Ильза Стюарт, — ответила женщина, все еще держа своего сына за руку.

— Здравствуйте! Ателье «Английская клетка» рада приветствовать вас, — заявил Стэнли, чуть ли не делая перед ней реверанс.

— Мне нужен костюм — самый дорогой для моего сына. У него будет выпускной в Итоне. Он должен выглядеть лучше всех, — заявила Ильза, всячески показывая, что она очень богатая дамочка.

— Хорошо. Сначала вам нужно снять мерки и выбрать....

— Нет, нет, — не дала договорить Ильза. — Нам нужен готовый шикарный костюм. Нет времени ждать, пока его сошьют.

— Хорошо. У нас много разных прекрасных и уже готовых костюмом.

— Митчелл? — позвал его Стэнли.

Митч подошел и посмотрел на ее сына Дэни. Он был высоким, желав жвачку и переписывался с кем-то на телефоне.

— Я подберу вашему сыну — лучший костюм, мисс, — кажется, Митчу хватило одно взгляда, чтобы понять, что ему нужно.

— Идемте, будем подбирать костюм и мерить, — произнес Митч и повел Ильзу с сыном на второй этаж.

Они пошли наверх. Стэнли с Кристиной стояли и явно обсуждали эту богатенькую дамочку.

Игги не отрывался от телефона и вдруг почти прокричал

— Да. Я наконец-то нашел тебя.

Все в ателье уставились на него.

— Игги в чем дело. Ты чего кричишь на все ателье? — подошел и сказал ему Стэнли.

— Я нашел нашего потерянного клиента в соцсети, — ответил Игги.

В этот момент на втором этаже Ильза выносила мозг Митчу, пытаясь уговорить его продать один из костюмов, который был готов для другого клиента.

— Я же сказал, что этот костюм сделан для другого заказчика, — Митч явно устал ей это твердить.

Игги пошел наверх, чтобы понять, что там происходит.

Богатая дамочка в кожаном пальто вцепилась в тот костюм лавандового цвета, который ранее выделил из всех Игги, пока ее сын уселся на диван и даже не пытался ничего ей сказать.

— Немедленно отпустите. Вы помнете его, — произнес Митч, который крепко держал костюм.

— Что происходит, дядя Митч тебе помочь? — спросил Игги.

— Игги, эта клиентка хочет костюм, который не продается. Он сделан для другого клиента, — ответил ему Митч.

— Вашему сыну он не подойдет мадам. Ему этот цвет не подходит, — сказал Игги, этой дамочке.

— Да. Откуда тебе знать, что ему подходит, а что нет, — попыталась наехать на него Ильза.

— Вашему сыну, больше подойдет вот этот костюм, — Игги вытащил костюм темно-синего цвета в длинную полоску, подобрал к нему черные кожаные ботинки на шнурках, и две платиновые запонки.

— Этот подойдет ему больше всех. Его рост, цвет глаз, даже его поведение — этот костюм будет ему к лицу.

Ильза отпустила костюм лавандового цвета, и прям обомлела, Митч тоже был, мягко говоря, шокирован, и даже ее сын Дэни отвлекся от телефона, что бывает крайне редко.

— Вот это да! Дэни — это то, что тебе нужно. Скорее примерить его, — произнесла Ильза. Дэни пошел в примерочную, а Митч повесил многотрадальный лавандовый костюм в шкаф.

— Ты здесь работаешь? Ты прекрасно разбираешься в моде. На тебе самом отличный костюм, — спрашивала Ильза, задавая одновременно кучу вопросов Игги.

— Я Игги. И да я здесь работаю. Это — мой дядя Митч, хозяин этого ателье. Все костюмы, которыми вы так восхищаетесь, шьют его руки, — ответил Игги, дерзко и уверенно, положив свою руку на стекло с наручными часами.

— Вы хозяин? Чего же вы раньше не сказали?

— А что? Вы бы вели себя по-другому? — ответил ей Митч, больше не желая иметь с ней ничего общего.

Пока они болтали, Дэни вышел из примерочной в новом костюме и выглядел так словно, он не выпускник Итона, а манекенщик с обложки.

— Мам. Этот парень — был прав! Как же круто он смотрится — не переставал говорить Дэни, крутясь перед зеркалом.

Игги подошел к нему и положил в верхний карман пиджака синесеребристый карманный платок.

— Теперь можешь метить в кресло министра с таким образом, — сказал Игги, похлопывая его по плечу.

— Дэни. Сынок ты выглядишь шикарно. Мы берем его! — с восторженностью сказала Ильза.

Ильза пошла оплачивать покупку, пока Дэни переодевался. Перед уходом Дэни подошел к Игги и сказал

— Спасибо за прекрасный выбор, у тебя тоже костюм отличный. У меня будет организована вечеринка после выпускного в Итоне, если хочешь — приходи. Дай мне свой номер — напишу адрес — сказал Дэни. Игги был не против немного потусить, он дал Дэни свой номер те-

лефона и как всегда с уверенностью в себе сказал: — Не забывай, что костюм должен дополнять мужчину, а не наоборот.

Кажется, Дэни понял, что Игги этим пытался ему сказать. Каким бы ты не был богатым — прежде всего нужно иметь манеры настоящего мужчины!

Они ушли, Игги снова погрузился в соцсети, а Митч по-настоящему гордился свои племянником.

— Игги спасибо, что разрешил ситуацию! — произнес Митч, подходя к Игги.

— Не за что, дядя Митч! Просто для таких, как она, кичащейся своим богатством есть одно средство — предложить им то, от чего они не смогут отказаться!

— Тебе всего 16 лет, а мыслишь так, как будто ты прожил уже не одну жизнь.

— Может быть! Все в этом мире циклично. Скорее всего, я здесь уже был. Я верю в такие вещи, — произнес Игги.

В тот момент Митч понял, что Игги — необычный подросток, и не просто вундеркинд. Он — юный гений!

Игги спустился вниз, написал Эрику Стивенсу смс в соцсетях, и ждал ответа.

Ателье ушло на обеденный перерыв, Митч попросил Кристину приготовить всем кофе.

— Держи! Это один из вкуснейших кофе в Лондоне. Мой клиент привозит его из Эфиопии. Зерна идеального запаха и вкуса! — сказал дядя Митч, принеся чашку кофе Игги.

— Отлично! Я больше люблю какао, но запах твоего кофе очень взбадривает, — сказал Игги, понюхав чашку с кофе.

Через некоторое время работа закончилась, все ушли, Митч и Игги поехали домой, но перед этим Митч показал ему, где раньше находилось его первое ателье.

Игги увидев небольшое, уже полуразваленное помещение, в котором дядя Митч вначале работал, поймал себя на мысли, что всегда нужно двигаться вперед — и возможно добиться больших результатов.

Подъезжая к дому, Игги пришел ответ от пропавшего клиента ателье — Эрика Стивенса.

«Я скоро заберу костюм», — гласила смс.

Игги даже привстал с сиденья автомобиля.

— Что случилось? — спросил дядя Митч.

— Эрик Стивенс ответил мне.

— Кто? Клиент, который не забрал свой костюм, — вначале не сообразив сказал Митч.

— Ага! Только вот я сильно сомневаюсь, что это действительно он мне ответил, — произнес Игги.

Почему Игги так подумал, скоро станет понятно. Он и вправду был гением!

— Ты сомневаешься, что это Эрик Стивенс?

— Дядя Митч я точно знаю, что это не он мне ответил, — произнес Игги, взглянув на Митча так, что он аж вздрогнул.

— Почему ты так в этом уверен?

— Я написал ему, что его костюм лилового цвета в «виндзорскую клетку» давно готов, он может прийти и забрать его.

— И что? А...л...лилового цвета, насколько я помню я сшил ему костюм серого цвета с «оконной клеткой». Игги, ты — гений! — дядя Митч уже несколько раз произносил слово — гений.

— Так что, даже если — это его аккаунт в соцсети, отвечал мне явно не он, — произнес Игги.

— И когда этот кто-то придет и заберет костюм?

— Неизвестно может завтра, а может еще когда-нибудь — так что нужно быть внимательными, когда некто придет за этим костюмом, — произнес Игги, когда они уже приехали к дому.

Мэгги открыла дверь, Чеддер выбежал на встречу Игги, он был так счастлив его приезду, что бежал со скоростью гончей собаки на ипподроме.

— Чеддер дружок, ты всегда мне рад! — произнес Игги, взяв его на руки.

Пес продолжал суетиться и лизать своим языком его щеку.

— Как работа в ателье? Все прошло хорошо? — спросила Мэгги.

— Все отлично. Лондон мне стал нравиться все больше тетя Мэгги, — ответил Игги.

Весь остальной вечер до самой ночи Игги все время думал, в его голове были разные мысли, этот «пропавший клиент» и странная смс от того, кто выдавал себя за него — не давали спокойно уснуть, Игги крутился всю ночь, пока Чеддер сладко сопел рядом с ним.

Если бы только тогда Игги мог себе представить, что из-за этого оставленного костюма он влезет в одну из самых опасных тайн города — то скорее всего он вообще бы не уснул в ту ночь.

Митч тоже ворочался, переминаясь с одного бока на другой. Мэгги даже несколько раз толкала его во сне, чтобы он не стаскивал все одеяло на себя.

На следующее утро Митч и Игги снова работали в ателье, Игги как обычно помогал ему, но они уже ждали того, кто придет за костюмом Эрика Стивенса.

— Кстати дядя Митч, сегодня пятница и я уйду пораньше — мне нужно на одну встречу, — произнес Игги, который уже заранее к ней готовился.

— Какую встречу? — спросил Митч.

— На интересную встречу! Я приду поздно — не ждите меня с тетей Мэгги, ложитесь спать, — подытожил Игги, оделся и ушел.

Он подошел к перекрестку, взял кэб и отправился на место, куда его звали, назначая время на пятницу. Эта была смс, присланная ему еще в среду. Игги очень хотел узнать, что же интересного ему приготовили. Эта была не просто встреча с кем-то — это была одна вещь, в которой он участвовал во всех местах, когда переезжал из страны в страну с родителями.

4.«Квест»

Игги приехал в Камден Хайд Стрит, 25 — это была улица, на которой находилось много магазинов и рынков, где продавалась всякая интересная и разнообразная одежда, разные музыкальные инструменты, пластинки, много разных вещей для свободы самовыражения. Место, которое было указано в смс оказалось — заброшенным кинотеатром, находившимся между магазином футболок с разными надписями и бара с неоновыми лампами.

Когда Игги подъехал было уже 17:00, он зашел внутрь, все выглядело так, словно кинотеатр уже 100 лет, как заброшен. Все было в пыли и паутине, касса со сломанном столом, за которым стоял манекен в форме продавца, пустые аппараты с попкорном и сахарной ватой, казалось, что это декорации к съемкам хоррора. Игги прошелся по залу, открыл дверь и оказался в большом кинотеатре с огромным количеством кресел, помимо него там было еще 4 человека (2 парня и 2 девушки).

— Еще один участник, — произнесла девушка с розовыми волосами и в татуировках, выглядевшая как панк рокерша.

— Ты почти опоздал, — сказал парень в спортивном костюме и бейсболке бренда Адидас.

— Я пришел вовремя — без меня бы все равно не начали, — произнес Игги, как всегда уверенный в своих словах.

— Отличный костюм, что за марка, — спросила другая девушка, одетая в короткое темно-красное платье и в туфли на каблуках.

— Это костюм из лучшего ателье Лондона «Английская клетка». У тебя тоже отличные туфли от Маноло Бланик, — ответил ей Игги.

— Да ты и в брендах шаришь, — произнесла она.

— Я много в чем шарю, люблю стильную одежду, — ответил Игги.

— Хватит болтать. Когда мы уже начнем? — сказал другой парень в футболке с изображением волка и в джинсах с рваными коленками.

Этот парень был явно зол, он уже хотел уйти, как вдруг все услышали искаженный и роботизированный голос с экрана кинотеатра.

— Добро пожаловать в квест! Участники положите свои телефоны на стол, возле экрана кинотеатра и садитесь в кресла!

Игги сел на первый ряд кресел, все остальные выбрали разные места, лишь только девушка в туфлях Маноло Бланик села рядом с Игги.

— Ты не против, я сяду рядом с тобой — неизвестно, что они приготовили нам, — спросила она Игги.

— Садись где хочешь, только держись крепче, — произнес Игги.

Он, как всегда оказался прав, не успели все что-либо сказать, как вдруг кресла резко и быстро упали вниз, в буквальном смысле под землю. Все повыскакивали со своих мест, Игги удалось лишь схватиться за спинку кресла и суметь удержаться.

— Так и убить можно. Они совсем спятили. Это же всего лишь игра, — сказал парень в футболке и джинсах.

— Дорогие участники квеста, подойдите к местам, где вы сидели и снимите сзади кресел номера, которыми вы будете обозначены в процессе игры. Никаких имен — сейчас вы только номера.

Девушка с розовыми волосами номер — 3, парень в костюме и бейсболке Адидаас номер — 7, девушка в платье и туфлях Маноло Бланик номер — 11, парень в джинсах и футболке номер — 15, а Игги в шикарном костюме номер — 19.

— Теперь идите вперед, прямо перед вами большой и длинный туннель под землей, впереди будут 5 металлических дверей — ваша задача суметь открыть ту дверь, которая соответствует вашему номеру, кто сделает это первым — получит бонус, кто окажется последним — будет удален из игры. На это задание у вас 10 минут.

Все побежали вперед, Игги шел спокойно, словно знал заранее, как открыть дверь. Двери оказались не просто металлическими, ну и еще очень старыми и плотными, на ручках каждой двери был установлен набор для ввода цифр, без комбинации этих цифр открыть ее было невозможно, тем более за 10 минут.

Тут началась суматоха, каждый пытался открыть дверь вводя разные цифры. Номер 3 — нажимала все цифры подряд и умудрялась тол-

кать ногой в дверь, номер 7 — вводил какой-то пароль, который по его мнению мог открыть его дверь и при этом искал щель в двери, пытаясь чем-то ее приоткрыть, номер — 11 даже не стала набирать цифры, она вытащила из волос шпильку, и пыталась вскрыть замок, номер 15 — вводил цифры, которые успел заметить в туннеле, когда все бежали к своим дверям.

— Вот дурачки! Нужно все подмечать, и тогда эту дверь будет легко открыть. Это же квест! — сказал Игги, подойдя к своей двери.

Он понял, что это может быть за комбинация. Квест — это не просто прохождение уровней, но и умение подмечать все детали, разбросанные по всей локации.

Когда Игги зашел в кинотеатр, и когда шел по туннелю к двери везде были разбросаны и спрятаны подсказки, которые сразу и не увидеть, но только не для Игги. Он все всегда замечал и точно знал, что нужно делать. С ним любая игра становилась победной.

Игги заметил на манекене-продавце цифру 2, в пустом аппарате с попкорном цифру — 5, а в самом углу коридора, ведущего к туннелю цифру — 8. Он сложил все цифры, не забыл свой номер — 19, ввел их — и дверь открылась. Все оказалось куда проще, чем выглядело на первый взгляд. На все он потратил 1 минут из 10 минут.

— Номер 19, поздравляю. Вы проходите дальше и получайте бонус — в следующей комнате вы можете выбрать себе напарника для прохождения миссии, — сказал голос.

— Как у него это получилось? — сказала номер 3.

— Да открывайся же уже! — произнес номер 7.

— Может здесь есть какая-то загадка, — сказала номер 11.

— Я выбью тебе, если цифры не подойдут, — произнес номер 15.

Пока у них оставалось еще 8:15 минут, Игги пошел дальше, дверь которую он открыл — вела в комнату с огромной бильярдной и креслами по бокам.

— Номер 19, перед вами бильярдный стол с разноцветными шарами в форме пирамиды — вы должны правильно расставить их и забить в лузы. Это необычные шары, они под напряжением, если вы неправильно будете их расставлять то, они ударят вас током. На все у вас 20 минут.

Игги подошел к бильярдному столу, посмотрел все шары и лузы, не притрагиваясь к ним. Ему нужно было расставить их в правильном порядке, но для начала надо было разобраться какой шар нужно забить и в какую лузу. Игги был сосредоточен и его совсем не пугало, то что если он неправильно сделает, то получит удар током.

— Так пирамида из разноцветных шаров — это явная подсказка в какую лузу какой шар забивать — шаров 8 — по 2 на каждую лузу — произнес Игги, рассматривая все как-будто под лупой.

Пока он разгадывал эту загадку, несколько участников номер 3, и номер 15 — сумели подобрать правильную комбинацию цифр и открыть свои двери, с разницей почти в 2 минуты.

Оставалось лишь 2 участника номер 7 и номер 11 они никак не могли ввести правильные цифры и открыть двери.

— Номер 7 и номер 11 — у вас осталось 5 минут до конца задания. Если вы оба не справитесь — то будете удалены из игры.

Пока они снова и снова пытались открыть свои двери, номер 3 и номер 7 — также попали в бильярдные комнаты с разноцветными шарами — и каждый думал, как правильно их расставить и забить.

Все шары на бильярдном столе были разного цвета, а лузы одного цвета. Прошло 2 минуты и Игги понял как их расставить. Он брал каждый шар и расставлял напротив луз, так как шаров было 8 — перед каждой лузой он ставил 2 шара на расстоянии 1, 5 см друг от друга, что забить по одному в каждую лузу.

Номер 7 и номер 11 так и не смогли открыть свои двери и слились на первом испытании.

— Номер 7 и номер 11 — не смогли открыть свои двери и выбыли из испытания, — раздался голос и оповестил оставшихся участников, которых осталось только трое.

— Маноло Бланик нужно было быть внимательнее, — произнес Игги, подумав о том девушке в платье и туфлях Маноло Бланик.

Прошло еще 3 минуты — Игги расставил все 8 шаров напротив луз и ждал ответа правильно ли он сделал — Игги и вправду необычный парень, он спокойно все выполнял, так словно разбирался в бильярде.

— Номер 19 вы правильно расставили шары — ток вас не ударит. Теперь вам нужно забить их в лузы. У вас осталось 14 минут, — сказал голос. Напоминаю у вас есть бонус — вы можете взять себе напарника.

— Мне не нужен напарник. Можете отдать мой бонус кому-то из оставшихся игроков, — ответил Игги.

Но голос так и не предложил никому из трех участников воспользоваться бонусом Игги.

Пока он собирался их забивать, номер 3 — меняла шары на столе, думая как их расставить, а номер 15 — расставлял их, как в компьютерной игре, в которую он частенько играл на смартфоне.

Игги взял кий и смазал его мелом, специальным мелом, окрашенным голубым пигментом, который использует в настоящем бильярде, чтобы кий при ударе не соскальзывал с шара.

Игги до этого момента — никогда не играл в бильярд, но он часто смотрел видео на ютубе, его всегда интересовало в этой игре умение продумывать, как нужно забить шар, чтобы он попал в лузу и при этом оставил выгодную комбинацию на столе для других шаров.

— Все когда-то бывает в первый раз, — Игги нагнулся над бильярдным столом, слегка поправил свой пиджак, чтобы он не помялся и сделал первый удар — оранжевый шар залетел в лузу, а следом за ним залетел 2 шар, зеленого цвета.

— Вот так! Я всегда добиваюсь своего, — произнес в тот момент уж слишком уверенный в себе Игги.

Итак 2 шара попали в лузу, осталось еще 4 шара и 9 минут.

В это же время номер 3 — получила 2 раза удар током, из-за неправильно расставленных шаров, у нее было еще время и она опять постоянно меняла их на столе, ставя один шар за другим.

Номер 15 — правильно расставил их только со второй попытки, первая была неудачной из-за двух неверно расставленных шаров.

Игги снова забил еще 2 шара фиолетового и красного цвета — он правильно расставил их, поэтому забивать их было легче.

Но как он догадался, как их расставить — это строилось все опять на внимательности к деталям. Хотя шары и были разноцветные, а лузы казались одного черного цвета, все же если внимательно было приглядеться, то можно было увидеть в лузах еле заметные цветные вкрапления, которые соответствовали цветам шаров. Игги понял это спустя 2 минуты внимательного просмотра, номер 3 — походу делала просто наугад, а номер 15 сначала просто расставил их, как в компьютерной игре, а потом тоже заметил эти вкрапления.

— Еще 2 шара в лузе синий и желтый — произнес Игги, который забил уже 6 шаров.

Номер 15 тоже забил 2 шара, только один из них чуть не отскочил от лузы.

Номер 3 после количества ударов тока, все же смогла разглядеть вкрапления разных цветов в лузах и правильно расставить все шары.

Оставалось еще 5 минут, и Игги нужно было забить еще 2 шара, и как назло это было самое неудобное расположение на бильярдном столе, но он был бы не Игги Флинчем супер умным и уверенным в себе парнем — если бы сдался и стал сомневаться.

Игги снял свой пиджак, оставшись в клетчатой жилетке, облокотился ногой на стол, так аккуратно, чтобы не один шар не сдвинулся с места, и ударил кием. Золотой шар моментально влетел в лузу, а вот серый остановился возле лузы и чуть-чуть крутясь на месте все-таки попал в лузу.

— Да! Да! Да! — прокричал Игги, радуясь словно уже выиграл, он начал танцевать, забыв что впереди еще 3 испытания игры.

Номер 15 тоже забил все шары, компьютерная игра помогла ему.

— Не зря на работе в дурацком офисе я играл на смартфоне в бильярд — так и подумал номер 15.

Номер 3 тоже сумела забить шары, у нее это вышло с 5 попытки. Они все успели и прошли на следующий уровень.

— Номер 19 я поздравляю вы были первым. Номер 15 вы были вторым, номер 3 вы были третьей.

— Вы все успели до окончания времени и переходите на следующий уровень.

Следующая миссия в квесте была на первый взгляд детской забавой, но она оказалась сложнее предыдущих.

Участники попали в разные комнаты, которые выглядели, как детская игровая.

— У меня в детстве никогда не было такой комнаты, — произнесла номер 3, все рассматривая.

— Ух ты! Умеют они впечатлить, — сказал номер 15.

— Детские комнаты в квестах всегда самые непредсказуемые, — произнес Игги, который участвовал в разных квестах.

В каждой комнате оказалась огромная детская, в которой было много разных игрушек, кукол, мячей, машинок, а в самом центре комнаты лежало разобранное лего.

— Обожаю загадки, они прогоняют скуку — сказал Игги, посмотрев на потолок, где была спрятана камера.

— Участники квеста, в центре каждой комнаты лежит разобранный лего-конструктор. Ваша задача собрать его. На все у вас есть 30 минут. И помните, что это будет не просто! — произнес голос, загадочно намекая на особенности данной миссии.

— Какие подвохи, они приготовили на этом раз? — спросила номер 3, оглядываясь по сторонам.

— Проще простого. В бильярдной комнате было сложнее, — сказал номер 15.

Игги в отличие от них, не спешил собирать конструктор, как всегда его интуиция его не подвела.

Как только пошло время, и номер 3 и номер 15 взяли детали лего в руки — тут же стены по бокам комнат стали сужаться.

Они в суматохе стали собирать конструктор, но из этого ничего не вышло.

Игги повалил шкаф с игрушками, и сделал подпорку для комнаты, чтобы она не так быстро сужалась. В разных квестах в которых он участвовал до этого, Игги всегда пользовался разными хитростями, чтобы успеть выполнить задание. Многие подумают, что он играет не по правилам, но в этом квесте правил просто не было. Каждый мог делать все, чтобы победить, кажется номер 3 и номер 15 прекрасно об этом знали, но ничего не делали из-за боязни не успеть.

— Приступим! — произнес Игги, начав собирать лего-конструктор.

Это оказалось сложным заданием, все детали были похожи друг на друга и они часто не совпадали друг с другом.

Прошло 12 минут, комнаты номера 3 и номера 15 были достаточно сужены по бокам, а комната Игги была слегка сужена.

Номер 3 собрала лишь начало лего, а все остальное у нее запуталось. У номера 15 конструктор был криво собран, некоторые детали вообще он не стал соединять.

А лего-конструктор Игги был собран уже наполовину, он так ловко соединял детали, что это выглядело так, словно робот собирает конструктор. Игги полон загадок, он всегда скрывал свои способности от других, даже от собственных родителей — загадочный парень в клетчатом костюме — эту фразу он услышал от одной женщины в Новой Зеландии, которой он помог найти ее домашнего любимца — кота Тила — она была права, его талантам казалось нет предела.

— Участники квеста у вас осталось 10 минут — как только голос из динамика это произнес, в комнате сразу стало жутко холодно, температура опустилась — как в морозильнике.

Все комнаты стали покрываться инеем, номер 3 еле пыталась хоть как-то собрать свой конструктор, номер 15 уже трясущимися руками все-же смог исправить свой кривой конструктор, а Игги уже почти закончил — он даже не замерз.

— Холод включает в организме человека процессы выживания — как всегда он во всем искал плюсы, ему нравились такие ситуации, для него это был способ уйти от обыденности.

Полы в комнатах стали превращаться в лед — эффект был удивительным, словно участники находились в ледяных дворцах.

— Участники квеста у вас осталась 1 минута.

Номер 3 и номер 15 собрали так как смогли, у номера 3 оставалось еще немного деталей, но конструктор уже напоминал подобие какой-то куклы с глазами. Номер 15 сумел собрать свой конструктор, но все же он выглядел криво, и лишь издалека напоминал гоночную машину.

Игги все собрал у него вышел дом из покерных карт.

— Участники квеста вы собрали свои лего-конструкторы. Лучше всех справился номер 19 — у вас был дом из покерных карт, номер 3 — у вас была кукла с большими глазами, номер 15 — у вас была гоночная машина Формулы 1.

Номер 3 вы соединили не все детали — поэтому выбываете из игры.

— Ну и ладно, — сказала номер 3, от злости она разрушила свой лего-конструктор.

— Номер 15 и номер 19 вы проходите дальше. Впереди еще 2 испытания.

В следующей комнате стоял большой бассейн, Игги сразу понял, что нужно будет нырять — он не очень любил плавать, и всегда не любил таких заданий в квесте, а особенно он больше всего не хотел намочить свой костюм.

— Участники квеста в вашей комнате находится бассейн, придется немного поплавать. На дне бассейна находятся 10 ракушек, в трех из которых находятся жемчужины. Ваша задача найти 3 жемчужины, кто сделает это быстрее — попадет в следующую последнюю комнату. Но помните это не простой бассейн, — произнес голос, устрашающим тоном. На все у вас 15 минут.

— Вода моя стихия. Я занимаюсь серфингом уже 5 лет, — произнес номер 15.

Как только пошел таймер, он сразу прыгнул в бассейн, номер 15 задержал дыхание и нырнул, он нашел на дне 2 ракушки, и тут вода стала резко бурлить, он начал попадать в воронку, которая стала его затягивать.

В своей комнате Игги снял пиджак, жилетку и ботинки, положив их у бассейна он прыгнул в воду, задержал дыхание и нырнул. Несмотря на то, что он не особенно любил плавать, делал он это весьма хорошо. Добравшись до края бассейна, Игги нашел 3 ракушки, и только он хотел выплыть вверх, как в бассейне вода стала мутной, глаза стали чесаться и он не мог увидеть, где остальные ракушки. Игги выплыл наружу, открыл 3 ракушки, в одной из них оказалась жемчужина, он положил ее в карман пиджака. Чтобы вода не раздражала глаза, Игги достал из пиджака карманный платок-аксессуар, который был полностью

прозрачный и очки, с удлинённой оправой, которые он всегда носил с собой, из-за оправы очков которая ему нравилась. Он закрыл глаза платком, так что был виден весь обзор и сверху платка одел очки. Его находчивости, даже в самых экстренных ситуациях можно было позавидовать. Игги выжил бы, даже если бы один попал на необитаемый остров или в глухой лес. После этого он снова задержал дыхание и нырнул еще глубже, чтобы достать как можно больше ракушек.

— Осталось 10 минут, — снова прозвучал голос.

Номер 15 еле выплыл, открыл 2 ракушки, не в одной не было жемчужины, он немного отдышался и снова нырнул. Он погрузился дальше и в углу бассейна нашел еще 2 ракушки, он уже хотел их забрать, но в этот раз вода в бассейне стала прибывать еще больше из специальных дырок по краям и 2 его ракушки стали отдаляться от него, крутятся в воде. Он быстро всплыл на поверхность, секунд 10 подождал и снова нырнул.

В другом бассейне Игги глубоко нырнув нашел еще 2 ракушки, одна из которых была как-будто примагничена к плитке бассейна. Благодаря платку и очкам, он все хорошо мог разглядеть в этой мутной воде и его глаза больше не чесались. Он забрал одну ракушку, подплыл ко второй, примагниченный на плитке, забрал ее и оттуда пошла огромная струя воды, которая снесла его в самый конец бассейна. Его очки слетели и стали падать вниз на большую глубину, Игги моментально среагировал, успел их схватить и быстро всплыл вверх. Уже наверху возле бассейна он открыл 2 ракушки, и в них ничего не оказалось.

— Еще 5 ракушек, скорее всего те, где еще 2 жемчужины находятся еще глубже, — произнес Игги, пытаясь сфокусироваться и как можно быстрее отыскать их.

Номер 15 нырял уже несколько раз подряд и сумел найти, и вытащить еще 2 ракушки в одной из них была жемчужина, всего ему осталось найти еще 6.

У Игги и номера 15 было по одной найденной жемчужине, а времени оставалось всего 8 минут.

Номер 15 снова нырнул и нашел еще 2 ракушки по центру бассейна, взяв их он почувствовал, как они стали очень горячими, даже в холодной воде бассейна, казалось, что он вытащил их из-за огня. Номер 15 уронил эти ракушки и выплыл наверх.

— Слишком сложное задание. Они как будто хотят прикончить участников квеста, — сказал номер 15, уставшим голосом.

В отличие от него Игги не собирался сдаваться и жаловаться на организаторов квеста, он нырял снова и снова, и ему удалось вытащить

еще 4 ракушки, вода в бассейне стала разогреваться и он сумел быстро выплыть. В 4 ракушках он нашел еще 1 жемчужину, осталось найти еще 1 жемчужину из 2 ракушек.

Номер 15 сумел найти и вытащить 1 ракушку, на этот раз ему повезло, в ней была жемчужина.

В итоге они сравнялись, у Игги и номера 15 было по 2 жемчужины и еще по две 2 ракушки, в которой оставалась 1 жемчужина для перехода на последнюю миссию.

Игги снял рубашку, сразу нырнул, он погружался вглубь бассейна, номер 15 тоже снял свою футболку с нарисованным на нем волком и кроссовки и так же нырнул.

Игги нашел 2 ракушки, которые находились на самом дне бассейна и как будто парили над ним, прикрепленные еле видимыми нитями. Игги понял в тот момент, что придется не просто. Он подплыл к прикрепленным ракушкам, снял свой браслет с руки, и его краем стал перерезать нити которые держали ракушки. Он понял, что тянуть их будет ошибкой, и нужно их отрезать.

Номер 15 тоже нашел 2 ракушки, они оказались прикреплены к дну бассейна под стеклянными коробками. Он пытался их поднять, но это было безуспешно, потом он стал колотить по ним кулаками и ногами, но коробки не поддавались. Он всплыл наверх, осмотрел комнату с бассейном и нашел там топор, который оказался тяжелым, номер 15 большим трудом сумел погрузиться с ним, и стал со всей силой разбивать стеклянные коробки, у него получилось, но вода снова не отпускала его и стала такой ледяной, что ему свело левую ногу, и ракушки снова уплыли от него.

Игги сумел перерезать эти нитки, забрал ракушки, и когда он уже был готов всплывать вверх, его схватили из дна бассейна, где находился фильтр очистки, металлические щупальце — это был робот осьминог.

Они крепко схватили Игги за ногу и тащили вниз, он снова снял с руки свой браслет, направил на щупальце робота-осьминога, нажал на один из камней браслета и стал прожигать щупальцу робота осьминога лазерной указкой, которую использовали дайверы, только усовершенствованную, которая умела прожигать металлы под водой, находившиеся в самом браслете. Он был, словно секретный агент, оказывается у него было много тайн не только в нем самом, но и в его вещах.

Игги сумел выбраться из щупальцев робота-осьминога и выплыть на поверхность, правда он изрядно нахлебался воды.

— Спасибо, Стейн! Твои навороченные штучки мне всегда помогают, — произнес Игги, упоминая своего друга программиста-изобретателя Стейна, с которым его свел квест в Новой Зеландии, где Игги выиграл.

В это время номер 15 сумел выплыть, прихватив с собой 2 ракушки. Игги открыл свои 2 ракушки, в одной из них была последняя жемчужина, он стал одеваться и услышал знакомый голос.

— Номер 19 вы нашли 3 жемчужины быстрее номера 15. Вы проходите на следующую миссию в последней локации.

Номер 15 так устал, что даже расстраиваться не стал — Хватит. Я устал от этого квеста! — произнес номер 15, одел футболку, ботинки и вышел из комнаты.

Игги прошел в следующую комнату, и только он ее открыл, как его насквозь продуло воздухом и прямо перед ним затормозил электропоезд с тремя вагонами сцепленными вместе.

Вот — это настоящий квест! — сказал Игги, поправляя волосы, намоченные после миссии с бассейном и продутые воздухом от мчащегося на него электропоезда.

— Номер 19 — это последняя миссия в квесте. Вы находитесь в подземном метро. Пройдите вперед и увидите 3 вагона электропоезда. Они прицеплены друг к другу. Каждый вагон приближает вас к двери, которая ведет наружу. Ваша задача найти ее. Если справитесь, вы выиграете и получите приз, если нет, то вы будете удалены из игры. На все у вас 20 минут. Время пойдет, когда вы зайдете в первый вагон — произнес это уже заезжий голос.

— Я ее найду. Не зря же я нырнул и боролся с вашим роботом осьминогом, — сказал Игги на камеру, установленную на одном из вагонов.

Три вагона, сцепленные вместе находились не просто в подземном метро — это было заброшенное метро под современным метро, какая-то неработающая станция, похожая на секретную ветку Лондонского метрополитена, рельсы были настолько проржавевшие, что даже поскрипывали, и этим издавали резкие и неприятные для ушей звуки, сами вагоны были старыми и обведшими, вся краска с них слетела, открывая потрескавшееся двери и стекла в окнах вагонов.

— Подземка-призрак — такого в квестах я еще не проходил, — сказал Игги, осмотрев как всегда всю локацию, изучая каждый угол, чтобы не пропустить даже мелких деталей.

Прошло 5 минут, Игги зашел в первый вагон, который жутко выглядел, вся обивка на креслах ссыпалась, стоял запах плесени, а на полу

валялись разные старые газеты, порванные старые фотографии, а в самих полах были разломы, едва удерживавшиеся сами полы.

— Газеты и фото — это ключи к разгадке, где спрятана дверь, — сказал Игги, не сомневаясь в своих словах, и что выйдет из этого квеста победителем.

Проходя весь вагон, Игги подбирал под ногами все газеты, разбросанные кусочки разорванных фотографий, старую коробку, в которой была клейкая лента, он нашел даже старый башмак, явно потерянный кем-то в начале 20 века.

Игги проверял каждый угол вагона, все кресла, пол, окна, стены и даже потолок, который казалось готов был на него упасть.

Он взял все, что нашел и отправился во второй вагон, перейдя в него, он услышал какой-то грохот сзади — оказалось, что самый первый вагон в котором он только, что был, развалился пополам, и если бы он не забрал явные пасхалки в виде газет и фото, то уже не смог бы туда вернуться и проверить, что он упустил. Во втором вагоне, как ни странно не было кресел, а окна были забиты досками, казалось, что этот вагон был тут лишнем, снаружи он выглядел как старый, а внутри был в хорошем состоянии. Пустой вагон, за исключением картонной коробки, стоящей посередине вагона.

Игги осторожно все осмотрев, подошел к коробке, прислушался и понял, что в ней, похоже был приемник — играла тихая музыка, он поднял коробку и оказался прав — там был старый приемник с антенной, который проигрывал тихую музыку, как будто в замедленном действии.

— Загадка! Приемник одна из деталей к разгадке, — задумался Игги, перебирая смятую газету в руках.

— Номер 19 у вас осталось 12 минут — произнес голос.

Игги забрал приемник и пошел в последний третий вагон, зайдя в него, вагон резко тронулся, стал набирать скорость и помчался вперед по туннелю, похожему на бункер. Игги вынул ремень из брюк, сел в одно из кресел и закрепил себя этим ремнем, чтобы не упасть и не вылететь из вагона, так как у него отвалились двери, при разгоне. Он крепко держал все предметы, взятые из двух предыдущих вагонов и пока третий вагон мчался куда-то вперед, Игги стал просматривать все газеты и фотографии, проверяя даже старый башмак, в котором оказалась какая-то надпись, еле удерживая их в руках, он включил приемник громче, звук стал четче и понял, что этот вагон приведет его на то место, где будет спрятана дверь и все пасхалки, найденные им, которые помогут ему ее найти.

— Так газеты от 1912 года, в них говориться о строительстве тайного подземного туннеля, клочки фотографий с ремонтными работами в туннеле, клейкая лента, внутри башмака надпись — Джон Фаулер — это инженер-строитель, который проектировал первую в мире подземную железную дорогу — Лондонский метрополитен, приемник играет музыку композитора Ральфа Воана-Уильямса, композиция называется «Зеленные рукава», Шекспир упоминал ее в комедии «Виндзорские насмешницы» — проговаривал все вслух Игги, держась за кресло вагона.

Вагон резко остановился, также резко, как и тронулся. Перед взором Игги открылась платформа на станции, стоящей напротив вагона с правой стороны, полностью закрытой без лестницы, с надписями на стенах. Игги вышел из вагона, который снова уехал вперед по туннелю, и оказался словно в закрытой коробке.

Игги прошелся по этой платформе, станция была старой, недоделанной с торчащими проводами на потолке, со стенами, выкрашенными в белый цвет, на которых были 3 надписи, написанные разными красками, с прикрепленными к ним обрывками старых фотографии строительства станции, с гранитными полуразрушенными плитами на полу, и какими-то старыми рычагами, закрепленными возле стен на которых были цифры 17, 18, 19 — странное оформление станции — подумал Игги.

— Это похоже на чьи-то цитаты, — произнес Игги, в его голове складывался какой-то пазл, ведущий его к двери наружу.

3 надписи:

1. «Музыка — посредница между жизнью ума и жизнью чувств» написано синей краской.

2. «Цель музыки — трогать сердца» написано красной краской.

3. «Музыка должна быть обращена ко всем, хоть и не всеми будет принята.

Мы должны говорить пароль каждому — только так мы найдём тех, кто на него ответит» написано зеленой краской.

Игги прочитывал каждую надпись несколько раз, а времени на поиск двери оставалось все меньше.

— Номер 19, у вас осталось 7 минут, — опять оповестил это голос.

Игги сел на пол перед стенами с надписями, разложил все найденные вещи, еще раз прокрутил все в голове.

— 1912 год, Джон Фаулер, незаконченное строительство подземного метро, приемник с антенной, цитаты композиторов, тихая музыка «Зеленые рукава» Ральфа Воана-Уильямса, Шекспир... при чем здесь

Шекспир... — Игги все проговаривал вслух, пытаясь сложить все детали и понять где находится дверь.

Он закрыл глаза и думал почти около минуты, и вдруг его осенило.

— Третья цитата...mmm...пароль — найдет тех, кто на него ответит. 1912 год, подземка-призрак, — Игги наконец понял, где найти эту дверь на этой платформе.

Он подошел к стене, где была третья написанная цитата, ногой отсчитал количество плиток на полу под ней, нажал ногой на четвертую плитку, потом подошел ко второй стене, вытащил клейкую ленту, взял кусочки фотографий, который нашел в первом вагоне, и стал наклеивать их к тем обрывкам фотографий, приклеенных к стене, потом подошел к самой первой стене и дернул возле нее за рычаг с цифрой 17.

— Все — готово, — произнес Игги, почти на последней минуте квеста.

И тут потолок станции стал разъезжаться пополам, и сверху оказалась лестница, которая стала спускаться вниз на платформу, где стоял Игги.

— Номер 19, вы нашли дверь. Вы — выиграли квест! Поднимайтесь по лестнице наверх, — произнес голос.

Игги был доволен собой, потому что это был один из самых сложных квестов, которые он проходил.

Он сумел разгадать эту загадку, потому что он много читал, запоминал и умел фокусироваться на самых мелких деталях.

Что это была за загадка — попробуйте разгадать ее сами. Игги никогда не раскрывает своих секретов.

Лестница была довольна длинная, он поднялся наверх, прошел немного вперед и оказался в лифте и через пару минут Игги оказался уже в большой комнате, вокруг было много разных шкафов и полок с книгами, их было много, и все выглядело так, как будто это Лондонская библиотека, но это был кабинет в одной из квартир в центре Лондона, хозяин которой, явно знал про эту тайную лестницу, ведущую в подземное заброшенное метро. На столе в комнате лежали его айфон, на котором было несколько пропущенных звонков от дяди Митча и книга.

Игги открыл ее, и в ней была открытка с надписью — «Поздравляю победителя квеста! Это приз — редкая и дорогая книга».

— Это книга не просто дорогая, а скорее бесценная. Она коллекционная и очень старая. Все испытания в квесте — стоили того. Посмотрим, какие тайны ты еще мне откроешь — сказал Игги, перелистывая страницы.

Его телефон снова зазвонил и он понял, что если сейчас не ответил, то дядя Митч и тетя Мэгги будут обыскивать весь город или пойдут в полицию, чего он совершенно не хотел.

— Дядя Митч я... — не успел он ничего сказать, как услышал встревоженный и разозленный голос своего дяди, который без остановки кричал на него и ругал, так что Игги даже отдалил свой айфон подальше от ушей, пока перепонки не лопнули от его крика.

— Ты все сказал дядя Митч. Я же предупредил тебя, что буду поздно. Успокойся, я уже иду домой, — произнес Игги, зная что дома ему прочитают еще целую лекцию о его поведении.

— Марш домой! — закончил дядя Митч и отключил телефон.

— Знал бы ты, какие приключения я сегодня прошел, ты посадил меня под замок, — сказал Игги, держа книгу в руках.

Он вышел на улицу, стояла уже ночь, на айфоне было 1:30, Игги побрел домой, в его голове, как всегда было много разных мыслей.

Подойдя практически к дому, он начал переходить перекресток и дорогу ему перегородила машина Бентли черного цвета, из нее вышли двое мужчин, похожих на тех, которые участвуют в реслинге, они схватили его и резко затащили в машину. Игги ничего не успел сказать, как оказался зажатым между двух качков, которые приказным тоном велели водителю гнать быстрее.

Игги крепко держал книгу и понял, что Лондон готовит ему еще больше приключений.

ТАКОЕ

Виктор Афоничев

г.Искитим, Новосибирск.обл.

РАЗГОВОР

Кровать занимала почти всю спальню. В комнате ещё стоял шифоньер высотой под самый потолок с двумя зеркальными дверьми, в которых отражалась кровать. Лёжа на постели, повернув голову в сторону шифоньера, можно прекрасно видеть всё ложе. Двое, закончив занятие плотскими утехами, смотря в потолок, голышом лежали на кровати. Его зовут Андрей, ему сорок лет. В гостях у него Даша, она на де-

вать лет младше его. Он платит алименты двум детям от двух браков. У неё от прожитых лет — багаж впечатлений от двух десятков любовных романов и ребёнок на воспитании.

— Я хочу услышать, что у тебя никогда не было такой женщины, как я, — шепчет Даша на ушко Андрею.

— Да, — отвечает он.

— Только не ври, — возмущается она.

— На чём основывается твоё неверие? — спрашивает Андрей.

— В двух словах не объяснишь, — произносит Даша, продолжив томным голосом: — Говори, только романтично.

— Такой не было, — соглашается он, далее в подтверждение добавляет: — Хочу тебя постоянно.

— Какой не было? — просит уточнить она.

— Неповторимой, — отвечает он.

— Класс! — соглашается Даша и дальше настаивает на продолжении комплиментов: — Ещё говори.

— Хочется в тебя входить, — сыплет любезностями Андрей. — И выходить. — После небольшой паузы добавляет: — Надо тебя по попе отшлёпать. Попа у тебя красивая.

— Я слышала, что у тебя до меня была очень симпатичная женщина, — произносит Даша.

Ему бы ответить, что самая восхитительная девушка на всём белом свете — Даша. Она была бы удовлетворена таким ответом и разговор потёк бы дальше, как сладкая беседа. Но он пошёл в несознанку.

— Кто такая? — спрашивает Андрей, делая вид, что ничего не понимает.

Ей бы ответить: «Проехали». Но она произносит:

— Тебе лучше знать.

— И что произошло?

— В смысле? — уточняет она.

— Что тебе рассказали? — поясняет суть вопроса он.

— Была? — настаивает на ответе Даша.

— По попе можно тебя похлопать? — в ответ на свой вопрос требует Андрей.

— Не переводи разговор на другую тему, — возражает Даша. — Не забыл её?! — с укором бросает она.

— Ты не ответила на мой вопрос, — на своём настаивает он.

— И ты, — она тоже непреклонна.

— Можно? — опять спрашивает Андрей. Поясняя: — Вдруг тебе неприятно будет.

- Ответь, — настойчиво требует Даша.
- Зачем тебе это? — недоумевает он.
- Просто интересно, — поясняет она. Добавляя: — Ты тоже спрашивал.
- Что я спрашивал у тебя? — очередной вопрос задаёт Андрей, приподнявшись с постели.
- Давай стрелки не переводи. Что здесь такого? Тут всё ясно. Что, правда, — она эту тираду произносит тоже уже сидя на кровати. Диалог ускоряется.
- Какая правда? — с раздражением спрашивает он.
- Что я слышала.
- А именно?
- Встречался с ней?
- Встречаюсь с Дашей и больше никого не знаю, — всё отрицает он.
- Я же знаю. Что, как маленький. Скажи хоть раз правду.
- Какую правду?
- Про твою личную жизнь. Я тебе ведь всегда правду говорю.
- Я никому про личную жизнь не рассказываю, — свои принципы озвучивает Андрей.
- И что такого, если мне что-то расскажешь? — откровенности требует Даша.
- Я тебя спрашивал про твои отношения с другими? — доводы против развязывания своего языка приводит Андрей.
- С кем другими? — не понимает она.
- Во сколько лет ты потеряла невинность? — чёткий вопрос задаёт он.
- В восемнадцать лет, — не задумываясь сообщает она.
- С кем и как? — конкретики требует Андрей.
- С парнем, — очень конкретно отвечает Даша.
- Это понятно, — соглашается он и тут же спрашивает: — Тебе понравилось?
- Понравилось. Он был старше меня. Всё произошло в общежитии.
- Ты, тогда, закончила?
- Не помню.
- Было с ним один раз или несколько? Вы выпивали?
- Я помню, что звали его Костя Романов. Он старше меня учился. Бандит был, и это притягивало.
- На сколько старше? И куда он делся? Здоровый? Высокий? — несколько вопросов сразу задаёт Андрей.

— Не выпивали. Здоровый, — поведала Даша, роясь в воспоминаниях.

— Как он тебя? — Андрей стоя, одновременно спрашивает и показывает руками, как по его разумению всё происходило.

— Никуда не делся, — с опозданием на ранее заданный вопрос, тоже стоя, отвечает она. И резко повернувшись, смотря на него в упор, задаёт встречный вопрос: — А тебе какая разница?

— В какой позе и как долго продолжалось? — со злостью спрашивает он.

— Много будешь знать, скоро состаришься, — отвечает Даша.

— Ты ведь ничего не скрываешь от меня, — поясняет свою настойчивость Андрей.

— Ты своих прежних как трахал? — и она решает поинтересоваться деталями прошлых отношений Андрея.

— Ты вроде про одну спрашивала.

— С ней всё понятно.

— Сколько раз он имел тебя?

— Замолчи! — отдёргивает его она.

Даша быстрыми, нервными движениями надевает на себя одежду. Он уже тоже почти при параде — в шортах и в футболке.

— Сколько у тебя парней было?! — не унимается Андрей.

— Я эту крысу твою ненавижу! И тебе надо башку разбить!

— За что? — с саркастической улыбкой задаёт вопрос Андрей.

— За всё!

— Ты не ответила. Сколько? И как? — дальше продолжает хамить он.

— Отстань. Своё вспоминай, — как от назойливой мухи отмахнулась, уже стоя в прихожей перед зеркалом, приводя себя в порядок, произносит Даша.

— Ты же готова всё мне рассказать! — цепляется Андрей.

— Мне нечего рассказывать, — с гордостью произносит она.

— А я ничего не помню, — бросает он, мол всего столько было, стоит ли этим забивать голову.

— И я тоже, — и она придерживается того же мнения.

— Или тебе рассказать? — предлагает он. Тем самым больше обостряя ситуацию, или может быть попытаться прорвать образовавшийся нарыв.

— Расскажи, — соглашается она. У неё тоже возникает потребность в адреналине.

— Хочешь? — ещё раз уточняет он.

— Только не про меня, — просит она.
— А про кого? И что тебя конкретно интересует?
— Как сильно она тебе нравилась? — спрашивает Даша и тут же себя поправляет: — Нравилась и дураку понятно.
— При чём тут это? Ты ведь хотела услышать про постельные сцены.
— Ну, хотела.
— Любила она всё. В постели у неё не было табу.
— Ну, молодец она. Что тут скажешь, специалистка значит, — с мокрыми глазами произносит Даша.
— Сколько у тебя партнёров было? Говори! — Андрея понесло.
— Не считала.
— Пятьдесят, сто?
— Двести!
— Так мало?
Даша встrepенулась, выдавив из себя улыбку, произнесла:
— Ещё всё впереди. Я ещё молодая.
— А друзья Кости Романова входят в это число?
— Заткнись! — зло рубанула она.
— А групповуха была?
— Я тебя больше не хочу видеть. Козлина!
— Заметь, ты начала этот разговор. Я тебя про личную жизнь не спрашивал. И тебя не обзывал.
— Я обзываю.
— Я тебя оскорблял?
— Оскорблял.
— Как?
— Проанализируй, что сказал.
— Я тебя до сегодняшнего дня спрашивал о твоих сексуальных партнёрах или рассказывал о своих отношениях с другими женщинами?
— И что тут плохого, что мне нравился парень?
— Грустишь о нём?
— Ненормальный!
— Или не можешь забыть, как он тебя?
— Ты трахался до меня? — повернувшись к нему лицом, спросила она. — Молчишь. Что я, не человек?!
— Я, как нормальный человек не интересовался твоими прошлыми романами.
— Всякую ерунду про меня выдумал. Что тебе дался Костя Романов?! — с упрёком произносит Даша.

— Ты первая начала.
— Я же женщина, — последние её слова перед тем, как закрыть за собой дверь.

Роман Припузов

Красноярск

ОБРЯД БЕЗОБРАЗНОЙ ХАТУН

Багровый диск солнца уже клонился к закату позволив облачённым в лохмотья рабам укрыться от смертоносных лучей в тени двух гигантских колосов бдительно хранивших вход в столицу древней империи город Истаракум,свезённые с самых отдалённых уголков известного мира они представляли причудливую, пёструю смесь народов, верований и языков. Волею жестоких богов лишённые свободы и дома, теперь извлекали из земных недр драгоценный металл изнывая от жара и жажды в раскалённой пустыне. Вместе с другими Гулинами я брёл к убогим, покосившимся, глиняным хижинам что бы упав на соломенный пол унести ветром сновидений на берега благодатного пресноводного моря Бэйхай, как в далёком детстве прогуляться по покрытым хвойным лесам холмам, и поздним вечером собравшись у костра спеть гимн Небесному Тойону создавшего все прекрасное и доброе что есть во вселенной, как сладки иногда бывают сны. Государство Гулинов пало совсем недавно и все взрослые члены племени хранили в сердце память о родном просторе. Лишь младенцы мирно сосущие груди матерей, да ватаги неутомимой детворы с гвалтом носившиеся туда сюда не догадывались об уготованной им участи. Мы же озираясь вокруг поражались глубине деградации соседей, поселенных здесь в незапамятные времена некоторые настолько утратили первоначальный облик, что растворившись в людской массе спонтанно сбивались в разномастные шайки, предавались под покровом ночи омерзительным оргиям звуки от которых сотрясали спёртый воздух пустыни. Иные сохранив облик своей расы искали спасения в поклонении кровожадным идолам, К неказистым фигура из камня с головами увенчанными ветвистыми рогами, приносили они многочисленны дары - пищу, амулеты, жизни соплеменников. С неизменной улыбкой вонзали

ножи в плоть лежащих на жертвенных алтарях под чей предсмертный хрип окропляли кровью образы безмолвных истуканов. Вооружившись палками я и ещё несколько таких же молодых Гулинов отгоняли изголовавших мелких хищников от беззащитных женщин и детей. Топот лошадиных копыт и громкий боевой клич Господ нарушили унылый ежевечерний ритуал, устремившись прямо на нас они разгоняли преградивших путь нерасторопных рабов жалеющими ударами кнутов, оцепив принялись неспешно ездить в хороводе на своих гнедых, низкорослых конях. Длинные желто-синие халаты полностью скрывали формы их тел, на лицах замотанных полосками белой ткани были вырезы для злобных, крошечных глаз и надменных тонкогубых ртов. Прижавшись друг другу спинами словно затравленные, дикие звери мы переполнились смешанными чувствами страха и непонимания. Резко взметнувшийся в верх аркан ловким броском оказался на моей тщедушной груди, сковав движения мёртвой хваткой. Властная рука стала все туже сжимать кольцо перекрывая путь кислороду, подкосившиеся ноги едва держали обмякшее побагровевшее от удушья туловище. Зарябившие чёрные точки через пару минут уже застилали пол взора, и прежде чем тьма целиком поглотила меня я успел прошептать молитву Тойону. Выстроив в ряд и связав Господа повели нас в часть города где среди двухэтажных мраморных вил, зажатый остроконечными шпильями замок и башен возвышался ханский дворец. Налеты случались и раньше, но обычно всадники охотились исключительно юных девушек только вступивших в пору чадорождения. Сейчас в веренице пленников шли молодые, здоровые и сильные мужчины, в среде которых я отличался низким ростом и чахлым телосложением. Терзаемые догадками мы забирались на усыпанный булыжниками холм рая обнажённые ступни об острые ребра камней, мерцающие в небе луна и звезды освещали узкую, извилистую тропинку ведущую к запертым деревянным воротам встроенным в трёхметровую каменную стену отделявшую город рабов от города Господ. Гневные окрики не давали обернуться назад, что бы лицезреть оставшиеся далеко позади копии и развалившиеся трущобы. Беспощадные удары кнута заставили нас замереть в полу километре от врат, Выехавший вперёд всадник приблизился вплотную к воротам и широко размахивая руками проорал тираду грубых, рубленных слов. Исполинская дверь начав открываться выпустила наружу лучи искусственного света и бурлящие запахи цветущего сада. Загипнотизированные мы следили за расширяющейся щелью, пока проскакавшие в распахнувшийся проем всадники не уволочили нас за собой. Горбатые, с высушенной и сморщенной от постоянных ветров кожей лучники, выглядывали из бой-

ниц на обратной стороне стены. Они слегка натянув тетиву прицелили на проходивших ворота острые наконечники стрел. Из массивных браслетов замкнутых на шеях хитроумным механизмом выростали стальные цепи противоположным кольцом замурованные в монолитной толще стены. Не поспевая за всадниками мы бежали тяжело дыша по мощёной кирпичом дороге ведущей к дворцу, пространство перед нами освещали факела привязанные к вбитым вдоль дороги столбам и стоявшие по обочина ёмкости наполненные горевшей внутри синем пламени жидкостью. Из встречавшихся по пути домов вываливались заспанные Господа с интересом наблюдавшие за нашей процессией. Даже в полумраке было заметно удивительное сходство двух народов. Миндалевидные, карие глаза посаженные на в меру широком лице, густые цвета застывшей вулканической лавы волосы спадавшие на широкие плечи, плавные изгибы бровей и очертания волевых подбородков подтверждали принадлежность к одной расе. Господ от рабов отличала прижимистость и упитанность тел особенно заметная у появлявшихся женщин, по всей видимости заставлявшая их мужчин воздерживаться на стройных как молодые берёзы девушек Гулинов. На подступа к дворцу исчезли заборы ограждавшие дворы вилл, посреди зелёных лужаек из под земли вырывались струи пенящейся, прохладной воды, на скамьях расставленных вблизи водоёмов развалившись нежились Господа, смуглолицые слуги с точками на лбу без усталости махали опахалами над вспотевшими телами хозяев. Пройдя до конца улицы мы вышли к мостику соединившему берега заполненного зелёно-мутной водой рва. За рвом раскинулись обширные охотничьи угодья и крестьянские хозяйства кормившие обитателей ханского дворца. Всадники спрыгнув с коней подтянули и подпоясали халаты показав замшевые, узконосые сапоги. Привязав лошадей к воткнутым у моста частоколу, мы перешли через мост и зашли в глубь небольшой рощи фруктовых деревьев. Терпкий аромат исходивший от висевших на деревья диковинных плодов щекотал ноздри возбуждая сильное урчание в истощённых желудках. За рощей было скопление из десятка сараев в один из которых нас затолкали подобно скоту надёжно захлопнув снаружи засов. Упав спиной на пол из засохшей глины я уставился дерновую крышу усеянную отверстиями и высунув разбухший язык ловил капли стекавшие с прохладившегося крова тщетно пытаюсь утолить нестерпимую жажду. Шум за дверью заставил вздрогнуть и вскочить на ноги, забыв о жажде и голоде. С грохотом отомкнув засов в сарай вошли трое грозных воинов, за их спинами мелькала фигура тщедушного старика с остеревшимся рабским клеймом на сморщенном лбу.

Часть моих соплеменников осталась лежать на полу,крайне утомлённые они были не в силах встать.Двое воинов выдвинувшись принялись их подымать ,угрожающе приставляя к шеям кинжалы попутно разрывали рубахи обнажая торсы пленников.Кривоногий воин с волосами завязанными в конский хвост ,держа в правой руке факел бесстрастно наблюдал за происходящим.Ставший подле него дрожащий старик разразился истошным воплем на ломаном гулинском языке-Смердящие псы!Поднимитесь и снимите рубахи перед Блистательным Саботаем! начальником гвардии повелителя вселенной Прокричав старик согнувшись вытянул голову в сторону начальника царской охраны,в ту минуту напомнив щенка впервые принёсшего кость хозяину и ждущего заслуженной награды. Не удостоив взглядом унизившегося раба Саботай стал придирчиво ощупывать чресла Гулинов.Мои соплеменники в массе своей действительно обладали выдающегося сложения телами,сильные и выносливые мы могли целыми днями затравливать диких зверей в суровых горах.Изнуряющий труд в каменоломнях только закалил и выпестовал нас,сделав мышцы твёрдыми и прочными подобно металлу.Самодовольная улыбка Саботая расширялась по мере продвижения обследования,он явно был доволен сегодняшним уловом. Но очутившись напротив меня разразился громогласным,гомерическим хохотом,Из расхлябавшейся пасти разлетались бесчисленные капли слюны и исходило тошнотворное зловоние.С трудом сдержав рвоту,я опустил голову и просил милостивых богов как можно скорее закончить испытание.Успокоившийся Саботай добродушно хлопнул меня по плечу и сказав старику несколько слов на языке Господ удалился.Когда я преодолел страх и стыд поднял голову,последний соплеменник уже переступал порог сарая.Старик высунув наружу подобострастную,хитрую рожу проводил будущих стражников дворца повелителя вселенной.Как только вдали затих топот шагающих ног,он набросился на меня вооружившись тонким,хлётким прутов.Собрав последние силы повалил на землю неловкой подсечкой,благоразумно решив не вставать я перевернулся на живот, и закрыв руками голову подставил спину под немощные удары старика.Желая излить всю обиду нанесённую , в тот вечер ,он тяжело кряхтя и сопя пытался причинить мне хотя бы немного страданий,одновременно извергая нескончаемый поток ругательств на двух языках.Утомившись он проклиная собственную дряхлость велел мне одеться и следовать за ним.Достав из за пазухи уменьшенную копию ёмкостей освещавших дорогу от стены до рва,повёл меня запутанными тропами к дворцу.Предрассветном зареве вырисовывались силуэты остроконечных башен и шпили замков прижимавшихся к главной цитаде-

ли столицы. Взирая на неприступные каменные сооружения моё сердце разорвалось от воспоминаний о покинутых в детстве горах. В отдалённых уголках подсознания нарастало чувство ликования от возможности покорения вершин этих монументальных строений. За долгие десятилетия преданной, службы старик досконально изучил каждый метр владений своего господина, умело обходя цветочные клумбы и вкопанные в землю декоративные камни, которые как я позже узнал являлись замаскированными капканами и ловушками для алчущих наживы грабителей. Из прудов чью водную гладь искусный садовник усеял бутонами благоухающих лотосов выглядывали усатые морды огромных сомов. Разбуженные шумом в неурочный час, они всплыв с заиленного дна, широко распахнули рыбьи рты надеясь получить угощения. Выйдя на зелёную полоску отделявшую сад от вздымавшейся ввысь башни, старик подал знак невидимым лучникам не пускать в ход свои стрелы. Пробежав по залитой росой утренней траве, мы упёрлись в каменное основание башни. Проведя ладонью по неровной, шершавой поверхности старик уцепился пальцами за чуть выпиравший малюсенький камешек и оторвал его слегка потянув. Расстегнув верхние пуговицы рубахи он вставил висевший на груди ключик в образовавшееся отверстие в каменной породе. Нервно теребя ключом с десятого усилия смог отворить замок. Откинувшаяся крышка открыла квадратный проход метр на метр. Пропустив меня вперёд, старик залез следом с оглушительным грохотом закрыв за собой маскировочный люк. Узкий, скользящий вниз проход непрерывно расширялся по мере продвижения. Спуск казалось длился целую вечность, вековая пыль попадая в лёгкие не давала свободно дышать, смешавшись с текущим с лица потом заливала глаза мутной жижей. Постепенно встав с колен, я стал идти согнув спину. Привыкшие к сумраку глаза разглядели массивные дубовые двери чередовавшиеся по обе стороны пыльного тоннеля. У одной из них меня и остановил семенивший сзади запыхавшийся старик, сразу принявшийся тарабанить чугунным кольцом приколоченным к деревянному полотну. Появившийся из полукрытой двери бледный, сутулый с волосами цвета созревшей пшеницы мальчик, испуганно съёжился увидев недовольное лицо старика. Тихо бессвязно что то пробурчав про себя, старик жестом указал мне зайти. Холодное, пропитанное сыростью помещение было набито мальчиками лет 14-16 с удивлением уставившихся на нового соседа. К замазанным красно-коричневым растворам стенам были прикрученные утлые лежанки, Нижний ярус занимали голубоглазые, субтильные сородичи моего сегодняшнего привратника, Наверху же сидели болтая волосатыми ногами смуглые, широкогрудые

парни с резкими чертами лица. От волнения скороговоркой заговорив по Гулински, опомнившись начал жестикулировать после каждого произнесённого слова, чем вызвал неумный смех и гогот юных обитателей подземелья. Спрыгнувший с верхней койки широкогрудый, падая приземлился в лужу, забрызгав грязными каплями находившихся рядом. Протянув в приветствии руку добродушно промолвил- Меня зовут Джигмэ, и хотя гулины редкие гости в этих местах, я и все остальные понимаем и немного говорим на твоём языке, Судя по обгорелой коже ты только из каменоломен, садись на свободную койку и отдыхай, немного помявшись я занял отведённое место. Мои собратья по несчастью оказались в целом неплохой и дружной командой мирно живущей под предводительством Джигмэ. Свезённые в катакомбы с раннего детства они позабыли родителей и солнечный свет общаясь меж собой исключительно на языке ГОСПОД, изучив при этом и имевший хождение во дворце язык Гулинов. схожее звучание двух наречий отметало последние сомнения в родстве двух народов. Согласно древним преданиям Господа вели происхождение от горстки отщепенцев с северного берега пресноводного моря Бэйхай, в лютую зиму изгнанные односельчанами, прошли на южный берег по оледеневшей поверхности моря, найдя убежище посреди знойной пустыни под названием Кель, в последствии укрепившись и расплодившись завоевали пол мира. Покорив Гулинов Господа выделили их из прочих поработанных народов. Мужчины служившие в войске и царской охране благодаря храбрости и стойкости проявленных в далёких походах занимали новые должности, прекрасные девушки согревавшие ложе хана и высокородных вельмож как могли покровительствовали своим землякам. Очень быстро Гулины заняли важное место в управлении государством, чем вызывали ропот теряющей привилегии старой знати. Империя переживала не лучшие времена, последний потомок Арстан хана скончавшись оставил на великом престоле уродливую дочь, получившую в народе прозвище безобразной Хатун. Повинуясь традиции не признающей над тронем единоличной власти женщины она избрала мужем и соправителем тщеславного отпрыска могущественного, аристократического семейства. Выдающейся внешности и умелый в воинском искусстве, заполучив ханский кнут погрузился в пучину мерзких оргий дни напролёт предаваясь разврату и пьянству, забыв об управлении государством. Обезумевшая от обиды и ревности Хатун приблизила к себе сонм чёрных шаманов, ведомая их советами проводила один кровавы обряд за другим. Иногда сверху до на доносились крики истязаемых жертв. Вырытая в незапамятные времена запутанная система тоннелей и лабиринтов надолго стала моим

домом, Со всех концов света свозилось изысканные яства, хмелящие напитки, приборы из драгоценных металлов что бы будучи складированными в бездонных подземных амбарах дожидаться подачи на пирующий стол повелителя вселенной. Именно наведения порядка в заполненных под завязку хранилищах стало моим предназначением. Под бдительным присмотром старика мы перетаскивали мешки с крупой, звенящие содержимым тюки и источавшие пьянящие пары меха. Как только очередной истощенный юнец падал на колени не в силах влачить дальше ношу, сыромятный бич в руках старика начинал петь свою песню, пока тот встав не продолжал работу. По возвращению домой нас всегда ожидали три бочонка с привязанными к крышкам ковшами, Торопливо наполнив миски мутной, тёплой похлёбкой жадно поглощали свою порцию прежде чем погрузиться в беспробудный сон. Дни сливались в недели, недели в месяцы. Понемногу привыкнув к зловещему подземелью, я с лёгкостью справлялся с любыми заданиями старика заучил наизусть местонахождение и содержимое сотен комнат. Слеповатый, терзаемый частыми болями в спине он позабыв обиду первой встречи с радостью передал мне часть обязанностей. Сняв в с пояса увесистую связку ключей, медленно уползал в свою каморку где заглашал боли в дряхлеющем теле настойками из диковинных трав. Бродя без надзора по лабиринту я часто встречал неохотно спускавшихся вниз соплеменников, облачённые в цветастые камзолы поверх кольчуг, Чванливо сходя всем видом излучали презрение и насмешку к прислужникам и другому подневольному люду. Впрочем заметив меня теряли часть спеси смущённо отворачиваясь от неудачливого собрата. Схватив бурдюк вина или ящик съестного спешно уходили наверх. Я так и не понял что приводило их в замешательство ощущение ли родства с столь ничтожным существом в иерархии их новых повелителей, либо таившиеся в глубине души остатки совести возвращали в разум образы истинных богов и древние заветы предков, всего через пару недель я совсем перестал обращать на них внимание. Заперев двери в конце рабочего дня я торопился попасть в полюбившиеся убогое жилище, поначалу отталкивающее и пугающее теперь притягивало энергией обжитости и уюта. Достав из под рубахи утаённый кусок сыра или кулёк печенья я передавал его Джигмэ для справедливого деления. Набив пустые желудки мы рассматривали трещины на стенах и зловеще свисающей в углах паутину. В удачные дни я соскребал грязь с дна небольших луж и рисовал на стенах обереги и изображения духов-покровителей, стараясь объяснить мальчишкам значение мутных каракуль. Они слушали затаив дыхание и в их глазах были перемешаны чувства пре-

небрежения к чудаку чужеземцу и уважение за приносимую пищу. Во время одной из подобных сцен в комнату вошёл хмурый, затравленный старик, ещё никогда он не являлся к нам в столь поздний час. Грубо схватив за запястье впился острыми, грязными ногтями в мою не успевшую огрубеть кожу. Вновь пройдя по запутанным, на этот раз подземным тропам мы вышли к лестнице представлявшей из себя металлические пластины замурованные в скальнике, луч света исходящий из мерцающего отверстия в конце лестницы отверстия падая озарял нам путь. Забравшись мы нырнули внутрь отверстия, оказавшийся входом в просторный, устланный коврами коридор. Подсвечники стоявшие по бокам отбрасывали тени на старинный пол, на трёх ногах опорах подсвечников покоились глиняные чаши исписанные загадочными символами. миниатюрные облака дыма подымались от свечей горевших внутри этих чаш. Через вырезанные в стенах проёмы открывался вид на спящий ночной сад, сила неведомой магии препятствовала проникновению сквозь проёмы благоуханий природы, умиротворяющих звуков и освежающих дуновений ветра, Оставив только возможность любоваться на высаженные в строгом геометрическом порядке деревья и кустарники. Свернув на лево и отворив пронзительно скрипнувшую калитку мы проникли в заваленную хламом овальную комнату, разворотив горы мусора старик вытащил кованный, изъеденный ржавчиной сундук. Достав из него выбеленные льняные штаны и рубаху велел мне одеться. Сам развернувшись подошёл к небольшому проёму в стене в котором подобно пруду с прозрачной водой или глыбе льда в ясную погоду отразилось его лицо. Пригладив рукой седые, поредевшие волосы одобрительно кивнул увидев меня в новом одеянии. Покинув загромождённую комнату двинулись дальше по коридору в конце которого упёрлись величественные двери охраняемых двумя исполинских размером богатырями застывших в неподвижной позе. Облачённые в богатые золотые доспехи их головы были скрыты под коническими шлемами чью стальную поверхность украшали эмблемы изображавшие лошадь бегущую под сенью молодой луну. Вооружённые копьями и кривыми мечами они неустанно хранили вход в средоточие власти земного мира. Ни одна мышца их могучих телес не дрогнула, когда мы чуть замешав юркнули в спрятанный в углу чёрный ход, скорее пригодный для псов чем для людей. В центре сияющего убранством зала разместились длинные, ломящиеся от еды столы, на алло-красных скатертях стояли блюда заполненные мясом, фруктами и орехами, в медных кубках плескались охмелявшие сознание напитки. Обрюзгшие придворные сидели за столами укутавшись в шелковые накидки, на жирных, коротких пальцах были

нанизаны кольца с массивными драгоценными камнями. Жадно, без передышки они поглощали еду и напитки, одним глотком осушая кубки. Как только один из господ побагровев, хватался за раздутый живот, расторопный слуга прибегал с серебряным тазиком и вынув птичье перо из меховой шапки водружённой на голову Господина, погружая перо в широкий рот принимался щекотать бездонную глотку, пока рвотные массы не изольются в подставленную ёмкость. Облегчившийся придворный счастливо продолжал пировать изредка бросая завистливые взгляды на царившего во главе стола Хана. Его уже нельзя назвать юношей, но признаки старения ещё не коснулись его лица и тела. Невысокий как и прочие Господа, он отличался крепким телосложением, бугры мышц играли под загорелой кожей торса хорошо видного в прозрачной тунике, связанная на в конских хвост коса густых, тёмных волос уходила ниже лопаток, между ясным лбом и карими глазами росли махровые брови, крупный нос посапывая вдыхал запахи праздничного застолья, на гладко выбритом, изобилующим шрамами лице застыло выражение гордыни и самолюбования. Внимательно следивший за одурманенными придворными совсем не замечал сидевшую рядом Хатун. Подавленная и скрючившаяся воссела она подле супруга, физически ощущая ненависть исходящую от пирующих поданных, возложивших на неё ответственность за несчастья постигшие Империю. Жирная словно бочка, даже изысканное платье смотрелось на ней как холщовый мешок. На приплюснутом лице выделялись выпуклый лоб и глубоко посаженные крошечные злые глазки, вкушая угощение обнажала уродливый рот с редкими, кривыми зубами. Долг и обязанность принуждали её находиться с презирающим супругом и желавшими смерти подданными. Я влился в нескончаемый поток слуг мечущихся от кухни до пиршествующего стола. Сгорбившись убирал с подноса горячие блюда когда неприятное жжение засвербело в затылке. подняв голову я увидел Хатун наблюдавшую за мной с нескрываемым любопытством. Замерев на месте я испуганно терялся в догадках, оцепенение прервала четырёх палая, когтистая лапа появившаяся из под стола и схватившая меня за штанину. Выпрыгнувшая снизу стайка существ внешне представлявшая из себя помесь человеческих детёнышей и степных волков устроила невероятное представление, оттолкнувшись от пола задними лапами взлетали в воздухе на высоту трёх четырёх метров, на пике совершали невероятные кульбиты, приземлившись немного пройдя на передних лапах кувырком скатывались к ногам господ. Существа с надетыми на голову шутовскими колпаками играли на пастушеских дудках незатейливые мелодии, ловко орудуя пальцами размахивали в такт распушившимися хво-

стами в выражении их полу людских полу звериных морд чувствовалось разум и обречённость. Воодушевлённые представлением Господа щедро забрасывались зверьков кушаньями со стола, будто повинуюсь негласному повелению существа вмиг закончили представление, нырнув под стол утащили с собой куски лежащей на полу еды, укрывшись под свисавшими до пола скатертями грызая и повизгивая делили добычу. Все время я безмолвно следил за происходящим, аура чёрной магии и заколдованности исходило от каждого элемента богохульного представления. Толпа заполонивших пиршествующий зал слуг подхватив увлекла меня за собой, неистовым усердием и скоростью челядь убирала посуду, скатывала скатерти и протирала столы намыленными тряпками, верные пажы подымали за плечи погрузившихся в небытие хозяев, пробудившиеся Господа недоуменно вращали вокруг головой выступавшая из уголков рта пена стекая по подбородку падала на шелковые накидки. По прежнему сидевшая подле опустевшего без Хана Тронного места Хатун, негласно руководила уборкой. Пальцем с покрашенным ядовито-зеленой краской ногтем она подманила к себе старика, прикрыв губы рукой что то прошептала в его облезлое, заросшее снаружи седыми волосами ухо. Услышав пожелание повелительницы, старик напустив вид заговорщика ретировался в гущу прислуги. В кухне остывающей от жара накалённых печей царили беспорядок и неразбериха, спущенный в чрево пузатого чана я стоя по колено в воде усердно очищал от накипевшего жира чугунные стенки. Изливающиеся из отверстия сверху потоки наполняли чан тёплой, пузырящейся жижей. Задержавшись перевести дух я услышал эхо брюзжащего голоса старика, судя по нестерпимому, гневному тону он жаждал увидеть меня. Вытянув руки ухватился за ободки и подтянувшись я вылез наружу, Понуро бродивший по кухне старик искал МОЙ силуэт среди сотен согнувшихся, скобящих и отдирающих [мальчиков, вцепившись за очередного беднягу разочаровавшись продолжал путь. Обнаружив меня измазанным в нечистотах и сидящем на чане, старик радостно замахал руками всячески приглашая меня спуститься, на земле заключил в крепкие, коварные объятия. Роскошно убранные покои тщательно охранялись молчаливыми воинами, запёртый в обитую мягкой тканями комнату я погрузился в пучину пороков, под действием снадобий подмешанных в пищу разум покинули тревоги и страхи, моё залоснившееся, раздобревшее тело возлежало на пуховых подушках не силах пошевелиться от переполнивших его удовольствий, лишь юные девы приходившие петь свои песни доставляли мне радость, часами они кропотливо извлекали из арф изысканные звуки, струящиеся каштановые волосы падали на хрупкие пле-

чи, скорбь и тоска легли тяжёлой печатью на прекрасные и дивные лица. Это остекленевшее выражение боли казалось знакомым, известным раньше. Дни напролёт я ковырялся в оскудевшей памяти ищу ответа на эту загадку. Опустив опухшие веки рисова в воображении черты лиц ранне видимых мной людей. Господа, соплеменники, придворная челядь среди них я мучительно не находил схожих печальными, осмысленными ликами дев. Отгадка молнией поразила сознание, леденящий пот выступивший через поры на коже вызвал лихорадочный озноб. Вскочив в панике я начал срывать ткани со стен, успокаивая себя надеждой о скрытом, потаённом лазе. Переворотив всю комнату целиком я упав на колени молил Тойона богов даровать мне быструю смерть. Вошедшие на шум стражник оглушил меня метким ударом древка копья об затылок. Очнувшись я лежал на высокой платформе из камня, скованный неведомым заклятием не мог двинуть и мускулом, как заградительный барьером вокруг меня стояли медные статуэтки рогатых божков, исходящее от них демоническое сияние освещало высокие своды храма тусклым, желтоватым светом. Шаман в наряде из чёрных вороньих перьев исполнял обрядовый танец подле жертвенного алтаря, трясая в такт движениям бубном он извлекал из него мерзкие ритмы призванные призвать в наш мир потустороннее зло, в момент кульминации танца он рухнул забившись в припадке, в бликах на потолке начали появляться образы порождений подземного мира, на вытесанном из скалы чёрном троне восседала Хатун, Имперская корона, золотые браслеты, одеяния с вшитыми драгоценными камнями, все богатство государства собранное на ней лишь подчёркивало небывалое уродство, напряжённо и сосредоточено она наблюдала за пляскою шамана выявив все несуразность обезображенного лица. Стоявший по правую руку Хатун жрец в бархатной рясе держал в руке свёрнутый свиток, увидев падшего шамана расстелил свиток и принялся бормотать таинственные молитвы на неведомом языке. Звуки вылетающие из сморщенного рептьельного рта слились в одно бессвязное слово, дёргающееся в конвульсиях тело постепенно разваливалось на части, отсоединившиеся конечности рассыпавшись превратились в кучку серого праха, от уничтожающейся плоти отделилась взметнувшая ввысь тень, поднявшись к своду растворился в блика. Стоны, крики и вой заполнили жертвенный зал, невыносимый шум казалось нёсся с каждого уголка. Хатун взяв из рук жреца кинжал с изогнутым лезвием, прошествовала до алтаря, всем естеством я чувствовал её приближение, волна страха накрыла меня целиком, нечто страшнее смерти неминуемо ждало впереди. Склонившись она дала рассмотреть свою безобразную гримасу искажённую гневом и

ненавистью,одновременно выражавшую вожелание.Двумя руками она высоко занесла кинжал,опустив возила в тщедушную грудь,стальное лезвие пройдя кожу и и мышцы поразило бьющееся сердце.Фонтан крови извергся из открывшейся раны,сквозь адскую боль я чувствовал как съеживаются конечности,невидимые цепи больше не сковывали движения и превозмогая боль я сел на край алтаря сметя на пол сияющие статуэтки.В опустевшем зале воцарилась крошечная тьма,из затягивающейся раны просачивалась бордовая слизь,уменьшившиеся ноги заросли густым,колким мехом,из кончиков заузившихся пальцев прорезались звериные когти, во мраке я слышал мельчайшие звуки,влетевшая стая мух приземлившись громко всасывали хоботками излившуюся на пол солёную кровь.Ставшие большими одежды накрыли меня плотным саванном.Упав на четвереньки я заметался в поисках выхода,заместо крика о помощи из рта из дался животный вопль.Скатившись я понеся в сторону приоткрытой за тронем двери.На пороге желаемой цели меня схватила шершавая великанья рука,расплывшееся лицо жреца умилённо смотрела сверху.Жаля когтями,я пытался вырваться на свободу,тщетно!

,Жрец лишь сильнее сжал свою хватку.Затаив дыхание, я беспомощно наблюдал как служитель мерзкого культа проносил по коридору моё новое воплощение.Буря запахов влетев необузданным смерчем закружилась в мозгу,потрясённый я разбирал и раскладывал запахи в разные участки сознания,одни вызывали аппетит,другие говорили о скрытой ещё невидимой опасности.Отсортировав самые мощные запахи я ощутил едва слышный аромат доносившийся из глубины коридора куда нёс меня жрец.Пугающий и притягивающий он усилился по мере нашего продвижения.Отворив одну из заслонок в стене жрец швырнул внутрь моё трясущееся в экстазе тело.Упав я разбудил спящих существ,игравших на пиру своё представление,они закружили вокруг угрожающе шипя и пристально обнюхивая чужака.Вскоре в их звериных мордах проявилось милость и сострадание,увлажнившиеся глаза казалось были готовы пустить человеческую слезу.Разбредясь по углам они погрузился в дремоту,оставив меня наедине с печальными мыслями.Лишённые коварной магией человеческого обличия и дара речи мы сохранили с разум,волю и сердце.Предоставленные большую часть времени самим себя лениво посапывали и потягивались не мешая друг другу.Являвшийся за два часа до кормёжки мальчик-дресировщик изнурял упражнениями наши жилистые и гибкие тела,для непокорных и медлительных всегда был наготове кнут.В вечер моего дебюта кувырка и переворачиваясь я заметил разительные перемены среди собрав-

шихся, чванливая маска спала с Великого Хана, исхудававший и бледный он ссутулившись вцепился в руками в поверхность стола, подавленные придворные молчаливо опустили к голову вниз не притронувшись к яствам, только Хатун сияла торжествующем безобразием в пред траурном зале. Впрочем на следующем пиршестве она уже восседала одна, проредившее подданные без усталы подымали кубки за великодушную повелительницу. Вслед за властью над троном сменились и прислужники следящие за вольером, иногда днём они оставляли створы распахнутыми на несколько часов позволяя нам устроить дикую охоту по узким, извилистым коридорам. Загоняя заплутавшую амбарную мышь, я бесцеремонно проскакивал меж ног ошеломлённых стражников и вонзив когти в трепыхающуюся, тёплую плоть в наслаждении предался животным инстинктом отбросив все людское что ещё сохранялось внутри. Довольный и насытившийся я возвращался домой, дабы пав на сухую траву погружится в сладкие сны, как и прежде в копиях бог сновидений уносился меня далеко на север к прекрасной стране раскинувшейся на берегу пресноводного моря Бэйхай. Родные селения обезлюдев почти поглотился лесом, чёрные вороны полюбили гнездится, в разрушившихся домах. заслышав приближения волки или лисы каркая взмывали вверх превращаясь в чёрные точки на сером, сумрачном небе. Невидимый поток нёс меня дальше и дальше, За заснеженным горным хребтом Аба-табан лежала лесистая область разделённая, пополам могучей рекой, под прикрытием хвойных ветвей ютились разрозненные кланы Гулинов, сражаясь с хищниками и и низкорослыми дикарями они не переставая шли вперёд, в то место где край неба свисающий вниз бахромой трётся о край земли, в место где великая река низвергается в мировой океан, где будем мы снова жить, пировать под защитой небесных богов.

ОСТРОВ ПОДЗЕМНОЙ БОГИНИ

Завораживающую тишину безветренной сибирской ночи нарушал едва слышный плеск, возникавший от скольжения утлой лодчонки по тёмной глади воды, ведомая ловким рулевым она стремительно удалялась от застывшего посреди могучей реки парохода, быстро приближаясь к обрывистому, каменистому берегу. Из байдарки остановившейся в метре от падшей в воду вековой сосны, выросла статная, широкоплечая фигура молодого мужчины. Зацепившись веслом за торчащий из древа сучек, он подтянувшись забрался наверх, и прихватив тугой под завязку набитый рюкзак не встав с четверенек торопливо пополз по столбу.

Упёршись ногами в твёрдую землю он достал из голени сапога острый, охотничий нож одним взмахом перерубив льняную верёвку связывавшую мёртвым узлом макушку рюкзака. Обнажившееся содержимое ноши переливалось разнообразной палитрой желто-белых цветов, отражая сияния царившей в небе полной луны. Погрузив внутрь израненную шрамами правую кисть, он с наслаждением перебирал золотые монеты, в глубине безжалостных серо-голубых глаз Ивана играючи вспыхнул алчный огонь.

Освободившись из завораживающего плена красоты украденных им драгоценностей Иван углубился в лесную чащу, прижимая к левой груди драгоценный груз, в правой держа наготове обнаженный нож. Не успевший обрасти зелёной мякотью таёжный бурелом жгуче царапал кожу серьёзно затрудняя движение, не добавляя скорости и разбухшие от постоянных попаданий в приямки с талой водой сапоги. Серееющее небо поглотило луну и звезды предвещая скорое наступление рассвета, с грядущим пробуждением экипажа, спящего сейчас под действием зловредного зелья. По предположениям Ивана где-то за час они должны были заметить пропажу золота из капитанской каюты, ещё минут тридцать, сорок уйдёт на построение и пересчёт команды и вот вооружённые винтовками матросы спускаю шлюпки на воду и отправляются на поиски беглеца, за пару часов ему надо бесследно исчезнуть в тайге. С красивого, источавшего надменный холод лица не сходила самодовольная улыбка в эти минуты он благодарил судьбу и безразличного раннее господра за то что привели его грешную душу на корабль вывозивший богатую купеческую семью прочь от охваченного революционным волнением губернского города. Лучи взошедшего весеннего солнца осветили выход к петляющей тропинки, удивление и беспокойство охватили Ивана, близлежащие село и порт находились добрые пару сотен километров на юг, только избушки староверов и юрты кровожадных дикарей могли повстречаться в столь необжитом краю. Наслушавшись жутких историй про представителей обеих племён он не горел желанием столкнуться с ними в этой глуши. Двинувшись по наметившейся колее он заметил резко увеличившуюся крутизну склона, вылившиеся в сбивчивое дыхание и стекающие с лба струйки пота. Потеряв остатки сил Иван устроил на коротки привал и облокотился на заросший густым мхом здоровенный валун. Впервые с отплытия он оглянулся назад, с удивление найдя что находится в середине восхождение на вздымающейся стеной хребет из цепи высоких холмов. В основании сплошь покрытые деревьями, их облысевшие вершина напоминали безжизненные морские скалы, река укрылась от взора непрони-

цаемым, белым туманом. Укутавшись в тонкую рогожную куртку он стал забирать по оголяющейся, каменистой тверди. Стая отвратительных, чёрных ворон кружила над ним издавая свою мерзкую, каркающую песню. Глазами он искал малейшее укрытие, расщелину в горной породе, где забившись мог спрятаться жуткого внимания птиц. Внезапно налетевший вихрь спугнул воронов и принёс собой чернеющие туч разродившиеся проливным дождём. Извернувшись с небес нескончаемы потоки ледяной воды застлали путь непроглядной стеной, вставший на колени Иван с опаской пробирался утешая себя мыслями что образовавшиеся повсюду ручьи безвозвратно смоят малейшие запахи не дав купеческим псам взять его след, каждое мгновение проведённое под гнётом природной стихии растрачивало и без того истощённые восхождением и греблей силы. Прокляв в сердце переменчивый рок он уже раздумывал отказаться от борьбы и рухнуть на землю беспомощно дожидаться провиденья, но подгоняемый смутной надеждой Иван собрал последнюю волю в кулак приподнял голову устремил взор в замутнённую даль, неожиданно сквозь толщу воды увидел вырисовавшиеся очертания полу разрушенной хижины, воздвигнутой здесь загадочным творцом в допотопные времена. Будто загипнотизированный видом жилища, он рванул вперёд превозмогая боль и усталость. Дом был обнесён крепким забором из вбитых в землю столбов, чьи концы венчали вырезанные из дерева уродливые головы ящеров с клыками выточенных из неведомых камней посаженных внутрь расхлябавших пастей. Направившись в сторону приоткрытой двери Иван проскочил мимо безмятежно лежащего у порога, чёрного как смоль шелудивого пса. Роскошное убранство дома резко контрастировало с обветшавшим внешним обликом строения. От белоснежных шкур неведомых животных целиком застилавших стены и пол, исходило необычное колдовское свечение. Посреди комнаты стояла пылающая обложенная кирпичом печь, чья толстая свинцовая труба пронзала дерновую крышу. Зачарованный Иван обронив нож и рюкзак, упав прижался к печи. Приятные волны тепла накатываясь высушивали насквозь промокшие одежду и волосы, терпкий запах исходящий от трещавших в очаге берёзовых веток приятно щекотал ноздри напоминая о посиделках у костра в деревенском детстве. Тягостная нега обволакивающая сознание молодого авантюриста клонила ко сну, всецело отдавшись нахлынувшему на него блаженству и успокоению он беззаботно провалился в мир снов позабыв о преследователях и других многочисленных неприятностях своей короткой и бурной жизни. Пробудившись Иван не утратил чувства невероятного умиротворения, в печи тихо потрескивали остывающие угли, на его

одежде изобиловали дыры возникшие во время погони. Повинуясь инстинкту направился к очагу желая вновь насладится дурманящим запахом, к своему неприятному удивлению заместо волшебных ароматов из прошлого носом втянул лишь пепел и гарь. Полностью выпрямившись и впервые внимательно обследовав магическое жилище обнаружил загадочный фолиант покоившийся на печи. Ее безымянная обложка созданная из материала подобного слоновей кости обожгла пальцы неземного происхождения теплом, преодолев боль Иван раскрыл книгу став изучать причудливые надписи и картинки на пожелтевших листах пергамента. Порождённые фантазией безумного художника существа бушевали и неистовали на истлевших страницах, их схожие с человеческими нагие тела обладали феноменальной мощью и гибкостью, из под буйной не познавшей бритвы и ножницы шевелюры проступали заострённый на концах рога. Сцены кровавых сражений сменялись описаниями жертвоприношений идолам изображавших гигантских рептилий, каменные морды ящеров надменно ухмылялись при виде корчившихся в предсмертных муках зверей и существ. В середине демонической летописи появились представители рода людского, жалкие и убогие они пребывали в унижительном рабстве не смотря на то что почти в два раза превосходили ростом хозяев. Оседлав крепких мужчин как породистых жеребцов демоны неспешно объезжали владения, на следующем развороте трое одержимых похотью существ совокупляли молящую о пощаде рабыню, созревший во чреве плод противоестественной связи вырываясь на свет убивал свою невольную мать, пока труп с вывернутой наружу требухой медленно разлагался под палящими лучами солнца весёлая гурьба демонов с улюлюканьем водила хоровод вокруг новорожденного малыша. От просмотра содержимого Иван вошёл в транс соединивший животные страх с возбуждением, перенесясь в нарисованный мир сделал участником сражений и оргий. Громкие возгласы на непонятном варварском наречии вывели его из оцепенения. Компания мужчин перекликавшихся снаружи гортанными голосами, собиралась зайти в дом. Осознав невозможность бегства он лихорадочно заметался по дому ища брошенный в забвении нож, кинувшись на ослепляющий блеск лезвия в тёмном углу, но едва наклонившись был сбит вбежавшими дикарями. Трое коренастых мужчин вдавили его в мягкий пол в их мёртвой хватке ощущалась нечеловеческая сила, постоянно нанося оглушительные удары они парализовали любые попытки сопротивляться. Чувствуя исходящие от них зловонные испарения и слыша изрыгаемые из ртов рубленные слова, Иван рисовал в голове картины ужасного обличия нападавших. Окончательно сломив его волю, не подымая с

пола надели ему на голову холщовый мешок, и связав руки усадили спиною к остывающей печи. Кровь пропитавшая мешок перебила гнилостные запахи идущие извне, сквозь свистящий гул в ушах появившийся от последнего удара по черепу до Ивана донеслись отзвуки яростного спора приведшего к небольшой потасовке между двумя его истязателями. Предварявшие драку шипение и рычание сменились борьбой двух рухнувших на пол тел. Короткая потасовка была прервана начальственным повелением третьего нападавшего, хрипящий тембр которого выдавал в нем старшего по возрасту и иерархии. Опомившиеся дикари подняли Ивана и приставив к подмышке ледяный наконечник копья вывели из проклятого дома. Впившееся в кожу жало не давало затормозиться повинующемуся воле пленителей Ивану. От ощущения схождения вниз, сердце замолотило в груди. Окаянные дикари хотят продать его за вознаграждение капитану! Но зачем? Ведь золото находилось в доме, и ничего не мешает им присвоить его. Ослепленный и терзаемый бредовыми догадками, он шёл пока не был остановлен гневной командой. Журчание воды доносившееся до ушей дополнилось скрипом досок и топотом ног по деревянной материи. Пройдя немного вброд они запрыгнули в объёмную лодку, раскачивающуюся судно пришло в движение от взмахов пробивающих воду вёсел и оттолкнувшись от берега понеслась вдаль. Лишившись под собой любой твёрдой опоры измождённый организм поддался приступу тошноты, изливавшиеся рвотные массы заполнили полость рта и пространство между лицом и холщовой материей, задыхаясь Иван жалобно мычал взывая о помощи. Грубо схватившая за подбородок рука сорвала с головы багровый мешок, дневной свет на мгновение обжёг залитые кровью глаза прежде чем когтистая лапа надавив погрузила его по грудь в мутные воды реки. Продержав под водою меньше минуты существо отпустило Ивана дав тому возможность вынырнуть и целиком заползнув в лодку лицезреть своих невольных спутников. Склонившиеся над ним монстр был точной копией демонов из таинственной книги, облачённый в наряд из примитивно выделанных шкур, ростом с двенадцати летнего подростка он сидя на корточках внимательно наблюдал за реакцией Ивана, увидев испуг и растерянность расхохотался обнажив беззубую полость рта. От свисавшей до пояса жидкой бороды разлетелся жужжащий рой насекомых, давно избравших домом обильную растительность дикаря. Отбросив назад не менее роскошную чем борода шевелюру головы, он обнажил выпуклый ярко-синий лоб испещрённый шрамами от когтей хищных зверей, прорезаясь через волосы на голове выступали миниатюрные заострённые рога. Ударив себя в грудь он прорычал на ломан-

ном русском языке-Я Таграк! Ты мой раб! Его собратья тем временем рассевшись по бокам усердно гребли ловко орудуя вёслами идеально приспособленных для их четырёх палых кистей, окинув взглядом всю ширину реки Иван не нашёл признаков нахождения парохода, как и не было в лодке рюкзака набитого золотом. -Неужели эти болваны бросили его в доме?-Мучился вопросом Иван. Нос лодки взбороздил галечный пляж острова расположившегося посреди течения, развеселившиеся туземцы преодолев каменистый берег повели Ивана в глубь берёзовой рощи, казалось совсем забыв о мерах предосторожности. Стайка чертят выбежавшая на встречу, дружно проводила путников до селения представлявшее скопление несколько десятков может сотни юрт хаотично разбросанных по лесной опушке. Гнетущая атмосфера чертова городка была пропитана аурой колдовства и отчуждённости, загробное молчание не нарушало мычанье скота, крик петухов и заливиный лай казалось даже вездесущие в это время года камышевки остерегались залетать в это проклятое богом место. Из приподнятых пологов палаток выглядывали синие, волосатые, обескураженные морды существ. Некоторые преодолев лень присоединялись к шествующим, вытянувшись в длинную улицу вигвамы поражали своей одинаковостью, у некоторых жилищ тлели остатки костров перемешавшиеся угли и обглоданные кости зверей говорили о завершившемся не так давно пиршестве. Разросшаяся в длинный хвост делегация замерла у большой юрты, чью верхушку венчала крошечная фигурка рептилии, вытесанная из зелёного камня она многочисленными гранями преломляла падающие на неё лучи, подсвечивая крышу юрты таинственным изумрудным свечением. Даже в столь пагубной ситуации алчную натуру Ивана захватило созерцание и приценка стоимости статуэтки, перебив мысли о спасении висящей на волоске жизни. Старший из тройки войдя в Юрту пропал, дав соплеменникам вдоволь налюбоваться на необычного пленника. Тыкая пальцем гримасничая они упивались страхом несчастного чужеземца, дрожащий от ужаса Иван пятился и старался прикрыть ожидая удара его тело продолжало изнывать от повреждений полученных в заколдованном доме, жестокую забаву прекратил вернувшийся Таграк, затолкав Ивана внутрь Шатра. Горевший в центре костёр исторгал Алые языки пламени, тянувшиеся к овальному отверстию в потолке, величественно воцарившийся на скамье в противоположной стороне очага дикарь отличался от прочих туземцев крайне упитанным телосложением, от жирного, лоснящегося лица исходили надменность и самодовольства. Из под льняной рубахи выпирал продолговатый живот лёгший на колени бесформенной массой, короткую шею обрамляло

ожерелья из нанизанных на нить зелёных камней. Воины стоявшие по правую и левую руку застыли в неподвижной боевой позе, прицелив на гостей наконечники копий.

Бросив на Таграк наполненный превосходства взгляд, толстяк пробормотал невнятной шипящее заклинание, принудившие того покинуть юрту. Сутулив плечи и понуро опустил голову Иван не переставал думать о происхождении зелёных камней. -Я Джолмо правитель народа Амгов-проорал туземец сотрясся спёртый воздух жилища и выдержав небольшую паузу продолжил. -Я говорю на твоём языке и знаю обычаи твоего народа, кто ты? Подыми голову и объясни как оказался в доме на холме. -Меня зовут Иван, я сбежал с корабля проплывавшего здесь день или два назад. Скривив недовольное лицо и шмыгнув носом Джолмо продолжил — Почему ты бежал с корабля? Не вздумай врать, иначе я велю разорвать тебя на куски. Смекнув что юлить не имеет смысла, Иван решил вскрыть все карты -Потому что я ободрал предводителя корабля, опоил его и забрал мешок с золотом который твои подданные оставили в доме на холмах.— Ха, увидев как ты пожираешь глазами мои побрякушки, я понял что имею дело с вором. Обычно наши псы до отвала набивают желудки мясом подобного тебе отребья, но сейчас в преддверие жаркого лета мы должны умилистить создательницу Хосмодей, от имени всепрощающей боги я дарю тебе жизни, приглашаю почётным на великое празднество Юкхам-Тырим. Закончив торжественную речь Джолмо перешёл на наречие Амгов что то подробно разьяснив охранявшим его воинам, воины выслушав своего властелина вложили копья за спины и взяв под руки Ивана вывели того из юрты. Сгустившаяся тьма разогнала по домам праздных зевак, в непроглядном мраке они отвели его запутанными тропами к одиноко стоящей юрте на окраине селения. Обстановку внутри освещал факел привязанный к вонзённой в землю жерди. На устланном в несколько слоёв шкурами полу, стояла тарелка наполненная кусками сыровяленого мяса, и бутыл с серо-мутной жидкостью. Припав губами к ёмкости Иван ощутил знакомый с деревенского детства вкус ягодной браги, попеременно отхлёбывая и кусая он отправлял в желудок непрожеванный частички плоти, падавшие внутрь приятным грузом. Лишь насытившись Иван заметил проступавшие сквозь войлок чёрные силуэты воинов во все оружие окруживших юрту. С тяжкими думами о своей предстоящей участи он вновь провалился в пучину беспробудного сна. Детские шлепки по щекам вернули его из мира сладостных грёз, вставшая с четверенек девочка лет десяти жестом пригласила идти за ней. Следуя

за ребёнком и подпираемый сзади по прежнему молчаливой охраной он добрал до крутого утёса, с которого открывался обзор на оба берега реки. У самого обрыва покоился водружённый неведомым силачом исполинского размера чан. Сняв прицепленный к чану ковш, девочка наполовину наполнила его парящей водой и всучив ковш в руки Ивана убежала в селение. Раздевшись он бросил на траву измазанные кровью и грязью одежды, вскарабкавшись на огромную посудину, он перевалившись погрузил раненое, измождённое тело в объятия тёплой воды. Полу зажившие раны заныли лишившись наростшей на них корки, тщательно растирая кожу Иван окунался ,сmyвая приобретённую за время странствий скверну, растекавшуюся по воде жирно-маслянистыми пятнами. Вынырнув в очередной раз он увидел движущую по реке вереницу лодок, отправившись с правого берега часть уже пришвартовалась на острове, выпрыгивающие из лодок Амги бросали тюки к ногам встречавшего их на берегу Джолмо. Засмотревшись на миграцию бесов Иване не заметил как девочка вернувшись терпеливо ждала у чана, держа на вытянутых руках полотенце, штаны и белую рубаху с вышитым изображением ящерицы. Об утеревшись Иван облачился в принеённый наряд, толпа бесов успевших вылезти на сушу разразилась истошным воплем при виде шедшего назад Ивана. Через не закрывающиеся глотки казалось доносился звук из глубин преисподни, сотрясавший небо и землю. Их подплывающие соплеменники поднявшись в полный рост, неистово махали вёслами приветствуя почётного гостя на великом празднестве богини Хосмодей. На резвившись с прибывшими гостями, Джолмо подойдя к шокированному Ивану заключил его в тесные, удушающие объятия.-Смотрю дружище тебя привели в порядок, ну ладно не буде тебя больше трогать своими грязными руками ,иди набирайся сил и помни эта ночь будет долгой,но концовка тебя порадует. Оторвавшись от сжавшегося Ивана он побежал к бьющейся в экстазе толпе.

Взошедшая на небосклоне молодая луна обозначила старт древнего, мистического таинства. Освежёванные туши домашних животных коптились вращаясь на вертелах, столы были уставлены чашами с мёдом и лесными ягодами. Юркие девочки прислужницы полу согнувшись носили тяжёлые меха с дурманящим разум напитком, наливая его во мгновенно осушаемы охмелевшими Амгами металлические кубки. Не дождавшись кульминации некоторые уже беспомощно валялись на едва проросшей молодой траве, беспомощно шевеля конечностями. Восседавший во главе Джолмо бдительно следил за по этапностью испол-

нения молитв и гимнов, подпевая в моменты наивысшего накала. Демонические песни истязали уши Ивана находившегося подле вождя. Хосмодей, Кайгусе, Альбе вычленявшиеся из общего потока слова вызывали в наш мир первобытное зло. Опьяневший Джолмо зычным окриком навёл тишину, хлопнув в ладоши смерил взглядом томившихся в нетерпении сородичей. На призыв вышли две девушки доселе таившиеся в темноте. Прозрачные платья сотканые из неизведанного материала, плотно облегли коренастые и широкоплечие фигуры, сквозь покров высвечивались соблазнительные женские изгибы. Пояс, запястья, шею и даже кончики миниатюрных рожек украшали изумруды отражавшие полыхавшее пламя костров. Буря эмоций перемешавшая страх, жадность и похоть захватили сознание Ивана. Угловатые девушки Амгов робко прижались к друг другу и подняв мочки продолговатых ушей внимательно вслушивались в непонятные слова вылетающие из уст вождя. Слушай и запоминай чужеземец! Великая честь выпала на долю твоей ничтожной души! В древние времена народ Амгов населял бескрайние просторы от безбрежного солёного моря на востоке до неприступной каменной гряды на западе, но нашествие жестоких круглолицых племена с юга в бесконечных набегах сжигавших селения, убивавших мужчин и уводивших в рабство женщин с детьми, вынудило большую часть Амгов спуститься в подземную страну, под защиту Матери Хосмодей. Только крупицу нашей расы оставили они на земле, неустанно охранять сход в нижний мир. Шли века и круглолицые племена подчинились бородатым великана приплывшим на больших лодках, мы же научились скрываться от непрощенных глаз з затерявшись в дремучих лесах и удалённых островах. Единственной печалью лёгшей на нас тяжким грузом было ползучее вырождение появившиеся от близкородственных связей, неизбежных в столь малой общине. Усиливающееся от поколения поколению пороки младенцев заставили взмолиться о помощи к богине-создательнице Хосмодей. Старцы сумевшие преодолеть опасный путь вернувшись поведали волю богини, раз в двенадцать лет великом празднестве Юкхам-Тырим вводить мужа из народа великанов в наш дом и отдавать ему в жены двух наипрекраснейших девушек племени. Исполнив волю создательницы мы избавились от губительной напасти, и этой ночью мы продолжим ниспосланную традицию отправив с тобой на ложе двух дочерей Хосмодей. Бесы взорвались жутким воем ликования Хосмодей, Джолмо, Юкхам-Тырим неслись со всех уголков мерзкие возгласы. Мускулистый Амг вырвав из под Ивана стул, сжал поясицу мощным захватом и приподнял над собой. Подбежавшие бесы уцепившись за руки и ноги понесли Ивана прочь от празд-

нующих собратьев. Запрокинув голову он увидел что суженых невест несут вслед за ним, занеся Ивана в юрту вождя они положили его на ложе сооружённое где ранее тлел очаг. Оболочка ложа состояла из белоснежных мехов схожими с теми что застилала стены и пол дома на холме, наполнение представляло нагромождение охапок с сушёной травой. Девицы спущенные на землю до порога юрты, войдя потушили осветительные факелы и взойдя на ложе принялись возбуждать плоть Ивана. Той ночью он обнаружил как удивительно схожи детородные органы этих существ и человеческих женщин. Утолив низменную страсть Иван стал рассматривать украшения задремавших жён. Твёрдые, ребристые шарики обладали схожестью с вкраплениями в коронах царственных изображённых на псевдо старинных гобеленах, часто покупаемыми разбогатевшими на мутных делах купцами, что бы придать своим пафосным особнякам лоск благородства и знатности. На пароход одного из таких дельцов он и нанялся коком, наткнувшись на объявление во время скитаний сибирскому, губернскому городу в котором его настигла введённая. временным правительством амнистия. Даже самый крошечный камешек стоил больше всего содержания потерянной ноши. Перейдя от мыслей к делу он аккуратно стянул ожерелья с запястья и развязав незамысловатый узелок ловким движением пальцев перебрал высыпавшиеся в ладонь минералы. Выбрав самый неприметный он спрятал его под левое бедро. Проворно восстановив ожерелье на руке спящей невесты Иван предался мечтаньям о баснословных барышах. С первыми лучами солнца новоиспечённые жены покинули мужа, дав тому спрятать украденное в груде костей служивших игрушками верному псу вождя. Дряхлая старуха пришедшая убрать любовное ложе одобрительно закричала увидев кровавые пятна на белых мехах. Постелив новую накидку она удалилась с гордостью неся на плече свидетельство любовных утех, девушки являвшееся каждую ночь неизменно пропадали утром. Избавившись от докучливой охраны Иван беспрепятственно бродил по бесовскому городку, ища пути к бегству. Придя в итоге к выводу о простоте этой задачи, брошенные без присмотра на берегу лодки легко мог до толкать до воды любой здоровый мужчина. Украдкой выбираясь ночью из юрты он убедился что мертвецкий сон напавший на его жён был свойственен всей дьявольской расе. По прошествию месяца девушки перестали приходить к Ивану, куда-то запропастился и вождь. Исправно приходящая старуха продолжала наводить порядок и приносить мясо с брагой. Чутье Ивана подсказывало ускорить подготовку к побегу, тем более в укромном месте уже таились пять изумрудов, чья стоимость равнялась состоянию лучших родов им-

перии. Знойной июньской ночью Иван крался по спящему селению, озираясь на мельчайший звук он осторожно пробирался вперёд, в глазах вновь вспыхнул алый огонь. Пробежав по галечной поверхности пляжа он с лету навалился на пришвартованную лодку. Немного сдвинувшись от рывка она застыла на месте удерживаемая неизведанной силой. Толкая с разбегу, упёршись плечами, раскачивая в разные стороны-все тщетно! Судно отказывалось покидать родной берег. Упав он стал ползать рана колени об грубую гальку, пестуя себя надеждой о зловредном булыжнике невероятным образом вклинившимся между деревянным дном и земле, тем самым застопорив движение. Сзади лодки Иван обнаружил торчащий из поверхности на пару сантиметров металлический прут с прикованной цепью уходящей под основание лодки. Попытавшись раскопать ладонями стержень он дорылся до монолитную плиту скальнике. В отчаянии стал пробовать вырвать прут, перевернуть лодку-ничего не имело успеха. Укорив себя за упрямство бросился обсматривать соседние шлюпки. Лицо окрасилось в матово-бледный цвет ,грязь забившееся под ногти обожгла пальцы нестерпимой болью когда последняя лодка оказалась крепко привязанной к суше. Яростно бросившись в воду он вознамерился преодолеть вплавь отделяющие от континента километры. Дыхание холода идущее из подводных глубин парализовало Ивана едва вода подступила к коленям. С досадой вернувшись в бессильной злобе сжал кулаки и замолотил по бортам выплёскивая скопившейся блеск. Изничтожив до крови свои руки он понуро побрёл в селение, прокручивая в голове свои планы.

Толпа Амгов перешёптывалась у юрты вождя, Джолмо и старуха взявшись за руки стояли во главе. Невесты находившиеся подле поглаживали округлившиеся животы, только сейчас перед Иваном в полной мере раскрылось все их уродство, скрывавшееся от него во время брачных игр за пеленой колдовских чар и звериной похоти. Рты состоявшие из массивных челюстей и обвисших заячьих губ неестественно выдвигались вперёд, тусклая кожа была усеяна волдырями и гнойниками, маленькие злобные глазки прятались под надбровными дугами. Тела когда то соблазнительные в узких, прозрачных нарядах теперь отвращали короткой и кривизной конечностей выстававших из вздутых туловищ. Иные селяне скрывшись в тени бормоча производили звук подобный жужжанью гигантского роя. Ликующий, переполняемый эмоциями Джолмо обратился к Ивану-Друг мой где же ты пропадал? Мы с односельчанами пришли сообщить тебе хорошие новости. До меня дошли вести о твоей обеспокоенности пропажей возлюбленных супруг, спешу

успокоить твои жены находятся под бдительным присмотром моей умудрённой матушки-сказав это он кивнул в сторону скрюченной старухи, чьи седые с серым отливом волосы космами космами торчали из под стянутого на голове платка.— Волею Хосмодей обе девицы зачали и вынашивают в чревах освежённое кровью великанов потомство! Мы же должны провести завершающий обряд ублажения создательницы. Цепкие руки вновь скова движения пробовавшего отбиваться Ивана, припрятанный за пазухой мешочек упал на землю и был затоптан в пыль ногами Амгов, за волочивших в юрту жертвенного агнца. В центре где раньше располагалось брачное ложе источало гнилостные испарения неприкрытая яма. Застопорившись на краю он пытался бороться с ордой толкающих его в существ. Но совокупная мощь десятков продавило сопротивление одного. Поскользнувшись правой рукой он мгновение был сбит с правой и схватившись повис на обеих руках, Капли пота и крови стекали по взбугрившимся на лбу и висках венах, бесы гогоча отжимали палец за пальцем. Медленно и неотвратно он соскальзывал на встречу верной гибели, осознав сердцем и разумом тщетность усилий Иван решил не растягивать пытку и оттолкнувшись полетел во тьму зияющего земного чрева. С оглушительны грохотом сверху захлопнулась крышка слушавшая дверь меж нижним и средним мирами. Вышвырнутый из среднего он падал вниз по тоннелю притягиваемый первобытным злом, упав на рыхлое покрытие он оказался лишённым зрения в непроглядной тьме и слуха в непоколебимой тиши. Лишь чувство отвратительной вони и гадкое, слегка покусывающее шевеление на коже свидетельствовали о целостности его физической сущности. Понемногу привыкнув к освещению Клоаки Иван с ужасом открыл причину кожного зуда, продолговатые, жирные, трупные черви перекочёвывали на него с разложившегося трупа. Начав с поясницы они обглодав пол спины оголили переломанный позвоночник. Все вокруг было усеяно костями павших мужчин, одежды потерявшие по собой истлевшую в прах плоть теперь облепляли пыльные скелеты. Дрожая и извергая потоки слизи он услышал свой приговор. Шипенье рептилии обратилась в два красных уголька надвигавшихся из недр подземелья. Оно не торопилось дав страху парализовать её жертву. Безобразное туловище ящера двигалось на шести когтистых лапах, волоча по земле обвисший зелёный живот, чешуйчатый хвост маятником раскачивался влево и право, из открытой жабьей пасти с сотней желто - чёрных зубов лилась кровавая слюна. На морде твари онемело выражение холодной ярости -богиня Хосмодей пришла за своим даром! Прыжком оно настигло жалкое, трепыхающееся создание, острый ко-

готь войдя через спину пронзил бьющееся сердце. Лицо застыло в предсмертной гримасе, из открытого не успевшего издать крик рта вывалился разбухший белый язык, В окаменевших серо-голубых глазах навеки погас игривый, алчный огонь.

Яков Курдяпин

С.-Петербург

Ненормативная лексика 18+

ВОЛОСЫ

Первое мое отчётливое восприятие Анжелики Лошадиной произошло в ясельной группе, куда отдавали каждого Советского гражданина чуть только оторванного от сиськи, чтобы их родительницы напротив, могли не отрываться от производства и давать стране норму и даже две нормы, а некоторые особо неугомонные, которые лишь чихнув, запросто рожали тройню стоя в это самое время у доменной печи, давали по три нормы, соответственно количеству новорожденных товарищей.

Анжелка сразу же произвела на меня впечатление о состоянии своего интеллекта. Её лошадиное лицо, данное родителями будто бы за компанию с фамилией, было лицом не тупого тяглого животного, а лицом умной пони, которую, тем не менее, обманом водят по кругу. Умное животное, почему-то сразу подумал я.

Я же появился на свет не очень умным. Став плодом родительского эгоизма, просмотра ими же первых порнографических фильмов на VHS и непосредственной близости города Челябинска, который постоянно пополнял Кунсткамеру новыми экспонатами. Я не был красивым и не был умным. Советский середнячок. Таким проще всего в жизни. Хотя бы с одной головой.

Я помню момент, когда отчетливо понял, что лежащая рядом со мной кучерявая конская голова— любовь всей моей жизни. В этот день я был тише воды и ниже травы, безропотно съел холодную кашу и почти дотерпел до горшка. Конская голова сверлила меня взглядом, чёрные кудри свисали с неё грязными соплями, а уши шевелились как у бегемота. Но что можно сделать с чувством, имя которому любовь.

Она никогда не плакала. И я понял, что мне тоже нужно перестать это делать, чтобы ей понравиться. Всё это время— время безмолвного благоговейного восхищения ею я рос как на дрожжах. У меня был, пожалуй, самый большой во всей группе писюн. Больше гордиться было не чем, да и это отметил не я сам, я нянечка Виталина Георгиевна.

Примерно в возрасте лет пяти или шести со мной стали происходить странные вещи. Моя любовь переродилась в фетиш, после того, как я ударился головой о бетонный столб. Я потерял сознание, а когда очнулся, то первое что попросил были волосы Лошадкиной Анжелы. Я ничего не желал слышать, пока мне не принесли пару волосков, чёрных, вьющихся и засаленных от постоянного вытирания об них соплей. Я съел их с такой радостью, что меня сразу же окрестили идиотом. Но это было только начало.

На следующий день, только переступив порог датского сада "Колокольчик" я направился к Анжеле и дёрнул её как следует за волосы. В руке у меня оказался небольшой пучок волос, которые я тут же засунул себе в рот и стал с удовольствием жевать. Жевать волосы очень трудно, они прилипают к небу и к языку, застревают в горле. Но меня не могли остановить эти мелкие трудности.

В течение дня я постоянно ходил хвостом за Анжелой и выпрашивал волосы. Я не был садистом, и не хотел причинять боль своей возлюбленной. Надо отдать должное, она меня не осуждала. Только обнажала большие, не по возрасту лошадиные зубы и скалясь вырывала для меня волос. Я тут же принимался поглощать его. Это была моя супер сила. Так продолжалось изо дня в день. Пока однажды за этим занятием меня не застала заведующая.

— Ну-ка, что это там у тебя во рту?

И она вытянула из моей глотки солидный пучок чёрных волос, которые я собирал целых три дня. Целых три дня я держался и не ел, а хранил их в кармане, чтобы теперь так просто все потерять.

К тому же заведующая взяла меня за ухо своим излюбленным ухватом, от чего ухо сразу же стало малиновым и онемело. А вечером она доложила моей матери, что я — идиот. В выражениях заведующая никогда не стеснялась. Мать дала мне подзатыльник, пообещав, что впредь такого не повторится.

Но уже на следующий день я, гонимый голодом, жрал волосы прямо с головы Анжелы. Это было похоже на людоедство, Анжела отчаянно вырывалась и орала, била и царапала меня. Но я был сильнее, у меня был голод.

Нас разняли две нянечки. Меня спеленали наволочкой, а Анжелу заперли на кухне. Я рычал как дикий зверь и порывался хоть кого-нибудь да укусить. Наверное, поэтому решили, что у меня бешенство. Вызвали скорую помощь и меня забрали.

В детском саду меня не было неделю и за это время все успокоились. Анжела вела себя как обычно, волосы её по-прежнему были маляшными. Увидев меня, она повела себя настороженно. Но я был дружелюбным и даже угостил её свежедобытой козюлей из собственного носа. Анжела благосклонно приняла дар, и мы пошли во двор к остальным отсталым.

Я держался до обеда. И как только всех нас уложили на полуденный сон, я накинулся на Анжелку. Правда, я сразу же обнаружил небольшие изменения— вши. Вши меня не испугали, и я продолжил вырывать заветную пищу из её головы. Анжела вырывалась, но это не помогало. Моё возбуждение было сильнее. А еще в обед все нянечки бросали нас на произвол судьбы и уходили выпить чего-нибудь крепкого в подвал. Поэтому не слышали ни моего рычания, ни Анжелиных криков.

В тот день я насытился так, что волосы забили моё горло, и я непременно должен был умереть. Но меня снова спасла заведующая. Она запустила руку в мою глотку и вырвала пучок волос. Видимо она привыкла таким же образом бороться с засорами в душевых. Я задышал, и мне сразу же прилетела увесистая оплеуха.

Этим же вечером меня и моих родителей поставили на вид. Потерпевшую сторону представляла бабушка Лошадкиных, пожилая женщина с уставшей лошадиной мордой лица и седыми, но всё ещё маляшными волосами. Заведующая окрестила меня будущим маньяком и извращенцем. А я решил, раз только будущим, то, значит в настоящем, можно идти проверенным путём.

Но вот пускать меня обратно в "Колокольчик" заведующая и бабушка Анжелы категорически отказывались. Колокол звонил по мне, а я сидел в уголке на невысоком стуле и ковырялся в носу. Я извлекал на свет изумрудные козюли и любовался ими. Пока всё это не прервал отцовский подзатыльник.

Из детского сада меня исключили, и последний год я воспитывался у бабушки, которая определила меня в козлятник. А я и не расстроился, козы вели себя вполне деликатно, учили меня бодаться и стоять на ногах, чтобы ни произошло. Солома была тёплой, места хватало всем. А вечером меня уже забирали домой.

За год всё улеглось и позабылось. По крайней мере так думали все. Пока меня не отдали в школу. В Средней школе номер три я попал в

класс с литерой "Г", как не самый умный. Но каково же было моё удивление, когда в этом же классе оказалась Лошадкина Анжелика.

Продолжение следует...

ПРАВДА

Однажды мальчик Петя громко пукнул. Как раз шёл урок географии и учитель, Вера Васильевна Бурцева, сделала Пете замечание. Весь класс конечно же бурно отреагировал на Петин конфуз, особенно одна девочка, отличница Лида Голубева, она громко сказала: «Сойкин (это фамилия Пети), пукать при других людях — неприлично» и продолжила дальше записывать про людоедов Папуа-Новой Гвинеи, про которых рассказывала учительница.

Петя покраснел, но что он мог сделать, если накануне плотно поужинал гороховой кашей, и ответил этой язве Лидочке, которую так любили все учителя. — Это ты перднула, Голубева, а валишь всё на меня, — вот что сказал Петя Сойкин.

Класс замер в недоумении. Ученики разделились на два лагеря. Один поддерживал Петю, в нём состояли в основном мальчики и ещё одна девочка, которой он нравился. Второй, сочувствовал Лиде, которая оказалась в трудной ситуации.

Лидочка к тому моменту покраснела, на её глаза навернулись слезы и Вера Васильевна сказала, чтобы Сойкин вышел с урока, а завтра она ждёт его вместе с родителями. Петя недоумевающе пожал плечами, взял ранец и вышел из класса. Перед самым выходом он повернулся ко всем и громко сказал: «На самом деле, Голубева всё время пердит. Раньше я хранил эту тайну, а сегодня, когда она при всех обвинила меня в этом, я перестану её покрывать». И он ушёл.

Лидочка стала рыдать, Вера Васильевна и девочки из сочувствующих принялись её успокаивать. Урок был сорван, ученики бА так и не узнали всю правду про людоедов Папуа-Новой Гвинеи.

Когда прозвенел звонок, ученики ринулись из класса, разнося по всей школе новость пол Голубеву Лиду, ученицу бА, которая всё время пукает или если говорить словами Пети Сойкина, пердит. Лида, которая не могла вынести такой позор, убежала домой, даже прогуляв следующий урок. Хотя это была литература, её любимый урок. Когда учитель литературы Татьяна Фёдоровна спросила где же Лидочка, класс в ответ громыхнул горькой правдой. Татьяна Фёдоровна вся сморщилась,

как сухофрукт и объявила читать самостоятельно учебник. Сама же пошла к завучу.

Ситуация была очень серьёзная. Лучшая ученица шестых классов, победительница различных олимпиад, в тяжёлой депрессии. Теперь она вряд-ли вообще вернётся в школу. По крайней мере, в эту. Дело дошло до директора, ветерана ВОВ Валерия Леонтьевича Чагина. К тому времени история успела обрасти кучей подробностей, в основном, совершенно неправдоподобными. Пожилой директор закинул под язык валидол и позвонил родителям Лидочки. Договорившись с ними о встрече, он сначала пошёл к родителям Пети Сойкина.

Петя жил с мамой и старенькой бабушкой. Когда к ним пришёл Валерий Леонтьевич сердце юного хулигана сжалось, но он решил идти до конца и выложил свою версию событий. Директор попросился и пошёл к дому Лидочки. Выслушав её версию, перебиваемую горькими крокодильими слезами, директор решил провести очную ставку между детьми. О чем и сообщил их родителям вернувшись к себе в кабинет.

На следующий день в кабинете директора, при участии завуча, учителя географии и Лиды Голубевой с одной стороны, а также Пети Сойкина и вызвавшегося быть его секундантом учителя труда Воробьёва Виктора Фёдоровича, который всегда очень хвалил Петю за умение обращаться с разными станками с другой, состоялась очная ставка. Директор предложил Лиде и Пете пукать по очереди, чтобы определить, кто из них делает это неправомерно громко и мешает учебному процессу. Петя согласился сразу, а Лида снова хотела начать плакать и звать на помощь родителей, которых директор решил не допускать к решению этой проблемы. Директор настойчиво повторял: «Давайте уже покончим с этим вопросом раз и навсегда, как мы с немцами в Берлине. Пукай, Лида, Сойкин тебе уступает, он у нас известный джентльмен». Лида ещё больше испугалась и стала белой как мел. Петя наоборот, был настроен решительно. Вопрос о защите чести и достоинства стоявший на повестке дня был для него крайне важен.

Но что делать, если одна из сторон отказывается — если бы дело было на спортивной площадке, то победителем признали вторую сторону. Но всё происходило в обычной средней школе между учениками 6А класса.

— Ладно, Сойкин, давай ты. Надо уже с этим кончать, — рявкнул директор, который очень хотел курить.

Сойкин пустил еле слышного «шептуна».

— Фу, только воздух испортил. Тоже мне будущий артиллерист, — заключил директор и открыл форточку.

Лида, будто почувствовав, что её вот-вот признают проигравшей, а она, как вы помните, была отличницей, выпучив глаза очень громко пукнула. Так, что бюст Владимира Ильича Ленина упал со стола директора и разбился. Завуч прослезилась и начала тереть глаза, размазывая дефицитную польскую тушь. Учитель географии выбежала из кабинета, чтобы поскорее написать заявление об увольнении. Только трудовик и директор выстояли. Да, ещё Петя Сойкин, который хоть и кашлял, но остался в кабинете.

— Выходит, победила Лида, — вынес свой вердикт директор. — Но также выходит, что Сойкин был прав и всё время портила воздух в классе тоже Голубева. Поэтому, ты должна извиниться перед своим товарищем. А потом идите на урок.

В дальнейшем Петя стал самым уважаемым учеником в этой школе. А Лида скатилась на двойки и тройки, перестала участвовать в олимпиадах и кое-как закончила девять классов, затем поступила в ПТУ на штукатура-маляра и исчезла с горизонтов. Свидетелей той истории не осталось или она стёрлась из памяти, выветрилась, как пердёж Голубевой Лиды, ученицы 6А самой средней школы. Ведь в жизни всегда должна побеждать правда, пусть и горькая.

ЧАЙНЫЙ ГРИБ

Чайный гриб осуждающе смотрел на меня из своего убежища. Сквозь мутное стекло трехлитровой банки едва ли можно было различить черты его обитателя. Я взял её двумя руками и стал жадно пить. Пил до того момента, пока мои губы не поцеловали того, кто был хозяином этого спасительного сосуда. Когда я почувствовал поцелуй, тошнота столь быстро подошла к горлу, что всё выпитое только что и выпитое накануне вечером, я выпустил из себя, словно запертого джина, в банку, при этом всё ещё продолжая крепко держаться за неё как за единственное спасение.

Когда рвотные позывы закончились, я вытер рот тыльной стороной ладони и заглянул внутрь. Её обитателя не было видно. Сверху плавала всякая бурда и муть. Запах стоял отвратительный, который щекотал мне нос, отчего снова захотелось блевать. Я сдержался. Отпустил банку, на которой остались мои кривые отпечатки. Таким образом, я похоронил своего единственного друга под слоем дешёвого шмурдяка.

Банка источала жуткую вонь и мне пришлось с ней что-то делать. Я положил её в пакет и понёс из квартиры, чтобы избавиться от мучений.

Возле подъезда меня жестом остановили две постоялицы нашего дома. Перегородив мне дорогу костылями, они стали выпытывать, что в пакете. Я достал банку и они разом выпросили её у меня. "Чайный гриб нельзя выкидывать", — в унисон прошипели старые ведьмы. Я вернулся обратно в квартиру, а гриб перекочевал на новое место жительства.

Через несколько дней обе старухи скоропостижно скончались. Похороны были скромными, но наливали за упокой души вполне по-божески. Прощание родственники старух решили сделать экономное и поставили два гроба в одной квартире, заранее обговорив детали. Я тоже пришёл проститься и увидел столе в комнате с покойницами мою банку. Всё лишнее из неё было удалено, а её хозяин смотрел на меня сквозь стекло своим непроницаемым взглядом. После поминок, родственники старух стали раздавать всякое старьё по соседям. Видя, как я косился на банку, они буквально силой всучили её мне. Мол, гриб — живое существо, ему уход нужен, и компания.

Так он вернулся обратно. Конечно, никакого особого ухода и до того за ним не было, но теперь я стал присматриваться, а вдруг он и правда живое существо. Гриб в ответ присматривался ко мне. Сквозь мутное круговое остекление его жилища мне чудились очертания лица: глаза, нос, рот. Постепенно я стал думать, что он хочет и меня погубить, как тех старух. Задумав избавиться от чего-то, всегда нужно доводить дело до конца. Я схватил банку и выбежал с ней на балкон. Не мешкая, с размахом я швырнул ненавистное существо вниз. Раздался небольшой взрыв и я увидел, как на асфальте в осколках битого стекла трепыхается живой человеческий мозг. Немедля я стал ощупывать свою голову, дёрнул за волосы, и голова моя раскрылась как шкатулка.

Внутри не было ничего.

ТРИГГЕР

Иногда мне хочется, чтобы меня отпиздили, как в "бойцовском клубе", хотя, я, наверное, даже не стал бы сопротивляться.

Впадая в такое состояние, лицо моё делается абсолютно детским, глаза набухают от подступающих слез и я начинаю напоминать слабоумного младенца.

Сил вообще нет. Становлюсь на колени. Прямо в метро. Передо мной какая-то бабка. Крестит меня, будто я блаженный. Прощает мне все грехи, явные и неявные, прошлые и настоящие. Кто-то начинает снимать на телефон исповедь идиота. Бабка встаёт и выходит. Я поднимаюсь с коленей и сажусь на её место. Оно ещё тёплое. Насиженное. На меня косятся. Выхожу на конечной. На улице делаю круг и возвращаюсь обратно в метро.

Вагоны полны. Почему-то на конечных станциях вагоны всегда полны. Парадокс. Смотрю по сторонам, ищу хоть кого-нибудь похожего на врага. Все уткнулись в гаджеты, им до врагов, и тем более не до меня.

Выхожу в центре. Там всегда много людей. Бреду, смотря лишь под ноги. Меня толкают, мне говорят, что я не прав, я отвечаю, что, да, я не прав. Шумная людская река выносит меня к мосту. Прогулки по каналам липнут ко мне с двух сторон. Я смотрю вниз, перевесившись через перила и чёрная вода манит меня. Испуганно, я отскакиваю от перил и глазами перехватываю взгляд сильно пьяного мужчины. Он стоит напротив, он ищет драки. Он — мой враг на сегодня.

Я перебегаю на другую сторону. Машины сигналият мне, кто-то кричит в окно, что я "мудак", я лишь подтверждаю это. С ходу налетаю на мужика. Он больше меня, сильнее, его злобы может растворить меня как в соляной кислоте. Я бодаю его, как телёнок бодает свою мать. Он сходу отвечает ударом в плечо. Моя правая рука виснет как плеть. Значит попал на серьёзного бойца, раз он с первого неуклюжего удара выбивает меня с поля боя. Снова пытаюсь бодаться, он бьёт мне по голове. Удар проходит по касательной, задевая ухо. Уху больно, я слышу шум прибора. Тёмная река под нами шепчет еле слышно: "ком цу мир". Пытаюсь поднырнуть под своего врага, но он хватает меня. Получается практически клинч. Потом он швыряет меня и я лечу под колёса проезжающих по мосту машин.

Чудом меня объезжает большой чёрный внедорожник. Я открываю глаза, надеясь, что уже на том свете, но вижу только толпу с телефонами. Мортал комбат окончена. Высматриваю своего врага. Его нет. Он позорно сбежал с поля боя. Значит, я победитель.

Отряхиваюсь. Чьи-то заботливые руки помогают мне подняться. Ухожу с проезжей части. Наперебой мне начинают рассказывать и показывать видео, как я боролся с тенью, как она швырнула меня на верную смерть. Заглядываю им в глаза, как бездомный пёс. Не могу никого прочесть. Просто ухожу.

Возвращаюсь в метро. Немного побитый. Так и не выяснив, победитель или проигравший. Свободных сидячих мест нет. Стою, нависая

над двумя женщинами. Они активно обсуждают своих детей. Их дети, явно, лучше меня. Одна из женщин замечает, что я смотрю на них. Ей кажется, что я смотрю на её декольте. Она наотмашь бьёт меня на по лицу. Волна её ненависти разгоняет ленивый морок вагонного переступка. Остальные пассажиры отрываются от телефонов, строят причинно-следственные связи, выходят на своих станциях.

Я доезжаю до конечной. Почти удовлетворён. Выхожу из подземелья. Иду в сторону дома. В парадной подхожу почтовым ящикам, образующим пчелиные соты. Долго ищу крошечный, почти игрушечный, ключ. Открываю ячейку и достаю извещение, в котором чёрным по белому написано:

ТЫ И ЕСТЬ ТРИГГЕР

Забрать можно ежедневно с 8 до 20 по адресу...

ОТПУСК

Инопланетян Го-Ша очень хотел в отпуск. Но злое руководство НЛО, на котором он проходил службу в одном из отсеков, идею отдыха как таковую считала земной прихотью, а значит, враждебной. «Всё человеческое — нам чуждо!». Таков был ответ начальства. Го-Ше оставалось лишь моргать всеми своими тремя парами глаз и продолжать трудиться.

С самого раннего детства он только и слышал рассказы о том, что где-то в сорока миллионах световых лет есть планета под названием Земля. Там живут существа под названием Люди. Эта планета огромна, она располагает большим количеством ресурсов и когда-нибудь всё это будет нашим. Рассказы эти переходили из уст в уста, постепенно обрстая новыми подробностями о Земле и Людях.

Го-Ша был лишь крошечным винтиком в огромной инопланетной системе. Хотя, инопланетной она могла быть для жителей Земли. А для Го-Ши это была Родина. Другого он ничего не видел. Одиннадцатичасовой рабочий день. Завтрак, обед, ужин. Просмотр развлекательных программ перед сном. Рутинa. Жизнь похожая на закольцованный поток космического мусора. А за иллюминатором тьма, настолько густая, что её можно есть ложкой.

В общем Го-Шу вся эта гнетущая обстановка постепенно бесила и он делал маленькие диверсии и пакости, от чего космический корабль шатало из стороны в сторону как пьяного землянина потерявшего силу притяжения.

Депрессия, убогость существования, рассказы о «плохих Людях» еще сильнее склоняли Го-Шу, что вокруг царит какая-то хня. Разобраться в ней было невозможно. Но и сносить всё это каждый день — тоже осточертело. Он решил гнуть свою линию до конца и снова обратился к начальству с просьбой об отпуске.

— Фантастика, отпуск! — завопил старший по космическому кораблю. — Выкинуть бы тебя в атмосферу.

— Но ведь я не прошу ничего сверхестественного, — промямлил Го-Ша.

— Ты вообще не вправе что-либо просить. Отпуск положен только после налета не менее десяти миллионов световых лет. Или чуда. Ты явил чудо? Сильно сомневаюсь.

Го-Ша только сильнее захлопал тремя парами глаз, которые уже начали слезиться.

— Вали в отсек. Моё слово — закон, — подытожил старший.

Го-Ша поплелся в свой отсек, но мысли его были совсем не об этом. Задумал он добиться правды. Почему, если даже Людям на Земле, которые находятся на несколько ступеней в развитии ниже от нас, отпуск положен. Двадцать восемь дней. А иным так и вообще пятьдесят четыре. И это за каждый год. А мне, видите ли, нужно отмотать как минимум десять миллионов световых лет или явить этому жирному козлу чудо! С какого...

Нет, я добыю своё. В конце концов, мы представители внеземной цивилизации, которая вот уже много миллионов световых лет бороздит небесную пустыню в поисках подходящей пригодной планеты для жизни. А Земля — это сказки, миф и легенды для недоношенных инопланетян, которых еще даже не отключили от искусственного кормления через специальные шланги.

Го-Ша несколько следующих дней вынашивал план как пойти в отпуск. Он проштудировал все имеющиеся на этот счёт файлы. Выяснил, что ни о каких рамках в десять миллионов световых лет или о явлении чуда ничего не сказано. Значит толстяк соврал ему. А за это уже можно и предьявить.

Как-то вечером, закончив свою смену, Го-Ша подошел к старшему и фривольно произнес:

— Ведь мы же скитальцы? Если по существу.

— Ну, допустим, — слегка опешив ответил старший. — К чему это ты клонишь?

— И получается, что мы несвободны. Мы зависим от этого корабля, от атмосферы, от небесных тел и т. д. и т. п. Выходит, что мы — рабы.

Но, если мы не хотим применять к себе данное утверждение, то опровергнуть его можно только противодействием всему. Кораблю, атмосфере, небесным телам.

— Чего ты меня тут лечишь манной небесной?,— взбесился старший.

— Я вот к чему: пусть я и не прошел путь хотя бы в десять из отмеренных нам сорока световых лет, но я готов явить чудо. Прямо сейчас.

— Ты?

— Я! В наших священных файлах UFO.boga.net сказано, что чудо может явить любой. Так вот, я знаю, что у нас закончилась жидкость, которая заменяет нам кровь в человеческом понимании. Это может показаться невозможным, но я верну её. Я обращаю жидкость из метеорита, который постоянно вертится возле нашего корабля.

Старший только состроил ухмылку, но ничего не сказал.

Тогда Го-Ша подошел к пульту отвечающему за лазерное наведение и выстрелил в настырный метеорит. В ту же секунду, метеорит обнажился, и старший увидел, что под его коркой находится полноводная река жидкости. Он незамедлительно передал по связи, чтобы ответственные пришвартовались к метеориту и высосали всё до последней капли.

Отпуск для Го-Ши был подписан. Только где его проведешь, находясь всё время на летающей тарелке.. Для Го-Ши был важен сам факт достижения своих законных прав. Что мы хуже Людей что ли — говорил Го-Ша. Нет, мы лучше! А старший лишь передразнивал его своим: «всё человеческое нам чуждо!».

Го-Ша провёл отпуск в специальном отсеке имитирующим пляж и океан, чтобы это не значило. Приготовил еще пару чудес. На всякий случай. Подумал о вечном. Но потом вспомнил, что им отмерено сорок миллионов световых лет скитаться по небесной пустыне, и решил отложить эти думы для лучших времен.

НА БЛАЖЕННОМ ОСТРОВЕ КОММУНИЗМА

Куба — любовь моя,
Остров зари багровой.
Песня летит над планетой звеня —
Куба — любовь моя!

Иосиф Кобзон

На блаженном острове коммунизма
Красные, сочные ягоды —
из жопы, прямо в рот.

*"На блаженном острове коммунизма"
Песня группы Цыганята и я с Ильича*

Всегда мечтал поехать на Кубу. Остров Свободы, сигары, мулатки с большими жопами, свободная любовь и лики Фиделя/Че Гевары на каждом углу. И наконец, мечта осуществилась. Не насосал, а накопил! Фантастика, блядь, просто фантастика!

Air France через Париж. Пол дня подмышкой у Бога и вот наш аэробус плюхнулся на раскалённый асфальт ВВП кубинской столицы.

Из трюма самолёта посыпались сонные затекшие во всех членах люди. Здание аэропорта заполнилось ожидающими багажа. Все разминают ноги, болтают о том где сегодня напьются рома. Прошло пол часа — багажа нет. Час — багажа хуй. На улице в это время пошёл фантастический тропический ливень. А кубинские амигос (читай долбоёбы) вытащили весь багаж из самолёта и оставили под открытым небом. Багажная лента у них видите ли сломалась.

Через полтора часа, когда в комнате выдачи багажа было уже по щиколотку воды, лента наконец со скрипом начала выплевывать влажный, как всё кубинские женщины, багаж. Моя спортивная сумка, в которую я сложил всю зимнюю одежду, промокла насквозь и уже начинала пованивать. Со словами "ну и пидорасы же вы" я вышел на воздух.

Дождь закончился, и от этого было ещё более душно. За двадцать пять конвертируемых песо, считай баксов, мне предоставили ржавый Москвич-412, на котором я покатил в закатные ебенья.

Мой отель находился недалеко от центра, но был настолько обшарпанным, что я несколько минут не решался в него войти. Но оформление заняло немного времени, плюс неработающий лифт и вот я в номере. Но, снова фантастика! На полу номера по щиколотку вода. Ёбаный

Титаник и иже с ними. Я снова спускаюсь вниз на ресепшн и начинаю хуесосить администраторшу. На моё счастье она говорит по-русски, да и в выражениях я не стеснялся.

По решению совместного российско-кубинского Пленума ко мне отравили убощицу с жопой шире чем входная дверь моего номера. Она, не жопа, уборщица конечно, нехотя прибрала речные потоки на полу и стала кланчить денег. А на клык тебе не навалить, — подумал я, скромный еврейский юноша, но в итоге все— таки дал ей песо. Всё-таки я только первый день на острове Свободы, мало ли.

После долгого перелёта, а это четыре часа из Москвы в Париж и потом ещё восемь с лишним часов из Парижа в Гавану, я был как яйцо в смятку. Мне хотелось только в душ и спать. Плюс большая разница во времени. Короче, первый вечер я тупо проебал.

Проснулся утром. Спускаю ноги с кровати и ебать ту Люсю, я опять на Титанике. Тапки мои это две гондолы, а я сам штопаный гондольер.

Снова спускаюсь на ресепш, разьебываю нового администратора, который увы уже не говорит на великом и могучем. Ко мне снова отправляют бабу с огромной жопой, и я снова не хочу давать ей песо, а только в рот.

Но для поддержания разговора спрашиваю, какого хуя, милочка, у вас эти ебанные потопы в номерах? Куба. Только и ответила жопа.

Дедуктивным методом я выяснил, что мой угловой номер имеет в окне блок старого советского кондиционера, который ни одна блядь даже не додумалась запенить или хотя бы заткнуть чем-нибудь. В итоге через зазоры между кондиционером и стеной в номер свободно по косяк ебашит дождь. А по утру, Куба, блядь! Фантастика, блядь, просто, фантастика.

Но такие трудности меня не могли испугать. Я плотно позавтракал и попиздил гулять, по дороге, словно от туалетных мух отмахиваясь от назойливых таксистов всех мастей, начиная от водителей авто и заканчивая велорикшами. В ближайшем же магазине я купил парочку *partagas* и пыхтя как мистер Твистер пошёл в центр Гаваны.

Что меня сразу начало раздражать, так это постоянно пристающие кубинцы, которые всегда начинают с одного и того же: *вэра ю фром, о, Руссо, ленинпартиякомсомол*. А заканчивают либо банальным кланчанием денег, либо разводом, типа пойдём я покажу тебе бар где пукнул Че Гевара, но ты за это дашь мне денег. Пошли вы все нахуй. И они в основном шли.

Ещё излюбленное на Кубе — у нас не продают молоко, а сухое очень дорого стоит, дай денег на молоко для ребёнка. Хуй пососет, не маленький, — был мой ответ.

Я очень не люблю когда меня заебывают. Я интроверт до мозга костей. А тут молоко, чужие дети... Вы вторгаетесь в мою мечту, топчитесь свой сальсой по моим идеалам. У меня наколот Че Гевара на плече, а вы...

Полдня я просто гулял, пожирая глазами Гавану. Посмотреть было на что. Но это не было шиком и блеском заморских владений последнего революционера. Да, Фидель тогда ещё был жив, хотя и отошёл от дел. Гавана была похожа на бабушкин домик в деревне, старый, обшарпанный, покосившийся, с соседями алкоголиками, пьющими от безработицы и беспросветности.

Наконец я зашёл на фабрику сигар partagas. Но цены на сигары в магазине при фабрике оказались даже выше чем в России. Я выпил кофе и вышел. Буквально через секунду ко мне подошёл амиго и спросил не хочу ли я купить сигар неофициально, из под полы. Я оглядел кубинца. Щуплый, если что отобьюсь. Пойдём, — ответил я.

Мы завернули за угол и вошли в casa. Поднялись на последний этаж, вход на который нам перегородила привязанная за шею, словно собака, курица. Она мирно паслась на этаже, обнюхивая всех входящих и исходящих. Амиго пнул курицу и она негодую отлетела на расстояние своей верёвки, по дороге сделав куриное кака.

Мы вошли в небольшую квартиру. Чистую, по сравнению с лестничной площадкой. Из комнаты вышли двое, мужчина и женщина. Мне сварили кофе. Затем женщина приволокла здоровую клетчатую сумку полную сигар всех марок. Выбериай, амиго!

И амиго начал выбирать!

Я взял тогда четыре коробки разных сигар за сто пятьдесят евро. Торговались до первой крови. Я ещё требовал, чтобы мне зарубили курицу на сдачу. Но сошлись на российско-кубинской дружбе.

И вот я, полный сигар, плыву в свой отель. Благо на Кубе курить можно везде. Даже не спрашивая. Сигар я накурился за ту поездку до блевотины.

После я ещё несколько раз затаривался "серыми" сигарами в разных районах Гаваны. Возможно, это были подпольные сигары, а не ворованные с фабрики, как утверждали сами продавцы, но качество было на высоте. Да и цена приятно радовала.

Первый и второй гештальт я закрыл. То есть прилетел на Кубу и покурил сигар. Оставалась свободная любовь. С этим было сложнее. А для еврея интроверта — практически не выполнимо.

На Кубе не было интернета. Что-то узнать было невозможно, испанского я не знал. Ну, кроме фразы "где туалет" ничего. Я до сих пор считаю, что это самая важная фраза на испанском. А ещё она одинаково звучит на итальянском. Так что я не пропаду.

Вечерние прогулки по Гаване могли сулить две вещи: фантастические знакомства с местными шмарами, и как результат — фантастические заморские венерические заболевания и фантастические пиздюля от местных амигос. Как следствие лишение денег и просер собственного ебла. На такие жертвы я идти был не готов.

Ебло мне ещё пригодится, твёрдо решил я.

А пока я дрочил, подумал, что может, я всё таки привлекательный еврейский юноша и мне дадут таки бесплатно, ради дружбы. Ради революции. Ради Бога... Разве важно ради чего. Но пока никто не давал.

В кафе своего отеля я наблюдал за итальянскими парнями, которые уже крутили шашни с местными кубинками. Кстати, привести кубинку в номер это целая проблема. В каждом отеле есть свой облик морале, который стоит на страже. И как только кто-то из туристов попытается провести местную чикку в номер, парочку тормазнут. У чики проверят документы и скорее всего вызовут ментов, потому что статью за проституцию и приставание к туристам на Кубе никто не отменял. Такая вот свобода на острове коммунизма.

Но я не отчаивался и слонялся по вечерней Гаване в надежде не переломать себе ноги. Вечерняя Гавана практически не освещена.

Да только в кафе мне попадались лишь липкие приставалы с лозунгом "дяденька подайте на молоко". Я злился и дрочил в номере. Фантастический отпуск постепенно заканчивался. Я посмотрел на памятник Ленину и на памятник Леннону. Не нашёл в них серьёзных различий. Кубинкую кухню я отнёс к ниже среднего. Практически все деньги я истратил на сигары. Свободная любовь улетучивалась их дымными кольцами под потолком моего номера.

Несколько экскурсий, который я брал показали что на крохотном острове есть красивая природа, но по-прежнему такие же бедные люди, живущие по талонам. На Кубе нет ни хуя, кроме рома и сигар. Немного кофе, немного сахара — вот и всё. Это как окунуться обратно в конец восьмидесятых, снова увидеть очереди и пустые полки магазинов. А слово "дефицит" с утра до ночи будет царапать небо, заставляя

просыпаться в холодном поту, думая что и где урвать можно сегодня. Что идти ли в очередь за туалетной бумагой или можно вытирать жопу пальмовыми листьями по принципу "и так сойдёт".

Впечатления оказались совсем не теми. Скорее я больше разочаровался. Да, если приезжать на Кубу и бухать на пляжах Варадеро, то наверное можно сказать, что Куба — это рай. А если ездить по городам страны, заходить в не самые благополучные районы и видеть весь этой полунищий пиздец, то остров Свободы покажется последней тюрьмой на планете Земля. И жить здесь не захочется. Для меня Куба стала фантастическим наебаловом, занавесом, за которым пустая сцена и на-срано. Но жители её по-настоящему свободны. Необъяснимо, но это факт.

В свой последний вечер, прогуливаясь по набережной Malecon я думал, что вообще зря потратил столько времени и денег, что сюда полетел. Звучала guantanamera от уличных музыкантов, волны бились о камни, я так и не закрыл последний гештальт.

Я закурил cohiba и пошёл в сторону отеля.

На ресепш была снова русифицированная версия администраторши. Видя, что я не в настроении, она спросила — чего такой грустный? На что я ответил в своей манере— хуй ел невкусный. Ответ ей не понравился.

Последний день. Ни денег, ни секса. Куба! Фантастика, блядь, просто, фантастика...

Но потом я захотел кофе и спустился в кафе при отеле. Людей было немного. Я заказал кофе и закурил. Сижу и сам себя жалею, вот закончились еврики -не купить круассан. Но воскликнул я: "Эврика. Помогу себе сам!".

— Вы что-то сказали? — услышал я откуда-то из-за спины.

Я повернулся и увидел женщину. Пятьдесят плюс-минус. В леопардах. Свежеоштукатуренное лицо. Неприятный длинный маникюр со стразами. И богато усыпанные бриллиантами серьги, оттянувшие дряхлые мочки. Всё это выдавало в ней большую начальницу, которая пять дней в неделю strapонила своих подчинённых, а по выходным совокуплялась с молодыми мальчиками в дорогах отелях.

— Нет, это я просто пою, гвантанамера..., — соврал я.

— Не хотите со мной выпить? — спросила Леопардовна.— Я угожаю. Одной как-то не то.

— Если только по чуть-чуть, — краснея ответил я.

Мы проболтали весь вечер. Леопардовна и впрямь оказалась большой начальницей в строительной фирме в Тюмени. Нефть, газ, всё это

же присутствовало. Вечер становился томным и она начала гладить меня своей ногой под столом.

Когда подошёл официант, она расплатилась и взяв меня за руку молча потащила в мой номер. Потому что мой был ближе. А её уже было не остановить.

Пахла буюрю тиною похотливая хня...

Мой самолёт был рано утром. Я был одновременно собран и раздавлен. Гештальт закрыт или полуприкрыт— вот в чем вопрос. Собирая сумку я заметил на прикроватной тумбочке серьгу. Её серьгу. Ту огромную, усыпанную бриллиантами, которая висела ещё вчера в её дряхлой мочке. Забыла?! Все-таки возраст, склероз... А под серьгой записка. Маленький листок бумаги, оторванный от пачки сигарет, на котором всего одно слово: "Заслужил".

На блаженном острове коммунизма

Красные, сочные ягоды —

из жопы, прямо в рот

из жопы, прямо в рот...

РАЗ В ГОД

Раз в год, благочестивая Вероника Андреевна подписывала увольнительную своему законному супругу Дим Димычу, как она сама его называла. Данный документ гласил, что такой-то, ФИО, число, месяц, год рождения, прописка, семейное положение, имеет право на измену законной супруге Веронике Андреевне с нуля часов до 23:59 текущего дня, без извращений и с обязательным применением средств контрацепции. Число, подпись, расшифровка.

С таким "членским билетом" на предъявителя Дим Димыч шёл на законную измену. Выпускал пар. Сливал баки. Отрывался по полной. Чтобы потом, весь следующий год, быть примерным подкаблучником.

Выпускать пар Дим Димыч шёл, в место приличное, хотя и публичное, совместно со своим другом Эдиком, котрому никаких "увольнительных" для этого не требовалось, потому что он не был женат. Эдик шёл за компанию. Ну, и чтобы помочь выбрать. Баба, она как арбуз, — говорил Эдик. Её надо уметь выбирать. На жопу посмотреть, похлопать, чтобы спелая была короче. А ты Дим Димыч если сам пойдёшь, возмёмшь что подешевле, лежалый товар тебе подсунут, как лоху. А он

у тебя и дома бесплатно лежит. Деликатесы надо уметь выбирать и смаковать!

По бабам Эдик был спец. Четыре брака, два раза вдовец. Это вам не хухры-мухры.

Приличный публичный дом располагался в трёхкомнатной квартире в одном из спальных районов. Так как платил Дим Димыч, то Эдик не экономил, особенно на себе. Хотя предложение на тройничок скромный "уволенный" отверг как противозаконное деяние в рамках разрешённого согласно документу от Вероники Андреевны, при этом за анал он всегда девушкам доплачивал.

— Дим Димыч, тебе бы золотой дождь не помешал. Совсем другим человеком станешь. Поверь на слово. Другие ощущения. — не унимался Эдик. — Очень заводит. Была у меня одна, ссала мне на лицо и в рот, я ей на сиськи и на пизду, на лицо и в рот она не захотела, к сожалению. Это же ведь некая игра. Сначала все отнекиваются, а потом за уши не оттянешь.

— Нет уж. Я по классике, — отвечал Дим Димыч.

— Ага, только анал в классику не входит. Узнает твоя Вероника Андреевна и всё, прощай ежегодный отпуск, — подкалывал Эдик своего друга.

— Если ты не скажешь, то не узнает, — ответил Дим Димыч.

— Эх, а я бы чего-нибудь такого эдакого попробовать хотел. Надоело всё. Сунул-вынул, одно и то же. Дим Димыч, может копро?

— Совсем уже. Чтобы на меня за мои же деньги ещё и срали. Мне знаешь ли на работе хватает... и дома.

— Ну, да, ну, да, копро это как-то совсем. Не по православному.

И Эдик громко засмеялся.

Друзья вошли в известную квартиру, им вывели на выбор девушек.

Эдик стал придирчиво осматривать товар. Похлопывал бабочек по задницам. Ну точно, как арбуз выбирает, — подумал про себя Дим Димыч, которому сразу приглянулась крупная рыжая с высоким бюстом.

— Эту, — смело сказал Дим Димыч.

— Хороший выбор, — в один голос сказали Эдик и хозяйка салона.

— Марина, — представилась рыжая.

Эдик же продолжил нелёгкий выбор. И остановился на двух тощих блондинках, у которых, если на них смотреть снизу вверх, было не понятно где заканчиваются ноги. Они были практически одинаковые, как куклы в магазине игрушек. Только с красивыми стоячими грудями, пух-

лыми губами и неприлично высоким ценником. Но, раз спонсор нашего сегодняшнего мероприятия Дим Димыч, то стоит ли экономить.

Эдика увлекли в комнату блондинки, а в соседней уже вовсю возился с рыжей Дим Димыч. Надо сказать, что мастерства рыжей было не занимать и она обслужила клиента на все сто и даже доп анал отработала на премию Оскар. За соседней стеной стонал связанный Эдик, который решил все-таки попробовать что-то новое. Длинноногие блондинки пороли и трапонили казалось бы повидавшего многое ловеласа. Затем они по очереди садились ему на лицо, заставляя вылизывать их до кошачьего блеска. Закончилась оргия обильным золотым дождём. Обоссанный и оттраханный Эдик выползал из комнаты не скрывая своего удовлетворения.

Дим Димыч уже ждал его в коридоре, попивая кофе.

Друзья уходили из заведения, обещая вернуться снова через год. Хотя Эдик обещал гораздо раньше.

Всю дорогу Эдик ни на минуту не замолкал.

— Как они меня трахали, ты бы знал, — практически кричал Эдик.

— Это какая-то гомосятина, — отвечал Дим Димыч.

— А у проктолога в кабинете — тоже гомосятина? — парировал Эдик. — Сколько пальцев, угадай?

— Это другое. Врач должен осматривать пациента. И палец всего один. Никто тебе кулак в задницу не сует у врача.

— Мало ли, зазевался, у всё. Долго ли умеючи, — никак не мог уняться Эдик.

Друзья разошлись под вечер. До этого ещё долго обсуждая произошедшее. Эдик голосил на весь бар, за что ему неоднократно делали замечания.

Дим Димыч пришёл домой и обо всём доложил Веронике Андреевне. Это, кстати, тоже один из пунктов договора. Пришлось рассказать и про Эдика. Как-то само вышло. Вероника Андреевна долго качала головой из стороны в сторону, словно китайский болванчик, и сделала вывод, что Эдик — латентный пидорас и лучше бы с ним не путаться.

Часы пробили 23:59. Счастливый день закончился. Дим Димыч уснул с нескрываемой улыбкой на лице, чтобы утром проснуться и снова ощутить свои маленькие яйца зажатые в крепких руках законной супруги Вероники Андреевны, которая раз в год подписывает ему "увольнительную".

СОДЕРЖАНИЕ

Андрей Мансуров ПРОБЛЕМА, ПЕРЕЛОЖЕННАЯ НА ЧУЖУЮ ГОЛОВУ	3
Сергей Калабухин МАГИЯ ЛЮБВИ	21
Никита Николаенко ПРОКАЗНИЦА МАЙЛА	46
Александр Филичкин ВСТРЕЧА С УМЕРШИМ СУПРУГОМ	54
ГЛАФИРА	58
ТЁЩА ВИТАЛИЯ	65
ТОНЮШКА СОБОЛЕВА	67
ДРЕВНИЕ КАМНИ	72
САМОУБИЙСТВО БАНКИРА	75
ИЗОБРЕТАТЕЛЬ КУЛИГИН. ТАБЛЕТКА	84
ИЗОБРЕТАТЕЛЬ КУЛИГИН. СКАТЕРТЬ-САМОБРАНКА	85
ИЗОБРЕТАТЕЛЬ КУЛИГИН. КОНЦЕНТРАТОР ЭНЕРГИИ	90
ИЗОБРЕТАТЕЛЬ КУЛИГИН. БИОЛАБОРАТОРИЯ	96
НЕУДОБНЫЙ ВОПРОС	102
ПАРК КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА	113
ПОЕЗДКА КНЯЖНЫ	117
Гузель Рахматуллина БЛИКИ СОЛНЦА	133
Илья Криштул ДОБРЫЕ ЛЮДИ	136

Гурген Баренц СТИХИ	142
Павел Фёдоров СТИХИ	154
Алексей Левикин ХОККУ ЧЁРНАЯ КОШКА ПЕРЕХОДИТ ДОРОГУ	165 167
Александр Староторжский ДОБРЫЙ ГАНС	178
Антон Булычов АРТЕМ КНИГА ДЕМОН	182 185 193
Александр Ледащёв СЕНТЕНЦИЯ КАРЛА КТО ПОЧЕМ	209 216
Александр Ралот НЕ СТРЕЛЯЙ, БРАТ!	225
Виктор Бровков ХРУСТАЛЬНЫЕ КАПЛИ ВОЙНЫ	232
Елизавета Платонова ИГГИ ФЛИНЧ — ПОДРОСТОК-ДЕТЕКТИВ В КЛЕТЧАТОМ КОСТЮМЕ	236
Виктор Афоничев РАЗГОВОР	269
Роман Припузов ОБРЯД БЕЗОБРАЗНОЙ ХАТУН ОСТРОВ ПОДЗЕМНОЙ БОГИНИ	274 286

Яков Курдюпин

ВОЛОСЫ	298
ПРАВДА	301
ЧАЙНЫЙ ГРИБ	303
ТРИГГЕР	304
ОТПУСК	306
НА БЛАЖЕННОМ ОСТРОВЕ КОММУНИЗМА	309
РАЗ В ГОД	314

**Литературный
альманах
«ЭДИТА» № 5**

**ЛИТО
«Edita Gelsen»**

edita gelsen

logobo2023@gmail.com

ISBN 978-3-910935-50-1

